

Министерство культуры Российской Федерации
ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»
Научно-исследовательский институт прикладной культурологии

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Научный журнал

ТОМ 1(7)

Кемерово 2009

УДК 008
ББК 71.4(2)
У91

Печатается по решению научного совета НИИ прикладной культурологии
при ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

Редколлегия:

П. И. Балабанов – доктор философских наук, профессор,
член-кор. Российской академии естественных наук,
член-кор. Российской академии естествознания,
акад. Петровской академии наук и искусств,
главный редактор;

И. Ф. Петров – доктор философских наук, профессор,
член-кор. Российской академии естественных наук,
акад. Петровской академии наук и искусств,
зам. главного редактора;

Н. Т. Ултургашева – доктор культурологии,
член-кор. Петровской академии наук и искусств;

Е. М. Бородин – кандидат культурологии,
член-кор. Петровской академии наук и искусств;

Я. Н. Красноперова – кандидат философских наук,
ученый секретарь НИИ прикладной культурологии;

Т. В. Сафарова – кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник НИИ прикладной культурологии

Ответственный за выпуск – научный сотрудник
НИИ прикладной культурологии **Н. А. Дорошенко**

У91 Ученые записки НИИ прикладной культурологии [Текст]: науч. журнал / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – Т. 1(7). – 165 с.

ISBN 978-5-8154-0147-1.

УДК 008
ББК 71.4(2)

I. СТАТЬИ

Научные школы Кемеровского государственного университета культуры и искусств

ОТ МЕТОДОЛОГИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ К ПРОЕКТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

П.И. Балабанов, Я.Н. Красноперова

Приказом министра культуры РСФСР Н. Кузнецова от 14 июля 1969 г. был создан Кемеровский государственный институт культуры. Насколько обоснованным и востребованным было создание в Кемерово вуза культуры, свидетельствует его история. 1969 г. – Кемеровский государственный институт культуры (КГИК), 1994 г. – Кемеровский государственный институт искусств и культуры (КГИИК), 1999 г. – Кемеровская государственная академия культуры искусств (КемГАКИ), 2004 г. – Кемеровский государственный университет культуры и искусств (КемГУКИ). Указанные даты – это ступени роста коллектива вуза. За эти годы происходило не только расширение номенклатуры учебных специальностей и специализаций, но и накопление научного потенциала. В 1996 г. открывается аспирантура, в 1998 г. формируются диссертационные советы по философии и культурологии, в 2000 году создаются НИИ информационных технологий социальной сферы, НИИ прикладной культурологии, в 1998 г. на базе вуза – Кузбасский региональный центр культурологического образования, позднее в вузе был сформирован Институт толерантности и ряд исследовательских лабораторий. Тем самым создавались условия, необходимые для социальной организации науки внутри вуза, его научных школ и научных направлений.

По мнению ряда исследователей, научная школа есть реализация некоторого научного направления, т. е. научное направление выступает более общим понятием, чем научная школа. Солидаризуясь с такой трактовкой, в то же время следует заметить, что научная деятельность в рамках некоторой научной школы зачастую открывает новое научное направление. В каждом конкретном случае диалектика понятий «научное направление» и «научная школа» получает свое разрешение различным образом в деятельности вуза.

Впечатляющее развитие науки в XX веке, с точки зрения некоторых ученых, во многом определялось формированием и развитием научных

школ в физике, химии и других естественных науках. Часто они возникали в университетах, так как образовательный процесс в них ведется через науку и на базе науки, пронизан научным содержанием. В организационном плане университет – это совокупность сложившихся в нем научных школ.

К середине 1990-х гг. в вузе сложились следующие приоритетные научные направления:

- Философия культуры;
- Теория и история культуры;
- Теория и история искусств;
- Теория, методика и организация социально-культурной деятельности;
- Музееведение;
- Библиотечная и информационная технология;
- Информационная культура личности [1].

В рамках указанных направлений, либо на основе их синтеза возникли научные школы Кемеровского государственного университета культуры и искусств. К настоящему времени они достигли ощутимых научных результатов и получили определенное признание научной общественности. К одной из таких школ относится школа проектной методологии феноменов культуры и науки, в частности культурологии.

Для характеристики деятельности представителей данной научной школы следует учитывать общепринятые мнения о научной школе как таковой. В соответствующей литературе существует некоторый разброс в их толковании. Наши представления близки к трактовке В.Н. Катаева (Пермский государственный университет). Он выделяет следующие основные признаки, которыми должен быть наделен коллектив, претендующий на звание «научная школа».

Во-первых, необходимо рассматривать данный феномен функционирующей школы как «элементарную эволюционирующую единицу» науки, ее модель, выполняющую все функции научной деятельности: производство знаний (исследова-

ние), их распространение (коммуникацию) и воспроизводство, как знаний, так и самого научного сообщества.

Во-вторых, объединение должно обладать основными признаками научной школы:

1. Минимальный цикл, позволяющий фиксировать существование школы, – это три поколения исследователей (основатель, последователь-преемник, ученики преемника).

2. Наличие лидера – крупного ученого, обладающего педагогическим мастерством и личным авторитетом.

3. Сохранение в научной школе атмосферы творчества, общей программы исследований и подхода к изучаемым проблемам.

4. Формирование и постоянное пополнение группы последователей лидера, поддерживающих с ним контакты, разделяющих ценности и традиции школы, способных к самостоятельному поиску.

В-третьих, научную школу можно рассматривать как неформальное творческое содружество исследователей различных поколений, сплоченных общим стилем исследовательской деятельности и добившихся значительных научных результатов [2].

Если следовать представленной интерпретации научной школы, рассмотрению ее роли в науке на примере проектной методологии, прежде всего, следует зафиксировать место методологии науки в общей структуре науки и философии, ее эволюцию, как в плане изменения предметности, так и рефлексии метода, ее развития в содержательном отношении.

В соответствующей литературе определения науки, как правило, связаны с толкованием каждым автором ее исторических корней и интерпретируемой им сущности науки. Определение науки как системы знаний указывает на ее исторические корни в древних цивилизациях Египта, Месопотамии (математика, астрономия). Определение науки как формы общественного сознания указывает на ее корни в Древней Греции (философия, математика, астрономия, начала естественных и технических наук). Определение науки как производительной силы общества связано с XVII–XVIII вв. (классическая наука) и т. д. Несмотря на определенные разночтения по существу, с такой трактовкой исторических этапов науки согласно подавляющее большинство философов и ученых. Метод является важнейшей частью науки. Периодизация же методологии науки несколько выпадает из вышесприведенной периодизации истории науки, а именно: методология науки исключается из науки на этапе древних цивилизаций. С этим сложно согласиться. Но все зависит от точки зрения на то, что есть методология: выбор метода исследования из числа

уже существующих или создание нового метода на основе требований практики и зачастую наперекор сложившимся канонам в методологии в определенный конкретно-исторический период развития науки. Разумеется, сформулированная дихотомия взглядов на происхождение метода – это абстракция. В реальности имеем их взаимопроникновение, но при определенном доминировании какой-то точки зрения.

В данном случае, характеризуя методологию древнеегипетской науки (древнеегипетской математики), следует обратить внимание на то, что техника счета основывалась на методах аналогии и изобразительного (творческого) поиска. Аналогия заключалась в сопоставлении знака и предмета. Эта мысль достаточно тривиальная, но не обратить внимание на этот факт в данном контексте нельзя. Изобретательский поиск заключался в изобретении изображений знаков, обозначающих, например, числа сто, тысяча и т. д. [3]. Но процедуры счета единиц, десятков, сотен и т. д. были аналогичными. Иными словами, методология древнеегипетской математики была имплицитной, неявной, она включала в себя в качестве важнейших элементов метод аналогии и метод изобразительного (творческого) поиска. В общем плане это относится ко всей науке древних цивилизаций, вплоть до античной. Поэтому методологию науки древних цивилизаций можно назвать неявной методологией.

В отрефлексированном, явном виде методология науки предстает впервые у Аристотеля в создании им индуктивно-дедуктивного метода познания, описание которого мы находим в его работах «Органон» и «Вторая аналитика». Кроме того, в методологии Аристотеля значительное место занимают диалектика, генетический метод, метод аналогии, регрессивное и прогрессивное рассмотрение государства, семьи, человека, животных и т. п. Иными словами, методология Аристотеля достаточно разнообразна и эффективна.

В основном методология у Аристотеля представлена концептуальной и формально-логической схематизацией мышления исследователя. Это неслучайно, ибо Аристотель науки об умозрительном (теоретические) ставил выше, чем искусство творения, а искусство в свою очередь соотносил с творчеством. «Всякое искусство имеет дело с возникновением, и быть искусным – значит разуметь, как возникает нечто из вещей, могущих быть и не быть и чье начало в творце, а не в творимом. Искусство ведь не относится ни к тому, что существует или возникает с необходимостью, ни к тому, что существует или возникает естественно, ибо [все] это имеет начало [своего существования и возникновения] в себе самом. А поскольку творчество и поступки – вещи разные, а искусство

с необходимостью относится к творчеству, а не к поступкам. Случай и искусство, между тем, в каком-то смысле имеют дело с одним и тем же...» [4]. Таким образом, творческая сторона процесса познания у Аристотеля не игнорировалась, но оставалась на втором плане по сравнению с логикой познания в силу того, что она, по его мнению, не постигала первых причин, первых начал бытия. Это для Аристотеля вполне естественно в силу его профессиональной философской позиции для своего времени.

В средние века творчество активно эксплуатировалось в христианстве в концепции Божественного творения. Рациональная сторона познания развивалась в исследовании природы. Это происходило как посредством критики индуктивно-дедуктивного метода Аристотеля, его переосмысления, так и через формирование нового взгляда на роль опыта в познании природы. В период XIII–XVI вв. Р. Гроссетест с его методом резолюции и композиции и его последователи в рамках оксфордской естественнонаучной школы (Р. Бэкон, Д. Скот, У. Опкам и другие) проложили дорогу экспериментальному методу Ф. Бэкона.

Параллельно с этим все более утверждалась мысль о значимости математики для познания природы в работах Р. Декарта. Г. Галилей и И. Ньютон успешно осуществляли синтез эксперимента и математики.

Творческая сторона в более или менее явной форме впервые начала осознаваться в работах У. Уэвелла. Основная цель У. Уэвелла – представить новое понимание индукции как открытие, как изобретение гипотез.

В дальнейшем развитие методологии естественнонаучного познания в XIX веке связано с именами Д. Милля и У. Дживонса. По мнению первого, существует прямой путь от данных наблюдения к законам науки, индукция представляет теорию и метод восхождения от опытных данных к законам науки. Милль не доверяет научным теориям. Особые надежды он возлагает на методы открытия и доказательства законов причинно-следственной связи. Тем самым проблематика, обсуждаемая Д. Миллем, во многом предвосхищала вопросы, которые рассматривали позитивисты XX века.

Вкладом У. Дживонса в методологию науки XIX века является его концепция индуктивной обратной вероятности, которая имеет сильные и слабые стороны. По мнению В.А. Светлова, «слабость заключается в том, что в некоторых случаях очень сложно определить вероятность гипотезы, закона или причины достаточно надежно, а сила – в том, что, будучи чувствительными к концептуальным допущениям, индуктивные вероятности могут отражать влияние не только непосред-

ственно наблюдаемых факторов, но и более фундаментальных факторов, скрытых, как правило, от наших глаз» [5].

В конце XIX и на протяжении XX веков методология науки представляет собой линию интенсивного развития. В рамках позитивизма, диалектического материализма, интуитивизма и других направлений в философии науки формируются оригинальные концепции науки, углубляются представления о научном методе, истории, социологии, психологии науки и т. д. Феномен научного творчества обсуждается с различных позиций, получены интересные результаты. Научное творчество рассматривается как внутренний элемент науки. Но творчество не только составляющая часть научного исследования, но и элемент, например, инженерной деятельности. В явном виде это стало осознаваться с возникновением философии техники.

Возникновение философии техники как самостоятельного направления исследований оформляется в конце XIX – начале XX вв. в основном в Германии и России. Известный представитель данного направления русский инженер и философ техники начала XX века П.К. Энгельмейер выделяет две основные линии в возникновении этого направления: первая – от философствующих инженеров (Э. Гартиг, Фр. Рело, А. Ридлер), вторая – от философов (Э. Капп, А. Эспинас, Ф. Бон) [6]. В настоящее время это научно-философское направление развивается достаточно серьезно в Германии, России, США, Испании и некоторых других странах. В центре внимания современных исследователей философии техники находятся следующие основные философские и методологические проблемы: смысл, сущность, функции техники; соотношение науки и техники, естествознания, инженерного дела, технических наук; специфика технической теории, вопросы культурно-исторического и социально-гуманитарного осмысления и оценки техники, социальных, экономических и других последствий применения техники и т. п. Во второй половине XX века значительно усилился интерес к проблемам технического творчества, что углубило взаимосвязь науки и техники, ее осмысление. В рамках философии техники начинает создаваться особый ее раздел, в котором творческие процедуры подвергаются формализации с целью более эффективного использования творческого потенциала человека – методология проектирования.

В этом плане следует согласиться с В.Г. Гороховым и В.М. Розиным, утверждающими следующее. «Сама философия техники – это дисциплина, не столько изучающая технику, сколько конституирующая ее, но, естественно, не непосредственно, а посредством воздействия на сознание ученых,

инженеров, производственников и других специалистов. Конституирующая – значит замышляющая новую технику (ориентированную на человека, природу и культуру), а также вовлекающая сознание всех причастных к созданию и использованию техники в особые формы бытия, способствующие появлению новой, замышляемой техники» [7].

Обратим внимание на то, что в данном высказывании слова «конституирующая», «замышляющая» фактически обозначают не что иное, как проектирование техники. Отличие их от проектирования как такового, которое непосредственно направлено на создаваемый артефакт, в том, что они выражают его опосредованный характер, т. е. проектирование осуществляется, прежде всего, через культуру. Подобная интерпретация закладывает мысль о том, что понимание технического творчества (в том числе и проектного творчества) следует осознавать через культуру и социум. Как следствие осознание проектного творчества идет двумя путями: через рациональную интерпретацию и ее внедрение в мышление проектировщика и через признание творчества специфическим феноменом, который не поддается вербализации и рационализации и обнаруживается через интуитивные акты и операции. Иными словами, предметом методологии проектирования являлась, прежде всего, совокупность формально-логических и творческих методов при помощи которых разрешалась некоторая проблемная ситуация посредством создания специфических артефактов – машин, механизмов, лекарственных препаратов, архитектурных сооружений, разнообразных технологий и пр.

Методология проектирования имплицитно либо отрефлексирована в своем зарождении и развитии, так или иначе, коррелировалась с методологией науки, с методологией техники. С момента зарождения проектирования, прежде всего, в архитектурно-строительной деятельности, а затем в инженерной и других областях она подпитывалась концептуальными положениями из сфер религии, искусства, науки и пр. И только в XX веке в рамках методологии проектирования в опоре на концепции творчества и информатики стали создаваться в определенном смысле собственные методы и приемы проектировочной деятельности, т. е. возникает методология проектирования как самостоятельная и дисциплинарно организованная сфера проектировочной деятельности. Отсюда ее осознанная экспансия в виде определенного возврата в науку, технику, искусство, медицину, педагогику и другие профессионально организованные виды деятельности общественного человека.

Предпосланный таким образом материал к теме нашей статьи позволяет позиционировать методологию проектирования в интеллектуальной

творческой деятельности, конкретизировать и оценить работу исследователей КемГУКИ в указанной сфере.

Вплоть до 90-х годов XX века коллектив института успешно справлялся с поставленными задачами на момент его организации: обеспечить широкую сеть культпросветительских учреждений Западной Сибири квалифицированными специалистами в области организаций социально-культурной деятельности, художественно-массовой работы, библиотечного дела, управления и экономики культурно-просветительской работы [8].

В 1990-е годы происходят качественные изменения в деятельности вуза: расширение номенклатуры специальностей и специализаций, увеличение контингента студентов и штата преподавателей и сотрудников. Формируется более совершенная научно-исследовательская структура, а также новые научные направления и школы. Одной из них является научная школа методологии проектировочной деятельности, основу которой составили работы специалистов Томского государственного университета – проф. В.В. Чешева и проф. П.И. Балабанова, а также молодых сотрудников Кемеровского института культуры.

Советскими исследователями во второй половине XX века были достигнуты серьезные результаты в области методологии проектирования. Тем не менее это научное направление до сих пор не зафиксировано в перечне научных специальностей ВАКа. В силу этого представители методологии проектирования свои научные результаты представляют и защищают по философии, культурологии, психологии, педагогики и другим дисциплинам. Не исключением является ситуация в кемеровском вузе культуры. Так, за период с 1998 по 2009 гг. в диссертационных советах КемГУКИ по философии и культурологии по данной проблематике было защищено 25 кандидатских и 4 докторских диссертаций (науч. рук. и науч. конс. – проф. П.И. Балабанов). Кроме того, ряд работ сотрудников находится на этапах предзащиты и выхода на защиту, что указывает на наличие преемственности и целенаправленной подготовки научных кадров в рамках школы методологии проектирования.

С самого начала функционирования научно-исследовательская деятельность школы была направлена на достижение главной цели – осуществление изменений в содержании, методах, средствах проектировочной деятельности в различных областях науки, техники, культуры. Это не означает, что апробированные научные методы исследования оказываются неэффективными. В своей традиционной предметной области они по-прежнему хорошо «работают». В XX веке изменилась ситуация. Социальный заказ со стороны общества и государства

потребовал исследования и практического освоения таких областей природы и культуры, как: атомная энергия, радиоэлектроника, генетика, инженерно-психологическая совместимости человека и машины, психологическая совместимость людей в узком помещении (корабля, самолета, подводной лодки и пр.), постижение в процессе обучения большого количества информации, которое освоить существующими методами и приемами в педагогике весьма сложно, а потому проектируются новые педагогические технологии – Давыдова, Занкова и др. Все это потребовало создание новых методов исследования и применения полученных результатов.

Сам процесс создания новых методов наиболее отчетливо обнаружил себя в методологии проектирования. Как известно, в создании научного метода есть два пути – формализованный (логический) и творческий (изобретательский). В том и другом случае требуется их концептуальное обоснование. Как справедливо отмечает В.К. Лукашевич, «механизм концептуального обоснования научного метода не зависит исключительно от свойств тех видов предметного и нормативного знания, которые составляют содержание творческого потенциала субъекта, так как последние сами не определяют ни необходимости, ни направленности их взаимодействия со структурными элементами разрабатываемого метода. Это совершенно очевидно, по крайней мере, по отношению к предметным представлениям, чье содержание не ориентировано непосредственно на разработку исследовательского инструментария. В целом же и предметные представления, и операциональные (нормативные) ресурсы творческого потенциала субъекта науки обладают лишь определенным спектром возможностей конкретным образом взаимодействовать с теми видами знания, которые подлежат той или иной процедуре, в данном случае – обоснованию. Какой из этих возможностей надлежит быть реализованной, зависит от сложившейся в данной дисциплине познавательной ситуации и непосредственно от характера познавательной задачи (проблемы), для решения которой разрабатывается подлежащий обоснованию метод» [9]. Реализованная возможность из указанного спектра предлагает нахождение адекватного метода в решении конкретной научной задачи и тем самым опосредованно включена в корпус нового полученного знания, т. е. методология имплицитно присутствует в новом полученном знании, или, иначе говоря, любое знание (новое в том числе) всегда имеет методологическое измерение независимо от того, воспринимаем мы это или нет. Этот же момент отмечает Б.А. Парахонский: «Современные представления о развитии знания уже не укладываются в рамки схемы его прогрессивно накопления или экстенсивного роста. Понятие

нового знания осмысливается и в плане изменения форм его методологической организации, когда новое – это не просто знание новых вещей и отношений, но преимущественно новый тип знания. В этом случае речь может идти о различных исторических формах рациональности, в которых знание получает свое осмысление, хотя эмпирический базис науки остается без особых изменений. Научное сознание включено в общий процесс развития духовного производства и в общественно-исторический процесс в целом. Из этого и следует исходить в определении сущности нового знания с философско-методологической точки зрения... Новое знание появляется как результат определенных изменений в организации научного сознания и может быть относительно независимым от введения в его горизонт новых объектов и отношений» [10].

Разумеется, методологические характеристики знания признаются присущими всякому знанию. Но чаще они трактуются как «предшествующие», т. е. «снятые» приборные характеристики и перенесенные на полученный научный результат. Либо они понимаются как «последующие», т. е. полученные тогда, когда полученное знание уже квалифицировано, втиснуто в какую-либо классификационную систему и т. д. Такое понимание методологического знания вполне оправдано ходом познания, ибо знание неявно отделено, противопоставлено субъекту, то есть мы имеем дело с рецидивом классической науки.

В постнеклассической науке ситуация иная. «Реальность постнеклассической науки (вторая половина XX в.) – это сеть взаимосвязей, в которую включен человек, причем не только через условия познания. «Замешанность» человека в структуре и эволюции Вселенной, согласно антропному принципу, более глубока. Объектами постнеклассической науки становятся сложные природные комплексы, включающие человека, – такие, как биосфера и ноосфера, отсюда – «человекоразмерность» как характеристика объектов постнеклассической науки. В самосознании ученых это выражается если не как отказ от объективизма, являвшегося доминантой научного исследования, то как переосмотр концепции объективизма» [11].

Одним из первых отечественных авторов, выделивших характерные признаки постнеклассической науки, был акад. В.С. Степин. К ним он относит: изменение характера научной деятельности, обусловленное революцией в средствах получения и хранения знаний (компьютеризация науки, сращивание науки с промышленным производством и т. п.); распространение междисциплинарных исследований и комплексных исследовательских программ; повышение значения экономических и социально-политических факторов и целей; изме-

нение самого объекта – открыты саморазвивающиеся системы; включение аксиологических факторов в состав объясняющих предложений; использование в естествознании методов гуманитарных наук, в частности, принципа исторической реконструкции [12].

Подобная интерпретация характера постнеклассической науки с необходимостью ставит вопрос о разработке нетрадиционного метода научного познания, например, методов междисциплинарных и комплексных исследований. В этом случае трансляция традиционных методов из дисциплинарно сложившихся к настоящему времени наук не решает проблему. Возникает востребованность творческого потенциала методологов.

Осознание нахождения человека внутри природы, человека как внутренне неотъемлемого элемента природы и бытия в целом постулирует самодвижение материи как основу его творческой деятельности. Другое дело, что сам процесс творчества и его результаты объективировались с целью их осознания, научения оперирования ими. В силу этого объектом методологии становятся объективированные творческие процедуры, осмысленные как формально-логические: анализ, синтез, индукция, дедукция и другие логические методы и приемы.

В классической науки логика и рациональность доминировали, но на этапе постнеклассической науки их доминирование и единственность становятся далеко не очевидными. В науку все в большей степени проникают такие творческие процедуры, которые формализовать непросто – аналогия, эмпатия, изобретательский поиск. Особенно это относится к гуманитарным наукам, в том числе и к культурологии. Поэтому перед методологами стоит задача, чаще заключающаяся не в том, чтобы оценить адекватность применяемого традиционного метода к характеру предметной области исследователя, например, культуролога, а в том, чтобы скорее изобрести такой метод, который бы соответствовал избранной области исследования. Эта ситуация, характерная для постнеклассической науки, особенно остро ощущается в методологии проектировочной деятельности.

В этой связи корпус методологического знания можно разделить на три составляющие: 1) формально-логические методы, 2) творческие методы (аналогия, эмпатия и др.), 3) изобретательский поиск как совокупность творческих процедур, осмысленных формально логически, который исторически был первоначально характерен, прежде всего, для инженерной деятельности. Отдельно следует выделить интуицию в той ее части, которая ассимилирована научным познанием и в изучении которой достигнуты весьма малые результаты.

Необходимо сделать следующее замечание. Представления о творчестве и изобретательности к настоящему времени в соответствующей литературе трудно различимы. Можно констатировать, что они являются результатом терминологической конвенции в обозначении высшего и низшего, свободы и нормативности, пафоса и второй ступени в восхождении к пику творческого напряжения в педагогике и пр., но сущность творчества при этом так и остается непознанной. В этом изобретательский поиск можно трактовать как первоначальную ступень творчества на базе оперирования наличными существующими в природе, обществе, культуре объектами.

Научная школа проектной методологии решает свою главную задачу – проектирование и использование новых методов на разных уровнях: уровне студентов, уровне аспирантов и соискателей, уровне высококвалифицированных специалистов – кандидатов и докторов наук. На первом уровне субъекты познания – студенты специальности «Дизайн и реклама социально-культурной деятельности» (1991), затем преобразованной в специальность «Дизайн» (с 2001 г.), как правило, в своей познавательной и творческой деятельности в основном опираются при создании ими творческих проектов как на традиционные методы дизайнера, так и на результаты изобретательского поиска в методологии – метод мозгового штурма, морфологический анализ и т. п. Такие формально-логические методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция используются достаточно редко. К концу XX века появилось много отечественной и зарубежной литературы по методам изобретательского поиска, изложенных в работах Г.С. Альтшуллера, Д. Диксона, Д. Джонса, Г. Хилла и др., с которыми студенты достаточно знакомы.

Изобретательский поиск как часть методологии проектирования в основном ориентирован на создание артефактов, посредством которых достигается разрешение некоторой проблемно-конфликтной ситуации. Именно таким образом изобретательский поиск отрефлексирован в литературе по методологии проектирования. В меньшей степени уделяется внимание исследовательскому творческому потенциалу в проектировочной деятельности, т. е. он не применяется для поиска методов. В определенной степени он начинает быть востребован для подготовки и проведения исследований на уровне кандидатских и докторских диссертаций.

Дело в том, что в процессе проектирования проектировщик посредством создания артефакта разрешает некоторую проблемную ситуацию, где сам артефакт выступает в качестве средства ее разрешения. Но в то же время проблемная ситуация есть конфликтная для духовного мира проектиров-

щика как для личности, «переживающей» эту конфликтную ситуацию. Поэтому артефакт не только средство разрешения проблемной ситуации, но и репрезентант результата выбора, условий и способов выбора или создания метода проектирования, т. е. тем самым он обнаруживает и представляет творчество и интуицию, делая их объектом научного исследования. Иными словами, формально-логические методы представляют собой устойчивые, «застывшие» формы творческого мышления. Интуиция, эмпатия и т. п. методы представляют пока скрытый пласт «движения» в творческом мышлении, изобретательский поиск обнаруживает связь между интуицией, эмпатией, с одной стороны, и формально-логическими методами, с другой. То есть овладение изобретательским поиском есть первая ступень в «восхождении» или «погружении» (выбор термина в данном случае – дело вкуса) в глубины творческого мышления.

В пользу данного тезиса свидетельствует анализ студенческих творческих работ по специальности «Дизайн» в КемГУКИ. Из представленных работ следует, что чаще использовались методы формально-логического осмысления – методы прототипов, комбинаторики, контрольных вопросов и др. В меньшей степени – методы эвристики (или в нашей терминологии – изобретательского поиска): инверсии, морфологического анализа, синектики, гирлянд ассоциации и метафор и др. Такая ситуация вполне объяснима. Предшествующий этап образования – средняя школа, колледж, а также социокультурное пространство индивида естественным образом предрасполагают к восприятию и использованию именно формально-логического осмысления методов, а мотивация к постижению профессии – в определенной степени к использованию методов изобретательского поиска, так как они по содержанию во многом близки профессии дизайнера.

На этапе диссертационного исследования (в основном кандидатской диссертации) выбор метода исследования, конечно, определяется спецификой объекта, предмета, задачами исследования, но это не означает ограничение свободы исследователя, а ориентирует на глубину постижения проблемы, ибо, как справедливо замечает В.К. Лукашевич, «метод исследования – это не только схема, регламентирующая познавательные действия, но и определенного рода представление об исследуемом объекте, обосновывающее предлагаемую схему действий» [13].

В рамках обсуждаемого научного направления (проектной методологии) соискатель не только специализируется в конкретной предметной области науки, в частности в культурологии, но и формируется как «проектировщик» своей будущей диссер-

тационной работы, выступая носителем конкретной проектной методологической установки в процессе выполнения собственного диссертационного исследования.

Методологическая установка, разумеется, не формируется одномоментно. Это результат ассимиляции субъектом познания духовных, культурных, социальных черт познавательной деятельности, осуществляемой неким иным субъектом познания – ученым, научной школы, научным сообществом и т. д., культивируемыми в познании этим субъектом. «Под методологическими установками понимается такая логическая структура, которая выполняет функцию регулятивной основы познавательной деятельности, направляет, ориентирует и контролирует построение теоретических, а иногда и эмпирических конструкций, является стабилизирующим фактором познавательного движения. Методологические установки в таком понимании – это система представлений об общих свойствах объекта, специфический синтез всех тех знаний, которые необходимы для построения фундаментальных теорий, общий синтез нормативных знаний» [14].

Восприятие методологической установки является лишь первым шагом в инкорпорировании исследователя в некоторое научное движение. Вторым шагом естественно выступает усвоение парадигмальных оснований этого движения, что в конечном счете приводит к локализации субъекта в этом движении, определению своего места и роли как конкретного участника в некотором научном направлении или в некоторой научной школе.

Работы известного ученого профессора В.В. Чешева по исследованию технического знания, инженерной деятельности и системному подходу сформировали научные ориентиры для своих последователей, в том числе профессора П.И. Балабанова, докторская диссертация которого «Философско-методологические основания проектирования» (1992) является не только итогом применения идей системно-деятельностного подхода к инженерному проектированию, но и послужила средством расширения тематики исследования по инженерной деятельности и инженерному проектированию до тематики социокультурного проектирования и методологии социокультурного проектирования, что явилось естественным шагом в развитии как методологии проектирования, так и развития методологии науки и инженерной деятельности. Эта объективная тенденция еще ранее нашла свое первоначальное достаточно заметное выражение в работах исследователей США и Западной Европы в 70-е гг. XX века. Примерно в это же время появляются труды отечественных исследователей в этой области. Исследования в данном направле-

нии интенсивно продолжают. На это обращают внимание, например, В.Г. Горохов и В.М. Розин. «Однако сегодня очередной шаг в развитии состоит в том, чтобы осознать культурно-историческую обусловленность проектного мышления и способностей, а также ограничить их зоной безопасного действия и развития» [15]. Этот шаг делается молодыми учеными нашей страны в разных городах и разных вузах и НИИ. Осознание феномена проектирования осуществляется в разных аспектах – аспекте его всеобщности как явления мышления, культуры, общества; аспекте его операциональности, т. е. применимости как метода исследования, например, в социологии; в аспекте его творческой природы.

В исследованиях представителей второго поколения научной школы проектной методологии в КемГУКИ можно выделить два направления: а) осмысление и расширение методов проектирования в приложении к различным предметным областям культуры, искусства, педагогики и б) осмысление творческих процедур в качестве новых методов проектировочной деятельности. Так, в кандидатской диссертации Н.А. Мицкевич «Методологические особенности проектирования профессионального знания» (Кемерово, 2000, науч. рук. – П.И. Балабанов) фиксируется возрастающая роль проектной парадигмы в осмыслении культуры и социума. Отмечается, что специфическим методом перцептуального проектирования системы интерпретации музыкального произведения как важнейшего элемента музыкознания является метод алгоритмизации [16].

В кандидатской диссертации Т.А. Григорьянц «Культурно-исторический анализ феномена пластических искусств» (Кемерово, 2004, науч. рук. – проф. П.И. Балабанов) динамику художественного образа можно интерпретировать как реализацию проектировочной деятельности по созданию артефакта культуры – художественного образа в пластических искусствах, методом исследования и проектирования которого выступает метод эмпатии [17].

В кандидатской диссертации Ю.А. Кувшинова «Анализ экологических основ ноосферного мировоззрения» (Кемерово, 2006, науч. рук. – проф. П.И. Балабанов) исследуются возможности социокультурного проектирования как способа разрешения противоречий в системе общества – природа, т. е. проектирование рассматривается как проектный метод вкпе с такими общенаучными методами, как анализ, синтез, моделирование, исторический и логический методы [18].

В кандидатской диссертации Г.С. Фешковой «Специфика замысла как имманентного элемента творческой деятельности» (Кемерово, 2000, науч. рук. – проф. П.И. Балабанов) представлены, с одной стороны, сочетание проектной методологии

и моделирования как методов исследовательской деятельности, чтобы эксплицировать внутреннюю структуру творческого замысла, а с другой, – попытка исследования самого феномена проектирования, его творческой составляющей посредством категориального анализа с использованием в качестве рабочего понятия «конструктивный концептуализм» [19]. Продолжение подобной аналитической работы наблюдается в кандидатской диссертации В.М. Порхачева «Феномены устойчивости и изменчивости в социально-историческом процессе» (Кемерово, 2002, науч. рук. – проф. П.И. Балабанов), но уже на другом предметном материале – общественно-историческом процессе [20]. Имплицировано рефлексия проектирования как вида специфической активности человека содержится в кандидатской диссертации Н.В. Руссу «Субъект-объектные основания импровизации как вида творческой деятельности в хореографии», где автор подчеркивает, что результаты творчества формируют метод, в том числе и проектный, т. е. проектирование – результат творческой деятельности исследователя, но концептуализация этой деятельности не становилась предметом осмысления [21].

Таким образом, в работах представителей второго поколения научной школы проектной методологии наблюдается не только использование проектировочной деятельности в качестве методологической основы научных исследований, но и осмысление проектировочных процедур как результатов творческого мышления исследователя. Это, конечно, важный итог работы ученых второго поколения данной научной школы. Но не менее значимым является то, что в их научно-педагогической деятельности со своими учениками продолжает углубляться описываемая научная проблематика, разумеется, на различном предметном исследовательском материале. Это можно отметить в работах их учеников – аспирантов Ю. Гивленко (тема диссертации «Культурно-семиотический анализ художественного замысла в русском танце», науч. рук. – канд. филос. н. Г.С. Фешкова), Н. Остапнигрош (тема диссертации «Семантический аспект жестового языка в периоды культурных трансформаций», науч. рук. – канд. культурологии Т.А. Григорьянц). Продолжается также работа по указанной тематике аспирантов КемГУКИ – С. Андреевой (тема диссертации «Особенности проектирования молодежной социально-культурной сферы», науч. рук. – проф. П.И. Балабанов), Е. Троценковой (тема диссертации «Проектные процедуры в культурных процессах», науч. рук. – проф. П.И. Балабанов).

Современная методология – явление многогранное, по-разному интерпретирующееся исследователями. Так, В.М. Розин в ней выделяет следующие направления.

1. Панметодология. «Особенностью панметодологии является смещение задач, во-первых, от изучения мышления к изучению той реальности (в данном случае), законы которой, по убеждению «панметодологов», определяют все, в том числе и мышление, во-вторых, к задачам вменения заинтересованным специалистам-предметникам (ученым, педагогам, проектировщикам и т. д.) законов подлинной реальности (то есть представлений теории деятельности)» [22].

2. Частные методологии. «Частный методолог понимает себя как действующего в кооперации с предметником (ученым, педагогом, проектировщиком и т. д.). Хотя он и предписывает ему, как мыслить и действовать, но не потому, что знает подлинную реальность, а в качестве специалиста, изучающего и конституирующего мышление, такова его роль в разделении труда. Кроме того, он апеллирует к опыту мышления: ведь, действительно, мышление становится более эффективным, если осуществляется критика и рефлексия, используются знания о мышлении, если методолог вместе с предметником конституирует мышление. Частный методолог использует весь арсенал методологических средств и методов, понимая свою работу как обслуживание специалистов-предметников, то есть он не только говорит им как мыслить и действовать в ситуациях кризиса, но и ориентирует на их запросы, в той или иной степени учитывает их видение реальности и проблем, ведет с ними равноправный диалог» [23].

3. Методология с ограниченной ответственностью. «С одной стороны, методология с ограниченной ответственностью – это нормальная методология, в том смысле, что она ориентирована на методологическое управление мышлением в ситуациях разрыва или дисциплинарного кризиса. Последнее предполагает рефлексия мышления (предметного и методологического), исследование мышления, критику неэффективных форм мышления, распределение понятий и других интеллектуальных построений, конституирование новых форм мышления (сюда, например, относятся проблематизация, планирование, программирование, проектирование, конфигурирование, построение диспозитивов и другие), отслеживание результатов методологической деятельности и коррекция методологических программ. С другой стороны, методология с ограниченной ответственностью старается опосредовать свои действия знанием природы мышления и пониманием собственных границ» [24].

4. «Нерефлектированная методология». «К последней относятся виды мыслительных работ, которые мы ретроспективно или в специальной реконструкции можем описать как сходные с методологическими. Например, ряд ходов и приемов

мышления Аристотеля можно истолковать как методологические, но только если мы закроем глаза на принципиальное отличие античного и современного мышления» [25].

5. Это направление у В.М. Розина не имеет специального названия. Его, на наш взгляд, можно назвать аспектной методологией, не претендуя на полноту передачи замысла автора, который он развертывает следующим образом: «к методологической работе как частичные ее планы (аспекты) относятся: методологический и дисциплинарный повороты, методическая рефлексия способов работы методологов, описание и конструирование методов, методологическое исследование, методологическая критика (проблематизация), конституирование новых форм мышления» [26]. Не обсуждая в данном случае принципы систематизации направлений деятельности методологов, определим место научной школы проектной методологии в данной систематике. В этом плане следует констатировать следующее. С одной стороны, становление и развитие научной школы проектной методологии в КемГУКИ – явление не случайное, а, скорее, закономерное. Оно выражает экспансию проектирования в географическом плане – Москва, Минск, Омск, Томск и наконец Кемерово, а также в объектном плане, т. е. вовлечение все большего числа исследователей в данную научную тематику, появление высококвалифицированных специалистов в данной области познания – докторов и кандидатов наук. Но, по-видимому, самое главное заключается в том, что творческие процедуры в человеческом мышлении и деятельности своей одной стороной явили себя в проектировании и тем самым акцентируют внимание научного сообщества на продолжении изучения творчества. С другой стороны, непосредственная работа исследователей научной школы проектной методологии в КемГУКИ направлена на различные объекты познания в культуре, искусстве, науке, что требует глубокой специализации и выступает фактором закрепления, устойчивости профессиональных процедур мышления в поиске методов исследования. Для их девиантности, диверсификации необходима соответствующая работа – по критике и поиску методов исследования, адекватных выбранному предмету диссертационного и научного исследования.

Все вышесказанное при характеристике представителей научной школы проектной методологии КемГУКИ позволяет отнести данную школу к направлению аспектной методологии, по классификации В.М. Розина. Наличие трех поколений в научной школе проектной методологии КемГУКИ позволяет зафиксировать не только процесс ее становления, но достаточно высокий творческий потенциал для ее дальнейшего развития.

Примечания

1. Кемеровская государственная академия культуры и искусств: Страницы истории. – Кемерово, 2002. – С. 53.
2. Из доклада начальника научно-исследовательской части Пермского государственного университета В.Н. Катаева на заседании Ученого совета ПГУ 31 марта 2004 года.
3. См.: Варден Бартел Лендерт ван дер. Пробуждающаяся наука: Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. – М., 2007. – С. 22.
4. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 176.
5. Светлов, В.А. История научного метода. – М., 2008. – С. 237.
6. Горохов, В.Г., Розин, В.М. Введение в философию техники. – М., 1998. – С. 24.
7. Там же. – С. 188.
8. См.: Кемеровская государственная академия культуры и искусств: Страницы истории. – Кемерово, 2002. – С. 13.
9. Лукашевич, В.К. Научный метод. – Минск, 1991. – С. 98–99.
10. Парахонский, Б.А. Понятие нового знания в методологическом сознании науки // Пути формирования нового знания в современной науке. – Киев, 1983. – С. 29.
11. Черникова, И.В. Философия и история науки. – Томск, 2001. – С. 127.
12. См.: Степин, В.С. Теоретическое знание. – М., 2000. – С. 20.
13. Лукашевич, В.К. Философия и методология науки. – Минск, 2006 – С. 49.
14. Ворожцов, В.П., Москаленко, А.Т. Методологические установки ученого: Природа и функции. – Новосибирск, 1986. – С. 94.
15. Горохов, В.Г., Розин, В.М. Указ. соч. – С. 211.
16. См.: Мицкевич, Н.А. Методологические особенности проектирования профессионального знания: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – Кемерово, 2000. – С. 7, 9.
17. См.: Григорьянц, Т.А. Культурно-исторический анализ феномена пластических искусств: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. культурологии. – Кемерово, 2001. – С. 7.
18. См.: Кувшинов, Ю.А. Анализ экологических основ ноосферного мировоззрения: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – Кемерово, 2006. – С. 5, 6.
19. См.: Фешкова, Г.С. Специфика замысла как имманентного элемента творческой деятельности: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – Кемерово, 2000. – С. 7, 8.
20. См.: Порхачев, В.Н. Феномены устойчивости и изменчивости в социально-историческом процессе (методологический аспект): автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – Кемерово, 2002. – С. 5, 13, 18.
21. См.: Руссу, Н.В. Субъект-объектные основания импровизации как вида творческой деятельности в хореографии. – Кемерово, 2006. – С. 10, 12, 15.
22. Розин, В.М. Методология: становление и современное состояние. – М., 2005. – С. 299.
23. Там же. – С. 300.
24. Там же. – С. 300–301.
25. Там же. – С. 309.
26. Там же.

СЦЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИСТОРИИ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Т.А. Григорьянц, В.А. Киселева

История школы сценического движения в Кемерово начинается с истории открытия кафедры режиссуры театра, которая является ровесницей Кемеровского государственного университета культуры и искусств (в то время – Институт культуры).

В 1969 году Кемеровский государственный институт культуры производит первый набор студентов по нескольким специальностям, в том числе на кафедру режиссуры театра, которую возглавляет Заслуженный деятель искусств Бурятской АССР – Иван Иванович Проханов. Коллектив кафедры представляет собой команду молодых специалистов, приехавших из Москвы и Ленинграда. Среди них выпускник Московского института культуры, ученик известнейшего преподавателя сценического движения Галины Викторовны Морозовой – Лаврухин Владимир Иванович, который ведет занятия по предмету «Сценическое движение», опираясь на достижения московской школы. Занимаясь воспитанием общей пластической культуры, В.И. Лаврухин уделяет большое внимание разделам «Сценическое фехтование», «Манеры и этикет разных эпох». За годы работы (1969–1975) Владимиру Ивановичу удалось создать основу для последующего развития сценического движения в нашем вузе. Многие его ученики, получив хорошее воспитание школы «плаща и шпаги», стали специалистами в этой сфере и продолжают заниматься педагогической практикой.

С 1975 по 1979 гг. сценическое движение на кафедре преподавал ученик Лаврухина, один из первых выпускников кафедры режиссуры любительского театра, Олег Иванович Печуров. Используя накопленный теоретический и практический материал, совершенствуя методические принципы преподавания дисциплины, он делает акцент на разделе «Трюковая пластика». Студенты получают богатый опыт постановочной и исполнительской работы. Появились первые опыты постановки режиссерских сценических боев, завершенных композиций, связывающих в единую композицию сценические падения, переноски, прыжки, различные варианты погони. Особое внимание Олег Иванович уделяет технике сценического боя. Приемы сценической борьбы активно включаются в этюды, инсценировки, отдельные сцены.

В разное время дисциплину «Сценическое движение» преподавали В.П. Петровская (ныне старший преподаватель Кемеровского областного колледжа культуры и искусств), В.А. Храмцов.

В 1980 году для ведения пластических тренингов на кафедру приглашается Т.А. Григорьянц (в то время преподаватель сценического движения в народном театре «Встреча» и руководитель городской студией пантомимы). Новая драматургия, изменяющееся отношение к выразительности, в том числе к телесной выразительности, вносят свои коррективы в работу кафедры, в частности в процесс пластического воспитания студентов.

Этот период связан с повышенным интересом к пластическому воспитанию. В структуре урока появляется специальный тренинг, решающий несколько задач. Его особенностью являлась тенденция к импровизации; каждый блок упражнений заканчивался импровизационной пластической композицией, в которой закреплялись только что изученные элементы. Интерес к пластическо-телесному воплощению художественного образа возрастает, молодые режиссеры активно используют технические возможности актеров-студентов. Хорошая физическая подготовка, общие и частные пластические навыки, полученные на уроках сценического движения, стали основой нескольких работ молодых режиссеров-педагогов (спектакли: «До третьих петухов» по мотивам сказки В. Шукшина, 1983, режиссеры А.П. Глухов и В.С. Еременко; «Ящерица» по мотивам одноименной пьесы А. Володина, 1984, режиссер А.П. Глухов; «Альпийская баллада», 1984, режиссер А.П. Глухов).

На зачеты и экзамены выносятся пластические этюды и небольшие спектакли. Студенты также активно используют практические навыки и умения для самостоятельной постановочной работы. Появляются первые пластические спектакли – такие, как «Акбара» по мотивам романа Ч. Айтматова «Плаха» (режиссер – студент 2 курса РЛТ Г. Коляев, 1984, являющийся в настоящее время художественным руководителем театра «Фазтон» г. Новокузнецка), «Божественная комедия» по мотивам А. Данте, «Кошки» (режиссер – студентка 2-го курса А. Алексеенко, 1985, в настоящее время – художественный руководитель любительского театра г. Семипалатинска).

С 1984 по 1985 годы на кафедре РТиАМ выделяется группа студентов, занимающихся дополнительно сценическим движением и сценической пластикой. Репетиции и индивидуальные занятия имели вид занятий лаборатории: тренинги, исследование новых упражнений, попытка развить и дополнить уже известные комплексы и т. д. Прак-

тические результаты закреплялись в небольших исследовательских работах, которые выносились на ежегодные студенческие научно-практические конференции. Итогом работы лаборатории стали показы, в которых студенты имели прекрасную возможность продемонстрировать не только успехи в сценической пластике, но и в актерском мастерстве, а самое главное, полученные знания постановочной работы. Интерес к занятиям в этой группе был вполне обоснован, так как будущие специалисты изучали возможности пластического театра. В рамках дополнительных занятий был поставлен ряд пластических композиций, которые имели успех не только на традиционных зачетных показах, но и на кафедральных мероприятиях.

В 1995 году репетиции лаборатории оформляются в занятия учебно-творческого коллектива кафедры под руководством Т.А. Григорьянц. Составляется расписание репетиций, постоянный список участников, план работы и концертной деятельности.

В 1996 году под руководством Т.А. Григорьянц создаются две программы по сценическому бою и ряд пластических композиций, с которыми коллектив концертирует по городу. В этом же году был поставлен спектакль «Адам и Ева», созданы композиции «Стая», «Любовь», «Вейкман» и другие. Композиция «Будьте здоровы!» стала лауреатом («Гран При») на областном конкурсе «Студенческая весна» (1996).

В 1997 году Лаборатория пластических импровизаций открыла новый театральный сезон премьерой – спектаклем «Легенда о матери» по мотивам романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день...». В этом же году были поставлены следующие работы: «Ковбойские страсти», «Скульптор», «Немое кино», «Трио», «Лирика». Весной 1997 года коллектив стал лауреатом областного театрального фестиваля, проходившего в Новокузнецке. Кемеровской студией телевидения был снят фильм о работе Лаборатории, в котором использовались фрагменты спектакля «Адам и Ева» и нескольких других постановок. Фильм о Лаборатории пластических импровизаций получил хорошую оценку и был несколько раз показан по ТВ, а затем коллектив неоднократно приглашался для сотрудничества в разные ТВ-проекты.

1998–1999 гг. – поставлены спектакли: «Мухоморуха», «Птицы», «Движение», «Окна», «История боя» и многие другие. В мае 1998 г. коллектив Лаборатории становится вновь лауреатом на областном фестивале народных театров и студий «Театральная весна – 98», г. Новокузнецк (благодарственное письмо от Департамента культуры областной администрации), в апреле 1999 года за участие в фестивале «Театральные турниры» коллектив получает благодарственное письмо и становится

лауреатом фестиваля, организованного Областным центром народного творчества и досуга Департамента культуры. В 2002 г. за концертную деятельность в школах и детских домах Лаборатория получила благодарственное письмо от Областного Центра дополнительного образования; в этом же году коллектив получает звание «Народный».

В 2003–2004 гг. за активную просветительскую и концертную деятельность Народный коллектив «Лаборатория пластических импровизаций» неоднократно получает благодарственные письма от Областного центра дополнительного образования, областного театра кукол им. Арк. Гайдара, Областного училища культуры. В 2004 году коллектив театра становится лауреатом Всероссийского театрального фестиваля «Надежда России».

В 2002 году Лаборатория пластических импровизаций стала инициатором и организатором первого городского конкурса по сценическому движению, в котором приняли участие 65 человек – студенты кафедр РТиАМ, РТПП и учащиеся Областного училища культуры. В 2005 году (апрель-май) проходил второй городской конкурс по сценическому движению, в котором уже приняли участие более 100 человек, представлявшие не только университет культуры и областное училище культуры, но и любительские объединения (ОЦДО, рук. Иванов К.), школа искусств № 19, худ. рук. Бабина Ю.А.).

В 2004–2005 гг. полностью сменился состав коллектива. В марте 2005 года Лаборатория отметила свое десятилетие новой программой и выступлениями на площадках города и университета. Номер «Детский мир» стал лауреатом ежегодного областного фестиваля студенческих коллективов «Студенческая весна 2005». В настоящее время Лаборатория носит статус кафедрального учебно-творческого коллектива, в котором постоянно занимаются от 14 до 20 студентов университета.

За годы работы Лаборатория пластических импровизаций под руководством Т.А. Григорьянц стала настоящей «кузницей кадров» для учебных заведений, любительских и профессиональных театров. Иванов Анатолий (выпуск 2000 г.) совмещает актерскую деятельность в Прокопьевском городском драматическом театре с педагогической деятельностью. Ему принадлежат постановки трюковых и фехтовальных фрагментов во многих спектаклях. Выпускник этого же года Борис Елисеев, много лет отработав преподавателем сценического движения на кафедре режиссуры театрализованных представлений и праздников, в настоящее время также совмещает исполнительскую практику с практикой педагогической в Московском государственном университете культуры и искусств. В настоящее время в КемГУКИ успешно трудятся бывшие участники коллектива Лаборатории, которая во многом изменила их судьбы: Татьяна Цветус-

Сальхова – преподаватель сценической пластики на кафедре режиссуры театрализованных представлений и праздников, Вероника Киселева – преподаватель режиссуры и сценического движения на кафедре режиссуры любительского театра. Несколько лет преподавали предметы пластического цикла выпускница 2002 г. Марина Дрень в Минусинском колледже культуры и искусств, Юрий Дорохов в Кемеровском областном колледже культуры и искусств. В настоящее время выпускники кафедры режиссуры любительского театра, активные участники Лаборатории Галина Лобанова и Никита Остатнигрош работают в качестве преподавателей пластики в Кемеровском областном театре кукол им. Аркадия Гайдара.

Многие выпускники Лаборатории создают свои любительские коллективы, в которых актерская пластика становится основным выразительным средством. Например, Константин Иванов уже несколько лет возглавляет любительский театр «Шанс» (Областной центр дополнительного образования). Активное использование физических возможностей, создание ярких и объемных образов при помощи трюков, пластических техник, элементов пантомимы, сценического фехтования – все это характеризует творчество этого коллектива.

Педагоги нашего университета, занимающиеся сценическим движением и пластикой, активно сотрудничают с любительскими и профессиональными театрами. С 1999 по 2007 гг. Т.А. Григорьянц работала как постановщик пластических и трюковых сцен в областном театре кукол им. Аркадия Гайдара: «Проделки козлят» (2000), «Медвежонок Рим-Ти-Тим» (2001), «Светофор собирает друзей» (2001), «Пер Гюнт» (2002), «Алые паруса» (2003) и другие.

В Кемеровском областном театре драмы Т.А. Григорьянц были поставлены пластические и трюковые сцены в спектаклях: «Сокровище Бразилии» (2002), «Сирано де Бержерак» (2003), «Люкс № 13» (2004), «Васса» (2008), «Белый колдун» (2008). В.А. Киселева была приглашена для постановки пластических сцен в спектакле «Игроки» (2007).

В 2007 году Т.А. Григорьянц провела несколько обучающих мастер-классов по сценической пластике и фехтованию на кафедре актерского мастерства Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия).

В настоящее время предметы пластического цикла в нашем вузе представляют: кандидат культурологии, профессор кафедры актерского искусства Т.А. Григорьянц, аспирант, старший преподаватель кафедры режиссуры любительского театра В.А. Киселева, аспирант, старший преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Т.Э. Цветус-Сальхова, преподаватель, аспирант Н.О. Остатнигрош.

Приведенный в определенном смысле статистический материал представляет верхний публичный пласт феномена сценического движения. Глубинный уровень выражается в осмыслении теоретических разработок и практическом приложении указанного явления. Он представляет вектор развития пластических искусств в Кузбассе. Это научное и творческое направление выражает синтез науки и творчества, показывает многогранность пластики.

Если подходить к этому явлению с позиций формирования научной и художественной школы, то в качестве ее предшественников, несомненно, следует назвать таких преподавателей вуза и их наставников в ведущих вузах страны: Г.В. Морозова (Москва), В.И. Зыков (Москва), К.А. Черноземов.

Кузбасская научно-художественная школа сценического движения сформировалась благодаря работе кандидата культурологии, профессора кафедры актерского искусства Т.А. Григорьянц, которая не только реализовала свой организаторский талант в формировании этой школы, но и сумела обобщить опыт предшественников, заложила ее научно-педагогические основы. Это нашло отражение в ее научных и методических публикациях: «Семиотика пластической культуры» (монография, 2006), «Сценическое движение. Пластический тренинг» (учебное пособие, 2004) и других. Ее ученики В.А. Киселева, Т.Э. Цветус-Сальхова, Г.А. Коляев, К.С. Иванов, М.А. Дрень, А.Н. Иванов, Б.Ю. Елисеев, Ю.В. Дорохов, Г.И. Лобанова, Н.О. Остатнигрош и другие реализуют творческий дух школы, найденные и опробированные методические находки, научные обобщения и выводы лидера школы. Они расширяют географическое пространство научно-художественной школы сценического движения в Сибири, а также в Монголии. Это свидетельствует не только о процессе становления собственной школы, но и о понимании и углублении ее основной задачи – анализ возможностей пластических средств в передачи художественного замысла театральных постановок и других художественных форм – литературных, фольклорных, праздничных и др.

Уже второе поколение – ученики и последователи Т.А. Григорьянц успешно реализуют творческий потенциал школы в студенческих и детских коллективах. Важным элементом школы сценического движения является научно-исследовательская работа второго поколения школы: в аспирантуре обучаются В.А. Киселева, Н.О. Остатнигрош, Т.Э. Цветус-Сальхова.

Признание, которое получила школа сценического движения в Кемерово, Сибири и за ее пределами, свидетельствует о ее востребованности, серьезном научном и художественном потенциале, перспективах ее развития в интеллектуально-художественной жизни региона.

ЗАБОТА ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ – ПРИЗНАК СОВРЕМЕННОСТИ

В.И. Марков, А.И. Мартынов, А.М. Кулемзин

Слова гения мировой культуры А.С. Пушкина о том, что неуважение к прошлому есть признак дикости, оказались актуальными и через двести лет. Современный мир в стремительном движении в будущее с уважением относится к тем странам, которые проявляют большее внимание к традициям, историческому прошлому, к культурному наследию. Этот, казалось бы, парадокс легко объясним. Он заключается в феномене музейного способа познания, предполагающего получение информации о прошлом от первоисточника, т. е. прямым путем – от объекта познания к его субъекту. Такой способ эмпирического познания минимизирует влияние посредников в передаче знаний и субъективное влияние различных идеолого-политических фальсификаций. Вот почему в эпоху утверждения демократии и борьбы с тоталитаризмом музей как никогда стал популярным, востребованным, актуальным.

Это в полной мере касается и России, пытающейся встать на путь демократического развития. Парадокс, но в начале 1990-х годов, когда бюджетное финансирование и без того бедной музейной системы было сокращено, музейная сеть страны резко возросла. За десятилетие число музеев увеличилось почти в два раза. Вместе с тем по причине почти полного отсутствия системы подготовки специалистов музейного дела в прежние десятилетия ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров.

Первыми центрами по подготовке музейных специалистов в современной России стали: Московский государственный институт культуры и искусств (1988), Российский государственный гуманитарный университет (1993), Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (1994). В настоящее время более трех десятков кафедр и факультетов в различных вузах выпускают специалистов для музейной сети страны. В основном это вузы культуры и университеты [1]. На сегодняшний день в стране сложилось несколько доминирующих центров подготовки специалистов музейного дела. Прежде всего, это названные вузы Москвы и Санкт-Петербурга. В Сибири – это Омский госуниверситет, Томский госуниверситет, Алтайская государственная педагогическая академия.

В Кемеровской области становление системы подготовки специалистов музейного дела имело сложный и длительный путь. Первые попытки обучения музейному делу студентов были предпринима-

ты молодым археологом Кулемзиным А.М. в 1976–1979 гг. в Институте культуры, когда он вел специальные курсы по музейному делу и охране памятников. С его переходом в Кемеровском госуниверситете на кафедру археологии в 1979 г. эти спецкурсы стали читаться на историческом факультете. В 1984 г. здесь была открыта специализация «Музееведение и охрана памятников». Попытки открытия специальной кафедры музееведения из-за «близорукости» прежнего руководства университета не увенчались успехом [2]. Поддержку своим идеям он вновь нашел, вернувшись в Кемеровский госуниверситет культуры и искусств и преобразовав в 2001 г. кафедру истории в кафедру музейного дела. Здесь им была открыта специальность «Музейное дело и охрана памятников» [3], а также направление в аспирантуре по специальности «Музееведение, реставрация и консервация историко-культурных объектов». В результате было завершено организационное оформление центра по подготовке специалистов музейного дела и становление научного направления. К этому времени вокруг А.М. Кулемзина сложился круг единомышленников, уже работавших или готовых включиться в работу по сохранению исторического и культурного наследия. Это практические работники музеев, преподаватели кафедры музейного дела КемГУКИ и других вузов Кузбасса.

Специфической особенностью музееведения является то, что в отличие от некоторых других наук здесь теория и практика трудно отделимы. Музееведение не допускает схоластического теоретизирования. Успешным ученым может быть только тот, кто знает практику музейного дела, участвует в формировании специалистов. Лишь богатая эмпирика может служить для научных обобщений. Вместе с тем музееведческая наука всегда служила и, должно быть, будет и впредь служить совершенствованию практики музейного дела. Именно этот путь не только теоретических, но в основном прикладных исследований избрала кемеровская музееведческая школа.

Научное направление кафедры сформулировано как «Историко-культурное наследие и общество» (руководитель – профессор Кулемзин А.М.). В нем могут принимать участие историки, культурологи, этнографы, краеведы, фольклористы и специалисты многих других наук, интересующиеся прошлым и современным состоянием исторического и культурного наследия народов нашей страны и всего мира.

В рамках научного направления разрабатываются следующие проблемы: «История музейного дела и охраны памятников Сибири», «Объекты историко-культурного наследия Сибири», «Методы и технологии сохранения и использования историко-культурного наследия» (совместно с кафедрой информационных технологий и НИИ информационных технологий социальной сферы), «Музейная педагогика». Каждая проблема объединяет несколько тем:

- История краеведения Сибири (исполнитель – к.и.н. Киселев А.В.);
- Школьные музеи Кемеровской области (исполнители – проф. Кулемзин А.М., к.и.н. Горбунов В.С., аспирантка Тарасова А.Н., студентка Коняева Л.С.);
- Ведомственные музеи Кемеровской области (исполнители – проф. Кулемзин А.М., студенты Арямкина И, Коняева С, Петров В. Петрова С.);
- Археологическое наследие Кемеровской области (исполнители – к.и.н. Баштанник С.В., Соколов П.Г.);
- Этнографические музеи Сибири (исполнитель – аспирантка Захарова О.В.);
- Электронные технологии создания банка данных объектов историко-культурного наследия (исполнитель – гл. специалист музея-заповедника «Томская писаница» Покровская А. Ф.);
- Методика сайтостроения музейных сайтов (исполнитель – аспирантка Захарова О. В.);
- Инновационные методы работы с музейной аудиторией (исполнители – к.и.н. Ковешникова Е.А., аспирантка Ткачева М.);
- Методология и методика краеведческой работы (исполнители – к.и.н. Киселев А.В.);
- Современные музейные коммуникации (исполнитель – к.и.н. Ковешникова Е.А.);
- Туристско-рекреационный потенциал Западной Сибири (исполнитель – Сыраев Д.Г.).

Исходя из проблематики кафедры формируется тематика диссертационных исследований аспирантов и соискателей, работающих под научным руководством проф. А.М. Кулемзина и проф. А.И. Мартынова. За время существования научного направления под их руководством было защищено 11 кандидатских диссертаций, в том числе директором кемеровского музея-заповедника «Красная горка» А.В. Зыковым «Музееведческие взгляды Н.Ф. Федорова и современное музееведение», директором музея спорта КемГУ Т.И. Кимеевой «Культурные аспекты взаимодействия аборигенов и русских Притомья», директором иркутского музея-заповедника «Тальцы» В.В. Тихоновым «Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья», Л.В. Быкасовой «Благотворительность в Западной Сибири Конца

XVIII – начала XX вв. как историко-культурный феномен», Ю.В. Ключевой «Краеведческие музеи Западной Сибири в современных условиях», директором музея археологии, этнографии и экологии КемГУ Н.А. Белоусовой «Вузовские музеи Западной Сибири в системе высшего образования», Ю.В. Ключевым «Региональные особенности музеев Западной Сибири в современных условиях».

Готовятся докторские диссертации: Т.И. Кимеевой «Культурологические аспекты сохранения и использования историко-культурного наследия автохтонных народов Притомья в XX – начале XXI веков», Е.А. Ковешниковой «Музей как информационно-коммуникативная система социокультурного пространства Западно-Сибирского региона», В.М. Кимеевым «Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции».

В настоящее время в аспирантуре по данной специальности обучаются шесть аспирантов и соискателей.

Со времени изменения профиля кафедры были изданы многочисленные научные работы её сотрудников. Среди них имеющими серьезное значение для развития музееведческой науки и практики музейного дела являются:

- Кулемзин А.М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – Кемерово, 2001 (монография).
- Кулемзин А.М. Об определении понятия «музей» // Мир музея. № 3 (247). Март 2008 (статья).
- Мартынов А.И. Культурогенез. – М., 2008 (монография).
- Ковешникова Е.А. Развитие игровой интерактивной методики работы с детской аудиторией в музейной среде // Музеология, музеи в меняющемся мире. ICOFOM. – Барнаул, 2008 (статья).
- Сергеева Е.Ф. История книгоиздательства в Западной Сибири. – Кемерово, 2006 (монография).
- Киселев А.В. Значение краеведения в современной России // Музееведение и историко-культурное наследие. Вып.1. КемГУКИ. – Кемерово, 2006 (статья).
- Кимеева Т.И. Реставрация и консервация музейных предметов. – М. 2009 (монография).
- Баштанник С.В. Культурно-исторические ценности России и уголовно-правовая охрана // Музееведение и историко культурное наследие. Вып 1. КемГУКИ. – Кемерово, 2006 (статья).
- Усков И.Ю. Методика изучения населенных пунктов // Архивы Кузбасса. № 1. – Кемерово, 2006 (статья).

Кафедра музейного дела выпускает тематический сборник научных статей «Музееведение и культурное наследие», посвященный современным проблемам сохранения и использования исторического

и культурного наследия, в котором публикуются авторы из Кемеровской области, Центральной России и стран СНГ.

Одной из основных задач в подготовке специалистов кафедры музейного дела считает интеграцию научной и учебной деятельности, т. е. использование научных исследований преподавателей при обучении студентов. Общекафедральная научная проблема органично связана с большинством учебных дисциплин, преподаваемых силами кафедры.

Наиболее успешно интеграция научной и учебной деятельности осуществляется в преподавании дисциплин специальности и специализации, а также спецкурсов и факультативов, так как они более тесно связаны с научными интересами преподавателей кафедры. Наибольшие результаты в этом имеют те преподаватели, чья проблематика научных исследований близко сопряжена с материалом читаемых курсов: проф. А.И. Мартынов, проф. А.М. Кулемзин, доц. Е.А. Ковешникова, доц. Д.Д. Родионова, доц. И.Ю. Усков, доц. Т.И. Кимеева, доц. С.В. Баштанник.

Интеграция научной и учебной деятельности осуществляется по следующим направлениям:

- Углубление отдельных тем читаемых курсов федерального компонента за счет собственных научных исследований по отдельным проблемам.

- Разработка новых специальных курсов и факультативов на основе авторских исследований.

- Разработка тематики курсовых и дипломных работ, направленных на решение проблемных вопросов, поставленных современной музееведческой наукой и практикой.

- Научные публикации преподавателей кафедры, включенные в списки рекомендуемой литературы в учебно-методических изданиях и для подготовки курсовых и дипломных работ.

Первое направление

Углубление отдельных тем читаемых курсов федерального компонента за счет собственных научных исследований по отдельным проблемам.

Музееведение (доктор культурологии, проф. А.М. Кулемзин). В чтении тем о современных процессах в музейном деле используются собственные публикации и публикации проф. А.И. Мартынова.

Охрана памятников (доктор культурологии, проф. А.М. Кулемзин). Курс построен полностью на основе монографии и опубликованного курса лекций по охране памятников.

Археология (доктор исторических наук, проф. А.И. Мартынов). Курс читается на основе собственного учебника, с использованием научного материала, полученного в многочисленных научных археологических экспедициях.

Этнология (кандидат культурологии, доц. Т.И. Кимеева). Часть тем по этнографии народов

Южной Сибири читается на основе собственных научных исследований.

Вспомогательные исторические дисциплины (кандидат исторических наук, доц. И.Ю. Усков). Используется авторская монография и многочисленные публикации по генеалогии и региональной истории.

История книги (кандидат пед. наук, доц. Е.Ф. Сергеева). Курс в значительной степени построен на основе авторской монографии и серии публикаций об истории книжного дела в Сибири.

Музейная педагогика (кандидат исторических наук, доц. Е.А. Ковешникова). Используются научные публикации, посвященные проблемам музейной педагогики и музейной коммуникации

Информационные технологии и технические средства в музее (кандидат философских наук, доц. Д.Д. Родионова). Включены публикации по проблемам использования информационных технологий в музейной деятельности.

Второе направление. Разработка новых специальных курсов и факультативов на основе авторских исследований.

Историко-культурное наследие и российское общество (проф. А.М. Кулемзин). Разработан авторский курс, опубликована учебная программа.

Основы НИР (доц. Д.Д. Родионова). Имеются научные публикации, опубликована авторская программа.

Археология Сибири (доц. С.В. Баштанник). Разработан спецкурс и подготовлено к публикации учебное пособие с использованием собственных исследований.

Введение в специальность (доц. Д.Д. Родионова). Имеются научные публикации, опубликована учебная программа.

Этногенез и современные этнические процессы в Сибири. (доц. В.В. Поддубиков). Спецкурс построен в значительной степени с использованием собственных исследований.

Краеведение (доц. А.В. Киселев). Спецкурс читается с использованием авторской монографии по исследованию населенных пунктов и других собственных исследований.

Правовая охрана культурного наследия (доц. С.В. Баштанник). Спецкурс разработан с использованием собственных научных публикаций.

Третье направление. Разработка тематики курсовых и дипломных работ, направленных на решение проблемных вопросов, поставленных современной музееведческой наукой и практикой. Так, например, в 2006-2009 гг. были успешно выполнены и защищены следующие дипломные работы:

- «Деятельность ведомственных музеев военизированных структур по военно-патриотическому воспитанию».

- «Научно-просветительская деятельность сибирских музеев конца XIX – нач. XXI веков».

- «Модернизация экскурсионной деятельности музеев через внедрение инновационных моделей коммуникации».

- «Инновационные формы культурно-образовательной деятельности музеев г. Кемерово».

- «Роль музейной педагогики в возрождении русской народной культуры в школьных музеях г. Кемерово».

- «Деятельность школьных музеев г. Кемерово в культурно-экологическом воспитании».

Приход в музейную сеть Кемеровской области молодых кадров, имеющих специальное образование и ученую степень, заметно повлиял на уровень деятельности музеев по всем направлениям [4].

Четвертое направление. Это включение научных публикаций преподавателей кафедры в списки рекомендуемой литературы в учебно-методических изданиях и для подготовки курсовых и дипломных работ.

Современные прогрессивные тенденции по отношению к историческому и культурному наследию, господствующие в цивилизованном мире, позволяют предполагать большое будущее новому научному направлению, сложившемуся на кафедре музейного дела в КемГУКИ. На это ориентируют конвенции и рекомендации ЮНЕСКО, направленные на сохранение национального культурного раз-

нообразия нематериального культурного наследия. Под их влиянием кафедра избрала новый подход в понимании музея и его социальных функций. Прежде всего, музей рассматривается не как консервативное учреждение культуры, ориентированное на самого себя, а как определенная социокультурная система сохранения, использования и передачи в будущее исторического и культурного наследия [5]. При этом современный музей является не средством идеологического воспитания, а средством формирования общественного мировоззрения на основе исторически достоверных знаний. Это обстоятельство объективно подводит к пониманию необходимости расширения демократического мировоззрения, утверждению общечеловеческих гуманистических идеалов и гражданского общества.

Теоретические позиции ученых кафедры музейного дела, соответствующие самым современным прогрессивным тенденциям мировой музеологии. Подготовка высококвалифицированных кадров для системы сохранения и использования историко-культурного наследия и практическая помощь многим музеям позволяют оценить коллектив кафедры как самостоятельный оригинальный научный центр. В результате подвижнической деятельности энтузиастов сохранения и использования исторического и культурного наследия мы можем сказать, что в Кемерово сформировалось новое современное научное направление, способствующее развитию культуры и науки в Кузбассе и Сибирском регионе.

Примечания

1. Сотникова, С.И. Чему учат будущих музейщиков // Мир музея. – 2007. – № 9(241), – сентябрь.
2. Мартынов, А.И. 65 лет Анатолию Михайловичу Кулемзину // Музееведение и историко-культурное наследие. – Кемерово, 2006. – Вып. 1. – С. 10.
3. Родионова, Д.Д. Из опыта подготовки музейных специалистов в Кемеровском государственном университете культуры и искусств // Музееведение и историко-культурное наследие. – Кемерово, 2008. – Вып. 2. – С. 59.
4. См., например, Реализация основных направлений культурной и национальной политики в Кемеровской области в 2007 году в свете приоритетного регионального национального проекта «Культура». Доклад начальника департамента культуры и национальной политики Кемер. обл. Л.Т. Зауэрвайн. – Кемерово, 2007.
5. Кулемзин, А.М. Современные прогрессивные тенденции в музейном деле // Музееведение и историко-культурное наследие. – Кемерово, 2008. – Вып. 2.

МУЗЕЙ XXI ВЕКА

В.П. Курбатов, Я.Н. Красноперова

*Все́му своё время, и время всякой вещи под небом:
время разбрасывать камни, и время собирать камни;
Екклесиаст. 3:5.*

В конце XX века мир вступил в полосу «музейного бума», выражающегося в музеефикации памятников истории и культуры, природных объектов, создании международных и национальных музейных объединений и ассоциаций, открытии новых и активизации работы ранее созданных музеев, в том числе работы с посетителями.

Музеи перестали быть просто хранилищами, они начали претендовать на роль городских общественных центров, обладающих большой притягательностью. Произошли большие изменения и в социальной роли музеев. Если раньше музеи были своеобразными «храмами культуры» для избранных, или обязательным местом посещения учащихся и студентов по мере прохождения учебной программы, то, начиная со второй половины XX века, они стали намного более демократичными. По сути, музеи оказались наиболее открытыми для широкой публики общественными зданиями, куда можно прийти без суеты, спешки и больших финансовых затрат. Особенно отличились музеи искусства, собравшие в своих стенах, как исторические раритеты, так и современные коллекции. Если в средние века роль «городских жемчужин» доставалась соборам и храмам, в XVIII и XIX веках – торговым центрам, вокзалам и даже фабрикам, то XX век привнес в соревнование между городами нечто новое. «Бум» строительства музейных зданий пополнил коллекцию мировой архитектуры настоящими шедеврами. И это вполне объяснимо: у собраний произведений искусства должна быть соответствующая оболочка.

Для европейских музеев весьма характерна тенденция взаимосвязи между историческим наследием и современной культурой. Это прослеживается не только в подборе экспозиций, но и в самой архитектуре музейных зданий. В них современные конструкции сочетаются с имитацией исторических форм, новейшие материалы маскируются под источенные временем камень и металл. И посетитель незаметно для себя погружается в тщательно воссозданную атмосферу минувших веков.

Если западноевропейские музеи навевают грезы о прошлом, то музеи восточноазиатских стран, в первую очередь Японии, – это гимн современным

технологиям. При всем дефиците земли в Японии на культуре не экономят. Для музейных экспозиций строятся просторные здания, начиненные последними техническими новинками. Это и мобильные потолки, и вентиляционные решетки, вмонтированные в пол, и ультрасовременные осветительные системы, включенные в интерьер, и многое другое.

Что касается собственно архитектуры музеев, то она максимально проста. Сказываются традиции минимализма, присущие японской культуре. Светлые однотонные стены и полы, громадные остекленные поверхности фасадов, минимум мебели в интерьере – все это должно настраивать посетителя музея на созерцательно-философский лад и помочь ему сосредоточиться на восприятии экспозиции.

Если музей не имеет особой специализации, он проектируется таким образом, чтобы экспозиции легко можно было менять. Поэтому большое распространение получили приемы трансформирующейся архитектуры. Огромные витрины легко передвигаются, меняя конфигурацию выставочных залов. Освещение для каждой новой экспозиции подбирается индивидуально за счет того, что светильники перемещаются по специальным рельсам в конструкции потолка. Техническая начинка зданий не прячется, а наоборот, гордо выставляется на всеобщее обозрение.

Особый подход в японских музеях практикуется и по отношению к природному окружению. Деревья, «случайно» оказавшиеся на территории строительства, не вырубаются, а органично вписываются в структуру здания. Создается впечатление, что они прорастают сквозь бетон и стекло, хотя, скорее, все происходит наоборот. Непосредственная близость природного окружения в сочетании с максимально простой архитектурой заставляет посетителя проникнуться мыслями о вечном, что, собственно, и требуется при погружении в мир искусства.

«Музейная лихорадка», прокатившаяся в последней трети XX века по всему миру, оставила после себя весьма значимый след в виде интересных архитектурных произведений.

Каждый сколько-нибудь значимый американский город имеет свой музей, а то и несколько.

Не имея столько древней истории, как Европа или Восток, Америка очень бережно относится к своей истории, чего нельзя сказать о нас, и стремится воссоздать ее в мельчайших деталях в музейных экспозициях. Частные коллекции, полностью или частично перешедшие после смерти их владельцев в распоряжение городских властей или же подаренные меценатами городу при жизни, требовали строительства новых оригинальных зданий.

Одним из первых таких объектов, получивших мировую известность, стал музей Гуггенхейма в Нью-Йорке, построенный Франком Ллойдом Райтом еще в 1959 году. Это спиралевидное здание, напоминающее улитку, заняло подобающее место в истории мировой архитектуры и стало уже хрестоматийным примером. Посетитель, поднимаясь по спиралевидным пандусам внутри музея, получал возможность без помех, спокойно осмотреть всю экспозицию, а заодно и полюбоваться на прекрасный интерьер здания. Впоследствии прием созерцания в движении по пандусам был растиражирован последователями знаменитого архитектора. Даже не менее именитый его коллега англичанин Норман Фостер не смог удержаться от того, чтобы не использовать этот прием при реконструкции Рейхстага в Берлине. Правда, в этом случае посетитель, гуляющий по пандусам, созерцает не музейные экспонаты, а ...депутатов германского парламента в зале заседаний под стеклянным куполом.

Следующее не менее интересное здание музея было запроектировано и построено в 70-х годах XX века в Глазго, в Великобритании. Меценат Ульям Баррел подарил городу свою уникальную коллекцию, в которой сочетались предметы различных цивилизаций – рыцарские доспехи и китайский фарфор, архитектурный декор христианских церквей и восточная лаковая скульптура. Объединить все это в едином здании, чтобы не возникало логических противоречий, представлялось сложной задачей. Проблема заключалась еще и в том, что разные экспонаты коллекции требовали сугубо индивидуальных условий хранения, освещения и вентиляции. Однако архитектор Барри Гэссон, проект которого победил в конкурсе, смог превратить все эти препятствия в предпосылки для поиска оригинального архитектурного решения.

Через двенадцать лет после начала строительства в пригороде Глазго вырос хрустальный дворец, со всех сторон окруженный вековыми деревьями. Архитектор организовал пространство внутри сказочного замка таким образом, что посетитель, неспешно прогуливающийся по музею, постоянно натывается на сюрпризы, перемещаясь из одной

эпохи и страны в другую словно по мановению волшебной палочки. Романская арка, как волшебный сезам, отделяет прозрачную галерею, наполненную светом, от мрачного зала рыцарского замка. «Потайные» двери служат условной преградой между экспозиционными залами восточных и западных культур. И вещи, созданные мастерами, говорившими на разных языках и молившихся разным богам, складываются в единое гармоничное целое.

Возникнет ли когда-нибудь в России потребность каждого города иметь собственное, индивидуальное здание музея? Об этом трудно судить. Ведь, хотя настоящее искусство не имеет цены, оно дорого стоит.

Постоянно растущая в мире сеть музеев сейчас насчитывает свыше 13 тыс. учреждений. Больше всего музеев в США – около 2000, в Италии – примерно 1500, во Франции, Германии и России – свыше 1000, в Великобритании – около 1000. Наверное, Россия, имеющая такую территорию и богатейшую историю, могла бы иметь большее количество музеев, но...

Развивающиеся страны Азии и Африки активно создают национальную музейную сеть, призванную содействовать развитию национального самосознания и охране культурно-исторических ценностей. Музеи мира объединяются международными организациями. В составе ЮНЕСКО имеется Международный совет музеев (ИКОМ), в который входят национальные комитеты музеев, в том числе российский.

Важную роль для понимания поднятой нами темы имеет история возникновения и развития музейного дела в России, СССР и РФ. В ее развитии можно выделить четыре этапа:

I. В источниках XII–XVII вв. содержатся многочисленные сведения о хранении исторических и художественных ценностей в соборах и монастырях во Владимире, Киеве, Новгороде. **К XV–XVII вв. относится формирование собрания** Оружейной палаты и хранилища памятников Патриаршей ризницы в Москве. Известны также коллекции **XVI–XVII вв., принадлежавшие Ивану IV**, Б. Годунову, Ф.С. Милославскому, А.С. Матвееву, В.В. Голицыну. В 1719 г. открылся первый русский публичный музей – Кунсткамера в Петербурге, в основе которой лежали коллекции Петра I. С переходом Кунсткамеры в ведение Академии наук она превратилась в крупное научное учреждение. В течение 2-й половины **XVIII–XIX вв. возникли** первые местные музеи в Иркутске (1882), Барнауле (1827), Оренбурге (1831), Астрахани (1836); коллекции Артиллерийского исторического музея (1756)

и Эрмитажа (1764) в Петербурге; создавались историко-археологические музеи в Николаеве (1806), Одессе (1825), Петербурге (Румянцевский музей, 1831) и другие.

Рост национального самосознания, развитие искусства, науки нашли отражение в создании Третьяковской галереи (1856), Российского исторического музея (1882), Русского музея (1898). Всего к октябрю 1917 г. функционировало свыше 150 музеев (без войсковых и церковно-археологических). Многие музейные ценности находились в частных собраниях, малодоступных даже для ученых и специалистов. Ведомственная разобщенность, отсутствие единого музейного законодательства, разницей в научно-методической области тормозили развитие музейного дела. В дореволюционной России музеи в большинстве своем находились в ведении какой-либо общественной организации: Императорского географического общества, русского исторического общества, археологического общества, а в провинции – в ведении ученых архивных комиссий, статистических, церковных комитетов и т. п. Законодательной базы об охране памятников истории и культуры, за исключением особо оговоренных случаев, не было [3]. Не было и центрального учреждения, которое занималось бы сохранением культурного наследия, и выдвигались требования о разработке законодательства об охране памятников и создании центрального государственного органа, который бы занимался охраной культурных ценностей [2].

II. 1917–1941 гг. Революция явилась переломным этапом в развитии музейного дела. В стране начала организовываться централизованная музейная сеть. Проведено это было рядом декретов СНК: «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев при НКП», «О национализации Третьяковской и Щукинской галерей», «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особо художественного и исторического значения» [5], «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [4], а также тем, что в Наркомпросе 28 мая 1918 г. был создан отдел по делам музеев и охране памятников. В июне 1919 г. отдел разделился на девять подотделов, среди которых был создан подотдел по провинциальным музеям и провинциальной охране памятников. Важным было и то, что с 7 декабря 1918 г. в губерниях при отделах народного образования начали создаваться подотделы по делам музеев и охране памятников [2].

Организация и строительство музейной сети в стране не являлись самоцелью. Перед музеями ставили задачи, которые безотлагательно требовалось решить новой власти:

1. Превращение музеев в идеологические, научно-просветительные учреждения.

2. Создание источниковой базы науки и организация самостоятельных исследований в области краеведческой работы.

3. Изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны и создание музеев соответствующего профиля.

4. Разработка и внедрение новых подходов в теории музейного строительства и создание музейных экспозиций.

Советское государство превратило музеи во всенародное достояние. Создание единой государственной музейной сети сопровождалось быстрым ростом числа музеев и появлением музеев новых профилей, прежде всего, историко-революционных. Только за 1918–1923 гг. было создано более 250 музеев. В 1941 году в СССР действовал 991 государственный музей.

III. С 1945 до середины 1980-х годов связан с восстановлением разрушенных музеев и открытием большого количества музеев боевой славы.

В 1972 году функционировали 1190 государственных музеев и тысячи школьных и народных музеев, созданных и работающих на общественных началах. В числе государственных музеев – 511 краеведческих, 199 историко-революционных и исторических, 171 искусствоведческий, 36 естественнонаучных, 242 мемориальных [1].

IV. Середина 1980-х – 2000-е гг. – пересмотр сложившихся концепций истории музейного дела в связи с изменениями в российском обществе, усиление интереса к истории музейного дела на региональном уровне. Музеи и музейные ценности (как здания, так и экспонаты) начинают передаваться из рук в руки, а единого закона, регламентирующего работу и финансирование музеев, до сих пор нет.

Музеи, действующие на определенной территории, составляют музейную сеть региона. Музейная сеть отражает его историю, интересы и потребности населения, имеющиеся на территории ресурсы и т. д. По тем функциям, которые выполняют музеи, по тому месту, которое они занимают в жизни своего региона, можно судить не только об уровне развития музейной потребности у местного населения, но и об уровне развития региона в целом: о политике власти в отношении развития региона, формирования учреждений культуры; о научном потенциале территории, о степени развития

рекреационной сферы и т. д. В этом отношении изучение истории музейного дела в регионе позволяет увидеть механизмы функционирования социума, взаимосвязь его частей.

Однако скудность централизованного финансирования, недостаток средств, необходимых для сохранения существующих раритетов, заставляет музеи искать новые формы существования, как в организации научной деятельности, так и в работе с посетителями. Поэтому начинают появляться музеи нового типа, например, музей под открытым небом – одна из форм сохранения и использования культурного наследия прошлого, это территория с сохранившейся, восстановленной или привезенной из других мест застройкой с предметами быта и культуры народа. Такие типы музеев представляют собой объекты туризма, имеющие культурно-познавательную ценность. Основной современной тенденцией в подходе к формированию экспозиции музеев является переход от показа отдельных уникальных построек к воссозданию целостных архитектурно-этнографических комплексов. Одним из принципов организации музеев под открытым небом является расположение музея в непосредственной близости от крупного города, что позволяет организовать его активное экспозиционное использование. Второй принцип включает в себя размещение архитектурно-этнографического комплекса в условиях, максимально приближенных к естественной среде.

Музей под открытым небом в наиболее общем значении – любой музей, чья экспозиция выставляется вне помещений. К таким музеям относятся парки скульптур, первым из которых был Летний сад в Санкт-Петербурге, основанный Петром I в 1704 году, спроектированный архитекторами Ж.Б. Леблонном и М.Г. Земцовым. Летний дворец, построенный по проекту архитектора Д. Трезини, стал первой резиденцией российских императоров в Петербурге. Теперь эти памятники архитектуры вместе с домиком Петра I стали структурными подразделениями государственного комплекса. В его ведении уже находятся известнейшие памятники архитектуры Санкт-Петербурга и пригородов – Михайловский дворец (Русский музей), Инженерный (Михайловский) замок, Мраморный и Строгановский дворцы и другие объекты. Также к музеям под открытым небом относятся парки миниатюр, где восстанавливаются памятники архитектуры в масштабе 1:25, существующие или исчезнувшие (такие, как парк Лугано в Швейцарии). Многие технические музеи под открытым небом часто размещаются экспонаты музеев авиации, военной техники, транспорта

(как, например, музеи железнодорожного транспорта в Бресте, Барнауле, Москве).

В более узком значении музеями под открытым небом называют музеи, в которых демонстрируются примеры архитектурных сооружений. Во многих музеях проводится комплексная реконструкция прошлого, исторические строения являются не просто отдельными экспонатами, а образуют взаимосвязанный комплекс. Таким образом, посетители получают возможность побывать в реконструированном населённом пункте прошлого, получая общее представление об истории и этнографии соответствующей страны или местности.

В последнее время существует тенденция воспроизводить в рамках музеев под открытым небом традиционные ремесла и виды деятельности, характерные для соответствующей местности и времени, например, работу мельника, ткача, кузнеца, гончара, плотника, винокура, пасечника и многих других. Иногда посетителям музея предлагается попробовать свои силы под руководством специалиста.

В некоторых музеях в дополнение к архитектуре реконструируют и транспорт прошлых лет. Например, в музее под открытым небом в Арнеме (Нидерланды) действует историческая трамвайная линия, а в музее Black Country Living Museum в районе Дадли (Великобритания) кроме исторического трамвая действует также исторический троллейбус.

Исторический транспорт в музеях под открытым небом может выполнять не только функцию действующего экспоната, но и утилитарную транспортную функцию, так как площадь таких музеев может быть весьма обширна.

Существуют музеи под открытым небом, реконструирующие самые разные периоды истории, – от стоянок первобытного человека до рабочих посёлков начала XX века.

Идея сохранения памятников путем создания музеев под открытым небом была впервые в Европе высказана Ч. Бонстеттеном в 1790 г., который предложил в Королевском парке поставить жилые дома с целью характеристики жизни, быта и народного искусства датских крестьян. В XIX в. в Швеции был создан один из самых известных музеев под открытым небом – Скансен, где собрано более 250 построек. На территории Российского государства первая попытка размещения этнографической экспозиции вне стен закрытого музейного помещения была сделана в Риге в 1896 г. А в 1924 году в Риге был основан Этнографический музей под открытым небом, но открыл он свои

двери лишь спустя 8 лет. Однако за это время там было установлено только шесть построек. Сегодня он насчитывает 125 строений (на площади в 97 гектар), из них 90 – традиционные – фермы, мельницы, церквушки, рыбацкие строения были собраны в четырех провинциях Латвии: Земгале, Курземе, Видземе, Латгале. Пожалуй, там никогда не бывает скучно. Этим можно объяснить его большую популярность – 250 000 посетителей в год. В музее трудятся 18 мастеров – ткачи, кузнецы, ложечники, плательщики, гончары, бортники и другие. На ярмарках народного прикладного искусства можно приобрести оригинальные сувениры из дерева, кожи, янтаря, плетеные изделия, а также попробовать себя в каком-нибудь из древних ремесел. Не забываемы красочные народные гуляния, воссоздающие традиции старинных праздников.

Со второй половины прошлого века в России один за другим начинают появляться музеи под открытым небом.

Решение о строительстве Иркутского архитектурно-этнографического музея «Тальцы» было принято 9 января 1966 г. В 1980 г. музей, ставший филиалом Иркутского государственного объединенного музея, принял первых посетителей. С 1 января 1994 года музей функционирует в качестве самостоятельного. 20 февраля 1995 года указом Президента Российской Федерации музей «Тальцы» отнесен к объектам исторического и культурного наследия федерального значения. В музее собрано 78 архитектурных памятников соборного, культового и гражданского зодчества народов иркутской области XVII–XX вв., а также этнографические коллекции X–XX вв., всесторонне отражающие материальную и духовную культуру русских, бурят, эвенков, тофалар.

Подобный историко-архитектурный музей под открытым небом института археологии и этнографии СО РАН создан в Новосибирске. Музей основан в 1972 году по инициативе академика А.П. Окладникова для того, чтобы уберечь от разрушения уникальные памятники археологии и архитектуры. Основу музея составила небольшая коллекция изваяний у коттеджа А.П. Окладникова, где выставлены образцы монументального искусства древних народов Сибири от эпохи бронзы до Средневековья. Такой «домашний» характер выставки привлекал многих посетителей Академгородка и его жителей. Одновременно велась работа по сбору, вывозу и консервации памятников деревянного зодчества из различных уголков Сибири и Дальнего Востока. От каждого региона представлено один-два характерных памятника.

Основу будущей экспозиции музея под открытым небом составили Спасо-Зашиверская церковь с Индигирки в Якутии (дар правительства Якутии), Казымский (Юильский) острог из Среднего Приобья, ветряная мельница «на ряже» из Барабинского района Новосибирской области, изба «связью» из деревни Ершово Иркутской области, изба «клетью» потомков Ивана Поломошного, сослуживца Семена Дежнева, из села Поломошного Кемеровской области, два двухэтажных амбара, амбар-погреб, баня «по-черному» из Нижнеилимского района Иркутской области, нанайский промысловый амбар из-под Хабаровска, Буддийский дуган (подарок Совета министров Бурятии), бурятская войлочная юрта из Агинского Бурятского округа Читинской области.

Музей включает четыре зоны: археологии Сибири, коренных народов края, Северного городка (Зашиверский и Казымский комплексы) и сибирской деревни. Но из 15 памятников деревянного зодчества реальную реставрационно-восстановительную работу удалось провести только на 8 объектах, центральным из которых стала Спасо-Зашиверская церковь с колокольной. Вместе с Казымским (Юильским) острогом с Нижней Оби (начало XVIII века), усадьбой старожилов Восточной Сибири (XIX века), перемещенными сюда древними каменными изваяниями и наскальными рисунками они и составляют сегодня комплекс историко-архитектурного музея под открытым небом.

Сегодня в России подобных музеев довольно много, но мы остановимся еще на одном – музее-заповеднике «Томская писаница», в становление которого много сил вложили ученые Кемеровского государственного университета и Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

25 тысяч лет назад у томских скал появились первые обитатели Сибири – люди древнекаменного века. Их потомки – люди конца каменного века эпохи бронзы – оставили на скалах замечательные произведения творчества, своеобразный окаменелый эпос, застывший на тысячелетия в рисунках сказаний о своей жизни. Древнее святилище составило основу природного культурно-исторического музея-заповедника «Томская писаница» – уникального памятника наскального искусства, культуры и истории народов Сибири.

На памятнике около 280 рисунков. Это лоси, медведи, антропоморфные изображения, личины, соляные знаки, хищники, птицы и лодки. Самые ранние рисунки относятся к концу неолита (IV–III тысячелетие до н. э.). Люди конца каменного века занимались охотой, рыболовством, это нашло

отражение в наскальном искусстве. Среди рисунков преобладают изображения лосей. Лоси были не только объектом добычи, но и поклонения, сосредоточения жизненных сил и мощи. Многие рисунки по праву можно назвать шедеврами неолитического искусства.

С лосями связаны антропоморфные изображения. Это схематичные рисунки людей часто в звериных масках, которые или охотятся на зверей, или участвуют в оплодотворении животных. Среди изображений выбиты знаки солнца. Необыкновенно искусно выбиты изображения птиц. Своеобразным символом писаницы стало изображение совы.

Особый интерес представляют стилизованные рисунки лодок. Лодка была связана с повседневной жизнью человека. Однако известно и совсем другое назначение лодок: у многих народов мира с лодкой связано представление о путешествии умерших сородичей по «реке смерти» в «страну мертвых», т. е. в потусторонний мир.

Вторая большая группа изображений относится к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.). Они расположены на верхнем камне и внизу. Среди них уникальный олень-солнце, танцующие птицелюди, таинственные личины. Очевидно, это образы не реальных людей, а духов-предков.

Изображения эпохи бронзы отличаются по технике и стилю от более древних рисунков. Среди них «объемные» контурно прочерченные изображения. Выделяются своей уникальностью фаллические антропоморфные фигуры с птичьими конечностями и головами с клювом.

Томская писаница – уникальный памятник евразийской и мировой культуры и истории. Это древнее святилище было культовым центром большой группы народов Западной Сибири на протяжении многих веков. И в настоящее время интерес к этому месту не ослабевает.

Скала с рисунками древних людей на берегу реки Томи, открытая на рубеже XVI–XVII вв., на протяжении сотен лет приковывала к себе внимание исследователей. Ее описания содержатся в трудах известных ученых и путешественников XVII–XIX веков: Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера, Г.И. Спасского и многих других. В 60–70-х годах XX века изучение томских петроглифов продолжили советские исследователи: А.П. Окладников, А.И. Мартынов, В.В. Бобров, Ю.М. Бородкин, Э.И. Биглер. Завершающим этапом этих многолетних исследований стал капитальный труд А.П. Окладникова и А.И. Мартынова «Сокровища Томских Писаниц» (1972), а также десятки статей в научных журналах в СССР и за

рубежом. Наука сделала свое дело, ученые помогли современникам понять смысл жизни и мировоззрение древних, но оградить памятник от естественного разрушения под действием природных факторов, а главное, от вандалов, они были не в силах. В 1960-80-е годы своеобразным штабом по спасению скалы стала группа ученых, преподавателей и студентов-историков под руководством профессора А.И. Мартынова. Благодаря этим людям была осуществлена первая реставрация памятника, построена знаменитая лестница, которая и сегодня является главным спуском к скале, развернута просветительская деятельность среди населения посредством публикаций в прессе, радио и телепередач, организованы первые экскурсии.

В 1968 г. территория, прилегающая к писанице, была объявлена заповедной зоной, а 16 февраля 1988 года на основании Постановления Совета Министров РСФСР от 15 февраля 1988 г. № 51 был создан музей-заповедник «Томская Писаница» с целью сохранения, музеефикации, изучения и публичного представления памятника наскального искусства «Томская Писаница», архитектурно-этнографических памятников под открытым небом, музейных предметов и коллекций, сохранения и изучения флоры и фауны заповедника, создания современной системы использования памятников истории и культуры, организации познавательного и научного туризма, сохранения исторического ландшафта.

Музей-заповедник располагается на площади 140 гектар лесопарковой зоны на правом берегу реки Томи в Яшкинском районе Кемеровской области. Основу музея составляет древнее святилище «Томская Писаница».

Во главе музея-заповедника «Томская Писаница» стал профессиональный этнограф, кандидат исторических наук В.М. Кимеев. В это время были заложены основы функционирования музея: создан профессиональный коллектив единомышленников, утверждены охранные зоны и генеральная схема развития музейного комплекса, проведена топо съемка местности, осуществлен землеотвод, подготовлен и утвержден генеральный план, налажен выпуск рекламной и сувенирной продукции. Были проведены первые комплексные экспедиции по комплектованию фондов и изучению традиционной культуры русского и шорского народов – коренного населения Притомья, положено начало формированию этнографических экспозиций музея. «Шорский улус Кезек» и «Русское сибирское село». В 1989–91 гг. в результате разведывательных археологических экспедиций вниз по течению То-

ми сотрудниками музея были обнаружены новые наскальные рисунки.

С 1991 по ноябрь 2004 года музей возглавляла Г.С. Мартынова. Этот период в истории музея-заповедника ознаменован появлением новых экспозиций, организацией научных конференций и семинаров. В 1995 году музеем-заповедником организована международная конференция по проблемам древнего наскального искусства; открыты музей «Петроглифов Азии», являющийся сегодня крупнейшим в России хранилищем коллекций наскального искусства Центральной Азии и археологический комплекс «Археодром». В 1996–97 гг. созданы экспозиции «Мифология и эпос народов Сибири», «Славянский мифологический лес», в 2000 г. – экспозиционные комплексы «Время, космос и календари» и «Живая археология». Со второй половины 90-х годов музей-заповедник начинает принимать активное участие в конкурсах и музейных форумах и получает признание в России и за рубежом.

С 2004 г. по настоящее время директор музея-заповедника – В.А. Каплунов.

Музей-заповедник «Томская писаница» получил статус официального представительства резиденции главного Деда Мороза России, которая находится в городе Великий Устюг. Верительную грамоту, свидетельствующую об этом, вручил сам Дед Мороз 12 декабря 2005 г. Торжественные мероприятия по открытию резиденции Деда Мороза прошли 24 и 25 декабря. В программу праздника входили: театрализованное представление, игровые программы, хороводы вокруг елки, подарки от Деда Мороза и вручение свидетельств о посещении резиденции. Гости праздника катались с ледяной горы, а также на лыжах, снегоходе, лошадях и посетили мини-зоопарк.

За 20 лет музей-заповедник превратился в признанный научно-исследовательский центр и настоящую кузницу научных кадров. Бессменным научным консультантом и главным специалистом музея все это время является академик РАН Анатолий Иванович Мартынов – человек, посвятивший Томской Писанице всю свою жизнь. Научными сотрудниками, в разные годы работавшими в музее-заповеднике, защищено 4 кандидатские диссертации. По материалам научных экспедиций и исследований музея написан ряд монографий и статей.

Сегодня «Томская Писаница» – это динамично развивающийся современный многопрофильный культурный комплекс, успешно сочетающий в себе музейную специфику, научную и культурно-просветительскую деятельность. За 20 лет он превратился

в настоящий музей XXI века и по праву является гордостью Кузбасса. В штате музея сейчас состоят более 60 человек, работающих в разных отделах: фондов, экскурсий и туризма, научно-экспозиционном, реставрации и строительства, административно-хозяйственном.

В составе музея несколько комплексных зон показа под открытым небом:

1. Томская писаница – уникальный памятник истории и культуры народов Евразии. Содержит около 280 наскальных рисунков, датируемых эпохой неолита и бронзы. Многие изображения уникальны и относятся к шедеврам первобытного искусства.

2. Архитектурно-этнографический комплекс «Шорский улус Кезек» – комплекс жилых и хозяйственных построек шорцев конца XIX – начала XX веков. Отражает традиционную материальную и духовную культуру кузнецких татар, а также влияние культуры и быта русских.

3. Мифология и эпос народов Сибири. Включает в себя галерею изваяний эпох палеометалла, скифского времени и средневековья; священное дерево, поминальники разных эпох и двух основных природно-исторических зон: северной – таежной и южной – степной.

4. Археодром. Реконструкции в природной среде древних жилищ народов Сибири эпох бронзы, раннего железного века и средневековья, павильон погребений.

5. Музей наскального искусства Азии. Представлены наиболее характерные комплексы наскального искусства Сибири, Монголии, Кореи, Китая, Индии и Пакистана.

6. Славянский мифологический лес. Комплекс дохристианской славянской культуры. Реконструкция языческого капища, копий идолов основных славянских богов.

7. Природа заповедника уникальна: 90 % площади занимает сосновый бор, 400 видов высших растений, 5 видов третичных реликтов, около 40 редких для Кузбасса растений. Разнообразен животный мир: 150 видов птиц, 50 видов бабочек и т. д. Действует мини-зоопарк.

8. Экспозиция естественной истории: показ материалов исторической геологии Кузбасса.

9. Время и календари: комплекс, демонстрирующий единство: космос- природа – время – человек – календарь.

Томская писаница – уникальный памятник евразийской и мировой культуры и истории. Это древнее святилище было культурным центром большой группы народов Западной Сибири на протяжении

многих веков. И в настоящее время не ослабевает интерес к этому уникальному месту.

В 2006 году музей-заповедник посетили 58 тысяч человек. В 2007 году – 74,3 тысячи человек.

В сентябре 2008 г. в музее-заповеднике «Томская Писаница» состоялось освящение православного храма-часовни, отвечающего историческим реалиям: освоение края российским государством изначально было связано с распространением христианства среди местного населения. Деревянная часовня, выстроенная по инициативе губернатора Кузбасса Амана Тулеева, уникальна по своей архитектуре. Ее высота составляет 33 метра. Таких высоких часовен в Кузбассе больше нет. Построена она по канонам древнерусского зодчества из лучших сортов дерева: сосны и лиственницы.

В 2008 г. музей-заповедник стал победителем областного конкурса на звание «Лучшее музейное учреждение года».

В 2008 году кафедра музееведения КемГУКИ и коллектив Томской писаницы начали работу над совместным проектом, направленным на улучшение работы с посетителями.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

- музеи, которые существовали в прошлом и существуют сегодня, должны искать новые формы работы с посетителями;

- музеи под открытым небом дают посетителям более полную картину о жизни общества в определенный временной отрезок;

- у музеев данного типа появляется больше возможностей самостоятельно пополнять свой бюджет;

- музеи-заповедники посредством восстановления народных обрядов и праздников будут способствовать более эффективной передаче культурного наследия от прошлых поколений к сегодняшнему и будущему.

Примечания

1. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1978. – Т. 17.
2. Полякова, М. А. Из истории охраны и пропаганды культурного наследия в первые годы Советской власти // Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. – М., 1987.
3. Разгон, А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России // История музейного дела в СССР. – М., 1957.
4. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 34. – С. 282; № 39. – С. 511; № 69. – С. 751.
5. В 1922 году данный Декрет был нарушен теми же, кто его принимал. За границу под благовидным предлогом были проданы ценнейшие произведения искусства, полотна великих художников, которые сегодня, привозят к нам, за огромные деньги, чтобы мы посмотрели, что имели и чего не сберегли.

Культурология и краеведение

О СИСТЕМНОСТИ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Н.М. Морозов

Трансформация современного российского общества связана с рядом процессов, относящихся к инновационным. Среди них фундаментальное значение имеет обновляющаяся в сознании россиян картина мира, свойства которой раскрываются и категориями философии культуры. Концепции развития общества, построенные на основе позитивизма и его разновидностей, в XX столетии обеспечили доминирование технократических подходов в определении социальных стратегий и поставили духовную сферу в положение служанки политических структур. Между тем, адекватное отражение в памяти народа своих образов, истоков происхождения, специфики эволюции во времени и пространстве, сформировавшихся форм и способов жизнедеятельности позволяет интеллектуалам освободиться от детерминизмов, непредвзято диагностировать те или иные социокультурные проекты и распознать среди них инновационные со стабилизирующими социум эффектами. Решению этой проблемы помогают знания о локальной цивилизации, выделяющие общее и особенное в социоприродной сущности больших групп людей, разделённых по этническому и государственному признакам.

Появление с 90-х годов XX в. цивилизационной тематики в перечне приоритетных направлений фундаментальных исследований РАН по отделениям общественных и историко-филологических наук явилось официальным подтверждением её исторической значимости, научности и актуальности для современного российского общества. Возросло и внимание учёных к дальнейшей разработке **теоретического модуля локальной цивилизации, содержание которого постепенно наполняется и корректируется в результате селекции концепций и гипотез представителей различных гуманитарных направлений. Широкий диапазон действия его эвристического потенциала особо отмечается В.А. Ламиным и М.М. Ефимкиным в контексте сравнительного изучения региональной**

специфики и влияния глобальных факторов на темпы развития российского общества [1].

После выхода в свет в 1869 г. знаменитой работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому» теория локальной цивилизации постоянно обогащается благодаря многочисленным объяснительным схемам, составленным на основе отечественного и зарубежного исторического материала. Накопленный массив знаний явился фундаментом для её трансформации до метауровня, общая конфигурация которого нуждается в уточнении.

Задача статьи заключается в построении такой структурной модели локальной цивилизации, системность которой может аккумулировать известные науке явления и процессы, касающиеся эволюции социума и его взаимодействия с природной средой.

В историографии можно встретить различные подходы схематичного представления локальной цивилизации. Наиболее распространённый способ теоретического конструирования состоит в развёрнутом (или лаконичном) определении ключевого термина с использованием набора идентифицирующих факторов. Чаще в качестве базового понятия выступает слово «общество» (общность), в отдельности имеющее неопределённый смысл, функциональное содержание которого наполняется и уточняется дополнительными метафорами. Например, цивилизация в интерпретации Б.С. Ерасова видится как «...социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, т. е. сверхлокальных ценностей, получающих отражение в мировых религиях, которые составляют целостные системы социокультурной регуляции, включая подсистемы морали, права, искусства, философии и т. д.». В трудах В.О. Ключевского и Л.И. Мечникова превалирует натуралистическое понимание, т. е. «...общество, определяемое взаимодействием с окружающей природой на основе типа хозяйства или производимого продукта» [2].

В соответствии с иными дисциплинарными предпочтениями одни авторы выстраивают смысловой каркас ключевого термина на основе категорий из урбанистики, другие опираются на стадийные различия в разделении труда, и этот структурный полисемантизм можно дополнить ещё десятками встречающихся в историографии классифицирующих признаков. Чаще стержнем интерпретации становится та или иная комбинация понятий, предназначенных для обозначения типов или характеристик отдельных подсистем цивилизационного устройства, полностью не определяющих сути его целостности.

Предметно-логическая ограниченность всех известных определений становится очевидной в случае их соотнесения с другим, качественно отличным измерением (экономическим, социальным, ментальным, политическим и т. д.). В результате в настоящее время отсутствует всех устраивающая формулировка ключевого термина, в которой полнота представленного содержания была бы достаточной для исчерпывающего представления системности локальной цивилизации.

Отдельным примером структурирования можно считать выделение системообразующих оснований. В концепции Российской цивилизации А.В. Лубского таковыми являются: доминантная форма интеграции в виде государственности, имеющей надэтнический и надконфессиональный характер; мобилизационный социотип и особый культурный архетип [3]. Определяя цивилизацию как способ жизнедеятельности общества, Л.И. Семенникова подчёркивает его общую обусловленность группой факторов: географической средой, системой ведения хозяйства, социальной организацией, духовными ценностями и культурой, политической системой, ментальностью и особенностями эпохи [4].

Рационально выверена в социально-экономическом отношении цивилизационная пирамида, составленная Ю.В. Яковцом [5]. Её этажи, начиная с нижнего, – человек, семья, народонаселение, затем последующих верхних – технологический способ производства, экономический способ производства, социально-политические отношения и завершающего – общественное сознание, напоминают структуру общественно-экономической формации. Устойчивость связей между всеми элементами пирамиды обеспечивается согласованностью циклических процессов эволюции каждого их них.

Многослойность и преемственность образа цивилизации видится Н.С. Розову в логике функционирования современного общества и наследуемых им культурных инвариантов как исторически сложившейся системы – в виде кометы, «...у которой “голова” – это актуальная цивилизация, а “хвост” – это мемориальная цивилизация, состоящая из “слепков” обществ прошлого» [6].

Вышеуказанные представления о сложном строении локальной цивилизации научно обоснованы и отражают применение широкого спектра подходов в изучении сущности данного макрообъекта. Отметим, что исследователи социальной и экономической истории России в явном или неявном виде всегда обращались к свойствам этой цивилизации (к коллективистскому сознанию, к традиционно экстенсивному характеру развития, к специфике механизмов мобилизации и перераспределения ресурсов в рамках жёсткой вертикали государственного управления, к приоритету духовных ценностей, к православной этике и мессианству и другим), в соответствии со своим видением исторического процесса отражая диалектику взаимодействия населения с естественной средой обитания.

В последней четверти XX века их проблемное поле получило существенное расширение за счёт междисциплинарных знаний о природопользовании (в узком понимании) – при изучении последствий демографических переходов и влияния производственной деятельности на окружающую человека среду. Были заимствованы термины из наук естественного цикла: биологии, географии, генетики и других. В широком смысле современная постановка исторических проблем взаимодействия природы и общества сосредоточена в направлении поиска и анализа механизмов жизнедеятельности и пределов устойчивости последнего. В начале XXI века их актуальность для исследования в исторической динамике процессов приспособления населения Сибири была подчеркнута интеграционным проектом 21.6 Института истории СО РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008 гг.). В ходе реализации проекта были получены новые фундаментальные знания об этапах эволюции региональных обществ, о преемственности её современных форм и содержания [7]. С позиций данного, более масштабного когнитивного уровня, мы выразили модель локальной цивилизации в таблице 1.

Системность модели локальной цивилизации

Способы существования в пространстве и во времени	Модель локальной цивилизации		
	Биосфера (вмещающий ландшафт)	Формы адаптации общества к свойствам вмещающего ландшафта	
		биосоциальные	техногенные
Пространственные системы	Атмосфера, гидро-, литосфера, биота	Семья, род, племя (народность), этнос, суперэтнос	Тип территориальной организации населения
Системы, определяющие динамику экологической ёмкости цивилизации	Энергетическая напряжённость систем	Физиологическая Демографическая	Технологический уклад Способ производства Модель управления Социальный строй Бытовой уклад
Область синтеза компонентов систем в локальной цивилизации	Реакции приспособления у природной среды, общества и человека	Духовная сфера: формы коммуникации, наука, религия, образование, культура, мораль, исторический опыт, психический склад этноса (в т. ч. менталитет)	

Особое в структуре место биосферы как одной из систем, определяющих свойства цивилизации, по многим основаниям подчёркивает ключевое значение природного детерминизма в циклах жизнедеятельности крупных территориальных групп людей. Одно из них выступает как осознание высокой вероятности разрушения гармоничной взаимосвязи выработанных форм адаптации общества в случае кардинального изменения вмещающего ландшафта (например, нарастания дефицита водных или биологических ресурсов, истощения запасов полезных ископаемых и т. д.). Историческая наука зафиксировала факты, когда социальный блок у некоторых этносов в кризисный период оказывался неспособным реадаптироваться в прежних границах природной среды, и восстановление экологического равновесия происходило за счёт его исключения в виде исхода населения в другие территории или физической гибели (катастрофического сокращения численности).

Наукой определён высокий уровень корреляции между естественными (биологическими, геологическими, географическими) параметрами крупных регионов и спецификой реализации там форм собственности, институциональной организации и духовной сферы [8].

Другое основание для признания фундаментального значения свойств биосферы в истории социума наиболее удачно поясняется с помощью терминологии, предложенной В.В. Вальковской, и заключается в судьбоносном для любой локальной цивилизации значении показателей динамики

её экологической ёмкости. Речь идёт о многообразии и объёмах имеющегося и используемого ресурсного потенциала и интенсивности его регенерации (восстановления) в различные периоды истории [9]. В этом контексте устойчивость цивилизации как совокупности форм и способов жизнедеятельности суперэтноса (группы этносов), объединённых единым жизненным пространством, историческим временем и социально-экономическими отношениями [10], обусловлена энергетической напряжённостью всех её систем. Уровень напряжения измеряется объёмами энергетического вещества в пределах имеющихся климатических условий в виде минерального сырья и плодородия почв, технологий их обработки, управленческого потенциала, характеристик доминирующих идей и других, предназначенных для оптимального (по принципу получения с минимальными усилиями адаптированного результата) развития социума, от достаточности и от вектора использования которых зависят и темпы, и качество социальных изменений, и благосостояние его членов [11].

В истории России при высоких показателях трудоёмкости в отраслях экономики и перманентном дефиците прибавочного продукта, в условиях постоянной подготовки к «ответам» Западу и Востоку, её внутренней энергетике было явно недостаточно для сохранения естественных темпов эволюции общества, которая и осуществлялась в режиме «застой (как период вызревания тенденций нестабильности) – рывок (сверхмобилизация, ускоренное движение к стабильному состоянию)».

Доказательная база о детерминации общества свойствами вмещающего ландшафта по количеству и разнообразию подтверждающих аргументов безгранична, и учёт этого явления (безапелляционно, либо с оговорками) или игнорирование (принципиально или формально в рамках специфики темы) – дело «вкуса» исследователя.

Требуется уточнения тот перечень первичных реакций приспособления, которые их носители приобрели в естественных условиях и которые в дальнейшем послужили универсальной основой для появления более сложных форм социального поведения. Относительно отдельного человека – это гнев, голод, инстинкт продолжения рода, самосохранения, чувство удовольствия и т. д. В условиях жизни в коллективе – это первичные признаки социализации людей: забота о ближнем, стремление к первенству, координированные действия в случае опасности и другие. Проявление симбиоза данных реакций в сообществе и его эволюция в процессе природопользования в различных ландшафтах, в сочетании с усложнением взаимоотношений между членами групп на каждой новой ступени развития их хозяйственной деятельности, отразились на формировании многообразия и специфичности ценностей этносов. Подавление «... базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения...», по мнению выдающегося социолога XX века П.А. Сорокина, являлось непосредственной предпосылкой «всякой революции» [12]. Более скрупулёзное изучение их влияния на исторические процессы позволяет увидеть границы действия рыночной мотивации смитовского *Homo economicus* и истоки иррационального поведения масс.

Биосоциальные формы адаптации, распространённые в различных ландшафтах посредством кровнородственных, хозяйственных, религиозных и иных связей в виде семей, родов, народностей (племён), субэтносов, этносов (суперэтносов), имеют свою демографическую и физиологическую динамику, обусловленную как внутренними причинами, так и внешними, исходящими из других систем. Их положение между биосферой и техносредой оценивалось Л.Н. Гумилёвым как маргинальное (лат. «*maggo*» – граница). «Это явление, которое связывает социальную форму движения материи со всеми природными формами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, ... воспринимает дары природы и кристаллизует их в свою культуру» [13].

Компоненты духовной сферы являются как продуктом развития и взаимодействия всех систем цивилизации, так одновременно и причиной трансформации последних. Также их синтезирующая роль заключается в многогранном отражении признаков идентичности общества в сознании человека. При этом мы не вступаем в противоречие с современными концепциями теории истории, считающими, что язык, письменность, иные средства передачи информации, наука, религии, системы образования, культурное наследие и мораль являются результатом сознательного и воспринятого на подсознательном уровне (психический склад этноса) исторического опыта совместного проживания людей в рамках естественных природных условий и искусственно созданной техногенной среды.

В представленной структуре локальной цивилизации у современного исследователя не вызовет возражений перечень техногенных форм адаптации общества и принцип их объединения (по принадлежности к результатам целенаправленной деятельности человеческого разума). В историографии, следуя традициям рационально-логического познания, заложенным европейской наукой, не иссякает интерес к стадильной специфике территориальной организации населения, способов производства, моделей управления, социального строя, быта населения, сосуществования различных технологических укладов. Вместе с этим, в данном ракурсе примеры из прошлого и настоящего европейских и неевропейских народов не могут быть сопоставлены между собой без учёта влияния свойств их цивилизаций (включая особенностей мировосприятия) на процессы, протекающие в указанных системах.

Исходя из поставленной в статье задачи, тематически ограничивающей объяснительные процедуры, последнее утверждение пока априорно указывает на существование этой сложносоставной цементирующей основы, которая скрепляет структуру объекта исследования, но в историософии она плодотворно изучается Р.М. Валеевым, И.Н. Ионовым, Ю.М. Кобищановым, В.В. Кожинным, Э.С. Кульпиным, Л.М. Марцевой, Р.М. Мухаметшиным, Ю.В. Олейниковым, И.Б. Орловой, В.И. Пантиним, О.А. Платоновым, О.А. Сергеевой, А.И. Субетто, И.Р. Тагировым, А.И. Уткиным, Р.Б. Хакимовым, Я.Г. Шемякиным, И.Л. Экаревой и ещё многими докторами в данной области науки.

Эвристический потенциал представленной модели локальной цивилизации прирастает преимуществами междисциплинарных (естественнонаучных и гуманитарных) знаний, комплиментарность

которых дополнительно стимулирует поиск смысловой совместимости предметно разобщенных гипотез, интерпретирующих механизмы взаимодействия общества и природной среды. Замыкание исследования на феноменах отдельных детерминирующих факторов, вытекающих из анализа, как правило, одной из систем социума, способствует глубокому познанию алгоритма деятельности отдельных структурных компонентов (классов, рынка, технологических укладов, эволюции идей и дру-

гих), но и нередко приводит к абсолютизации их роли в истории. Исправить данную погрешность позволяет анализ объекта уже по нескольким взаимосвязанным основаниям в более ёмком масштабе пространственного и сущностного понимания общества как локальной цивилизации, объединяющей в рамках своей целостности его особые (природную, социальную, ментальную, экономическую, политическую, этническую, религиозную и другие) ипостаси.

Примечания

1. См.: Ламин, В.А., Ефимкин, М.М. Влияние глобальных цивилизационных факторов на темпы исторического развития России. – Новосибирск, 2004.
2. Ерасов, Б. С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 19-36.
3. Лубский, А.В. Конфликтотенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. – Ростов н/Д, 2005. – С. 24.
4. Семенникова, Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России. Теоретические проблемы. Вып.1. Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. – М., 2002. – С. 33.
5. Кузык, Б.Н., Яковец, Ю.В. Цивилизации: Теория, история, диалог, будущее. – М., 2006. – Т. 1. Теория и история цивилизаций. – С. 9.
6. Розов, Н.С. Философия и теория истории. – Кн. 1. Прологомены. – М., 2001. – С. 119.
7. Букин, С.С., Красильников, С.А., Ламин, В.А., Покровский, Н.Н., Шелегина, О.Н. О перспективах исследования в Институте истории СО РАН проблемы «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах» // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. – Новосибирск, 2006. – С. 3–21.
8. Хмелевская, Г.Б. Доминанты цивилизационно-культурных процессов российского и западноевропейского общества: дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2006. – С. 87–117.
9. Вальковская, В.В. Экологическое сознание как самосознание цивилизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2000. – С. 29.
10. Ярецкий, Ю.Л. Российское общество и развитие цивилизации: социальные составляющие исторического процесса: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – С. 30.
11. Дука, О.Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примерах российской историографии). – Екатеринбург, 2001. – С. 184.
12. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – 116 с.
13. Гумилёв, Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. – М., 2007. – 608 с.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ВНЕРАЦИОНАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Я.Н. Красноперова

Понятие «культура» относится к числу фундаментальных в современном общественном сознании. В обыденном сознании культура служит оценочным понятием и относится к таким чертам личности, которые точнее было бы назвать не культурой, а культурностью. В науке принято говорить о «культурных чертах», «культурных системах, развитии, расцвете и упадке культур...» [1].

Американские антропологи А. Кребер и К. Клакхон в книге «Культура. Критический обзор концепций и дефиниций» дали около трехсот определений культуры, которые они разбили на пять основных типов.

Описательные определения. Согласно Э. Тайлору, «культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества».

Исторические определения. Примером здесь может служить определение, данное известным лингвистом Э. Сепиром: культура – это «социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни». Недостаток определений этого типа связан с предположением о стабильности и неизменности, в результате чего из виду упускается активность человека в развитии и изменении культуры.

Психологические определения. Антрополог Р. Бенедикт определяет культуру как «социологическое обозначение для наученного поведения, то есть поведения, которое не дано человеку от рождения, не предопределено в его зародышевых клетках, как у ос или социальных муравьев, а должно усваиваться каждым новым поколением заново путем обучения у взрослых людей». Социолог К. Янг дает следующее определение: «Культура – это формы привычного поведения, общие для группы, общности или общества. Она состоит из материальных и нематериальных элементов».

Структурные определения. Здесь характерны определения, данные аналогом Р. Линтоном: «а) ...Культуры – это в конечном счете не более чем организованные повторяющиеся реакции членов общества; б) Культура – это сочетание наученного поведения и поведенческих результатов, компонен-

ты которых разделяются и передаются по наследству членам данного общества».

Генетические определения. «Культура – это имя для особого порядка или класса феноменов, а именно: таких вещей и явлений, которые зависят от реализации умственной способности, специфической для человеческого рода, которую мы называем «символизацией». Говоря точнее, культура состоит из материальных объектов – орудий, приспособлений, орнаментов, амулетов и т. д., а также действий, верований и установок, функционирующих в контекстах символизирования. Это тонкий механизм, организация экзосоматических путей и средств, используемых животным особым рода, то есть человеком, для борьбы за существование или выживание» (социолог Л. Уайт).

Все вышеназванные определения изложены Л. Иониным, а также наличествует и его собственное понимание. «Однако, – пишет он, – можно приблизительно представить себе, в чем были бы согласны авторы буквально всех приведенных выше определений. Без сомнения, они были бы согласны с тем, что культура – это то, что отличает человека от животных, культура – это характеристика человеческого общества. Кроме того, они, наверное, согласились бы, что культура не наследуется биологически, но предполагает обучение. Далее они наверняка признали бы, что культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка)» [2].

За последнее время культура стала, прежде всего, объектом исторического и социологического исследования, но философский ракурс проблемы остается малоисследованным. Между тем многие метафизические вопросы культуры поставлены именно современной философией. Философское осмысление феноменов культуры опирается на культурологию. Однако зачастую оно обращается не к фактам эмпирического исследования, а к историко-философской традиции.

Рациональность в системе культуры можно рассматривать двояким образом. Во-первых, это рациональные формы культурного освоения реальности человеком, разумная человеческая деятельность и, во-вторых, это генезис идеи рациональности в культурной истории человеческого сознания.

«Как проблема духовно-теоретического плана, – говорит П.Ф. Йолон, – рациональность осознается в контексте методологического сознания той или иной эпохи и состоит в разработке и обосновании путей, средств, форм разумной деятельности мышления, которые противопоставляются неупорядоченному, хаотичному движению мысли, подверженной эмоциональным импульсам» [3]. Также рациональное выражено в методологии, то есть в обосновании концепций, определений, подходов и в категориях. Рациональность в культуре, так же как и в других сферах человеческой деятельности, предполагает разумную деятельность.

Вышеназванный автор выделяет четыре основных типа концепций исторических форм рациональности, которые соответствуют ведущим моделям представления исторического процесса: 1) абсолютистский, когда разум представляется единым и неразделимым и мировой Логос совпадает с теми логическими и рациональными формами, которыми пользуется познающий субъект (платонистские, христианские и т. п. концепции Разума); 2) «линейный», когда разум представляется развивающимся по восходящей линии и тогда оказывается, что прошлое погружено в мрак невежества, а будущее представлено в форме светлого идеала (просветительские концепции прогресса и т. п.); 3) «локальный» (или «точечный»), когда всякая форма разумности оказывается изолированной и ограничивается в пространстве и во времени, а за ее пределами может автономно и изолированно существовать иная форма; 4) «многомерный» тип понимания и осмысления форм духовности человека, который связан с установлением реальных или возможных форм взаимодействия различных культур и эпох и выработкой некоторых общих констант разумности на основе научного представления об историческом развитии (диалектическая модель).

В XVII–XIX вв. осмысление истории культуры происходит главным образом под воздействием схем первого и второго типов, то есть абсолютистско-линейных – это культурологические концепции Дж. Вико, И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля. **А в XIX–XX вв. на первом плане схемы плюралистического характера,** тяготеющей к многомерности, – это концепции О. Шпенглера, А. Швейцера, Н.Я. Данилевского и З. Фрейда.

Одна из первых концепций – это теория циклического развития культуры Дж. Вико (1668–1744). Его считают родоначальником культурного плюрализма (панорама разных культур, несхожих и подчас не совместимых образов жизни, идеалов, критериев). Согласно его учению, каждая подлинная культура обладает своим собственным неповторимым видением, иерархией ценностей. Вико считал, что люди не замурованы в своей собственной эпо-

хе или культуре, не заперты в замкнутом пространстве, а значит способны понять другие, глубоко чуждые им общества и эпохи, чьи ценности отличаются от их собственных. Он был глубоко убежден: то, что сделано одним поколением, могут постичь другие.

Рациональное обоснование имеет утверждение, что без дара (фантазии) невозможно воскресить прошлое. Решающая роль, которую Вико отводит воображению, не должна обманывать нас: по мнению философа, критическая проверка свидетельств совершенно необходима. Без фантазии прошлое остается мертвым.

Теория круговорота Дж. Вико основана на том, что цикл существования любой нации состоит из трех эпох. Первая – «век богов», когда государство еще отсутствует, представления людей фиксируются в мифах, а приоритет закреплен за религиозными структурами. Вторая – это «век героев», где господствует аристократическое государство и символически отражается в различных формах героического эпоса. Третья – это «век людей» – демократическое государство или монархия; для этой эпохи характерно осмысление мира в историографии. Ее окончание знаменует собой распад данной культуры и общества.

Идеи Вико оказали большое влияние на последующие представления об истории и культуре. Они явились одной из первых попыток увидеть порядок и последовательность в кажущемся хаосе исторических событий. Дж. Вико считал открытые им законы развития общества провиденциальными. Их познание и постижение смысла истории вообще становилось как бы проникновением в замыслы Бога. Мысль о возможности такого проникновения – ведущая для мировоззрения Нового времени.

Внерациональным в учении Дж. Вико можно назвать стремление проникнуть в замыслы Бога. Любое такое проникновение подобно «поиску в темноте». Божественный мир должен остаться неприкасаем хотя бы потому, что человек подвластен Богу, а не наоборот. Как утверждает философ Локк, «Бог наложил определенную печать на душу каждого человека, и вряд ли ее можно изменить» [4]. Человек грешен и смертен, а потому опыт соединения с Богом ему недоступен. Воссоединение с Богом может быть, возможно, только через некий мистический экстаз. Учение Вико – человек может понять лишь то, что он делает, – недостаточно для раскрытия и анализа культуры.

Следующая культурологическая концепция – это теория единства и разнообразия культурно-исторического процесса в философии культуры Гердера (1744–1803), где он сумел синтезировать многие культурные достижения своего времени в области науки, искусства и философии.

Становление культуры Гердер пытается объяснить естественным ходом событий, в первую очередь удовлетворением насущных потребностей. Он верил в то, что каждая культура вносит свой собственный незаменимый вклад в развитие человеческого рода, и вместе с тем считал, что несхожие культуры не должны бороться друг с другом, а, напротив, призваны влиться в мировую культуру и обогатить всеобщую гармонию народов.

Развитие человеческой цивилизации мыслилось им как сосуществование множества разных культур, каждая из которых олицетворяет иерархию ценностей, отличную от другой и подчас несовместимую с нею, но доступную пониманию, то есть может быть воспринята теми, кто наделен достаточно чутким историческим видением, как путь жизни, по которому можно идти, полностью сохраняя человечность.

Рациональное усматривается в главном постулате концепции Гердера о неповторимости национальных культур, их несовместимости друг с другом и различии подходов к их пониманию и оценке. Гердер подчеркнуто отказывается от европоцентризма во взгляде на историю культуры.

Стремление к осознанию многообразия общественного развития на каком-то едином основании представляет собой попытку увидеть мир не таким, каков он есть, а таким, каков он должен быть, каким он был задуман Богом. Об этом мы уже говорили применительно к пониманию истории у Дж. Вико. Уже не только личность, но и само бытие культуры как бы выпадало из идеи культуры, какой она понималась к началу XIX века.

В трактате «Исследование о происхождении языка» Гердер пришел к выводу, что язык – создание человеческого разума. Вывод имел большое значение не только потому, что был направлен против теологического понимания культуры. В сущности, Гердер обосновал плодотворную для последующей культурологии мысль о культуuroобразующей функции языка, которую он выделяет в качестве основной и которая была вскоре развита в философии языка и культуры В. Гумбольдта (1767–1835).

В монументальном сочинении «Идеи к философии истории человечества» Гердер доказывал, что человечество движется к гуманности, разуму и справедливости. Методологически значимы представления И.Г. Гердера о единстве культуры и ее прогрессирующем характере, которые во многом определили последующее развитие всей немецкой философской мысли.

Отрицание теологического понимания культуры может являться внерациональным моментом в концепции Гердера. Как известно, наряду с куль-

турой религия всегда выполняла и выполняет важную общественную функцию – воспитательную, дает человеку нравственную опору в жизни. Исторически сама культура русского народа сформировалась в лоне религии, стала производной от нее.

Следующая – культурологическая концепция Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), который по-новому понял человека, разум и культуру. Последняя у него выступает как реализация разума, но это уже реализация разума мирового или мирового духа. Этот мировой дух разворачивает свою сущность, реализуя себя в судьбе целых народов, воплощаясь в науке, технике, религии, искусстве, формах общественного устройства и государственной жизни. Этот дух преследует свои всеобщие цели, которые нельзя объяснить как сумму замыслов отдельных людей или как индивидуальную цель сильной исторической личности. Конечно, непосредственно все культурное творчество осуществляется индивидуальными усилиями людей. Но в гегелевской теории все, что делают люди, есть осуществление целей мирового духа, «который незримо дирижирует историей».

При первом знакомстве с гегелевской концепцией возникает вопрос: зачем говорить о мировом разуме, когда всегда можно указать на индивидуальных творцов? Однако при более внимательном рассмотрении концепции можно обнаружить рациональное обоснование и понять, что у Гегеля имелись самые серьезные основания для своей теории. Дело в том, что развитие мировой культуры обнаруживает такую целостность и логику развития, которые не могут быть выведены из суммы индивидуальных усилий. Скорее, наоборот, творчество отдельных людей и даже целых народов подчиняется этой скрытой логике, которая обнаруживает себя лишь тогда, когда все многообразие культурных явлений будет понято как саморазвертывающееся целое. Именно такой способ рассмотрения и составляет заслугу Гегеля.

Вся его концепция построена на естественном выводе: в основе бытия лежит разум, мысль (но не человеческая, а самосущая, всемирная) и бытие. Этот мировой разум и есть подлинное божество для Гегеля, который не просто сформулировал общие принципы своей теории, но проанализировал весь путь развития мировой культуры. Такой грандиозной и стройной логической картины до него не создавал ни один мыслитель. Развитие культуры во всем многообразии ее проявлений – от философии, религии, искусства до государственных форм впервые предстало как закономерный целостный процесс. И в этом заключается методологическая значимость концепции Гегеля.

Однако в самой основе гегелевского подхода кроется источник его ограниченности. Речь идет, прежде всего, о том, что у Гегеля субъект (творец) культуры отождествлен с безличным разумом, а развитие культуры представлено как монологическое развертывание этого замкнутого в самом себе разума. Безусловно, Гегель вовсе не думал, что культура включает в себя лишь рационально-логические формы. Но с его точки зрения, все существенное содержание культуры есть реализация логической идеи. Отсюда вытекают несколько следствий.

Во-первых, все, что сводится к замкнутой в себе логике, оказывается исчерпываемым и неспособным к бесконечному развитию. Поэтому и гегелевская абсолютная идея (мировая культура) рано или поздно останавливается в своем развитии: «мировой дух развернет в истории всю полноту своих определений, и сольется сам с собой в созданном им совершенном культурном мире» [5].

Во-вторых, в гегелевской теории нет места самоценной и несводимой к мировому разуму человеческой душевности. Но человек есть нечто большее, чем реализация идеи, а наличие некоей «логики» развития культуры вовсе не означает, что значение культуры сводится к логике, как это полагал Гегель.

В-третьих, в теории Гегеля нет места для подлинной автономности и самоценности человека. Для Гегеля единичный человек ценен лишь постольку, поскольку он есть воплощение безличного мирового разума. И даже когда речь идет о сокровенном достоянии человека – свободе, то оказывается, что подлинным субъектом свободы выступает не человеческая личность, а безличный мировой дух. Символическое воплощение мировой дух обретает в культуре, а объективное воплощение – в государстве. Таким образом, оказывается, что мировой разум в виде культуры и государства стоит над единичными людьми, используя их как орудие для своих целей. Центральной идеей гегелевского подхода явилось сведение человека к безличной логике разума.

Далее будут рассмотрены культурологические концепции, тяготеющие к многомерности. Классическим примером этого рода может служить концепция О. Шпенглера, который заявлял, что «нет вечных истин. Каждая философия есть выражение своего и только своего времени, и нет двух эпох, которые имели бы одинаковые философские устремления. Различие не в том, вечно или переходяще данное учение, а в том, жизненно ли это учение на некоторое время или мертворожденное» [6].

Освальд Шпенглер придерживается того мнения, что единой мировой культуры нет (как анало-

га гегелевской абсолютной идеи). Есть лишь различные культуры, каждая из которых имеет свою собственную судьбу.

Культура в шпенглеровском понимании – это символически выраженная смысловая целостность (система), в которой естественно (и многообразными способами) реализует себя соответствующая душа: «Культура как совокупность чувственно-ставшего выражения души в жестах и трудах, как тело ее, смертное, преходящее...; культура как совокупность великих символов жизни, чувствования и понимания; таков язык, который только и может поведать душа, как она страдает» [7].

Но и собственная «идея» каждой культуры, о которой говорит Шпенглер, вовсе не аналогична идее в гегелевском ее понимании. Если у Гегеля первичной была логика, то у Шпенглера первичной является внерациональная и несводимая ни к какой логике душа культуры, которую он выделяет как основную категорию, а логика, как, впрочем, и искусство, наука, политика всегда вторичны по отношению к этой душе.

Шпенглеровский термин «душа культуры» есть яркое и в то же время точное выражение того обстоятельства, что основание культуры несводимо к разуму. У каждой культуры есть своя собственная «душа», реализующаяся во множестве индивидуальных жизней. Душа каждой культуры уникальна и не может быть до конца выражена рациональными средствами. Поэтому так трудно проникнуть во внутренний мир людей иной культуры, понять природу их символов, чувств, верований. Шпенглер выделяет несколько («аполлонический», «магический», «фаустовский») типов души, лежащих соответственно в основе Античной, Арабской и Западной культур. И здесь сразу же выясняется эвристическое значение этих понятий, соединяющих рациональную мысль с выражением внерациональной «душевности». Шпенглер сумел уловить тот факт, который часто ускользает от исследователя-рационалиста, склонного видеть в своей собственной культуре вершину мысли и нравственного чувства и воспринимающего все иные формы познания, искусства, веры как нечто ложное или недоразвитое, «недоотянувшееся до его уровня» [8]. Для Шпенглера все культуры равноправны в том смысле, что каждая из них уникальна и не может быть осуждена с внешней позиции, с позиции другой культуры.

Можно упрекать Шпенглера за то, что он некорректно и метафорично использовал термин «душа» в разговоре о сущности культуры. Но он был прав, говоря о необходимости понимания того значения, которое приобретает термин «душа» приме-

нительно к культуре. Ранее уже говорилось о том, что культура определена смысловой доминантой, несводимой к рациональной логике.

По Шпенглеру, каждая культура имеет не только свое искусство, но и свое собственное естественное и даже свою уникальную природу, ибо природа воспринимается человеком через культуру. Из идей Шпенглера развилось новое направление в культурологии и философии науки. После работ ученого исследователи стали замечать то, что раньше ускользало от внимания. Теперь уже нельзя обойтись без исследования того, как и каким образом внерациональные смысловые основания культуры детерминируют развитие не только религии и искусства, но и науки и техники. И заслуга открытия (постановки) этой проблемы принадлежит Шпенглеру.

Итак, в основе каждой культуры лежит душа, а культура – «это символическое тело, жизненное воплощение этой души». Но ведь все живое смертно. Смерть культуры наступает тогда, когда ее душа исчерпана, когда ее смыслы уже не вдохновляют людей, обращенных теперь не к осуществлению культурных ценностей, а к утилитарным целям и благоустройству жизни. Этот период Шпенглер связывает с наступлением эпохи цивилизации.

Шпенглер менее всего «моралист от культуры», отрицающий цивилизацию как таковую, но Шпенглер и не «человек цивилизации», способный откинуть в сторону старый «культурный хлам» ради того, чтобы уютно чувствовать себя в мире обыденных забот и прагматически ориентированной рациональности. Это двойственное и по сути трагическое мироощущение Шпенглера охарактеризовал Н.А. Бердяев: «Своеобразие Шпенглера в том, что еще не было человека цивилизации ... с таким сознанием, как Шпенглер, печальным сознанием неотвратимого заката старой культуры, который обладал бы такой чуткостью и таким даром проникновения в культуры прошлого. Цивилизаторское самочувствие и самосознание Шпенглера в корне противоречиво и раздвоено. В нем нет ... цивилизаторского самодовольства, нет этой веры в абсолютное превосходство своей эпохи над предшествующими поколениями и эпохами. Шпенглер слишком хорошо все понимает. Он не новый человек цивилизации, он ... человек старой европейской культуры» [9]. И эта оценка его тем более актуальна, что сегодня она с полным правом может быть отнесена ко многим мыслителям XX века, **чувствующим** трагедию культуры в чуждом ей мире цивилизации. Шпенглер был одним из первых, кто почувствовал эту трагедию. Методологическую значимость его концепции усмотрели Тойнби и Ортега-и-Гассет,

которые не скрывали собственной увлеченности духом прорицаний Шпенглера, а Бердяев полагал гениальной его мысль о том, что буддизм, стоицизм и социализм «фазисно однородны».

Несмотря на заслуги Шпенглера перед культурологией, нельзя не заметить недостатков его концепции. Например, он не объясняет рождение новых культур. Справедливо указывая на различие культур, он доводит дело до постулирования их полной изолированности и взаимонепроницаемости. По этому поводу немецкий культуролог Л. Энглер замечает: «Если бы души культур были столь абсолютно отделены друг от друга и столь различны по структуре, как это утверждает Шпенглер, то ему не удалось бы написать своей книги» [10].

С пониманием необходимости тесной связи культуры и этики связано гуманистическое направление в культурологии, которое развивал А. Швейцер (1875–1965) не только в теории, но и на практике. Будучи известным в Европе органистом, он в 1913 году уехал в Центральную Африку, где в Ламбарене на собственные средства основал больницу и всю жизнь посвятил лечению больных проказой. В философской концепции культуры Швейцера есть острая и нередко глубокая критика антигуманизма современного буржуазного общества; в качестве критерия культуры и ее прогресса с позиций историзма рассматривается мера гуманизма, фактически достигнутая конкретным обществом. Вся концепция представляет собой философский протест против шовинистического национализма, расизма, фашизма, милитаризма и войны. В ней он со всей силой подчеркивает значение оптимистического мировоззрения и гуманистической этики.

«Культура, в понимании Швейцера, представляет собой совокупность всех прогрессов человека и человечества во всех областях и в любом отношении, но только в том случае, если все это служит духовному совершенству отдельного индивида» [11]. Все надежды Швейцера на возрождение культуры связываются только с творческой деятельностью отдельных личностей в сфере духа. Он формулирует основной закон развития культуры: «Когда коллективы воздействуют на индивида сильнее, чем индивид на них, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью уменьшается решающая величина – духовные и нравственные задатки человека» [12].

Рационально обоснован тезис Швейцера о том, что материальные достижения в историческом развитии цивилизации становятся элементом культуры лишь тогда, когда они идут на службу прогресса личности и общества.

А. Швейцер рассматривал жизнь как самоценность и как высшую ценность. В качестве главного этического принципа он предлагал «благоговение перед жизнью», что должно быть, по его мнению, основой универсальной космической этики. Он противопоставлял культуру цивилизации, считал последнюю внешним прогрессом. Действительный прогресс возможен лишь как единство этики и культуры. Критерием развития культуры А. Швейцер считал уровень гуманизма в обществе. Причину гибели древних цивилизаций он видел в том, что создавшие их люди не смогли выработать соответствующее гуманистическое мировоззрение. Этот же недостаток присущ и современной цивилизации Запада.

Существенный вклад в осмысление проблемы соотношения культуры и цивилизации внес русский философ Н.Я. Данилевский (1822–1885). Он сформулировал принципиально новую культурологическую концепцию, которая знаменовала разрыв с предшествовавшей традицией. Концепция Данилевского стала одной из первых попыток обоснования взгляда на историю как на нелинейный многовариантный процесс. Его идеи оказались созвучными многим концепциям XX века – теории локальных цивилизаций, теории аккультурации, социологии знания и т. д.

Данилевский считал, что в мире одновременно существует множество разнородных культур, или культурно-исторических типов, то есть особых культур, которые раскрывают свои возможности в конкретные исторические периоды. Заметим, что понятие «культурно-исторический тип» у Данилевского включало в себя и культуру, и цивилизацию, оно нередко отождествлялось философом то с культурой, то с цивилизацией.

Он выдвинул идею о существовании множества цивилизаций, являвшихся выражением бесконечно богатого творческого гения человечества. Каждая из них возникает, развивает свои собственные формы жизни (язык, способ общения, труда, формы быта и т. д.), свои моральные и духовные ценности, а затем погибает вместе с ними. Н.Я. Данилевский разделял все народы на 3 основных класса: 1. позитивные творцы истории, создавшие великие цивилизации, или культурно-исторические типы; 2. негативные творцы истории, которые, подобно гуннам, монголам и туркам, не создавали великих цивилизаций; и, наконец, 3. народы, творческий дух которых по какой-то причине задерживается в своем развитии на ранней стадии, и потому они не могут стать ни созидательной, ни разрушительной силой в истории. Они представляют собой «этнографический материал», используемый творческими народами для обогащения своих цивилизаций или придания импульса для их нового

развития. Лишь немногие народы смогли создать великие цивилизации и стать культурно-историческими типами.

Всего философ насчитывает 10 цивилизаций: египетская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, новосемитская (аравийская), романо-германская (европейская). К этим несомненным, по Данилевскому, «естественным» группам он причислял два «сомнительных» типа цивилизаций: американскую и перуанскую (индейскую), погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития. Что касается групп новой Америки (современных США), то их значение еще не было ему ясным. Он колебался, признать ли их особым культурно-историческим типом. В своем учении философ отмечал, что начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип сам вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций. Все культурно-исторические типы одинаково самобытны и из себя самих черпают содержание своей исторической жизни. Но не все они реализуют свое содержание с одинаковой полнотой и многосторонностью.

Теория культурно-исторических типов Данилевского – это цельное, системное учение о нациях, их сущности, происхождении, признаках и законах. Законы культурно-исторического типа («средство языков», «политическая независимость», «непередаваемость цивилизации», «полнота, разнообразие и богатство этнографического содержания культурно-исторического типа», «краткость периодов цивилизации») начинают длительный поиск определения признаков нации, продолжающийся и в настоящее время.

Но, несмотря на это, в концепции Данилевского обнаруживается внерациональный момент, который заключается в противоречии философа самому себе. Сначала он понятие «человечество» понимал как отвлеченное. По его мнению, оно лишено всякого действительного значения, а на самом же деле в мире одновременно сосуществует множество разнородных культур, или культурно-исторических типов. Человечество, по словам Н.Я. Данилевского, это «не более чем абстрактное собирательное понятие: в реальности нет человечества как целого, а есть народы, представляющие собою разные воплощения «идей человека» [13]. А позже он говорит о прогрессе человечества.

Еще одна из важнейших концепций – концепция З. Фрейда, создателя нового направления в психологии и медицине, которое называется психоанализом. Однако значение фрейдовской концепции человека выходит далеко за пределы медицины: философское обобщение психоанализа –

фрейдизм – стало учением, вторгающимся в сферу философии и культурологии. Появившись на свет в качестве скромного психиатрического метода со слабо развитой теоретической основой, психоанализ уже в течение первого десятилетия своего существования выработал собственную общепсихологическую теорию, по-новому освещающую все стороны душевной жизни человека. Затем началась работа по применению этой психологической теории к объяснению различных областей культурного творчества – искусства, религии и, наконец, явлений социальной и политической жизни. Таким образом, психоанализ разработал собственную философию культуры.

Общие понятия психоанализа – сознательное и бессознательное. Основная особенность последнего заключается в том, что все происходящее в нем можно выразить только в терминах, понятных сознанию.

Фрейд открыл в человеке бессознательное, как самостоятельное, независимое от сознания безличное начало человеческой души: «...Все вытесненное бессознательно, но не все бессознательное есть вытесненное» [14]. При этом бессознательное активно вмешивается в человеческую жизнь. Фрейд считает, что это только иллюзия, будто нашей жизнью руководит наше «Я». На самом же деле властвует природное безличное начало, которое образует бессознательную основу нашей души (то есть психики). Фрейд называет это бессознательное начало «Оно» и полагает, что наше «Я» есть лишь «игрушка в руках этой древней и темной психической силы». Если «Я» руководствуется принципом реальности (то есть стремится приспособиться к объективным условиям жизни), то «Оно» целиком исходит из принципа удовольствия. Отсюда вытекает неизбежная борьба между «Я» и «Оно».

Иными словами, Фрейд открывает «хитрость бессознательного», способного проводить в жизнь свои влечения, маскируя их под сознательные решения «Я». Однако человек способен выжить лишь постольку, поскольку разум и культура могут подчинять «Оно» своим важнейшим целям. Для осуществления этого Фрейд предложил способ, названный сублимацией, то есть использование сосредоточенной в «Оно» сексуально-биологической энергии не по прямому биологическому назначению (для удовольствия или продолжения рода), а в целях разума и культуры.

Если имеет место сублимация, то примитивные влечения «Оно» обретают форму влечения к познанию, искусству, высокому идеалу. Тем самым, фрейдовскую «сублимацию» по аналогии с гегелевской «хитростью разума» можно было

бы назвать «хитростью культуры». При этом культура, по Фрейду, выражает систему общественных норм и всегда стоит над отдельным человеком.

Однако в своей концепции Фрейд чрезмерно усилил некоторые очень важные, но все же не единственно определяющие стороны дела. Во-первых, он явно биологизировал бессознательное, которое оказалось сведено к чисто природному феномену, к чисто биологическим влечениям. Во-вторых, Фрейд акцентировал внимание на одной стороне человеческого бытия – на бессознательном, но потерял из виду другую сторону – личность и свободу человека. Фрейдовское «Я» лишено подлинной свободы, это «Я» есть не свободная личность, а марионетка, за право манипулирования которой бьются одинаково безличные «Оно» и «Сверх-Я», природа и культура.

Помимо различных концепций в культурологии, есть и подходы, без которых просто невозможно представить себе современную культурологию. Одним из таких подходов является психоаналитический, возникший в начале XX века. Этот подход к исследованию и теория культуры существуют и развиваются и сейчас, на рубеже двух веков. Многие положения психоанализа как теории культуры применяются до сих пор в конкретных исследованиях культур, хотя и в измененной форме. Обычно при рассмотрении психоанализа в системе культуры на первый план выдвигается фундаментальное значение психосексуального влечения как определяющего мотива истории и Эдипов комплекс в качестве «объяснительной концепции межличностного взаимодействия». Вклад З. Фрейда и его последователей в изучении культур более многогранен и разнообразен, чем просто «отстаивание господства сексуальных стимулов в культуре» [15].

К несомненным достижениям З. Фрейда в психоаналитической концепции культуры относятся: расширение предмета исследований культурологов, вовлечение в сферу научного анализа новых объектов изучения (стереотипы сексуального поведения, ранний период детства, сны, эмоциональная сфера личности); выделение значительной роли бессознательного в деятельности человека и функционирование культуры; создание концепции личности, ориентированной на взаимодействие с культурой, которая стала основой для осуществления межкультурных исследований направления «Культура и личность»; исследование компенсаторной, психотерапевтической функции культуры; формирование направления изучения особенностей отклоняющегося поведения, соотношение нормы и патологии в различных культурах, впоследствии составившее основу этнопсихиатрии или транскультурной психиатрии.

Психоаналитический подход к изучению культур получил дальнейшее развитие в культурологии XX в. В качестве наиболее убежденных и правозверных последователей З. Фрейда в области исследования культур выступали В. Райх, О. Ранк, Г. Рохейм. Значительное место постулаты фрейдизма, правда, в модернизированной форме, заняли в концепциях М. Мид, Р. Бенедикт, Дж. Долларда и других представителей направления «Культура и личность». Самостоятельную психоаналитическую концепцию культур разработал К. Юнг, а позже обновленный вариант психоаналитической теории культур создал Э. Фромм.

Следующий подход в изучении культуры – функциональный. Его особенностью является рассмотрение культуры как целостного образования, состоящего из элементов, частей. Главной задачей здесь является разложение целого (культуры) на составные части и выявление зависимостей между ними.

Появление функционализма как способа изучения культур связывают с работами Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна. Сильное влияние на становление этого направления оказали Г. Спенсер и Э. Дюркгейм. Для функционалистов практически не представляют интереса исторические изменения культур; их волнует, как действует культура «здесь и сейчас», какие задачи она решает, как воспроизводится.

В процессе культурологических исследований понятие «функция» получило два основных значения. Первое – указание на ту роль, которую определенный элемент культуры выполняет по отношению к целому, и второе – обозначение зависимости между частями, компонентами культуры. Одним из важнейших итогов развития функционализма была постановка и попытка решения задачи управления в культурах, имеющих иную природу, нежели западноевропейские. Осуществить это начинание предполагалось на основе знания структуры и функциональной значимости элементов культур как целостных образований.

В функционалистском исследовании культур по-новому был сформулирован вопрос о дальнейшей судьбе, будущем «примитивных» культур. Сторонники данного подхода не разделяли идей эволюционистов в оценке культур («лучшее» – значит более развитое) и не поддерживали их теорию обязательного стадийного развития всех культур в соответствии с эталонами европейской цивилизации.

Наиболее известными продолжателями функционального подхода являются Э. Эванс-Притчард, М. Фортес, Р. Ферс, М. Глукмэн.

Значение функционализма для культурологии состоит также и в том, что та или иная культура ста-

ли рассматриваться учеными под углом зрения выполнения различных функций: 1) субстанциальная, или поддерживающая функция, обеспечивающая выживание общности; 2) адаптивная, или приспособительная функция, служащая для поддержания более или менее гармоничных отношений между природным окружением и этнокультурной общностью; 3) функция сохранения и воспроизводства традиций, религиозных верований и ритуалов, а также истории народа; 4) символически-знаковая функция, состоящая в создании и воспроизводстве культурных ценностей; 5) коммуникативная функция, направленная на обеспечение общения, передачи информации, понимания других культур; 6) нормативно-регулятивная функция, состоящая в поддержании некоего равновесного состояния в общности, содержащая институциональные формы разрешения конфликтов; 7) компенсаторная функция, основное назначение которой – разрядка эмоционального и физического напряжения.

Еще один подход к изучению культур – этнологический, важная особенность которого заключается в изучении культуры и человека в «естественном» состоянии. Поэтому этологи делают упор на анализе раннего детства («докультурного», по их мнению) и культур охотников и собирателей, широко используя кино- и видеосъемку для запечатления непрерывности культурных взаимодействий и последующего анализа.

«Предмет этологии человека имеет тройственную структуру: 1. Изучение детей в различных культурах в досоциальном естественном состоянии; 2. Исследование онтогенетического развития детей, особенности поведения взрослых в современных обществах и в обществах охотников-собирателей (в естественных культурах); 3. Поиски сходных аспектов в функционировании человека и животных» [16]. В этологии человека огромное значение имеет ритуал, понимаемый как коммуникативные модели поведения, выразительные движения – атомарные составляющие ритуалов, культурная и филогенетическая адаптация.

Взаимодействию двух последних аспектов в культурах в этологии человека придается фундаментальное значение. Подчеркнем, что именно тщательный анализ филогенетических (врожденных) и культурных форм (ритуалов) поведения, а не декларация приоритета того или иного фактора – важнейшая особенность этологии человека, выгодно отличающая ее от социобиологии, которая, по сути, есть лишь доказательство биологической сущности культуры и человека.

Другим определяющим понятием этологического исследования культур является коммуникация, чаще всего определяемая как синхронизация стимульно-реактивного механизма при наличии

специфических сигналов. Особую роль в этологии человека играет изучение невербальной коммуникации, прежде всего в эмоционально-жестовой форме. С коммуникацией тесно связано удовлетворение потребностей человека в общении и уединении.

Еще одно направление этологии человека – изучение эмоционально-психологических состояний в современном и традиционном обществах. Собственно говоря, именно с анализа агрессивности и насилия началось этологическое изучение культур.

Этологию человека развивали Н. Блуртон-Джонс, У. Макгрю, М. фон Кранах, Дж. Боулби, П. Экман, У.В. Фризен, Е.Р. Соренсен, И. Эйбл-Эйбесфельдт, Р. Хайнд, К. Лоренц.

При осмыслении рациональности с общекультурных и исторических позиций, можно выйти за рамки представления рациональности как внутринаучной технологии мышления и, следовательно, изучать ее так же, как систему культурного ранга. При этом произойдет сближение механизмов действия научного познания с формами, аналогичными тем, которые имеют место в искусстве, и в результате деятельность ученого оказывается равнозначной или однопорядковой с деятельностью художника. В таком случае нужно говорить о художественной форме осуществления рациональности. «Она определяется в том аспекте, в каком искусство может выступать как познание мира, то есть отражательная деятельность, результаты которой могут оцениваться на истину и ложь» [17].

Но искусство нельзя сводить только к познанию, оно расширяет и реализует различные возможности человеческого бытия и решает задачи формирования и воспитания человека. В этом отношении художественная деятельность не только выполняет познавательную функцию, но и выступает как духовное освоение мира, а искусство может быть понято как рационализация духовного освоения мира и мерами при этом будут выступать уже истина, добро и красота.

Названная триада определяет границы художественной рациональности. Красота и добро ориентированы на человеческие ценности, а истина предполагает «отвлечение от человеческой субъективности, и при такой внешней несовместимости они все же образуют единство, в котором «меры истинности регулируют и ограничивают возможность произвола в искусстве, ухода в мнимый, вымышленный мир художественной фантазии» [18]. Истина в искусстве выступает как правда, то есть как познавательный результат, ставший принципом жизни человека. В свою очередь, эмоциональная сторона художественной деятельности присутствует тогда, когда чувства рационализируются по

меркам разума. Устойчивым аспектом проявления рациональности в искусстве выступает «художественный метод». Задача его заключается в раскрытии логического начала деятельности, в способности породить новые результаты (понятия, образы, впечатления) соответственно логике движения материала.

Как феномен культуры рациональность имеет особенные формы организации, отличные от тех, которые определяют ее существование на уровне научно-теоретического осмысления реальности, точно так же как и на уровне практическом. Если рациональность, постигая мир, выступает как средство духовного совершенствования человека «в выработке им исходных смысложизненных ориентиров», то можно сказать, что она оказывается непреложной ценностью культуры.

Обозначая проблему рационального в культурных процессах нужно сказать, что научное объяснение статус данной проблемы находит через статус культуры как мира человека, результата опредмечивания его сущностных сил.

Поскольку культура опредмечивает сущностные силы человека, а они связаны не только с познанием, разумом и логикой, но также с волей, чувством и экзистенцией как таковой, то мир культуры не может быть сведен к какому-либо одному рациональному или противоположному началу.

Культура, в принципе, может раскрывать весь спектр человеческого отношения к миру и к самому себе, все вариации рационального и иррационального. Рациональность оказывается непреложной ценностью культуры в той мере, в какой она, адекватно постигая мир, выступает как средство духовного совершенствования человека в выработке им исходных смысложизненных ориентиров. Развиваясь из целесообразной организации практической деятельности и конституируясь как феномен разума, рациональность прокладывает себе дорогу через формы самосознания, эмпирического и теоретического знания, все формы духовной активности, включая языковое сознание, общение, культуру в широком смысле. Налицо многоликость рациональности, которая выдвигает проблему раскрытия ее специфического способа, ее сочетания с «разумностью», «логичностью», «целесообразностью» и другими модусами человеческой деятельности. Рациональность в своих истоках коренится в формах и способах практического освоения человеком действительности, она связана с типом мироотношения человека и реализацией этого отношения в культуре.

Тот факт, что человеческие сущностные силы опредмечиваются через практику в систему куль-

туры, делает действительность, которую осваивает человек сопричастной разумному мероопределению, способствует «моделированию мира в терминах интеллектуальной деятельности, логической упорядоченности, концептуальной обоснованности и алгоритмичности, регулируемости и нормативности» [19], то есть конституирует проблему рациональности бытия и познания. Учитывая особый статус знания в системе культуры, мы можем констатировать особый характер возникающей здесь модели рациональности, сориентированной на достижение понимания или культурное «владение знанием». Если учесть, что знание существует не только в виде результатов познания как система развивающегося знания, но и как феномен культуры человека, как форма его активного взаимодействия с окружающим миром, то выявляется, что представление о познании как совокупности познавательных действий нуждается все же в корректировке.

Все вышеизложенное определяется как рациональное в культуре. Культура – условие развития разума, так как только человек, владеющий культурой, способен осмыслить свои действия, поведение, критически оценить их, построить иерархию целей и средств их достижения и сознательно воплощать их в жизнь. Ничем не заменимая функция культуры – будить наш разум, и не случайно в культуре есть такая сфера, как наука, которая основывается на разуме и движется им. Гегель рассматривал разум не как сугубо индивидуальную деятельность, а как особую действительность, объективно формируемую и существующую в формах практической жизни людей. Но справедливо и декартовское

Cogito ergo sum («Я мыслю, следовательно, я существую»). Сейчас имеет место процесс умерщвления сферы разумного, ухода в сюрреалистический мир. Жизнь загрязняется завалами псевдокультуры, заполняется суевериями, предрассудками, примитивными представлениями, модой на всякого рода шарлатанов, безвкусицей во многих сферах искусства. Все это приводит к тому, что человек утрачивает способность самостоятельно мыслить, что и является причиной тяги многих людей к мистике, спиритизму, оккультизму, астрологии.

С уверенностью можно сказать, что внерациональное в культуре функционирует как бессознательное, в толще которого в культуре многое рождается. Например, традиции есть у всех народов, а кто их автор – неизвестно. Выходит так, что традиция есть порождение коллективного неосознанно желаемого. Еще один феномен – миф, который является продуктом коллективного бессознательного. Ксенофан, будучи одним из первых и наиболее энергичных критиков мифа, отмечал наивность его вымысла как отражения народного политеизма. Диоген Аполлонийский резко противопоставляет истинное знание мифическому как недостойной выдумке о богах. У Еврипида миф – это сказка, которой внимают лишь легковверные дети да глупцы. Аристофан противопоставляет миф как ложное сказание басням Эзопа, в которых поучительная истина скрыта в причудливых образах. Демокрит рассматривает миф как нечто химерическое, как то, что «вылепливают иные люди не зная, что смертная природа человека подлежит разрушению» [20].

Примечания

1. Культурология. История мировой культуры. – М., 1998. – С. 84.
2. Культурология. – М., 1998. – С. 47.
3. Йолон, П.Ф. Рациональность в науке и культуре. – Киев, 1989. – С. 47.
4. Локк, Дж. Избранные философские произведения в двух томах. – М., 1960. – Т. 1. – С. 129.
5. Культурология. – М., 1998. – С. 24.
6. Шпенглер, О. Закат Европы. – Новосибирск, 1993. – С. 41.
7. Там же. – С. 344.
8. Там же. – С. 351.
9. Культурология. – М., 1998. – С. 77.
10. Там же. – С. 79.
11. Альберт Швейцер – великий гуманист XX века. Воспоминания и статьи. – М., 1970. – С. 112.
12. Там же. – С. 113.
13. Кармин, А.С. Основы культурологии: морфология культуры. – СПб., 1997. – С. 373.
14. Фрейд, З. Психология бессознательного. – М., 1989. – С. 122.
15. Фрейд, З. Психоанализ и русская мысль. – М., 1994. – С. 200.
16. Культурология. Указ. соч. – С. 105.
17. Йолон, П.Ф. Указ. соч. – С. 98.
18. Там же. – С. 98.
19. Локк, Дж. Указ. соч. – С. 234.
20. Осаченко, Ю.С., Дмитриева, Л.В. Введение в философию мифа. – М., 1994. – С. 23.

РОМАНИЗАЦИЯ И ЭЛЛИНИЗАЦИЯ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Д.А. Филин

Процессы распространения достижений греческой и римской культур среди народов Средиземноморья исследуются практически во всех отечественных монографиях, посвященных провинциям *Rex Romana*. **Приводится немало сведений о плодах** греческого или римского духа, распространившихся здесь. Однако в данной весьма обширной литературе не ставится и не решается сама собой напрашивающаяся проблема: если эллинизация и романизация – аналогичные процессы, идущие параллельно на одних и тех же территориях, то как они соотносятся? Всякому очевидно, что успехи романизации в Галлии и малоазиатских провинциях различны, ровно как различны по интенсивности достижения эллинизма в Британии и Александрии Египетской. Таким образом, перед нами проблема, проигнорировать которую невозможно, как нельзя обойти сравнением две упряжки лошадей, соревнующихся между собой на одном ристалище. Ее актуальность возрастает, если вспомнить, что первейшей основой византийской духовной культуры было не римское, а эллинское наследие. По сравнению с западноевропейским средневековьем достижения римской культуры сравнительно мало были востребованы в Византийской империи. Данную закономерность невозможно объяснить, если мы проигнорируем ее истоки: соотношение процессов эллинизации и романизации на Западе и Востоке Римской империи. Этой проблеме и посвящается настоящая публикация. Сопоставление в ней проводится по различным аспектам культурной жизни провинций. Общий вывод о преобладании романизации или эллинизации делается по величине качественного разнообразия или количественной интенсивности этих процессов в той или иной области Римской империи. Начнем с тех регионов, которые вошли в состав Византийской империи, – с Сирии, Египта и Малой Азии, а потом обратимся к остальному материалу, имеющемуся в нашем распоряжении.

Эллинизация Сирии началась задолго до прихода римлян – при Александре Македонском и его преемниках. Именно здесь, а также в Месопотамии греки основали наибольшее количество поселений. В эпоху Селевкидов сирийские монеты имели исключительно греческие легенды [1]. К сценам из греческой мифологии на них римляне добавили лишь изображение императора, его имя и прочие обычные символы.

Древнегреческие театры существовали практически в каждом сирийском городе. До наших дней дошло свыше 20 из них [2]. Сирийская литература состояла из греческих, а не римских произведений [3]. Здешние горожане вполне усвоили эллинский язык и нравы. Знаменитые греческие авторы романист Гелиодор и сатирик Лукиан, философы Ямвлих и Посидоний, гностики Василид и Саторнил, риторы Ливаний и Иоанн Златоуст были родом из Сирии [4]. Зачастую они не владели латынью. Ни Ориген, ни Григорий Богослов, ни Василий Великий, ни Фотий – великие церковные писатели Востока – также не знали ее [5]. Масса народа вообще продолжала говорить только на сирийском языке и поклоняться своим местным божествам, получившим в эпоху империи широкое распространение. Существовала здесь и раннехристианская литература на сирийском же языке [6]. Влияние антиохийских мозаичных мастерских распространялось и на Египет, и на другие североафриканские провинции. На сирийских мозаиках изображаются, как правило, греческие, а не римские мифологические сюжеты – такие, как «Суд Париса» и «Похищение Европы» [7]. Культ эллинских богов был особенно силен в городах. В одном только предместье Антиохии Дафне находились храмы Аполлона, Афродиты, Зевса и Дианы (лишь последняя выступает под римским именем) [8].

Плоды романизации оказались здесь значительно скромнее плодов эллинизации, несмотря на более чем пятивековое господство могучего Рима. Если в Италии, европейских и африканских городах империи сохранилось более 100 амфитеатров, то в Сирии их всего 6! Отсюда уже можно сделать вывод, что гладиаторские бои широкого распространения в ней не получили [9].

Как и повсюду, в Сирии римляне основывали колонии ветеранов (Берит, Гелиополь и другие), но латынь имела ограниченное влияние: на ней разговаривала только часть местной знати, купечества и горожан. Количество греческих слов, вошедших в состав семитских диалектов Сирии, исчисляется тысячами, латинских насчитываются лишь сотни. Даже правительственные указы для восточной части империи публиковались на греческом языке [10]. Латынь оставалась необходимой только для тех, кто осваивал римское право в знаменитых школах Берита и Газы.

Результаты римской материальной цивилизации: дороги, термы, водопроводы, военные сооружения, а также право победоносно утверждают себя в Сирии [11]. В области же духовной культуры романизация кажется значительной только в распространении феноменов римской архитектуры и римского скульптурного портрета. Однако и тот и другой являются естественным продолжением древнегреческих форм. Так, храм Зевса Олимпийского в Афинах был задуман еще при Писистрате (VI в. до н. э.), а достроен лишь при Адриане в 131–132 гг. н.э. как величайшее сооружение коринфского стиля [12]. Принципы монументализма и утилитаризма легли в основу римской архитектуры. Она сравнительно с эллинской потеряла в легкости и изяществе, зато выиграла в мощи и надежности. Обожженный кирпич и бетон были строительными материалами, неизвестными грекам. К тому же римляне разработали новые архитектурные приемы: своды, купола, арки и т. д.

Скульптура же вообще является основным выражением греческого гения: ее человекоразмерность определяется тем, что границы духа совпадают в ней с границами собственно оболочки, форма находится в классическом равновесии с содержанием [13].

Превзойти эллинскую силу выражения римские ваятели смогли, видимо, только в III веке – тревожном и сумрачном столетии общеимперского кризиса. Именно тогда на место однозначной мимической выразительности персонажей I–II веков, цинично-самоуверенных Флавиев или задумчиво-мечтательных Антонинов, приходит сложная гамма чувственных оттенков. Один и тот же портрет является источником противоречивых интерпретаций. К примеру, эрмитажный бюст Филиппа Араба. Обойдя его справа, мы почувствуем большую внутреннюю силу, властность и жестокость изображаемого; слева – оттенок горечи и скорбность; взглянув прямо в упор, – то и другое вместе. Император чуть отпрянул назад, опустил подбородок и насупил взор. Сквозь внешне грозный облик владыки Рима проступает трепещущая от страха душа простого смертного. Или современный ему мальчик из музея имени Пушкина – будущий император Гордиан III. При взгляде наблюдателя справа его лицо выражает склонность к раздумью, меланхоличность, печаль; слева – пытливость, ум; прямо – взор, устремленный на что-то конкретное, слабый и робкий, наивный и мечтательный...

Таковы люди того времени: более сильной и сложной гаммы чувств античность в портретах никогда не выражала. Пройдет еще ряд десятилетий и повышенная эмоциональность спрячется

за отрешенностью, статичностью и иератичной фронтальностью зарождающегося византийского искусства, принципы которого уже были теоретически предвосхищены современником Геродиана и Филиппа Араба философом Плотинином. И если Запад в портретном искусстве не преуспел, то Восток создал самые совершенные, освещенные эллинским гением изваяния духа. Раскрытие сложного мира человеческих эмоций, бурное и напряженное кипение страстей уже в эпоху эллинизма стали доминантой скульптурного творчества, однако в передаче разнообразия душевных переживаний, тонкой нюансировке чувств скульптуры позднеримской эпохи шагнули дальше их. Но были ли сами римляне первыми «законодателями мод» в этом мощном завершающем аккорде античной скульптуры? Ответ однозначен – нет. Вот женское надгробие из Пальмиры рубежа II–III вв. (ГМИИ им. А.С. Пушкина). Портретируемая погружена в собственные глубокие переживания. Ее глаза широко раскрыты и устремлены в неопределенную даль. Она замкнулась в своем собственном внутреннем космосе [14]. Принципы замкнутости и отрешенности, торжествующие в этом портрете, станут господствующими в римской скульптуре только четверть века спустя. Жесткая, линейно-графическая трактовка образов, характерная для сирийских портретов первой половины III столетия, станет господствующей в римской столичной скульптуре только в самом конце III–IV веков. Кроме того, в пластическом «ощущении» материала малоазийские мастера – греки и в III в. далеко превосходили своих римских коллег. Греческие портреты галлиеновского времени созданы с большим, нежели римские пониманием формы и вниманием к моделировке поверхности [15]. Греческий скульптурный портрет III в. более прост и монолитен, чем римский: в нем нет той тонкой нюансировки эмоций, которая характерна для римского портрета, он двойственно противоречив, не многогранен как последний [16].

В целом римский скульптурный портрет оказывается сложным культурным феноменом, в котором принимали участие различные народы, живущие на территории империи. Римское завоевание сделало культурный обмен между ними более интенсивным. Вообще римляне и сирийцы были не очень комплиментарны другу к другу. Так, Цицерон называл последних «народом, рожденным для рабства», «продажными сирийцами», а надписи – граффити римских солдат свидетельствуют, что «сирийцы – дурной народ» [17]. Хроника Йешуа Стилита приводит любопытный факт. В правление Анастасии г. Эдесса героически отразил все приступы персов. Когда же сюда прибыли римские солдаты, то сво-

им наглým поведением они так быстро настроили эдесситов против себя, что те подняли восстание.

Сирия являлась самой «воензированной» провинцией империи. Здесь дислоцировалось поначалу 4, а потом и 6 легионов, тогда как в Иудее – 3, а в Египте – 2 [18]. Причем крепкой дисциплиной сирийские легионы не отличались. В военных конфликтах постоянно приходилось вызывать на помощь части с Запада [19]. Однако вряд ли такая этническая некомплементарность могла повлиять на культурную филиацию – сирийцы оставались всегда по духу «людьми трезвого рассудка» – прагматиками в отличие от более созерцательных мистически одаренных александрийцев [20]. В любви к утонченной роскоши и развлечением сирийские горожане превосходили самих римлян, а антиохийцы вдобавок еще славились на всю империю как неунывающие пересмешники. Адриан их за виртуозность в таких делах даже лишил права чеканки серебряной монеты, а Марк Аврелий просто закрыл городской театр [21]. Таким образом, сравнивая процессы романизации и эллинизации в Сирии, мы пришли к выводу об их сложном взаимопроникновении в таких областях, как римская архитектура или скульптурный портрет, однако, если упростить ситуацию, то мы получили картину явного преобладания первых в сфере материальной, а последних в сфере духовной культуры. Далее обратимся к египетскому материалу.

Египет Птолемеев всегда считался образцовой страной эллинизации, хотя последняя по сути не простиралась далее дельты. Александрия была альфой и омегой египетского эллинизма. В этом втором по величине городе-империи проживало до 350 тысяч человек, из них около 50 % было греков, 40 % – евреев и 10 % всех остальных при 5–6 миллионном населении страны, основная масса которого – копты – была чужда эллинскому влиянию. Лишь в V в. н.э., по С.С. Аверинцеву, эллинизм прорастает «вглубь» египетской культуры. К этому времени священное письмо коптов окончательно исчезает, зато появляется плеяда поэтов, творящих на эллинском языке за пределами Александрии, самый известный из них – Нонн Панополитанский. Один из его современников прямо подчеркнул, что египтяне «до крайности помешаны на поэзии» [22]. На основе греческого возникает своя коптская письменность [23]. В римское время первый используют в высших присутственных местах, вторую – в низах общества, тогда как на латыни говорят лишь в армии [24]. Александрия в эпоху империи стала творческой лабораторией духа для целого ряда великих мыслителей прошлого. Филон Александрийский и Аппиан, Птолемей и Аристарх

Самосский, Аммоний Саккас и Плотин, Ориген и Климент Александрийский, Валентин и Гораполлон, Прокл и Ямвлих жили и творили здесь. Царский дворец, Музеум, Серапис, Маяк остались неизменными со времен Птолемеев, обещавших процветание всем своим подданным, но сдержавших обещание лишь в отношении к соотечественникам.

В римскую эпоху в Египте развиваются два направления искусства: эллинское, в рамках которого мастера придерживались канонов древнегреческой пластики, стремились передать объемность фигуры, ее подвижность, свободное расположение в пространстве, живую игру чувств, тонкие нюансы светотеневой моделировки; в III–IV вв. становится господствующим искусство фаюмского портрета. Здесь живая игра чувств сменяется схематизацией и графическими приемами, статичностью, фронтальностью, скованностью фигур, упрощенностью композиционных решений и декоративностью в трактовке деталей, широко используются темперные и восковые краски [25]. Последнее направление стало посредником между древнеегипетским и византийским искусством. Личностный индивидуализм и духовная иерархичность нашли в нем свое воплощение.

Таким же синтетическим феноменом римского времени (II–IV вв.) является риторический стиль «второй софистики». В нем христианская проповедь соединилась со стоической диатрибой. Особенность этого стиля в «обращенности к активному субъекту: имитации древней демократии, иллюзии гражданского общества. Риторика – неотъемлемая принадлежность последнего. Она не только убеждает, но и воспитывает, обращаясь к добродетелям аудитории, пытаясь подвигнуть людей к активным и добровольным действиям. Поэтому риторический стиль в целом не был присущ птолемеевскому Египту. Он – продукт Римской империи с ее «республиканскими претензиями», – полагает А.Б. Ковельман [26]. Однако философия киников и стоиков возникла не в Древнем Риме, а в эллинистическую эпоху, также и «республиканские претензии» являются продолжением полисных традиций Древней Греции. Тот же автор замечает что «в то время как Римская империя в целом успешно бюрократизировалась, Египет так же успешно избавлялся от бюрократии: на место птолемеевских чиновников, получавших жалование, становились литурги, служившие «добровольно» и «бескорыстно». Это было чисто эллинское гражданское отношение к повинностям: они служили египетскому обществу с «усердием» и «радостью» [27].

Таким образом, этот плод романизации (как и римский скульптурный портрет) на поверку оказы-

вается тесно связанным с эллинистическим менталитетом. Впрочем, римское владычество находило созвучные струны в душе египтянина. Архетип обожествления фараонов реализовался в поклонении римским цезарям. Последние даже изображались в образе египетских царей [28]. Цивилизация высочайшей «культуры смерти» (пирамиды, книги мертвых, обычай мумифицирования и т. д.) стала в III–IV вв. родиной византийского монашества, породив величайшие образцы отречения от мира ради вечных идеалов духа.

Латынь в присутственных местах так и не вытеснила греческий язык, она осталась языком римских легионеров [29]. Их укрепленные лагеря размещались в Луксоре и Никополесе – александрийском районе, основанном Августом. Там стоял римский гарнизон. «Кроме храма были построены стадион и чисто римские общественные сооружения – цирк и амфитеатр для увеселения легионеров из расположенного рядом укрепленного лагеря» [30]. Как видим, здесь подобно Сирии гладиаторские бои не получили распространение: ими увлекались большей частью римляне, а не греки.

К сожалению, мы не можем назвать хотя бы приблизительное количество театров в Александрии. Страбон приводит сведения лишь об одном – том, который находился у Большой Гавани в районе Брухион [31]. В 1960 году польскими археологами были открыты развалины еще одного – небольшого театра диаметром 42 метра, вмещавшего несколько сотен человек [32]. «На первый взгляд удивляют столь скромные размеры по отношению к огромному городу, но мы должны учитывать наличие в римской Александрии цирка, амфитеатра и старого птолемеевского театра», – полагает искусствовед М.М. Касперавичюс [33]. Думается, что причина скромных размеров раскопанного театра иная. Количество подобного рода учреждений в Александрии было гораздо более двух. Во-первых, Страбон повествует лишь о самых значительных достопримечательностях городов империи – театры таковыми не являлись. Так, например, повествуя о Херсонесе, Мирах Ликийских и Патаре, он не упоминает их [34]. Развалины же театров этих городов сохранились до наших дней. Во-вторых, театр Херсонеса вмещал в себя минимум около 2000 человек при 20-тысячном населении города и был построен еще в IV в. до н. э. Мирликийский театр вмещал еще больше – до 10 тысяч человек [35]. Невозможно, чтобы 300–350 тысячная столица Птолемея имела лишь один театр, да и то находящийся у входа в гавань, а не в главном греческом квартале – Неаполисе [36]. Однако, сколько же было всего театров в Александрии мы, видимо, никогда не узнаем, по-

скольку город неоднократно перестраивался за многовековую историю своего существования и найти что-то новое в нем археологам весьма трудно.

Любопытно, что когда в античном Херсонесе появился римский гарнизон (I в. н.э.), амфитеатр там строить не стали: Херсонес был небольшим городом, римский гарнизон немногочисленным. Прагматичные римляне просто расширили оркестру в единственном городском театре, превратив ее в арену для кровавых побоищ [37]. К сожалению, нам не известна реакция самих херсонесцев на такое профанное кощунство: там, где стоял жертвенник Дионису, стали проливать кровь на потеху публике. И данный факт не единственный, так, в начале IV в. в Сирмии (Паннония) построили театр, где отличился некий гладиатор-вандал, покоровший ранее арены Рима и Фессалоник [38].

Таким образом, эллинизация и романизация в Египте имели весьма незначительную этническую базу, поскольку эллины и копты были довольно некомплементарными ментальными мирами, и в римскую эпоху это отчуждение только усилилось. Именно тогда «эллины и иудеи, эллины и египтяне прониклись ненавистью друг к другу и начали считать друг друга существами низшего разряда. При римлянах письма наполняются ненавистью к «негрекам». Египтян обвиняют в тупости и бесчувственности, жестокости и бесчеловечности, некультурности и т. п.» [39]. В византийскую эпоху этническая рознь трансформировалась в религиозную: египтяне в основном стали монофизитами, противниками православных греков. Данный факт отчасти объясняется тем, что эллины и римляне были завоевателями в этой стране, но полного объяснения мы ему не находим. При этом, как и в Сирии, этническая некомплементарность до определенного момента решительно не влияет на филиацию греко-римских культурных достижений коптами: оба процесса идут параллельно. Но вот наступает эпоха националистической реакции, и ненависть к завоевателям частично распространяется и на их культурное наследие (см. об этом ниже).

Перейдем к Малой Азии. В период римского владычества она оставалась сильно эллинизированным регионом, причем тесные контакты карийцев, лидийцев и других здешних народов с греками начались задолго до Александра Македонского: они непосредственно соседствовали с ними. В эпоху римского владычества жители малоазиатских провинций в основном уже говорили на греческом. Местные языки держались только в Ликии и Галатии [40]. Правда, известно, например, что каппадокийцы по-эллиниски говорили с грубым акцентом, а также ошибками в произношении и ударении.

Лишь Василий Великий, Григорий Назианзин и Григорий Нисский создали Каппадокии блестящую репутацию в истории культуры. Они были малоазиатскими греками как по языку (латыню не владели), так и по менталитету. Отечеством для них (судя по их же письмам) являлась родная Каппадокия: ни Рим, ни Константинополь ни в одном письме Василия Великого и Григория Богослова не названы таковыми [41]. Признавать родным то, что не выходит за пределы собственного полиса, – черта греческого, а не римского менталитета. «Здесь, в меньшей степени, чем в Элладе, – отмечает Т. Моммзен, – бесполезные воспоминания и неясные надежды манили людей за пределы ограниченного горизонта родного города, и в жизни граждан было мало событий, которые могли бы препятствовать мирному наслаждению счастьем, возможному в тех условиях» [42]. Как известно, те же великие каппадокийцы преуспели в занятиях науками. Все они являлись прекрасными риториками. Василий Великий был выдающимся представителем александрийской астрономической школы. Литератор Фемистий даже отмечал, что жители небольших галатийских городов «усваивают науки – ревностнее, нежели настоящие эллины» [43]. Греческая тяга к агональности проявила себя в этих занятиях, как и в бесконечных дрязгах и соперничестве за пышный, но малозначительный титул метрополий. Важные римляне последние так и называли – «греческим вздором» [44].

Эллинские религиозные культы очень широко распространились в Малой Азии: в каждом городе и в каждой деревне [45]. Почти нигде за пределами Греции эллинизация не сделала таких успехов, как в Малой Азии. Наиболее ярко свидетельствует об этом факт господства греческого языка в данном регионе.

Процесс же романизации в духовной культуре этих провинций был выражен сравнительно слабо. Из всех римских религиозных культов в Малой Азии широкое распространение получил только императорский культ. Так, Галатия уже при самом Октавиане покрылась храмами и жертвенниками в честь его гения, весь народ галатов провозгласили жрецами Августа [46]. Влияние латыни здесь было невелико: те слова, которые вошли в употребление, просто занесли римские купцы [47]. Малоазиатские греки считались спокойными верноподданными Рима: только два легиона стояло на границе, не вмешиваясь во внутренние дела провинций. Выдающейся отличительной чертой малоазиатов Моммзен называет неистовую веру в религиозные чудеса. Нигде бог Асклепий не совершал так много исцелений, как в его любимом пергамском

святилище. Аполлоний Тианский, пафлагонский «человек-дракон» Александр из Абонутейха, Монтан и апостол Павел были родом из Малой Азии. Уже в I–II столетиях христианские общины становятся заметным явлением в здешних городах (Деян). Можно также отметить, что римляне подчас подозрительно относились к жителям этих провинций, так же как к сирийцам или египтянам.

Подводя итоги по соотношению феноменов эллинизации и романизации на Востоке Римской империи, мы пришли к следующим выводам. Элементы материальной культуры римлян – дороги, мосты, акведуки, термы, единицы денежного обращения победоносно завоевывают данные пространства. Особенно следует указать на римское право, получившее повсеместное распространение. Что касается духовных плодов романизации, то здесь все сложнее. Гладиаторские бои широкой популярностью не пользовались. Римские цирки и амфитеатры количественно уступают греческим театрам. Латинский язык не получил такого значительного распространения как койне. Греческая наука и литература явно доминируют на территории будущей Византии [48]. Римская архитектура и римский скульптурный портрет – вот, пожалуй, только два феномена романизации, которые получают повсеместно твердое признание, но и они оказываются во многом развитием канонов самой древнегреческой скульптуры и архитектуры. И если в контексте качественного оценивания мы никогда не найдем ответа на вопрос: что важнее – развалины античного театра в Пергаме или римский скульптурный бюст Филиппа Араба, то по количеству родового разнообразия феноменов духовной культуры процесс эллинизации преобладает над процессом романизации. В связи с этим встает принципиальный вопрос: почему же эллинское культурное наследие на Востоке империи оказалось в целом ряде случаев предпочтительнее наследия римского?

Высокий уровень пассионарного напряжения самих греков здесь не причем. Во времена римского владычества Эллада находилась в глубочайшем политическом и экономическом упадке, о котором повествуют многие авторы: и Плутарх, и Лукиан, и Дион Хризостом, и Страбон. «Лаконика бедна людьми по сравнению с прежним многолюдством, – сетует последний. – В самом деле, не считая Спарты, остаются какие-то городишки, числом около тридцати, а в древности, говорят, ее называли стоградной» [49]. В Фивах, прославленных некогда Софоклом, сохранились только крепость Кадмея, прочее же представляло собой пустое место (сведения Плутарха). Афины после гражданской войны находились в запустении, а Пирей и вовсе был раз-

рушен. Только при Адриане, благодаря его колоссальным вложениям, город вновь стал процветать, представляя исключение из общего правила [50]. В состоянии упадка находились и остальные греческие города. Бедность основной массы населения стала даже объектом иронии Лукиана [51]. Здесь не место задаваться вопросом о причинах такого положения вещей, но уже во времена Полибия (II в. до н. э.) оно было явным. «Всю Грецию охватила низкая рождаемость и вообще малолюдство, вследствие чего города опустели и земля не приносит урожая, хотя нас не постигали частые войны или мор», – замечает историк [52].

Во время общеимперского кризиса III в. состояние упадка только резко усилилось. Правительство прекратило даже выплату жалования преподавателям Афинской Академии. Спрос на основную статью экспорта – греческую скульптуру – сильно упал, а выпуск монеты со времени Галлиена просто прекратился [53]. Довершили удар герулы. В 267 году они разграбили дочиста Афины, Коринф, Спарту и Аргос [54].

Несмотря на такой «пассионарный коллапс», культурная романизация на Балканах по сравнению с западными провинциями не сделала больших успехов. Гладиаторские игры появились в Греции позднее. «Долгое время они были приняты только в полуиталийском Коринфе, – замечает Моммзен, – и когда афиняне, не желавши отставать от этого города, ввели их у себя, не внемля предостережениям одного из своих лучших граждан, который спрашивал их, не лучше ли было бы поставить алтарь богу милосердия, – тогда многие из благороднейших граждан с возмущением отвернулись от опозорившего себя города» [55].

К рабам здесь, возможно, вообще относились гуманней, чем в других провинциях. Существовал даже обычай, запрещавший греку продавать владельцам (не грекам) своих рабов. Последних приглашали на народные праздники, они участвовали в раздачах продуктов в городах. Что касается латыни, то как и на Востоке вне сферы государственного управления, она не имела значительного распространения. Плутарх «понимал по-латыни немногим больше, чем Дидро по-русски», а Аппиан и Дион Кассий, владевший ею, были попросту чиновниками империи [56]. Наоборот, изящная аттическая речь очень долго (до начала III в.) сохраняла свою живительную силу и привлекательность. «Любой невежественный афинянин, – дивился Цицерон, – превзойдет самого ученого азиата не содержанием, но акцентом речи, умением говорить не столько хорошо, сколько приятно» [57]. Подчеркнем,

что ни одна греческая община не ввела у себя римское устройство. Национальные италийские божества, такие, как Сильван и Лары, не нашли в Греции своих почитателей [58]. Таково неприятие элементов римской культурной жизни у тех, кого «дикие победители» презрительно именовали *graeculi*.

Самих римлян отнюдь не смущал приоритет греков в духовной сфере. Собственная задача им виделась в другом:

*Смогут другие создать изваянья живые
из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе
лучше,
Тяжбы лучше вести и движения неба
искусней,
Вычислят, иль назовут восходящие звезды –
не спорю;
Римлянин! Ты научись народами править
державно*

В этом искусство твое! – Налagать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных! (Вергилий. Энеида, VI, 847–853, пер. С.А. Ошерова).

Почему же ни гладиаторские игры, ни римские Янусы и Лары, ни латынь ни получили здесь широкого распространения? Ответ, по нашему мнению, кроется в существенной разнице менталитетов римлян и греков. Главное заключается в том, что основополагающим принципом эллинского духа являлся эстетический принцип. Свобода наиболее проявляет себя в нем: в отличие от приятного и полезного, здесь нет какого-либо специального интереса. Красота по своей природе является целесообразным без цели. Перед нами состояние незаинтересованной игры: созерцание, в котором этический и гедонистический интересы молчат. По Канту, природа чистого созерцания прекрасного кроется в единстве трансцендентальной апперцепции субъекта и раскрывается в состоянии гармонии чувственной интуиции, рассудка и воображения. Причем последняя играет в этом равновесии решающую роль [59]. Установление полисного строя сопровождалось развитием свободной агональности, ставшей выдающейся чертой греческого менталитета, над которой серьезные и практичные римляне очень много иронизировали [60]. Ее страстное развитие привело к расцвету эстетических форм сознания (по определению ее предполагающих). Расцвет же привел к развитию греческого гения, то есть такого созерцания, в котором индивидуальные склонности и настроения не играют никакой роли, и с наивысшей силой проявляет себя «врожденная способность души (*ingenium*), посредством которой

природа дает искусству правила» [61]. Поэтому театр и литература, рациональная философия, архитектура и скульптура, медицина и другие отрасли знания распространились по миру в формах, изобретенных греками [62].

Римляне были людьми иного психического склада нежели греки. «В противоположность прекрасной гармонической поэзии и спокойной свободе духа греков, здесь у римлян появляются житейская проза, сознание конечности для себя, абстракция рассудка и суровость личности, которая даже в семье не возвышается от свойственного ей узкого высокомерия до естественной нравственности, но остается бессердечной и бессмысленной единицей и устанавливает единство этих единиц в абстрактной всеобщности», – так раскрывал различие этих двух народов великий Гегель [63]. Прагматический гений римлян предрешил долговечность их дорог и акведуков, сработанных «весомо, грубо, зримо». Римское право являлось его наиболее мощным плодом. Однако, что касается области духовной культуры, то здесь римляне оказались надолго всеядными учениками греков. Последние же остались весьма избирательными людьми. Они предпочитали только те заимствования, которые соответствовали высоким и чистым эстетическим критериям духа. Так, глубокая психологическая разработка скульптурного портрета им пришлось вполне по вкусу, а бои гладиаторов – нет.

Эстетический гений эллинов с особой силой проявил себя в их языке. Еще И.И. Винкельман настаивал на уникальном своеобразии греческого языка. Благодаря богатству звуков, обилию в нем гласных Гомер мог двумя стихами выразить и натиск, и быстроту, и умеренную силу движения, и напряжение стрелы, посылаемой Пандаром Меллаю. Греческий предстает то ручьем, протекающим без шума в диалогах Платона, то могучим потоком, сорвавшим паруса Одиссея в поэме Гомера. «По созвучию слов, описывающих два или три таких порыва, кажется, что паруса должны обратиться в тысячу кусков. Но помимо их выразительности, слова эти считаются жесткими и неприятными. Такой язык требовал тонких и быстрых органов, для которых другие языки, даже римский, по-видимому, не созданы; один греческий отец церкви утверждает, что римские законы написаны на языке, “звучащем ужасно”» [64]. Как мы уже заметили, многие восточные отцы церкви не знали его – не испытывали в нем потребности. Латиняне мало читали в Византии, тогда как Дионисия Ареопагита высоко ценили в Западной Европе. Августиновское линейное восприятие истории было слишком простым, чтобы соответствовать диалектике совершен-

ного шаровидно-сферического греческого космоса. Римский Пантеон слишком темен, непроявлен для ценящих внешнюю красоту прозрачного мрамора греков. Основополагающая интуиция греческой культуры – интуиция совершенного тела ставила под сомнение все то, что было лишено «теплого ласкающего» эйдоса прекрасного. Гладиаторские игры – слишком грубая и жестокая забава для привыкших к свободной агональности греков. В своих играх римляне, – подчеркивал Гегель, – были по существу лишь зрителями, поэтому игра оставалась “для них чем-то чуждым, их дух не участвовал в ней. С возрастанием роскоши усилилась главным образом страсть к травле зверей и людей». Все это не могло ни привести в конечном счете к деградации римской духовности [65]. Культ же собственно римских божеств для греков был слишком прост и безыскусен. «Говорили, что в греческой религии трепет, внушаемый природою, возвышался до чего-то духовного, до свободного воззрения и до духовного фантастического образа, – передает любопытное суждение тот же Гегель, – что греческий дух не ограничился чувством ужаса, но обратил природное отношение в свободное и жизнерадостное отношение... Наоборот, римляне ограничивались немым и тусклым внутренним миром и благодаря этому внешнее являлось объектом, чем-то иным, таинственным» [66].

Они так и не поднялись до «теоретического созерцания вечно божественной природы и до освобождения в ней», а остались прагматичными и прозаичными поклонниками «абстрактных» божеств – таких, как Мир, Спокойствие и Забота, в то время как греки строили свои храмы и статуи из-за любви «к красоте и божественности как таковой» [67]. В школах восточных провинций на всех четырех ступенях образования анализировали, заучивали наизусть, комментировали практически только греческих авторов. Лишь в тех учебных заведениях, где штудировали римское право, изучали и латынь [68]. Западноевропейская средневековая наука использовала ученые труды греков гораздо более интенсивно, чем византийская – латиняне [69].

Таким образом, эллинский культурный архетип препятствовал тотальному распространению духовных плодов романизации на Востоке Римской империи. Благодаря наличию там густонаселенных греческих полисов (Александрия, Антиохия, Пальмира, Селевкия, Эфес, Смирна) эллинские язык и культура сумели воспрепятствовать всеобъемлющему наступлению романизации на духовную культуру этих регионов. Полисная среда таких городов как, Александрия и Антиохия на Оронте благодаря

феномену густой социальности» становится творческой лабораторией для выдающихся умов человечества. В отличие от обществ разреженной социальности, – полагает Г.Н. Миненко, – «густым» «свойственна высокая интенсивность общения на межличностном, социально-групповом, политико-государственном уровнях, что приводит к кумулятивному эффекту во многих областях жизнедеятельности», в том числе к великим открытиям в

области духа [70], а также способствует бережному сохранению существующих традиций. Последнее характерно и для более «разреженных» обществ.

Таким образом, греческий национально-культурный архетип и довольно мощная полисная среда на Востоке империи являются двумя факторами, воспрепятствовавшими безудержной культурной экспансии римлян на этих территориях. Но были ли эти факторы единственными?

Примечания

1. Моммзен, Т. История Рима: в 5 т. – СПб., 1999. – Т. 5. – С. 330.
2. Касперавичюс, М.М., Саверкина, И.И., Сидорова, Н.А., Чубова, А.П. Искусство Восточного Средиземноморья I–IV веков. – М., 1985. – С. 34.
3. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 333.
4. Ранович, А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. – М. –Л., 1949. – С. 160–161.
5. См.: Брендле, Р. Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик. – М., 2006; Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и труды святителя Григория Богослова. – СПб., 2000.
6. Шифман, И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н.э.). – М., 1977. – С. 7; Ранович А.Б. Указ. соч. – С. 164; Моммзен Т. Указ. соч. – С. 332–333.
7. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 153.
8. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 157.
9. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 50.
10. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 159–160.
11. Там же. – С. 158.
12. Сидорова, Н.А. Афины. – М., 1984. – С. 91.
13. Гегель, Г.Ф. В. Эстетика: в 4 т. – М., 1969. – Т. 1. – С. 91.
14. Соколов, Г.И. Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. – М., 1983. – С. 98.
15. Там же. – С. 94.
16. Там же. – С. 95.
17. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 128.
18. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 13.
19. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 330.
20. Епифанович, С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. – М., 1996. – С. 18–19.
21. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 338–339.
22. Культура Византии IV – первой половины VII в. – М., 1984. – С. 310.
23. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 209.
24. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 410.
25. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 185.
26. Ковельман, А.Б. Риторика в тени пирамид. Массовое сознание римского Египта. – М., – С. 28–29.
27. Там же. – С. 19, 25.
28. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 237.
29. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 410.
30. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 410.
31. Страбон. География в 17 кн. – М., 1994. – С. 733.
32. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 171.
33. Там же. – С. 171.
34. Страбон. Указ. соч. – С. 281–283, 621–622.
35. Бугаевский, А.В., Зарин Владимир, архимандрит. Святитель Николай, архиепископ Мирликийский. – М., 2001. – С. 9.
36. Касперавичюс, М.М. и др. Указ. соч. – С. 158.
37. Веникеев, Е.В. Севатополь и его окрестности. – М., 1986. – С. 14.
38. Культура Древнего Рима: в 2 т. – М., 1985. – Т. 2. – С. 187.
39. Ковельман, А.Б. Указ. соч. – С. 102.

40. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 93.
41. Василий Великий. Письма. – Минск, 2003. – С. 17.
42. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 244.
43. Там же. – С. 235.
44. Там же. – С. 227.
45. Культура Древнего Рима: в 2 т. – М., 1985. – Т. 2. – С. 318.
46. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 108.
47. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 248.
48. Культура Византии IV – первой половины VII в. – М., 1984. – С. 778.
49. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 218.
50. Там же. – С. 236.
51. Там же. – С. 238.
52. Там же. – С. 218.
53. Там же. – С. 240.
54. Там же. – С. 241.
55. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 189.
56. Там же. – С. 189.
57. Ранович, А.Б. Указ. соч. – С. 237.
58. Моммзен, Т. Указ. соч. – С. 188.
59. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. – М., 1994. – Т. 5. – С. 147.
60. Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. – СПб., 2001. – С. 105.
61. Кант, И. Указ. соч. – С. 58–78.
62. Зайцев, А.И. Указ. соч. – С. 13.
63. Гегель, Г.Ф. В. Философия истории. – СПб., 1993. – С. 312.
64. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993. С. 14–15.
65. Гегель, Г.Ф. В. Философия... – С. 317.
66. Там же. – С. 313.
67. Там же. – С. 314–316.
68. Филип, Ян Кельтская цивилизация и ее наследие. – Прага, 1961. – С. 478–533.
69. См., например, Каждан, А.П. Византийская культура. – СПб., 2006. – С. 30.
70. Миненко, Г.Н. Революция и эволюция в культурно-исторической динамике человека. – Кемерово, 19... – С. 208, 215–217.

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ЗРЕЛИЩ

М.А. Лахно

Для раскрытия темы необходимо доказать, что любое театрализованное зрелище есть система и определить его составные части (подсистемы) с точки зрения системного подхода.

Система (от греч. *systema* – целое, составленное из частей; соединение) – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство [1]. Согласно определению А.А. Калмыкова, «Объект – это любая система, которой заинтересовался какой-либо субъект. Многие системные понятия субъективны в том смысле, что их определения предполагают наличие точки зрения какого-либо субъекта» [2]. Калмыков ставит знак равенства между понятиями «система» и «объект», утверждая, что любой объект является системой при наличии субъекта. Можно согласиться с данным определением, поскольку для появления и существования массового зрелища необходим субъект – режиссер (организатор), и само зрелище является его субъективным взглядом на зрелище как объект, требующий организации. Исходя из определения, зрелище есть система, так как оно состоит из блоков, которые в свою очередь состоят из множества элементов, и все это находится в определенных связях и образует единое целое. Следовательно, театрализованное зрелище – система, и в свою очередь оно же является объектом, который воспринимают окружающие.

Искусственные системы – системы, создаваемые человеком. При возникновении проблемной ситуации происходит осознание потребности, затем выявление проблемы, потом формулирование цели. Цель – субъективный образ (абстрактная модель) желаемого состояния среды, которое решило бы возникшую проблему. В процессе деятельности, направленной на достижение поставленной цели, происходит отбор из окружающей среды объектов, свойства которых можно использовать для достижения цели и объединения этих объектов подходящим образом. Это объединение объектов будем называть системой. Таким образом, система есть средство достижения цели. При этом для достижения одной цели могут быть созданы разные системы, и одна и та же система может быть использована для достижения разных целей. Но из определения вытекает: «без проблемы нет системы» и «система есть тень цели на среде» [3]. Приведенное определение является самым точным и полным, на наш взгляд, для определения системы.

Синтезируя сказанное, можем вывести следующее определение зрелища как системы:

ТЕАТРАЛИЗОВАННОЕ ЗРЕЛИЩЕ *есть искусственная система, по мере необходимости создаваемая человеком посредством использования изобразительно-выразительных средств, людей, технических приспособлений и направленная на то, чтобы подчинить массы идеологии правящего класса или дать возможность присутствующим «расслабиться» и «отключиться» от реальности.*

Рассмотрим данное определение более подробно и докажем его право на существование.

Всякая система состоит из подсистем. Подсистемой называется система, которая является самостоятельной частью другой системы, или самостоятельной системой. То есть она может существовать как в синтезе с другими составляющими, так и автономно. Зрелище всегда является составной частью целого (праздника), но существовало и может существовать самостоятельно.

Как правило, термин «система» употребляют в стремлении к познанию внутренней структуры какого-либо объекта, рассматривая функциональные взаимосвязи между элементами этой структуры и определяя функцию всего объекта в целом. Для рассмотрения внутренней структуры системы применяется системный подход или анализ.

Системный подход – направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как системы. Системный подход способствует адекватной постановке проблем в конкретных науках и выработке эффективной стратегии их изучения. Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину [4]. Это классическое определение системного подхода или анализа.

Основные идеи системного подхода были представлены в трудах известных ученых: А.А. Богданова, В.И. Садовского, Г.П. Мельникова, К. Боулинг.

По мнению И.В. Прангишвили, существуют четыре основных признака, которыми должен обладать объект, явление или отдельные грани (срезы), чтобы их можно было считать системой. К ним относят:

- признак целостности и членимости объекта (*зрелище – объект целостный и состоит из нескольких составных – систем – эпизод, блок.* Курсив – М. Л.);

- признак устойчивых связей между элементами системы (*эпизоды и блоки прочно связаны между собой благодаря сверхзадаче зрелища.* Курсив – М. Л.);

- признак наличия интегративного (системного) свойства (*связь составляющих элементов в зрелище не требует доказательств, она видна и внешне – актер – костюм – декорации – музыка – свет – окружающая среда – зритель.* Курсив – М. Л.);

- признак организации развивающихся систем (*в зрелище окружающая среда может стать декорацией, реальное освещение и звуки – световым и музыкальным оформлением.* Курсив М. Л.) [5].

Значит, согласно принципам Прингашвили, массовое театрализованное зрелище является системой.

К названным принципам добавим еще четыре, необходимые для нашего исследования.

- Противопоставление системы всем объектам, не входящим в нее (внешней среде), и фиксация внимания на взаимных связях и отношениях между элементами системы. Причем их связи с другими объектами либо рассматриваются как присущие системе в целом (в этом случае она называется открытой), либо вообще исключаются из рассмотрения как несущественные (в так называемых закрытых системах) При этом достаточно давно подчеркивается, что сверхсложные системы – такие, как живые организмы, социальные системы и прочие – должны рассматриваться одновременно как закрытые (замкнутые) и открытые (незамкнутые).

- Выделение системообразующих факторов, придающих системе упорядоченность и устойчивость. Универсальной качественной характеристикой системы считается ее организация, определяемая как внутренняя упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее автономных частей целого, обусловленных его строением; сюда же относят и «совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого».

- Анализ интерактивных свойств системы (не присущих ни одному из ее элементов в отдельности, но проявляющихся при их взаимодействии) и механизмов их возникновения.

- Применение принципа иерархичности (когда один и тот же объект может рассматриваться и как вышестоящая система по отношению к своим элементам, и как подсистема системы более высокого уровня) [6].

Для дальнейшего исследования необходимо определить составляющие или подсистемы зрелища в иерархическом порядке: в зависимости от того, какая система является главной, зависит его вид, жанр, способ подачи материала, изобразительно-выразительные средства, количество участников (актеров), декоративно-художественное, музыкальное и световое решение зрелища.

1. СИСТЕМА СОБЫТИЙ ИЛИ ФАКТОВ

В основе любого зрелища лежит определенная система событий. Здесь следует запомнить главное: документально зафиксированное событие становится фактом. Поэтому мы и говорим о системе событий или фактов, которые являются основой и причиной появления. Кроме этого, данная система выстраивается по законам причинно-следственных связей, то есть событие не появляется само по себе, каждое событие имеет причины. После свершения события наступает следствие, которое вытекает из события. В свою очередь эта система может иметь следующие основы:

РЕАЛЬНУЮ – то есть события происходили на самом деле, и существует ряд неопровержимых доказательств в виде летописей, документов и воспоминаний участников. Она присуща практически всем зрелищам и дает возможность разделить зрелища по видам, что будет оказывать весьма значительное влияние на их постановку. В качестве доказательства пример: Г. Юлий Кесарь на своих триумфальных играх в 46 г. до Р.Х. велел для этой цели вырыть на Марсовом поле озеро и устроил на нем сражение между египетским и финикийским флотом, состоявшим из двух-, трех- и четырехпалубных кораблей с экипажем в 1000 морских солдат и 2000 гребцов. И Август дал навахину, для которой послужила образцом морская битва при Саламине [7].

ИСТОРИЧЕСКУЮ – зрелища связаны с важными историческими (поворотными) датами страны и общества. Например, зрелища, устраиваемые на Куликовом поле или под Бородино в честь юбилейных дат; зрелища, связанные с днем рождения города, села, улицы, здания, музыкального произведения и т. п., имеют чисто исторический вид, когда именно в зрелищной форме воспроизводится историческое событие.

СОЦИАЛЬНУЮ – зрелища, связанные с личностью, – личностные или общественные. **Семейные зрелища** связаны с биографией личности или семьи, имеют строгое ограничение по количеству участников, которые делятся на «виновников» праздника (участники – актеры) и зрителей (приглашенные). Например, свадьба – когда проверяют способности жениха и невесты – игра. **Профессиональные зрелища (посвящение в рабочие)** связаны с появлением и становлением определенных профессий: день сталевара, шахтера, мелиора-

тора, сельского хозяйства и т. п. Кроме названных, существуют и профессиональные военные зрелища – день танкиста, ракетчика, артиллериста и т. п.

ГОСУДАРСТВЕННУЮ – в основе зрелища лежат события и факты, связанные с жизнедеятельностью определенного государства. В бывшем Советском Союзе существовал обязательный государственный праздничный календарь, который включал в себя следующие праздники: 1 января – Новый год, 23 февраля – день Советской армии и флота, 8 марта – женский праздник, 1 мая – Международный день солидарности трудящихся, 9 мая – день Победы, 1 июня – День защиты детей, 7 ноября – главный праздник СССР, победа Великой Октябрьской социалистической революции и 5 декабря – День конституции. Каждый из названных праздников включал в себя зрелищные элементы. Причем в каждом празднике были повторяющиеся игровые моменты, которые с течением времени превращались в ритуал (под ритуалом здесь и далее мы будем понимать набор постоянных, повторяющихся действий, имеющих определенный смысл).

РЕЛИГИОЗНУЮ – в основе этих зрелищ лежат сюжеты, взятые из Библии. Сегодня они становятся все более и более популярными, причем в их основе лежит не только Библия, но и основы языческой религии. Это и праздник Ивана Купалы, Троица, Рождество, Масленица и т. п. В названных праздниках обязательно присутствие зрелищных эпизодов. Там, на Ивана Купалу – это прыжки через огонь (очищение), девушки отправляют венки по воде (поиск суженого). На Масленицу – сожжение чучела (уничтожение зимы, холодов и т. п.). Все эти священнодействия совершаются в ходе чистой игры.

Й. Хейзинга называет эти действия духовным элементом в священных культовых представлениях. «Священное представление – это больше, нежели мнимое претворение, больше, чем символическое претворение; это – мистическое претворение. Участвующие в культовом действии убеждены, что оно претворяет в жизнь некое благо. Интересно, что такое представление сохраняет все формальные признаки игры, но с концом игры его действие не прекращается, а продолжает действовать в обыденном внешнем мире [8].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что системообразующим фактором данной системы является событие или факт, связанный с жизнедеятельностью общества, общности, группы, личности. Данная система присуща всем зрелищам. Именно она является основой, из которой вырастает сценарий зрелищного действия, и именно факт дает толчок к возникновению замысла или, говоря профессиональным языком, является *исходным событием зрелища*.

Данная система выступает основой и позволяет разделить все зрелища на *исторические, государственные, социальные и религиозные*.

2. ОКРУЖАЮЩАЯ (СЦЕНОГРАФИЧЕСКАЯ) СРЕДА КАК СИСТЕМА (естественная или искусственная). Под естественной, реально существующей окружающей средой зрелища могут выступать: **здания, улицы, стадионы** и пр. Так, в 1970 году в Казани прошел светозвуковой праздник, посвященный 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, с использованием здания Казанского университета. Здание было и главной площадкой, и реально существующей средой, декорацией и действующим лицом). Светозвукоспектакль был чистым и ярким зрелищем. **Улица** характерна для шествий, демонстраций, крестных ходов и карнавалов, все, что находится на улице (и здания, и люди), служит декоративно-художественным оформлением (зрелищем) для идущих, а те, в свою очередь, служат оформлением (зрелищем) для смотрящих. **Площадь** присуща для театрализованных митингов, концертов, конкурсов и т. п.). **Архитектурный ансамбль** – старая крепость, например, Кузнецкая крепость в г. Новокузнецке, мемориалы на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге или на Малаховом кургане в Волгограде и т. д. **Стадион** – это единственное место, которое напрямую предназначено для зрелищ по аналогии с римскими цирками. **Городской сад или парк отдыха** – для такого вида зрелищ характерно то, что действие может разбиваться на несколько площадок, каждая из которых может использовать любые виды и жанры театрализованных зрелищ. **Место реального исторического события**. Например, праздник, посвященный дню Победы, проходящий в стенах Брестской крепости. В каждом населенном пункте нашей страны есть место, которое является для живущих историческим или священным: Вечный огонь, братская могила, здание или место, с которым связаны поворотные события в жизни населенного пункта. Эти места уже сами по себе являются зрелищем для присутствующих, а включение в них театрализованного действия усиливает зрелищное воздействие.

Системообразующим фактором в данной системе является то место, где проходит зрелищное действие, потому что оно объединяет всю событийную линию: его тему, сквозное действие и сверхзадачу. Реальное место событий помогает зрителям «включить» собственное воображение и воспринимать происходящее как факт, который они наблюдают «якобы в реальности».

Кроме реально существующей окружающей среды, для зрелища может создаваться искусственная среда. То есть выстраиваются необходимые декорации и сценические площадки. Данные строения всем ходом зрелища убеждают зрителя

в своей реальности и правдоподобии, то есть из искусственных они «как бы превращаются» в реальные. А если таковой праздник сделать традиционным, то у последующих поколений не будет никаких сомнений в подлинности данного места.

Римляне были завязаны театрами. Утонченные ценители искусства хотели видеть все в натуральном виде – сценическая техника была развита до удивительного совершенства. Целые ландшафты с редкими зверями неожиданно возникали перед изумленными зрителями. Для этой цели под сценой работала грандиозная декорационная механика. Все было реально: артисты-рабы по ходу действия реально умирали. Так, в постановке «Орфея» главный герой поднимался из подземного царства и, играя на лютне, музыкой привлекал к себе рыскающих среди декораций настоящих хищников, которые его разрывали на глазах довольной публики. Или Геркулеса в одноименной пьесе сжигали на костре [9].

Эти две названные системы являются в любом зрелище основными. В зависимости от вида и жанра зрелища, каждая из них может быть основной системой, которой будут подчинены все остальные системы. Последующие системы являются вспомогательными. Они в большей степени имеют отношение к локальным площадкам, задействованным в общем праздничном действе. Тем не менее они выступают как подсистемы в общей системе массового зрелища. При необходимости эти подсистемы могут выступать как самостоятельные системы.

3. АКТЕРСКАЯ СИСТЕМА

Особенностью актерской системы в массовом празднике является то, что, во-первых, праздник, как правило, проходит на нескольких площадках, в отличие от театрального спектакля. И каждая площадка имеет свою актерскую систему. Во-вторых, грань между зрителями и актерами довольно прозрачная, в назначенный момент она может исчезнуть, и зритель превращается в актера, а тот в зрителя. Этому способствует система активизации зрителя, заложенная в празднике. В отдельных праздниках в качестве актера может выступать вся масса присутствующих. Особенно ярко это проявляется в театрализованных митингах, карнавалах, обрядовых и детских праздниках. Актерами на празднике могут быть и персонифицированные предметы: здания, памятники, природа, техника, животные (вспомним гладиаторские бои с животными, где они выступали наравне с людьми), и само место проведения праздника, когда оно «рассказывает», что здесь произошло. Кроме этого актерами могут быть фонограмма, которая связывает материал отдельного блока воедино, или видеоизображение.

Исходя из этого, системообразующий фактор актерской системы праздника нельзя определить однозначно. Он будет состоять из синтеза факторов актерских подсистем (систем) сценических пло-

щадок, используемых в празднике. В зависимости от праздника таковым может быть творческая деятельность актеров (в предлагаемых обстоятельствах – всех присутствующих), главный герой блока или всего праздника. Но, учитывая все факторы актерских систем праздника, все-таки можно вывести ее объединяющий системообразующий фактор, в качестве которого выступает **сверхзадача** (она же **цель**) **праздника**, именно ей подчинены сверхзадачи всех самостоятельно действующих сценических площадок, задействованных в празднике.

Если в театральном спектакле актерская система выполняет главную роль и ей подчинены все системы, входящие в сценический образ [10], то в массовом празднике она таковой не является и «работает» в синтезе с остальными системами. В спектакле актер – основа всего сценического образа, в празднике основой образа праздника может быть система фактов, реальное место событий (действия праздника), система активизации и др. Все зависит от идейно-тематического замысла праздника, его вида, жанра, аудитории, места и времени проведения, его сверхзадачи и социально-художественных функций, задействованных в празднике.

4. ВЕЩЕСТВЕННО-ПРЕДМЕТНАЯ И АТРИБУТИВНАЯ СИСТЕМА

Прежде всего, данная система включает в себя костюмы, предметы быта, необходимые для действия, и реквизит.

5. МУЗЫКАЛЬНО-ШУМОВАЯ ИЛИ ФОНОВАЯ СИСТЕМА

В данную систему входят подсистемы, состоящие из «живой» музыки (оркестры, музыкальные группы, солисты, исполнители), фонограммы, звуков, реально существующих в природе (пение птиц, звуки работающей техники и др.), реальной речи актеров и зрителей и других искусственных звуков, необходимых в празднике.

6. ТЕХНИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Системообразующим фактором вещественно-предметной, музыкально-шумовой и технической систем выступает **художественный замысел** режиссера-постановщика. Именно он диктует, что нужно для данного зрелища: какие звуки, свет, реквизит и прочее.

7. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

Понятие «функция» (от лат. *functio* – исполнение, осуществление, соответствие, отображение) введено в научный оборот Г. Лейбницем. В процессе культурологических исследований – это понятие получило два основных значения. 1. Указание на ту роль, которую определенный элемент культуры выполняет по отношению к целому. 2. Обозначение зависимости между частями, компонентами культуры. В празднике в качестве элементов выступают подсистемы, которые располагаются в иерар-

хическом порядке и взаимосвязаны между собой общим замыслом праздника [11].

Назовем и рассмотрим основные социально-художественные функции зрелища. «Социально-художественные» – потому, что массовое театрализованное зрелище – **художественное производство** – продукт художественного творчества, в котором в чувственно-материальной форме воплощен замысел его создателя-художника и который отвечает определенным категориям эстетической ценности. Основой любого зрелища является **художественный образ** – это образ искусства, который создается автором художественного произведения с целью наиболее полно раскрыть восстановленное когда-то бывшее явление действительности. И все это выражается посредством сценического представления – зрелища в формах сценического искусства и рассчитано на многочисленных зрителей. Но не следует забывать, что представлением мы называем все действия, имеющие зрителя и происходящие на ограниченной площадке. Таким образом, представление – это сценический вид театрального искусства, а зрелище – форма, имеющая собственные жанры, схожие с театральными. Поэтому ставить знак равенства между представлением и зрелищем нельзя.

Зрелище есть форма искусства, и как всякое искусство оно полифункционально. Основные функции любого вида искусства достаточно просты и не требуют особых доказательств. Даже если какой-то исследователь выделяет дополнительную функцию к уже имеющимся в списке, то она обычно не представляет из себя чего-то кардинально нового и отличного, а чаще всего является разновидностью одной из основных функций. На наш взгляд, зрелищу присущи следующие функции:

- **Компенсаторная.** Зрелище помогает восстановить гармонию, утраченную в реальности. Игра, лежащая в его основе, обеспечивает сохранение качеств, данных от природы, но не востребуемых в реальной жизни индивида. Человеку от природы дан целый набор физических и интеллектуальных способностей, обеспечивающих его выживание в самых разнообразных условиях. Он может бегать, плавать, лазать, вступать в поединки с другими людьми и животными, строить, рисовать, решать сложнейшие интеллектуальные задачи. Однако в реальной жизни современного человека выполнение множества задач взято на себя государством, органами местной администрации, множество личных действий человека становится ненужным, поскольку гораздо проще оплатить кому-то соответствующие услуги. Цивилизация сделала труд высокоспециализированным, в результате основная масса физического и интеллектуального потенциала людей не востребуется, а потому деградирует. У тех, кто это осознал, такой процесс вызывает не-

приятные, а то и мучительные чувства. Средством ослабить калечащее воздействие цивилизации и является игра, выполняющая, прежде всего, компенсаторную и развивающую функции. Она позволяет искусственным образом сохранять и развивать способности, не востребованные цивилизацией; зрелище посредством игры компенсирует и дефекты окружающего мира, позволяя человеку хотя бы на время избежать его хаоса. «В несовершенном мире и сумбурной жизни, – как отмечал Й. Хейзинга, – Она (игра) создает временное, ограниченное совершенство» [12].

- **Познавательная функция.** Потребность в этой функции вытекает из человеческого желания познать неизвестное, процесс познания осуществляется в процессе восприятия зрелища и как постфактум – в общении после зрелища. Зрелище всегда несет новые знания о прошлом, настоящем и будущем.

- **Информационная функция** обеспечивает процесс преемственности и различные формы исторического прогресса. Она проявляется в закреплении результатов социокультурной деятельности, накоплении, хранении и систематизации информации. В современную эпоху каждые пятнадцать лет происходит удвоение информации. С. Лем обращал внимание на то, что объем неизученных проблем увеличивается прямо пропорционально объему накопленных знаний. Ситуация «информационного взрыва» потребовала создания качественно новых способов обработки, сохранения и передачи информации, более совершенных информационных технологий. Современное зрелище, используя эти технологии, как бы спрессовывает информацию и в образно-зрелищном, изобразительно-выразительном виде выдает ее присутствующим.

- **Нормативная функция.** Обусловлена необходимостью поддерживать равновесие и порядок в социуме, приводить в соответствие с общественными потребностями и интересами действия различных социальных групп и индивидов. Функция общезначимых норм, признанных в той или иной среде, направлена на обеспечение определенности, понятности, предсказуемости поведения. Можно назвать этические нормы регламентации повседневной жизни, эстетические, ценностные, юридические нормы, регулирующие взаимоотношения между людьми, технические нормы, вызванные производственной практикой; экологические нормы и т. д. Многие нормы тесно связаны с традицией и укладом жизни народа. Вспомним обряд индейцев посвящения в мужчины, когда на глазах всех присутствующих самые пожилые и почетные члены общества начинают вести себя как дети. Несоответствие внешнего вида и действий, которые они совершают, находится в противоречии, именно это противоречие является самым действенным

в данном зрелище и воздействует на «вступающих в жизнь» эффективней всяких слов и призывов. Данная функция тесно связана с воспитательной, в зрелищах она выступает как **нормативно-воспитательная**.

- **Сигнификативная (знаковая) функция**, буквально – функция приписывания значений и ценностей. Благодаря этой функции зрелище предстает как осмысленное представление о мире, не важно, в какой конкретной форме выражено это представление. Ведь именно с помощью знаков, символов, метафор, формул, цифр, имен человек определяет для себя окружающий мир и тем самым строит картину мира. У каждого народа, страны существует своя знаковая система, которая состоит из вербальных и невербальных образов и символов. В зрелищах это особенно важно: что обозначает терновый венец на голове Христа? Почему вкушают на рождество хлеб и вино? и т. п.

- **Ценностная (аксиологическая) функция**. Именно зрелище показывает значимость или ценность того, что в определенном социуме, культуре, искусстве ценно, а в другом таковым не является. Бои гладиаторов делали жизнь для зрителей самым ценным фактом их существование. Зрелище диктует человеку, что хорошо, а что плохо. Не зря существует поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

- **Духовно-нравственная функция**. Зрелище прививает и воспитывает в человеке морально-нравственные ценности, существующие и насаждаемые в определенном обществе. Вспомним средневековые мистерии, миракли и моралите.

- **Потребительская (релаксационная) функция**. Это функция снятия стресса, напряжения. Из естественных способов разрядки – смех, плач, приступы гнева, крик, исповедь. Однако они относятся к разряду индивидуальных и недостаточны для того, чтобы снять коллективное напряжение.

Примечания

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 610.
2. Калмыков, А. А. Системный анализ: технологии обучения / А. А. Калмыков // Вестник ПГУ. – Пермь, 1997. – Вып. 1. – С. 32.
3. Травля зверей и сражения на кораблях. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.gladiator.surrealism.ru/beast.html>. – С. 137.
4. Садовский, В. Н. Исследования по общей теории систем. – М., 1969. – С. 612–613.
5. Прангишвили, И. В. Системный подход и общественные закономерности. – М., 2000. – С. 137.
6. Там же. – С. 123–124.
7. Травля зверей и сражения на кораблях. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.gladiator.surrealism.ru/beast.html>. – С. 137.
8. Хайзенга, Й. Homo ludens в тени завтрашнего дня. – М., 1992. – С. 21.
9. Архив «Хлеба и Зрелищ» – журнал «Братишка». Электронный ресурс. Режим доступа / http://bratishka.ru/archiv/2008/5/2008_5_16.php.
10. Мельников, Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. – М., 1978. – С. 108–131.
11. Курбатов, В. П. Массовый праздник как способ преодоления социально-культурных конфликтов общества. – Кемерово, 2009. – С. 120–134.
12. Хайзенга, Й. Указ. соч. – С. 21.

Для подобных целей служат стилизованные формы снятия напряжения – именно зрелища позволяют проявиться индивидуальным чувствам.

- **Внушающая функция**. Зрелище позволяет правящему классу манипулировать обществом. Вспомним массовые зрелища Германии 1930-х годов (сжигание книг, факельные шествия), когда населению доказывалось превосходство арийской расы.

- **Гедонистическая функция**. Зрелище, прежде всего, свободное времяпровождение в пассивной форме, доставляющее удовольствие и наслаждение от происходящего. «Я получаю удовольствие от того, что вижу, не затрачивая ни малейших усилий».

В контексте нашего исследования каждая функция является самостоятельным объектом (подсистемой), входящим в систему – театрализованное зрелище. Системообразующим фактором любой функции как системы является потребность человека, которая определяется исходя из темы, идеи и сверхзадачи зрелища.

Вторым составляющим данного фактора является цель. Определенная потребность не может быть использована без наличия цели. А цель у присутствующих на зрелище, как правило, одна – получить удовольствие, расслабиться и почувствовать себя более значимым и счастливым по сравнению с реальными участниками событий, показанных в зрелище.

Исходя из системного анализа, мы делаем следующий вывод:

Массовое театрализованное зрелище – организованный, интегрированный, открытая, искусственная система, состоящая из подсистем (которые при необходимости могут выступать как самостоятельные системы), созданная субъектами для воплощения заранее определенных целей и задач. Зрелище (как и любой вид искусства) обладает собственными, только ему присущими функциями.

ВИТАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Е. М. Бородина

Изучая духовную культуру Сибирского казачества, следует помнить о том, что её становление проходило в несколько этапов. Первый этап – образование самого казачества, которое происходило за счет ассимиляции (обрусения): принятия христианства, языка, способов ведения хозяйственной деятельности. Вторым этапом, на котором казачество становится социальным слоем российского общества, совпадает с периодом расширения оборонительных функций России. Культура казачества, являвшаяся в своей основе русской, взаимодействовала с культурами коренных народов восточнославянских переселенческих групп. Тем самым закладывались специфические признаки яркой, самобытной и оригинальной культуры сибирского казачества, отличающейся от других ее локальных вариантов.

Известно, что в представлении о казачьей культуре всегда входило ношение оружия, служившего характерным атрибутом полноценного, свободного человека, а «настоящей» праздничной одеждой казака была военная форма, включавшая в себя все военные атрибуты как знак казачьего достоинства. Все вышесказанное характеризует мужчину-казака как воина и защитника и позволяет нам утверждать, что существовали отдельные компоненты мужской традиции в культуре сибирского казачества, которые выделяются, прежде всего, в семейных праздниках и обрядах.

Жизненный путь казака от рождения до самой смерти был отмечен различными семейными обрядами [1].

Семейно-бытовые обряды, выражая целостность мировоззрения народа, со временем укрепились в его сознании как необходимая часть бытия. По ним мы узнаем о том, каковы представления народа о важнейших моментах человеческой жизни: рождении, вступлении в брак, смерти. У казачества именно эти обряды оказались наиболее устойчивыми.

Большим счастьем у казаков считалось рождение мальчика, потому что рождался еще один казак-воин и при рождении каждый мужчина получал надел земли [2].

Новорожденного обязательно крестили. Крещению придавали большое значение в семейном быту казаков. Во-первых, обряд крещения и сопровождающие его ритуалы подтверждали факт принятия в общину христиан нового члена, что для казаков считалось одним из важнейших событий, а во-вторых, оно являлось «доказательством того,

что казаки начинали воспитывать в своих сыновьях казака-воина, преданного защитника Отечества, почти с самого момента рождения» [3]. Крестили ребенка обычно в церкви через один-пять дней (иногда через одну-две недели) после родов.

После крещения кумовья вели ребенка домой, где укладывали его на шубу, «чтоб богатым был». При рождении мальчика приглашались в дом, прежде всего, мужчины – старые казаки, атаман или кто-нибудь из его представителей. Собравшиеся вспоминали всех прославившихся родственников ребенка, перечисляли их подвиги, желали новорожденному вырасти таким же храбрым казаком. И лишь затем обряд переходил в семейный праздник крестин, где присутствовали все родственники. Крестный и крестная считались почетными гостями. Крестная приносила в подарок рубашку, полотенце, простынку, занавесочку для зыбки, крестный – нательный крестик, символ новой жизни, а также дарил чепчик, пеленки, материал. Родственники приносили подарки, дарили «на зубок» деньги. Обязательно приносили в подарок пироги. При рождении мальчиков пекли рыбные пироги и, даря, приговаривали: «Вот вам пирог с сыночком». Иногда вместе с подарком высказывали пожелания родителям: «Желаем вам вспоить, вскормить, на коня посадить» (чтоб казак вырос). Таким образом, определялись различные конечные цели в воспитании родившегося ребенка [4].

После первого пострига мальчика-казака сажали на коня, что расценивалось как элемент мужской инициальной обрядности. Казачонка сажали верхом на коня и гадали. По малейшим приметам старались угадать судьбу будущего казака-воина. Если ребенок удержится за гриву, то будет ему долгая жизнь. Если ребенок заплачет или начнет падать «валиться с коня», то ждет его беда. «Когда отец или крестный сажал на коня, ребенка обязательно придерживали, чтобы не упал». Однако считалось, что он должен несколько минут продержаться или схватиться за луку (выступающий изгиб переднего или заднего края седла), что отмечали как знак: «Видно, наездник будет хороший и воин настоящий» [5]. Таким образом, данное действие позволяло говорить о дальнейшей судьбе и качествах будущего казака-воина. К верховой езде казачонка приучали с 5 лет, а иногда и с 3-летнего возраста.

Большое значение придавали «поступлению» в школу, куда родители отдавали всех мальчиков, достигших восьмилетнего возраста. Там обучали основным предметам: грамоте, математике, ис-

тории, а также воинским премудростям: стрельбе, наездничеству, седловке, джигитовке. Такие курсы были необходимы на практике при подготовке мальчиков к воинской службе» [6].

Следующим важным этапом в жизни казака-подростка было научиться держаться в седле и хорошо орудовать пикой и шашкой. По словам респондентов, с тринадцати лет мальчики участвовали в скачках, которые проводились ежегодно. Как правило, начинались скачки с молодых казаков, готовящихся служить и имевших своих лошадей. Оценивали не только казака, его сбрую, умение держаться в седле, а также обязательно состояние лошади. Добрый конь должен быть ухоженным. Главными в программе были скачки рысью, а затем проводились скачки на скорость [7].

Каждый молодой казак должен был пройти своеобразный курс начальной военной подготовки, получить необходимую сноровку, хорошие знания казачьей воинской службы, чтобы позднее их применять на практике.

По достижению восемнадцати лет молодой казак полностью освобождался от всех повинностей. Главной задачей молодых парней была подготовка всего необходимого для предстоящей службы в полку. Казак должен был «справить» себе необходимое обмундирование, снаряжение и коня. На сборах молодые казаки овладевали основами различных сторон воинской жизни. Казак должен был знать Молитву Господню, 10 заповедей, воинскую присягу части основы воинской дисциплины, освоить азы обращения с винтовкой, пешей строевой подготовки, гимнастики, седловки, посадки, действия пикой и шашкой на лошади.

В процессе подготовки казаки обучались полной походной седловке, езде на разных аллюрах, рубке и действию пикой в движении, чуть позже – действию в составе взвода, джигитовке с перескакиванием со стрельбой через рвы и барьеры.

Одним из главных итогов сборов были состязания в стрельбе и наездничестве. Казак должен уметь и продемонстрировать следующее искусство: твердо сидеть на коне, бойко им управлять, выпрыгивать из стремян на коня, доставать с земли предметы на скаку, стрелять в цель, прыгать через барьеры [8]. Еще один вид соревнований – борьба с использованием плеток. Молодые казаки верхом на лошади начинают хлестать друг друга. Их главная задача заключается в том, чтобы сбить соперника с седла, а самому удержаться [9].

Следующим важным этапом для казака была служба в регулярной армии (с 1701–1874 гг. – рекруты, с упразднением рекрутчины в 1874 г. введен новый термин – «новобранец»). Проводы в армию являлись неотъемлемой частью жизни казаков. Перед отправлением на службу молодого казака в доме

устраивались проводины, куда приглашали близких родственников, соседей и друзей. Приглашенные приходили с каким-нибудь угощением, обычно со стряпней. На специально выпеченных пирогах была выложена надпись «Счастливый путь» [10].

Самым трогательным элементом обряда, встречающимся только у казаков, считался момент благословения. Отец брал в руки икону и благословлял сына следующим образом: «Вот икона святая, дорогой сын! Помни Бога вначале и не забывай заповеди! Служи Царю верой и правдой. Помни родителей, что вскормили и вспоили тебя на служение Отечеству». Получив благословение, казак кланялся родителям в ноги, а затем прощался с родными [11].

На следующий день по звону колокола все население станицы собиралось на площади. Батюшка служил молебн. Выступал с напутственной речью атаман. После официальной части угощали всех присутствующих. Обычно угощение продолжалось в лесу, ближайшей рощице. На земле расстилали кошму или брезент, на котором рассаживались кружками отправляющиеся и провожающие. Говорили о предстоящей службе, вспоминали интересные случаи из героического прошлого, выпивали, закусывали, пели казачьи песни: «Скакал казак через долину», «Ревела буря, дождь шумел», «По Дону гуляет казак молодой», «Поехал казак на чужбину далеко» и другие. После завершения гуляния в рощице казаки садились на коней, которых заставляли кланяться и вставать на колени, а затем строем с песней «Прощай, сторона моя родная, прощайте, милые друзья» отправлялись на сборный пункт.

Возвратившись со службы, молодой казак объезжал всех родных, рассказывал о службе, приглашал их на гулянье в свой дом. Если приезжало несколько человек со службы, то собирались вместе, ездили по улицам и распевали под гармошку песню «Эх, любо, да любо». Так могли гулять, переходя из дома в дом, по неделе [12].

Одним из важнейших семейных праздников казаков являлась свадьба, которую, наряду с обрядами похоронно-поминальным и родильно-крестильным, относят к «переходным» обрядам жизненного цикла: во время этого обряда молодые люди прощались со своей половозрастной группой и относительно свободной жизнью и переходили в разряд семейных мужчин и женщин, имевших совершенно иной социальный и экономический статус [13].

Браки заключались в основном по желанию родителей. Особенностью казачьих браков являлись критерии выбора невесты: оценивались не только хозяйственность, черты характера, внешние данные, но и умение ездить верхом [14].

Несмотря на то, что в основных чертах казачья свадьба напоминала общерусскую, все же в ней прослеживаются некоторые особенности. Прежде всего, это касается свадебного поезда, где основную роль играл жених. Когда поезд приближался к воротам, обычно – на разукрашенных конях (в первой повозке – дружка и сваха, во второй – жених с полудружьями, в третьей «бояре» – молодые мужчины), по казачьему обычаю звучала ружейная стрельба.

Еще одним элементом обряда являлась встреча свадебного поезда. Как правило, от венца три-четыре кошевы упряжки ехали к дому жениха, где его у ворот поджидала неженатая казачья молодежь. Молодые казаки ставили сбоку у столба небольшой столик, перед воротами – сноп соломы, затем брали в руки кнуты и ждали прибытия свадебного поезда.

Первой должна подъехать к дому кошева с молодоженами, править же упряжкой (с кнутом в руках) был обязан сам жених. При появлении поезда парни поджигали солому, и тут жених должен был выдержать нелегкое испытание – проявить свою удаль, стойкость, хорошую сноровку в управлении лошадьми. Нужно было не ударить лицом в грязь и заставить коней лихо пронести кошеву (которая, кстати, тоже устлана соломой) с невестой и подружкой над полыхающим костром. Но на этом испытание не заканчивалось. С двух сторон, выстраивая тем самым «живые» ворота, стояли жениховы друзья (не участвующие в свадебном застолье), кровно заинтересованные в том, чтобы молодых в ворота не пропустить. Они яростно хлещут плетями пытающихся проскочить через огонь коней. Удары плетей безжалостны: хоть по голове, хоть даже и по глазам коня. Задача одна: испугать и остановить. И если повозка останавливалась, то молодежь предьявляла жениху и дружке свои законные требования: выкупить право въезда в ворота. Жених, в свою очередь, должен быть готов откупиться [15].

После венчания молодые жили в доме родителей мужа. Менялось отношение казака к своей подруге жизни. В каждой казачьей хате на стене возле дверей обязательно висела плетка, которая помимо своего назначения – управления лошадьми – служила казаку также для устрашения и усмирения своей «правовой».

Следующий обряд, элементы которого ярко характеризует мужскую казачью традицию, – похоронный, в нем тесно переплелись древнейшие языческие верования и элементы христианства.

Смерть принималось народной традицией как неизбежность. Несмотря на влияние православия, мировоззренческая концепция древнеславянского похоронного обряда в рассматриваемый период прослеживается достаточно четко. Суть её заклю-

чалась в двойственном отношении к покойнику. Если материальная субстанция, тело, воспринималась негативно, как источник несчастья для живых, то к духовной – душе относились вполне уважительно, наделяя её свойством покровительствовать людям.

Умиравшему старались облегчить смерть, помочь душе выйти из тела. Перед смертью необходимо было причаститься. Как и любой христианин, казак в случае внезапной смерти, например, в пути, далеко от дома, в последнее мгновение обращался с молитвой к Богу и целовал крест. Смерть без причастия считалось большим несчастьем для казака, так как душа умирающего, по поверьям, не могла попасть в рай. В подобных случаях родным умершего без причастия приходилось делать богатые приношения священнику и устраивать добавочные поминки в течение сорока дней.

Покойника, как правило, хоронили через два дня на третий. Тело усопшего омывали, омовение простиралось на все части тела. Эта норма была строгой, и её выполняли повсеместно. После омовения обязательно причесывали гребнем и обряжали в погребальную одежду. Казака хоронили в полной парадной форме, с регалиями, офицеров – с эполетами и даже с шашками.

В день похорон покойника несли в церковь, отпевали, затем родственники и знакомые прощались с ним, и все шли на кладбище, которое, как правило, располагалось за станицей (заимкой, селом). Последнее прощание происходило на кладбище. Родственники причитали, особенно когда гроб опускали в землю. Во время плачей и причитаний полагалось описывать и восхвалять действия, поступки умершего, вспоминать его соколиный взор, походку, военную доблесть, расхваливать его коня и оружие. В могиле усопшего клали лицом к востоку. Над могилой казака как всякого христианина возвышался крест [16].

После похорон все возвращались в станицу (заимку), и желающие (а иногда только приглашенные) шли в дом покойника справлять помин. Все мыли у входа во двор руки и заглядывали в печь (чтобы покойник не снился). В первый день на стол ставили прибор и для души умершего. Если умер мужчина, то присутствующим обязательно раздавали полотенца. Утром следующего дня на могилу умершего несли завтрак. На третий, шестой, девятый, сороковой дни после похорон устраивались поминки, на которых присутствующим раздавали вещи умершего. В течение года родственники соблюдали траур [17].

Казаки, уходящие на службу или войну, боялись быть похороненными на чужбине, поэтому они брали с собой горсть родной земли. Обычно старались брать землю у церкви, с могилы отца, матери

или в саду у дома. Землю зашивали в мешочек и вешали на шею у креста. Если казаку было суждено погибнуть на чужбине, то первой на его гроб падала родная земля. Таким образом, считалось, что он похоронен на чужбине, но в родной земле [18].

Следующим компонентом, характеризующим мужскую традицию, выступают масленичные кулачные бои, в которых принимали участие только мужчины. Так, в станице Черлакской Омской области казачьи бои начинали подростки, затем подключались ребята покрепче – лет 20–22, причем разные возрастные группы бились раздельно. Если бой долго не утихал, то в него вступали старшие казаки. Доходило и до «седой бороды». Ножи и другое оружие не применяли, но зато в ход шли колья, выломанные из плетней. В пылу драки били не разбирая, в том числе по голове, главное – свалить с ног. Избивали друг друга безжалостно, случалось, даже и убивали.

Так же проходили так называемые большие стеночные кулачные бои, в которых принимали участие и конные казаки – как верховые, так и в кошевах. Горды, своенравны и задиристы были казаки. Но стоило появиться атаману, любая стычка прекращалась. Атаманом запрещались кулачные бои на Масленицу. Это было вызвано, скорее всего, тем, что традиционный кулачный стеночный бой, своими правилами запрещавший нанесение ударов,

постепенно стал перерождаться в жестокую, безудержную вечную драку [19].

Специфичной для Сибири и очень популярной среди сибирских казаков была игра «Взятие снежного городка». Снежная крепость строилась за селом, на росстанях, иногда и в центре села [20]. Как правило, её возводили дети накануне Масленицы. Иногда выстраивали настоящие городки и крепости, вырубали из затвердевшего снега «камни» и складывали «город» высотой примерно в три метра. Его охраняли пешие, а нападали всадники, которые на подходе к «городку» спешили, а иногда прямо на лошадях должны были разрушить распisanную углем крепость и достать бутылку, стоящую на воротах, или флаг, закрепленный на самом высоком месте. Защитники махали трещотками, кнутами, чтобы испугать лошадей. Если был свален хотя бы один «камень», «город» считался взятым. Победителей «мылили» (валяли в снегу), а затем обязательно награждали [21].

В качестве резюме можно отметить следующее: рассмотренные нами элементы духовной культуры казачества Западной Сибири фиксируют отдельные компоненты обрядов и ритуалов, где основная роль отводится только казакам-мужчинам. Как в семейных, так и в календарных праздниках и обрядах прослеживается присутствие мужского начала и подчеркивается главное дело жизни казачества – служение Отечеству.

Примечания

1. Жигунова, М.А., Золотова, Т.Н. Характерные черты праздничной культуры сибирских казаков // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 2000. – С. 128.
2. Шунков, В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. – М., 1956. – С. 48.
3. Бондарева, Н.И. «Проснулась да станица: культурно-бытовые традиции чарышского казачества. – Барнаул, 2006. – С. 11.
4. Жигунова, М.А., Золотова, Т.Н. Указ. соч. – С. 129–130.
5. Экспедиционные материалы: тетрадь № 3, ЭК – 2000 г.; тетрадь № 4 – ЭК – 2001 г. – Т. 3.
6. Бондарева, Н.И. Указ. соч. – С. 12.
7. Экспедиционные материалы... – Т.4.
8. Бондарева Н.И. Указ. соч. – С. 13–14.
9. Экспедиционные материалы... – Т.4.
10. Жигунова, М.А., Золотова Т.Н. Указ. соч. – С. 129–130.
11. Бондарева, Н.И. Указ. соч. – С. 16.
12. Жигунова, М.А., Золотова, Т.Н. Указ. соч. – С. 131.
13. Лисгова, Т.А. Заметки о русской свадьбе // Русские народные традиции и современность. – М., 1995. – С. 114.
14. Реммлер, В.В. Свадебная обрядность сибирских казаков (по материалам Горькой линии) // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск, 1990. – С. 28.
15. Аркин, Е.Я. Запевает казак песнь: Песни казачьих станиц Омской области. – Омск, 1999. – С. 26.
16. Бережнова, М.Л. Православные нормы в погребальном обряде русских среднего Прииртышья. – Омск, 1997. – С. 39.
17. Бондарь, Н.И. Традиционная духовная культура кубанского казачества (конец XIX – первая половина XX вв.) // Традиционная культура и дети. – Краснодар, 1994. – С. 27.
18. Бондарева, Н.И. Указ. соч. – С. 18–19.
19. Аркин, Е.Я. Указ. соч. – С. 34.
20. Жигунова, М.А., Золотова, Т.Н. Указ. соч. – С. 134.
21. Там же. – С. 134.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РЕГИОНА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КУЗБАСС» 2005–2007 ГГ.)

А.С. Двуреченская, Е.Н. Поломошнова

Культурная жизнь играет огромную роль в процессе развития общества, в своем функциональном аспекте она зависима в целом от политической и экономической ситуации, складывающейся в конкретном регионе. Культурная жизнь региона – это многообразная деятельность по развитию интеллектуального потенциала и творческих способностей отдельных групп и индивидов, удовлетворение культурных потребностей населения, проживающего на данной территории.

В каждом регионе формируется собственное социокультурное пространство. Важное место в его организации и оптимизации занимает проведение различных мониторингов, изучение спроса на культурные услуги, их качество и доступность. Культура не может существовать сама по себе, в замкнутой среде, культуре необходим «потребитель», то есть человек, воспринимающий ее на личностном уровне. Не случайно приоритетным направлением в современной государственной культурной политике является целенаправленное формирование культурной среды через культурные потребности индивидов. Культурная среда может пониматься как совокупность окружающих человека объектов – вещей, идей, образов, образцов деятельности, поведения, взаимодействия, причем это не только духовный микроклимат для живущих в определенной социальной группе, не только наличие культурных объектов, но и регулярная забота о них. Культурная среда требует внимания, защиты, подобно той, которая осуществляется по отношению к среде природной, прежде всего, от социального лицемерия и пошлости, от развращающего влияния псевдокультуры. Искусство, стиль жизни, система образования – все это влияет на содержательный тонус среды, в которой живет человек, среда формирует личность. В современном обществе огромную роль в формировании определенных взглядов и ценностей индивидов играют средства массовой коммуникации. Они не только могут приобщать население к благам культурной цивилизации [1], но и способны изменять через информационные потоки «картину мира» жителей региона.

Кемеровская область с ее огромным экономическим, технологическим, научным потенциалом, богатой историей и культурными традициями – стратегически важный субрегион как в национальном срезе, так и на международном уровне. Поэтому изучение специфики организации информационного пространства на данной территории

позволяет исследователю выявить динамику и степень многообразия культурной жизни региона, а также проследить некоторые тактические задачи культурной политики, осуществляемой местными властными структурами. По мнению большинства отечественных исследователей, средства массовой коммуникации и информации обладают колоссальными возможностями по манипулированию массовым сознанием [2]. Во-первых, они воздействуют непосредственно на поведение людей через создаваемое ими информационное поле. В этой связи примечательна точка зрения Э. Дениса, полагающего, что СМИ «формируют наше мышление, воздействуют на наши мнения и установки, подталкивают нас к определенным видам поведения...» [3]. Во-вторых, СМИ влияют на поведение индивидов через общественное мнение: «Благодаря возможности придавать общественному мнению массовость СМИ обладают способностью управлять и даже манипулировать им» [4].

Основная задача СМИ – передача информации потребителям через различные каналы коммуникации (газеты, радио, телевидение, журналы) [5]. Помимо этой основной функции специалисты выделяют и ряд других. Самые значимые среди них:

- формирование общественного мнения и общественных отношений;
- социально-культурная ориентировка за счет информирования;
- социально-культурная идентификация, помогающая осознать причастность к одним группам и отмежеваться от других;
- воспитательная, влияющая на эталоны поведения и отношений.

Назначение данных функций помогает понять, насколько могут быть значимы, с одной стороны, СМИ в качестве «инструмента» целенаправленного воздействия на культурную жизнь региона. С другой стороны, региональные СМИ в той или иной степени могут отражать и внеинституциональную сторону региональной культурной жизни.

В качестве конкретного объекта анализа был выбран Кузбасский субрегион. Наиболее значимые культурные события города и области находят отражение в таких массовых периодических изданиях, как газета Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области «Культура Кузбасса», газеты «Кузнецкий край», «Московский комсомолец», «Кузбасс».

Предметом данного исследования стала областная массовая газета «Кузбасс» за 3-летний период – с 2005 по 2007 гг. Было отобрано 326 материалов о культурных событиях. В качестве основного метода исследования использовался контент-анализ, позволяющий объективно исследовать текстовый материал, выявляя культурные аспекты его содержания. **Контент-анализ** (от англ. *contents* – содержание) – метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах. Особенность контент-анализа состоит в том, что он изучает документы в их социокультурном контексте. Не все документы могут стать объектом контент-анализа. Необходимо, чтобы исследуемое содержание позволило задать однозначное правило для надежного фиксирования нужных характеристик (принцип формализации), а также чтобы интересующие исследователя элементы содержания встречались с достаточной частотой (принцип статистической значимости). Чаще всего в качестве объектов исследования контент-анализа выступают сообщения печати, радио, телевидения, протоколы собраний, письма, приказы, распоряжения и т. д., а также данные свободных интервью и открытые вопросы анкет. В разработке и практическом применении контент-анализа выделяют несколько стадий. После того как сформулированы тема, задачи и гипотезы исследования, определяются категории анализа – наиболее общие, ключевые понятия, соответствующие исследовательским задачам. Система категорий играет роль вопросов в анкете и указывает, какие ответы должны быть найдены в тексте.

В практике отечественного контент-анализа сложилась довольно устойчивая система категорий – знак, цели, ценности, тема, герой, автор, жанр и др. Все более широко распространяется контент-анализ сообщений средств массовой информации, основанный на парадигматическом подходе, в соответствии с которым изучаемые признаки текстов (содержание проблемы, причины ее возникновения, проблемообразующий субъект, степень напряженности проблемы, пути ее решения и др.) рассматриваются как определенным образом организованная структура. Чаще всего контент-анализ проводится на годичной выборке: если это изучение протоколов собраний, то достаточно 12 протоколов (по числу месяцев), если изучение сообщений средств массовой информации, то – 12–16 номеров газеты или телерадиодневной. Обычно выборка сообщений средств массовой информации составляет 200–600 текстов. Необходимым условием является разработка **таблицы контент-анализа** – основного рабочего документа, с помощью которого проводится исследование. *Метод контент-анализа*

предполагает формальную фиксацию, числовую обработку, оценку и анализ содержания информационного источника в контексте конкретной исследовательской проблемы [6].

Материалы газеты «Кузбасс» анализировались по следующим показателям:

- название рубрики
- название статьи
- автор
- тематика материала
- учреждение
- место
- жанр
- оценка.

Операционализация этих показателей дала возможность приступить к анализу публикаций о культурной жизни.

Культурная жизнь региона в газете «Кузбасс» освещается в следующих основных рубриках:

Название рубрики	Год		
	2005 (113 публикаций)	2006 (90 публикаций)	2007 (123 публикации)
Дневник искусств	22,1 %	24,4 %	11 %
Выставка	17 %	14 %	20,3 %
Натуральные новости	17 %	-	-
Праздник	7 %	11 %	5 %
Юбилей	5,3 %	4,4 %	-
Фестиваль	3,5 %	4,4 %	8 %
Знай наших	2,7 %	-	7 %
Золотые купола	2,7 %	-	-
Культура	2,7 %	-	4 %

Диапазон тем, затрагивавшихся в течение данных лет на страницах газеты «Кузбасс», был разнообразен. Тематика публикаций следующая:

Тематика	Год		
	2005 (113 публикаций)	2006 (90 публикаций)	2007 (123 публикации)
Конкурсы. Выставки	16 %	31 %	26 %
Премьеры. Спектакли. Кино. Театр	11,5 %	21 %	18 %
Детское творчество	8 %	5,5 %	6 %
Музыкальная жизнь. Концерты	8 %	-	6 %

Тематика	Год		
	2005 (113 публикаций)	2006 (90 публикаций)	2007 (123 публикации)
Народное творчество	5,3 %	10 %	13 %
Военная тематика	4,4 %	3,3 %	-
Международные фестивали	5,3 %	5,5 %	9 %

В содержательном аспекте газетные материалы включают информацию о наиболее значительных региональных фольклорных фестивалях, фестивалях искусств, художественных выставках, конкурсах в галереях и музеях региона и культурном обмене. Современную культурную жизнь провинции невозможно представить без музыкальных конкурсов и фестивалей. Многие фестивали достигаются в обозреваемых изданиях лишь информационного упоминания. Однако наиболее значимым фестивалям газета «Кузбасс» посвящает помимо коротких сообщений весьма подробные статьи и аналитические обзоры. Событиями, получившими громкий резонанс общественности, стали: фестиваль любительского кино «Молибденовый лопух–2007» (г. Гурьевск), фестиваль детских театралных коллективов, посвященный театралному костюму (г. Кемерово), фестиваль юмора и эротики в рекламе (г. Новокузнецк).

Также примечательными оказались: Областной фестиваль детского народного творчества «Сибирь талантами богата» (г. Новокузнецк), Фестиваль немецкой культуры (г. Ленинск-Кузнецкий), Областной фестиваль фольклорных коллективов «Сибирские самоцветы», Фестиваль авторской песни «Бабье лето» (г. Юрга), Фестиваль-конкурс документального кино и видеофильмов «Золотая кедровая ветвь Сибири» (г. Кемерово).

Не только в России, но и за рубежом известны наши творческие коллективы. Представители Кемеровской области принимали участие в фестивалях за пределами региона: в фестивале-конкурсе национальных культур «Культура сближает народы» (г. Сочи), фестивале-конкурсе оркестров национальных инструментов народов России (г. Москва), фестивале хореографии «Звездная галактика» в Тунисе, международном фестивале «Хрустальная лира» во Франции.

Несмотря на столь детальное освещение конкурсов и фестивалей, периодические издания не обошли своим вниманием и повседневную концертную жизнь российских городов. Разумеется, количество публикаций по этой теме значительно

скромнее. Тем не менее, и они заслуживают профессионального внимания, поскольку освещают определенные тенденции, происходящие в музыкальной культуре региона.

Областная газета «Кузбасс» публикует также интервью с артистами и режиссерами кузбасских театров, статьи о юбилеях и бенефисах выдающихся деятелей культуры. В городах Кузбасса давней традицией стало празднование юбилейных дат творческих коллективов и музыкальных учреждений (так, отметил свое 60-летие народный артист России П. Карпов в государственном музыкальном театре Кузбасса; бенефис заслуженного артиста России В.Мирошниченко прошел на сцене областного театра драмы г. Кемерово; бенефис Л. Хмельницкой – «Жизнь на сцене» – прошел в театре драмы г. Прокопьевска).

Ежегодно один из горняцких городов Кузбасса становится столицей празднования Дня Шахтера, что дает возможность благоустроить города и реконструировать многие учреждения культуры. Благодаря таким мероприятиям неузнаваемо похорошели и стали уютнее Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Белово, Осинники, Кемерово, Киселевск, Анжеро-Судженск. Эстафету столицы шахтерского праздника 2008 года принял город Полысаево.

Основную массу публикаций составляют такие ежегодные народные празднества, как: фольклорно-обрядовый шорский праздник «Чил-пажи» (в переводе означает «голова-года»), где главным событием были три ритуальных костра (г. Кемерово, музей-заповедник «Томская писаница»); там же прошел праздник «Братчина-пир!» – праздник богов и людей; в поселке Ягуновский состоялся областной татарский праздник «Сабантуй» – праздник дружбы, праздник плуга, с песнями, плясками, соревнованиями по национальной борьбе; главный момент сабантуя – куреш. Празднование сабантуя – это также укрепление межнациональных отношений в Кузбассе. Национальный шорский праздник «Пайрам» прошел в селе Кузедеево Новокузнецкого района. Это традиционно семейный праздник, на котором вспоминают обычаи предков. Не менее интересен областной национальный праздник телеутов «Крещение» (г. Мундыбаш).

Многочисленны сведения о разнообразной клубной работе, народном творчестве и выступлениях детских коллективов на региональном и международном уровнях. Например, в Ленинск-Кузнецком прошла XII выставка детских художественных произведений «Рисуем радугу Кузбасса». К наиболее значимым событиям детского творчества можно отнести и международный детский эстрадный конкурс «Звезду зажигает Орленок», областной

фестиваль детского народного творчества «Сибирь талантами богата» (г. Новокузнецк, театр Драмы). В музее этнографии г. Таштагол прошла выставка «Кукла детскими руками». Отдельные публикации освещают деятельность региональных библиотек и издательств, играющих важную роль в культурной жизни области. Современные библиотеки Кузбасса – это информационные и культурные центры, центры общения и досуга, важные институты социализации подрастающего поколения. Библиотека сегодня – самый демократичный и востребованный тип учреждений культуры. Библиотеки Кузбасса выступают инициаторами проведения таких профессиональных общероссийских форумов, как: Дни Программы Юнеско «Информация для всех в Кузбассе»; Форум публичных библиотек России «Библиокараван» и др.

Постоянное и пристальное внимание газета уделяет музыкальной и театральной жизни городов Кузбасса; пишут, прежде всего, о премьерах, крупных театральных фестивалях, спектаклях – событиях, проблемах современной драматургии и режиссуры, т. е. о вопросах, отражающих движение театрального процесса, жизнь театра, а не возможность его выживания, как это было несколько лет назад. Безусловно, у российского театра имеется достаточно насущных проблем (финансовых, социальных и др.), но, тем не менее, жизнедеятельность театра определяется работой, результатом которой становятся спектакли [7].

Говоря о принципах и приемах подачи материала можно отметить, что они в основном остались прежними. Авторами публикаций являются такие журналисты, как:

Автор	Год		
	2005 (113 публикаций)	2006 (90 публикаций)	2007 (123 публикации)
Т. Шипилова	25 %	21,1 %	9 %
О. Штраус	37,2 %	48 %	35 %
Н. Назаренко	7 %	5,5 %	15 %
Г. Ганеева	3 %	-	2,4 %
Е. Райнеш	3,5 %	3,3 %	3 %
Е. Радич	3,5 %	5,5 %	4 %

По результатам контент-анализа публикаций газеты «Кузбасс» отметим, что активизация культурной жизни региона сосредоточена в основном в следующих учреждениях:

Учреждения	Год		
	2005 (113 публикаций)	2006/ (90 публикаций)	2007 (123 публикации)
Музеи	23 %	32 %	28 %
Театры	30 %	25,5 %	17 %
Библиотеки	4,4 %	5,5 %	9 %
Дома культуры	4,4 %	6,6 %	5 %
Киноцентры	-	-	5 %
ВУЗы, школы	9 %	5,5 %	4 %

И в следующих городах Кузбасса:

Место	Год		
	2005 (113 публикаций)	2006 (90 публикаций)	2007 (123 публикации)
г. Кемерово	57 %	58 %	60 %
г. Новокузнецк	20 %	23 %	13 %
г. Прокопьевск	3 %	7,7 %	2 %
г. Ленинск-Кузнецк	-	2 %	-
Города: Гурьевск, Юрга, Таштагол, Мариинск, Междуреченск, Осинники	3 %	-	2 %

Ряд материалов написан в основном в жанрах:

Жанры	Год		
	2005 (113 публикаций)	2006 (90 публикаций)	2007 (123 публикации)
Статья	84 %	78 %	70 %
Заметка	11 %	4,4 %	10 %
Анонс	2 %	10 %	10 %
Репортаж	2 %	-	5 %
Интервью	2 %	7 %	5 %
Очерк	1 %	1 %	-
Рецензия	-	-	1 %

Публикации, посвященные культурной жизни региона, носят по большей части позитивно-информационный характер. Материалы, дающие качественную художественную критику, встречаются редко. Культурная жизнь региона в основном представлена в областной прессе перечнем значимых культурных мероприятий, где акцент ставится на их положительном позиционировании, связанным с политическим имиджем Кузбасса. За пределами внимания региональной прессы остаются повседневные культурные практики. Возможно, это связано с тем, что газета «Кузбасс» является массовой и не сосредотачивает свое внимание на повседневных культурных событиях. Другими словами, освещение культурной жизни региона в СМИ ограничивается чаще всего перечнем разовых выставок, фестивалей, конкурсов. В деятельности СМИ, освещающих вопросы культурной жизни, выявляется еще один существенный аспект: общим для исследуемых массовых газет является тенденция освещать преимущественно массовые мероприятия – конкурсы, фестивали, смотры художественной самодеятельности, иллюстрируя при этом текст статьи с фотографиями их участников. Авторами этих публикаций являются организаторы мероприятий – работники культуры и сами участники, а также благодарные зрители. Обычно два-три раза в год печатается интервью с руководителями отделов культуры. Одним из принципов культурной политики исследователи называют ее «прозрачность», благодаря которой у населения появляется возможность принимать непосредственное участие

в ее формировании. Следует констатировать отсутствие реализации данного принципа в информационно-культурном пространстве Кузбасса, что, с одной стороны, отражает сохраняющуюся общественную «замкнутость» и консерватизм региональных властных структур, с другой, – не позволяет исследователю составить абсолютно достоверную картину культурной жизни Кузбасса.

На наш взгляд, региональные СМИ должны предлагать жителям Кузбасса информационную альтернативу массовым газетам в виде различных общественных журналов и газет, содержащих публикации по вопросам внеинституциональной социокультурной практики. Таким образом, функциональная специфика СМИ позволяет им выступать в качестве механизма осуществления организации культурной жизни региона, и в этом смысле анализ «инструментальных» возможностей СМИ носит прикладной характер, выявляя тесную взаимосвязь теоретического и прикладного знания о культуре в рамках культурной политики. Для оптимизации развития региональной и отечественной культуры к участию в институциональных процессах культурной жизни следует наиболее активно привлекать лучшие научные кадры из сферы культуры и науки, что частично уже осуществляется местными властями. Превратить современный Кузбасс в регион, обладающим высоким и научным потенциалом, – главная цель реализуемой культурной политики в регионе. От научной обоснованности и стратегической правильности принимаемых властных решений будет зависеть судьба культуры не только Кузбасса, но и России в целом.

Примечания

1. Сеславинский, М.В. Культура и СМИ // Социология массовой коммуникации: теория и практика. – 2005. – С. 3–7.
2. Кошкин, И.С. Социально-политические ориентиры управления сферой культуры региона // Культурологические проблемы развития региона. – Тюмень, 1999. – С. 12–14.
3. Денис, Э. Беседы о масс – медиа. – М., 1997. – С. 52.
4. Кара-Мурза, С.В. Манипуляция сознанием // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 31.
5. Пилипчук, Л.В. Формирование культурной среды региона средствами массовой информации // Культурология в теоретическом и прикладном измерениях. – Кемерово, 2001. – С. 272–280.
6. Линцен, Л.П. Контент-анализ как основной метод исследования // Экономика региона. – 2007. – № 18. – С. 12–16.
7. Зорина, Т.Н. Московский театральный сезон 2003/2004 года // Панорама культурной жизни Российской Федерации. – 2003. – Вып. 1. – С. 38–64.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА АЛТАЙЦЕВ

Ю. И. Ташкенова

Народное музыкальное творчество алтайцев представляет огромное художественное богатство. Несмотря на то, что в силу исторических обстоятельств алтайский народ много и по-разному общался с другими народами, он устойчиво сохранил и донес до нашего времени свою самобытную музыкальную культуру.

Духовная культура, в том числе и музыкальный фольклор алтайцев как инновационный процесс в системе ценностей этнического менталитета, тесно связана с традиционной культурой. В процессе исторического развития традиционная культура представляет собой новую интерпретацию, но уже в несколько иной форме, с новым событийным наполнением и социальными последствиями. Этот процесс тесно связан с ростом этнического самосознания, национальной идентификации алтайцев. Традиционная культура многими учеными трактуется как одна из форм проявления национального самосознания и, что особенно важно, как средство и механизм его стимулирования, как способ возвращения утраченных духовно-нравственных ценностей, традиционных форм хозяйствования, уклада семейной и бытовой жизни, межчеловеческих и межпоколенных отношений [1].

Для современных исследователей в области традиционной художественной культуры и музыкального фольклора большой интерес представляет работа Б.М. Шульгина «О музыкальной культуре алтайцев», где автор свел воедино весьма разнообразные сведения об алтайской музыке, проделал огромную и кропотливую работу по собиранию и систематизированию фактически всех работ, посвященных алтайской народной музыке [2].

Первые сведения о музыкальном фольклоре алтайцев дают путешественники и исследователи XVIII–XIX вв. **Первые нотные примеры тюркских народностей Сибири**, в том числе и алтайских, даны И. Гмелиным, участником академической экспедиции в Сибирь 1733–1743 гг., который проводил этнографические исследования на обширной территории Восточной Сибири. Его записи приведены в третьем томе труда «*Beise durch Sibirien*» [3].

«Изучение собственно алтайской музыкальной культуры началось почти через сто лет после этой экспедиции в Сибирь, – пишет Б.М. Шульгин. Одним из первых исследователей этнографии племен Алтая и инициатором научного изучения их устной

народной литературы является русский миссионер В.И. Вербицкий. Более тридцати лет (с 1853 по 1890 гг.) посвятил он изучению быта алтайцев. Вербицкий первым ввел в науку принцип разделения племен Алтая на северные и южные по признакам их языка, быта и музыкального творчества. С конца 50-х годов XIX века он начинает собирать и публиковать образцы народного творчества алтайцев, описание музыкальных инструментов и их манеры пения» [4].

Ценные материалы и наблюдения имеются в его работе «Алтайские инородцы». Этот сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера был создан этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете в 1893 г. под редакцией А.А. Ивановского [5].

Национальные песни всегда отражают внутренний мир народа. Великий русский революционный демократ и критик В.Г. Белинский писал по этому поводу, что народная поэзия является «зеркалом духа», создавшего ее народа, указывая при этом на закономерности эволюционного развития жанра народной песни [6].

Но первые попытки записи и изучения музыкального фольклора, осуществленные В. Вербицким, А. Анохиным и некоторыми другими энтузиастами, несмотря на целый ряд ценных и важных наблюдений, в целом не смогли всесторонне осветить особенности алтайской народной музыки. Фактически каждый из них начинал работу с самого начала, так как большинство исследований предшественников остались неопубликованными и оказались расплывчатыми по различным, порой труднодоступным архивам. В.И. Вербицкий опубликовал много народных песен. В качестве примера приводим одну из них:

О разорении Алтая

*Когда смотришь (на Алтай) сверху,
Хан Алтай показывается треугольным;
Если взглянешь на него со стороны,
Девятигранным кажется хан Алтай.
Если со ската горы смотреть будешь,
Как плетть расплетенная,
Тянутся хребты твои, хан Алтай.
За тебя, славный Алтай наш,*

*Многое множество крови пролито!
Красные твои сосны окомолены,
Лучше бы не смотреть на такое оголение!
Величественные кедровые твои
Стоят обнаженные от зеленых ветвей;
Лучше бы не видеть такого обнажения,
Нашего стройного батюшки Алтая!
Как коричневым сукном,
Весь покрытый ты (т. е. выжжен. – Ю. Т.)
Как бы не видеть вперед такого опустошения!
Как мрачная осень, в жилищах твоих, Хан Алтай;
Лучше бы не видеть нам такого обезглавления
Нашего прекрасно устроенного, царственного
Алтая!*

К сожалению, все алтайские народные песни, собранные В.И. Вербицким, не имеют нотной записи. Очень интересное высказывание об этой песне П.П. Семенова – Тянь-Шанского приводится в «Полном географическом описании России»: «Народное творчество алтайцев поражает разнообразием мотивов... у них есть песни любовные, есть много песен, прославляющих красоту Алтая, и среди них особое впечатление производит песня (скорее плач) о разорении Алтая» [7].

В начале 60-х годов XIX столетия начал изучать быт алтайцев В.В. Радлов, впоследствии известный тюрколог. За годы пребывания в Алтае (1859–1871) В. Радловым были собраны и опубликованы в Санкт-Петербурге в 1866 году «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгорской степи», которые не потеряли научной ценности и в наше время. В сборнике опубликовано большое количество текстов народных песен и произведены первые нотные записи отдельных песен и «кая» – горлового пения.

Ветераном собирания и изучения музыкально-го фольклора тюркоязычных народов Западной Сибири был известный сибирский краевед-этнограф, композитор и педагог А.В. Анохин.

Андрей Викторович Анохин (1874–1931) родился в г. Бийске, музыкальное образование получил в Синодальном училище в Москве и на регентских курсах придворной Певческой капеллы в Петербурге. Преподавал пение в учительской и духовной семинариях, мужских гимназиях и других училищах в Томске; там же руководил архиерейским хором при кафедральном соборе и занимался композицией. В 1907 году был выслан из Томска за участие в социал-демократическом движении, за издание подпольного журнала «Робкие голоса», за сочинение хоровых революционных песен и их

разучивание со студентами, но через год возвращен в Томск с разрешением заниматься преподаванием только в частных гимназиях и прогимназиях. После возвращения, продолжая педагогическую работу, он отдавал все свободное время собиранию и изучению материалов по этнографии и народному искусству алтайских тюрков, а также музыкальному творчеству.

После Великой Октябрьской социалистической революции Анохин развил широкую педагогическую деятельность по преподаванию пения и краеведения в средних учебных заведениях различного типа: 1917–1922 гг. – в Чемале; 1922–1926 гг. – в Барнауле; 1926–1929 гг. – в Горно-Алтайске, затем снова в Чемале и, наконец в 1931 году был зачислен научным сотрудником (музыкальным этнографом) Горно-Алтайского областного краеведческого музея. В течение всех этих лет Анохин руководил музыкальным и краеведческим кружками, дирижировал большим городским хором в Горно-Алтайске, в летние каникулы совершал ежегодно с учениками средних школ этнографические поездки, в которых значительное место отводил музыкальным записям народных песен и инструментальной музыки. 31 августа 1931 года, во время очередной музыкально-фольклорной собирательской поездки (по научной командировке Горно-Алтайского областного краеведческого музея), А.В. Анохин скоропостижно скончался в урочище Средний Куям Эликмарского аймака Горно-Алтайской автономной области.

Этнографией и музыкальным фольклором народов Западной Сибири он заинтересовался под влиянием известного этнографа Г.Н. Потанина, с которым сблизился в 1907 году в Томске. В том же году Анохин вступил в руководимое Потаниным «Общество изучения Сибири», выступил в нем с докладом «О напевах алтайских инородцев и монголов» [8] сделал первые записи напевов тувинских народных песен в Урянхайском крае и стал членом Томского отделения русского музыкального общества.

Более 20 лет (с 1907 по 1931 гг.) посвятил он собиранию различного этнографического и фольклорного материала. Деятельность Анохина на Алтае была обширной. Достаточно сказать, что он был учителем, композитором, хормейстером и этнографом. Превосходно владея алтайским языком, Анохин глубоко вник в сущность народных песен алтайцев и записал более 500 текстов и около 800 мелодий разнообразного характера.

В 1908 году на основе собранного материала Анохин написал доклад: «Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, моголов

и шорцев», который был прочитан им в Томском отделении Русского музыкального общества [9]. По поводу этого доклада в известном журнале «Этнографическое обозрение» сообщалось: «Что касается в частности музыкального творчества инородцев Алтая, то его вскользь касался протоирей Вербицкий в своих этнографических трудах, а также известный миссионер протоирей Чевалков, который пытался даже применить алтайские напевы к церковным песнопениям. Этим, кажется, и ограничиваются все попытки к изучению музыкального творчества сибирских инородцев. Ввиду этого доклад Анохина представляет особую ценность» [10]. В последующие годы исследователь продолжал собирать музыкальный фольклор алтайцев, часть которого вошла в качестве приложения к статье об Анохине в «Сибирской советской энциклопедии» [11].

После возвращения из политической ссылки А.В. Анохин совершил в 1909–1910 гг. первую собирательскую поездку в Горный Алтай, Хакасию, Туву и Северную Монголию, для сбора этнографических, фольклорных и других материалов, которая положила начало его фонографическим звукозаписям музыкального фольклора. Этот материал лег в основу его второго доклада «Об азиатской музыке тюркских и монгольских племен», который был прочитан в 1910 году в Томске. В последующие годы исследователь продолжал собирать музыкальный фольклор алтайцев, часть которого также вошла в качестве приложения к статье об А.В. Анохине в «Сибирской советской энциклопедии» [12].

Наряду с записями музыкального фольклора тюрко-язычных народов Западной Сибири и монголов, его изучением и обработкой, ученый систематически собирал и изучал материалы по этнографии алтайских тюрков.

А.В. Анохин написал около ста музыкальных произведений, большей частью на материале фольклора алтайских тюрков. В их числе сюита «Хан Алтай», поэма «Хан Эрлик», оратория «Галай-Хан» и др. Ряд песен, сочиненных Анохиным на национальные тексты, стали народными («Алтын кель» – «Золотое озеро», «Алтын кожон» – «Золотая песня», «Ак тумань» – «Белый туман», «Каас» – «Гусь» и др.). Кроме того, ему принадлежит также песенный цикл на слова Н. Некрасова, детские хоры, хоры на революционные тексты (исполнявшиеся в первые годы советской власти в школах и на демонстрациях): «Сибирская партизанская», «Знамя победы», «Красное знамя», «Рубанок», «Молот» и проч. Несколько песен и маршей А.В. Анохина были изданы в Томске; остальные музыкальные

произведения распространялись в списках; многие из них вошли в его авторский сборник, изданный в 1962 году в Горно-Алтайске [13].

Им было записано (преимущественно в 1910–1920 гг.) около 800 напевов песен и традиционных мелодических речитаций алтайцев (в том числе телеутов), тувинцев, хакасов (качинцев и бельтиров), шорцев и ряда других тюркоязычных народов Сибири, а также западных монголов (около 200 напевов непосредственно с голоса певцов и около 600 – на фонографические валики).

Напевы монгольских народных песен, записанные Анохиным в 1908 году, были опубликованы частично в приложении к статье А.Д. Руднева «Мелодии монгольских племен» [14].

Дореволюционные записи Анохина имеют для сравнительно-исторического исследования музыкального фольклора тюрко-язычных народов Сибири огромное значение. Эти звукозаписи, как и дореволюционные звукозаписи С.Д. Майногашева и А.Н. Липского, уникальны и неповторимы.

Научное наследие А.В. Анохина, однако, не станет доступно для исследователя, пока его звукозаписи не будут нотированы, подтекстованы в нотациях национальными текстами песен, речитаций (из рукописного архива собирателя) и комментированы по материалам его полевых наблюдений. Эта трудоемкая работа может быть выполнена только коллективом специалистов: музыковедов, этнографов и лингвистов [15].

«Как в первом, так и во втором докладе Анохина, – пишет Б.М. Шульгин, – дается описание различных народных музыкальных инструментов и анализ алтайских мелодий и наигрышей, описываются различные способы исполнения эпоса, песен и т. д. ...В своем первом докладе Анохин определяет, что алтайские песни делятся как бы на два вида. Первые распеваются протяжно, наподобие древнегреческих песнопений, на каждый слог приходится один звук» [16]. «Другие же мелодии с беглыми нотами, – отмечает Анохин, – приближаются к форме европейского «recitative»» [17]. В мелодии алтайцев, помимо означенных явлений, Анохин подчеркивает наличие украшающих главный звук мелизмов. Особенно он обращает внимание на короткий звук, который всегда слышится в кадансе после заключительной ноты и который весьма присущ алтайской манере исполнения песен. «Эта нота иногда звучит как чистая квинта, а иногда – как чистая октава. Вернее всего, когда поет мелодию высокий голос (тенор), то этот звук исполняется как октава, когда поет бас – как квинта» [18]. Далее ученый указывает, что обычный объем песни равняется кварте или квинте,

реже – более широкому интервалу. Предельным интервалом диапазона алтайских народных песен Анохин считает нону, но и то как исключение. Также он подчеркивает преобладание ниспадающего движения в мелодии и особенно в конце ее. Исследователь заключает, что в основе алтайских народных песен лежит пентатоника, которая заимствована алтайцами, по его мнению, у китайцев. «При этом, – пишет он, – наш вводный чувствительный тон в гамме совершенно отсутствует. В этом обнаруживается склонность восточной музыки избегать не только полутоновых расстояний, но даже

и тех звуков, которые ведут мелодию к полутоновому расстоянию». Алтайцы, по мнению Анохина, со временем видоизменили пятиступенную гамму сообразно со своими духовными запросами, и в силу этих причин «алтайская музыка резко отличается от музыки монголов и китайцев» [19].

Таким образом, изучение алтайского музыкального фольклора в современный период не находится в стороне от инновационных процессов, так как традиционная культура рефлексивна, направлена на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок.

Примечания

1. Каргин, А.С. Некоторые тенденции этнокультурного процесса в России на рубеже XX–XXI веков // *Традиционная художественная культура в условиях обновления российского общества*. – Кемерово, 2004. – С. 4–10.
2. Шульгин, Б.М. О музыкальной культуре алтайцев. – Горно-Алтайск, 1968. – С. 9.
3. Гмелин, И. *Beise durch Sibirien*. – *Göttingen*, 1752. – Vol. 3. – P. 578.
4. Шульгин, Б. М. Указ. соч. – С. 9.
5. Вербицкий, В.И. *Алтайские инородцы*. – М., 1893.
6. Белинский, В.Г. Статьи о народной поэзии // *Белинский В.Г. Полн. собр. соч.* – М., 1954. – Т. 5.
7. *Полное географическое описание России*. – М., 1907 г. – Т. XVI. – С. 274.
8. См.: «Этнографическое обозрение». – М., 1907. – № 4. – С. 160.
9. См.: Анохин, А.В. Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, монголов и шорцев // *Архивный материал А.В. Анохина в музее Горно-Алтайска*.
10. См.: «Этнографическое обозрение». – М., 1907. – № 4. – С. 160.
11. См.: *Сибирская советская энциклопедия*. – Томск, 1923. – Т. 3. – С. 585–587.
12. Там же.
13. Анохин, А.В. *Сборник песен на алтайском и русском языках*. – Горно-Алтайск, 1962.
14. Руднев, А.Д. Мелодии монгольских племен // *Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии*. – СПб., 1909. – Т. 34. – С. 396–430.
15. Аксенов, А.Н. *Тувинская народная музыка*. – М.: Музыка, 1964. – 256 с.
16. Шульгин, Б.М. Указ. соч.
17. Шульгин, Б.М. Указ. соч.
18. Там же.
19. Там же.

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

И.Г. Ултургашева

Вопрос сохранения традиционных культур коренных народов Сибири связан с серьезной проблемой, которая возникла в нашей стране в процессе огромных миграционных потоков, постоянной смены социального состава населенных пунктов, исчезновения тысяч деревень, запустения маленьких, но древних городов, превращения целых регионов страны, в том числе Сибири, в «проходной двор» (по определению В. Распутина), в котором нет места для традиционных социальных связей, преемственности духовного опыта поколений. Противодействие негативным аспектам этих процессов видится в сохранении и стабилизации культурных общностей, в опоре на устойчивые культурные традиции народа [1].

В структуре современных духовных потребностей коренных тюрко-язычных народов Сибири определенное место занимают ценности традиционной культуры, связанной с различными историческими формами религиозных верований и обычаев. Научное понимание роли традиционных верований и обычаев в современной духовной и социальной жизни народных масс предполагает четкое представление о том, с чем мы имеем дело, когда оперируем такими понятиями, как «традиционные верования» и «народные верования». Значение этих терминов определяется историческим содержанием данных явлений, поэтому необходимо более строгое употребление эпитетов «традиционный» и «народный». Корректны ли такие словосочетания, как, например, «народное христианство», «народный буддизм»? Можно ли относить мировые религии к категориям традиционных верований? В исследованиях синкретизма мировых религий речь идет о различии генезиса, содержания и функции церковного и бытового уровней культа конфессиональной системы. Бытовая обрядность в отличие от храмовой сложилась в процессе ассимиляции и трансформации традиционных разновременных автохтонных этнических обычаев. Их инкорпорация в культовую систему совершена духовенством, санкционирована и кодифицирована церковью, а не возникла спонтанно в народной культуре [2].

Характерная особенность народных верований и обычаев заключается в их устойчивости, «живучести» в рамках любой формации. Причина этого свойства кроется в особенностях исторического

генезиса. По своей исходной сущности они не классовые, не связаны с интересами власти, с политической идеологией, с утверждением социального господства верхушечных слоев общества.

Обряды жизненного цикла возникли в доклассовую эпоху и по сей день обслуживают первичные бытовые интересы людей: биологическое воспроизводство и сохранение жизни, воспроизводство социального уклада жизни биологических общностей. Пока существуют люди, семейные общности людей, будет существовать и потребность обрядового оформления важнейших событий жизни человека, потребность защиты жизни религиозными средствами. Например, рассматривая календарную обрядность в системе религиозных традиций алтайцев, исследователь С.П. Тюхтенева подчеркивает, что «в рассматриваемых нами новогодних обрядах (проводы старого и встреча нового годов) сделана попытка реконструкции архаических религиозных воззрений. Выделяемые нами обряды – «праздник развязывания мяса», «белый праздник» и «праздник катания» – локально существовали еще в начале XX в. в разных районах Алтая. При описании этих обрядов основное внимание уделено тем элементам архаических религиозных воззрений, которые определяют содержание обрядов» [3].

Как показывают алтайские материалы, древний культ огня имел первоначально родовой характер. Впоследствии он стал семейно-родовым. По данным Л. Каруновской, фигура Матери-огня – одна из самых популярных в пантеоне у алтайцев. Она имеет небесное происхождение, хотя обитает в юрте, охраняя ее обитателей от болезней, несчастий. О месте культа огня в мировоззрении современных алтайцев говорит сакраментальная фраза «Нет ничего выше огня» (Оттон *iaan немее iок*) [4].

Для современных алтайцев Хозяин Алтая – это, прежде всего, земное божество. В эпосе имеется зооморфное описание Хозяина Алтая (волк, бык). Это «пожилой седоволосый мужчина с бородой до середины груди, высокого роста. Он всегда носит алтайскую одежду белого цвета, ездит на коне белой или светло-серой масти. Хозяин Алтая может предстать в облике пожилой женщины, также облаченной в алтайскую одежду белого цвета, едущей на коне белой или светло-серой масти» [5].

У народов Саяно-Алтайского нагорья, Монголии и Тувы был широко распространен культ гор, что вызвано его тесной связью с хозяйственными занятиями населения. Некоторые горы, имевшие безлесые плоские вершины, покрытые вечными снегами и ледниками, считались основным обиталищем добрых и злых духов, а также духов «хозяев мест» и признавались священными или поклонными – ыдыг-таг. В честь духов гор для их умилоствления воздвигались особо почитаемые алтари – оваа в виде конусообразных шалашей из жердей и нарезанных ветвей различных деревьев (чаще только что распустившихся березы и тальника) или нагроможденных камней, плит, в которые втыкались шесты с привязанными к ним разноцветными шелковыми и бумажными лентами – чалама [6].

Особенность народных обычаев характеризуется также тем, что все события индивидуальной жизни были включены в общинную жизнь, имели общественное значение, были составной частью общественного быта первичных человеческих коллективов, первичных ячеек социальной организации. Все обряды жизненного цикла – это этапы социализации личности в рамках определенного уклада общественных отношений, они оформляли связи личности, семьи, родовой или территориальной общины и были основаны на кровном и социальном родстве, на единстве коллективной заботы о благополучии жизни, устойчивости порядка в природе и мире людей.

В структуре современных религиозных обычаев коренных тюрко-язычных этносов Сибири этническая специфика находит выражение в сохранении элементов традиционной семейной обрядности, но при этом наименее устойчивыми являются традиции и обряды, связанные с рождением ребенка. В прошлом, когда была высокая смертность детей, у коренных народов Сибири, существовала сложная система детской обрядности, связанная с сохранением жизни детей. В настоящее время в связи со снижением уровня детской смертности и проведением родов в медицинских учреждениях необходимость проведения полного комплекса обрядов при рождении ребенка отпала сама собой. Тем не менее, в среде тюрко-язычных этносов соблюдаются национальные традиции при рождении детей. Сохранилась традиция выбора имени ребенка в присутствии шаманов в соответствии с датой его рождения.

Определенный интерес представляют изменения в свадебной обрядности коренных этносов Сибири, которая в прошлом отличалась сложной структурой и включала в себя множество элементов. Кроме того, свадебные обряды внутри каждого

этноса, этнической группы имели свои характерные особенности. Выявлено, что проведение современной свадьбы упростилось, приобрело компоненты, заимствованные у русского и других народов, а также общероссийские черты. Давно исчез обычай женитьбы детей в малолетнем возрасте. Теперь молодые люди выбирают себе супруга по своему желанию. Бытовавший в прошлом калым утратил свое былое назначение как выкуп за невесту, который получали ее родители. Теперь это выражается в материальной помощи молодым от родителей. Заимствован обряд выкупа, в котором участвуют подруги невесты. В то же время отметим, что многие традиционные элементы свадебного церемониала, начиная с церемонии сватовства и заканчивая послесвадебными обрядами, сохранились. До наших дней не утратили свой смысл обряды сватовства (куда), приданого, проводов невесты. Обязательным считается обращение к ламам, шаманам для определения совместимости жениха и невесты и назначения дня свадьбы.

Таким образом, современная свадьба коренных этносов Сибири представляет собой сочетание традиционных и новых форм обрядности.

Наиболее устойчива из всех видов обрядности погребально-поминальная. Большинство городских и сельских этносов Сибири придерживается национальных традиций в этой области. По-видимому, такая ситуация объясняется верой в бессмертие души и перерождение умерших родственников, что является одним из положений традиционных религий коренных этносов – шаманизма, ламаизма. Похоронный обряд наиболее тесно связан с религиозными традициями. С древних времен у тюрко-язычных этносов Сибири существовали представления о том, что свойства духов покойников зависят от того, как они жили, как умерли и как были похоронены. Поэтому обязательным считается обращение к ламам (особенно в Туве) для определения дня похорон, места погребения и проведения специальных молебнов для благополучного перерождения в следующей жизни. Также соблюдается традиция погребения стариков на родине [7].

Наибольшая устойчивость и распространенность национальных обрядов, обычаев в среде коренных тюрко-язычных этносов Сибири сохраняется в связи с проведением традиционных праздников – таких, как – Новый год (Голова года): Чыл пазы (хакасский), Чыл пажы (шорский), Шага (тувинский), Чага Байрам и Наурыз (алтайский); праздники, связанные с окончанием весенне-полевых работ и праздник первого молока: Тун-Пайрам,

Пайрам, Наадым, Эл ойын и др. Проведение этих праздников и участие в них способствуют процессу приобщения к национальной культуре, возрождению национальных традиций. Проведение различных конкурсно-игровых программ предполагает знание жанров народного художественного творчества (песен, танцев, народных игр), устного творчества (частушек, эпоса, сказок и т. д.), определяющее не только широту кругозора, но и степень интереса этносов к своей культуре. Важным моментом является тот факт, что многие, не знающие жанров

народного творчества, слушают, смотрят и наверняка запоминают, как исполняют другие. Пение и музицирование составляли в прошлом важную часть народного быта.

Таким образом, несмотря на снижение роли и значимости традиционной культуры в современных условиях, восприятие новых ценностей и усиление межэтнической интеграции и аккультурации, наблюдается сохранение многих традиционных элементов культуры коренных тюрко-язычных этносов Сибири.

Примечания

1. Герасимова, К.М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2006. – С. 49.
2. Там же. – С. 49.
3. Тюхтенева, С.П. Архаические элементы в современном мировоззрении алтайцев: автореф. ... на соиск. канд. ист. наук. – М., 1995. – С. 11.
4. Каруновская, Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ, т. VI. – М., 1927. – С. 19–36.
5. Тюхтенева, С.П. Указ. соч. – С. 13.
6. Курбатский, Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. – Кызыл, 2001. – С. 152.
7. Доржиева, И.Ц. Особенности традиционной культуры бурят в современных условиях // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности. – Улан-Удэ, 2008. – С. 225–229.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОДЫ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ
НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Т.С. Стенюшкина, А.А. Сизова

С каждым годом всё больше возрастает интерес человека к своим корням, к истории и традициям своей культуры и всё большую актуальность приобретает изучение обрядов народного творчества. Это объясняет исследование различных форм изучения народного творчества, в частности, на научных конференциях, семинарах, форумах интернет-сайтов, в гимназиях с углублённым изучением культуры определённого этноса и др.

Описание значимых единиц традиционной культуры неизбежно подводит исследователей к осмыслению и описанию их семантики. Составной частью многих народных обрядов являются символы: земля, огонь, вода. Вода – это душа мира. Она растворяет в себе твёрдое вещество, газ, поглощает тепло и таким образом объединяет разнородные стихии в одно целое. Вода всегда представляла и представляет загадку для человеческого ума, много непостижимого нашему разуму остаётся ещё в её свойствах и действиях.

В текстах фольклорных первоисточников эта стихия приобретает самые разные, вплоть до противоположных, значения, обусловленные её качественными характеристиками. Широкий диапазон значений, приписываемых воде (от её естественных свойств до искусственно создаваемых), определяет особое положение, которое она занимает в ряду прочих символических знаков. Согласно народным представлениям, магические свойства вода приобрела в зависимости от ряда факторов:

- её природных характеристик;
- особых периодов календарного и суточного времени (набранная в полночь, в полдень, до восхода солнца, в большие годовые праздники, в новолуние, при солнечном затмении, после первого весеннего грома и т. д.);
- места, где набирается вода (вблизи перекрёстков дорог, из омута, водоворота, оттуда, где вода в ручье заворачивает против течения, т. е. течёт «наоборот»);
- контакта воды с особыми предметами и лицами (например, вода, в которой обмывали иконы, церковный колокол, ручки, замки, посуду после поминальной трапезы и т. д.);
- ритуальных действий, которые совершались с водой (освящение воды, обжигание воды огнём, выставление воды «под звёзды»).

Все перечисленные факты обусловили актуальность изучения символического значения воды в мифологических народных представлениях и её роли в настоящее время. Вода и связанные с ней образы и приметы являются неотъемлемой частью жизни народа и принадлежащей ему мифологической системы.

В мифологиях разных народов говорится, что вода существовала ещё до сотворения мира и будет существовать после его гибели. Она считалась универсальным символом чистоты и плодородия, источником самой жизни. Во всех известных мифах и легендах о происхождении мира жизнь появилась от первородных вод, женского символа потенции, лишённой формы. В мифологическом сознании древних народов вода нередко ассоциируется с душой женщины и вообще со многим, что относится к душе человека. О неотделимости водной стихии от человека повествуют все имеющиеся мифы и легенды древних народов, позднейшие мифологические системы, водная символика. Считалось, что без воды нет культуры, без воды не может быть жизни. Именно поэтому языческие народы всех времён неизменно боготворили эту стихию как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворялась другая великая сила – Земля.

Мифология – исторически первая форма духовной культуры. Она возникла на самой ранней стадии общественного развития. Тогда человечество в форме мифов (т. е. сказаний, преданий) пыталось дать ответ на все волнующие вопросы. Это форма духовного освоения мира, которая объединила зачатки знаний, религиозных верований. В них символика воды отождествляется с некой божественной силой, которая в человеке будит два чувства – страх и благодарность. Содержание мифов не отражает объективных свойств и отношений, оно базируется на вере в сверхъестественные связи и отношения и выражает сакральные смыслы и значения, которые принимаются данным человеческим сообществом (родом, племенем). Мифы утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживали и санкционировали определённые нормы поведения. В этом смысле они были важными стабилизаторами общественной жизни. Однако этим

не исчерпывалась роль мифологии. Главное значение мифов состоит в том, что они устанавливали гармонию между миром и человеком, природой и обществом, обществом и индивидом и таким образом обеспечивали внутреннее согласие человеческой жизни [1].

Миф неразделим с таким понятием, как символ, который в переводе с греческого означает «договор», «знак», «отличие», «средство идентификации». Символ – это знак, предмет или изображение, который указывает на один из аспектов Священного или Абсолютного [2]. Мистический символ воспринимается как «половинка», свидетельствующая о наличии Божественного целого. Символы обычно имеют иконический характер, т. е. являются изображением какого-то предмета. Можно привести множество примеров символов – это треугольники, квадраты, эмблемы, гербы, знамёна, крест в христианской религии, «птица – тройка» у Гоголя, «голубь мира» у Пикассо и т. д. [3].

Символ воды, который возник ещё в древности, является одним из самых загадочных и обожествляющих людьми разных эпох и поколений. В общем смысле вода – эмблема всех жидкостей в материальном мире и принципов их циркуляции (крови, сока растений, семени), растворения, смешения, рождения и возрождения. В подавляющем большинстве народных обычаев вода существует как добрый образ. Её наделяли ласкательными характеристиками – *милая, чистая, матушка*. Встречаются такие характеристики, как вода – *Богова сестрица*, вода – *царица*.

Со временем сформировался двойственный взгляд на воду. С одной стороны, в воде видели средство очищения и одновременно искали в ней источник силы. В частности, в русских сказках вода могла быть как живой, так и мёртвой. Вода живая и мёртвая – мифический напиток сродни древнегреческому нектару, древнеиндийской коме. Она наделяет силой, исцеляет раны, возвращает жизнь. Мёртвую воду называют также «целющей», так как она соединяет разрубленные части тела героя, делая его целым. С другой стороны, воду рассматривали как своеобразную границу между миром людей и «тем светом». Именно через воду в большинстве мифологических систем проходил путь в загробное царство (например, река Стикс в древнегреческой мифологии), где обитали души умерших и разнообразная нечистая сила [4]. Из глубокой древности происходит представление о том, что после смерти душа человека погружается в воду. Многофункциональное обращение с водой было обусловлено

древностью связанных с ней обрядов. Со временем в них соединились представления древних славян, одушевлявших её, а также более поздние христианские верования.

Древние славяне обожествляли источники, считая, что они являются местами, где из земли выходит её сила. Поэтому вода из источника считалась целебной и использовалась как оберег от враждебных человеку сил. Отсюда же происходит обычай обливаться водой перед каким-либо важным делом или перед свадьбой. Сохранилось старинное пожелание: «Будь здоров, как вода!» [5].

Преодоление водной стихии как границы между жизнью и смертью – традиционный мотив в мифах и обрядовом фольклоре. Ритуальное омовение было свидетельством «второго» рождения и в этом смысле перешло в христианскую символику крещения как духовного рождения человека. Лечебные свойства приписывались ключевой воде, а также воде, взятой из горного источника, так как происхождением своим ключи, родники обязаны ударам молнии в землю или камень. Вода играла роль передатчика магической силы в чародействе, и «наговорённой» водой пытались вылечить человека или принести ему вред [6].

Вода могла быть метафорой духовной пищи и спасения, как, например, в Евангелии от Иоанна (4:14), где Христос говорит самаритянке: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек». Райский источник, вытекающий из-под Древа Жизни, – символ спасения [7].

Воду сравнивали с мудростью. В психологии она представляет энергию бессознательного и его таинственные глубины и опасности. Прозрачность спокойной воды символизирует созерцательное восприятие. В легендах озёра – двусторонние зеркала, разделяющие естественный и сверхъестественный миры. Символизм воды как переходного состояния объясняет большое количество мифов, в которых реки или моря разделяют миры живых и мёртвых. Многие божества были рождены в воде или могли ходить по воде. В суевериях символизм очищающей власти воды был настолько силён, что считалось, что она отталкивает зло. Отсюда обычай выявлять ведьм, бросая подозреваемых женщин в водоёмы, чтобы посмотреть, всплывут они или нет.

В мифах многих народов вода существует даже до сотворения мира и будет существовать после его гибели. Беспредельные тёмные воды – символ первозданного хаоса. Но вода и главный источник жизни, поэтому есть и другой ряд символических значений воды – жизнь, обновление, очищение.

В мифологии славян реки и ручьи – это сосуды, по которым течёт кровь Земли. Вода здесь является символом здоровья и долголетия.

Вода двойственна по своему значению. Человек не может жить без воды, но он не может жить и в воде. Человек жаждет воды, но бежит от неё, когда она обрушивается на него стихийным бедствием. Человек боготворит воду, когда страдает от жажды, но он выплёскивает воду из кружки, когда утолит жажду. Именно из-за своей двойственности вода символизирует женское начало. Ей свойственны непостоянство, переменчивость, приспособляемость, тайна и коварство.

Для человека водные глубины – символ всего неизведанного, непонятого, опасного и таинственного, символ магии – «в тихом омуте черти водятся». В образе потока вода имеет значение трудностей или непреодолимой преграды. Нырнуть в воду – значит искать секрет жизни, её конечную тайну. Ходить по воде – значит преступить за границу материального мира. Текущая вода – это «живая вода». Вода – символ гибкости и изменчивости. Она может перейти из одного состояния в другое и обратно в первое, не утрачивая при этом своей сути.

Ещё одно свойство воды – обтекать препятствия и соединяться вновь, постепенно разрушая самые твёрдые преграды. Поэтому вода считается символом мягкости и податливости, в которых скрыта твёрдость и истинная сила, упорство и настойчивость. Об этом говорит известная пословица – «Вода камень точит».

Страх человека перед разбушевавшейся стихией отразился в поверьях о том, что в воде обитают водяные, водяники и русалки. Версий о происхождении этих мифологических персонажей очень много. Это объясняется тем, что территория, на которую распространялось это поверье, очень большая и в каждой губернии, волости существовала своя точка зрения [8].

Миф до сих пор остаётся важной формой духовной культуры человека, утверждающей всеобщую гармонию между миром и человеком, природой и обществом. Благодаря ему люди находят ответы на волнующие вопросы создания мира. Мифологические образы до сих пор понимаются как реально существующие, они обеспечивают духовную связь поколений. Как известно, именно благодаря мифам появились предания, легенды, сказки, героический эпос.

Человек всегда стремился к познанию необъяснимых явлений, поклоняясь мистическим символам. Они изначально таили в себе аспект Божест-

ва. В связи с этим из глубины веков прослеживается некая связь мифов, мифологии и символов. Символ мистической очистительной силы водной стихии – едва ли не самое часто встречающееся верование человека. Люди связывали с водой и жизненные, и трагические явления своего бытия. Обожествляя воду, наделяя её сверхъестественными свойствами, они тем самым утверждали то, что без неё человек не может существовать не только физически, но и духовно.

Нельзя не вспомнить ещё об одном известном назначении воды, которое люди с благоговением используют до сих пор. Она – символ очищения и искупления. Известным примером является священная река Ганг в Индии, в водах которой ежедневно омывают свои тела миллионы паломников, считающих, что таким образом они очищают не только свои тела, но и души. Некоторые буддийские храмы тоже имеют места для церемониальных омовений. В исламской культуре ритуальные акты омовения водой выполняются вне мечети.

Легенды об очистительной силе воды существуют в культурах многих народов мира. Библейская история о Ное и его ковчеге является одним из таких преданий. История о всемирном потопе символизирует очищение и последующее возрождение земли. Эти легенды нашли своё отражение на уровне одной личности в христианском таинстве крещения. И хотя Крещение считается христианским ритуалом, многие религии и культуры использовали воду как символ очищения.

С древности до нашего времени вода сама по себе почиталась и почитается как сокровище. Люди всегда строили и до сих пор строят города и посёлки около рек, озёр, они становятся артериями, благодаря которым идёт жизнь. Колодцы и фонтаны являются центральными точками в любом городе или деревне. Если раньше они были местами, где женщины собирались для того, чтобы заняться стиркой или взять воду, то сейчас фонтаны и реки в черте города являются местом отдыха горожан. Источник воды является тем местом, который связывает жителей между собой. В некотором смысле вода остаётся тем катализатором, который способствует объединению людей в общества и слиянию культур разных народов. И в самых отдалённых высокогорных деревушках, и в кочевых поселениях разбросанных в пустыне, источники воды остаются тем местом, откуда черпается информация и где обретается мудрость.

В наше время чистой воды, пригодной для питья, становится всё меньше. Пренебрежение

человека законами экологии наносит природе непоправимый вред. И хоть мы сейчас относимся к воде главным образом утилитарно, но, тем не менее, в подсознании существуют элементы генетической памяти, которые накоплены поколениями наших предков на протяжении всей истории развития человеческого общества. На более глубинном уровне мы знаем, что вода является источником, который нас питает, исцеляет и очищает духовно. Ведь водная стихия является частью самого человека, от которой зависит жизнь, и в глубине души мы продолжаем ей поклоняться, веря в то, что покровители воды обязательно сэберегут нас от всех бед.

Проходит время, многое меняется в мире людей, но к живительной силе воды человечество

по-прежнему относится с почитанием. В ней великая обожествляющая суть, таинственная власть над людьми. Несмотря на то, что у человечества многовековой опыт изучения воды, водная стихия всё так же хранит в себе загадки и тайны, на разгадку которых потребуется ещё много времени. Одно бесспорно: символическое значение воды, мифологические представления о воде – это неиссякаемый кладёз народной мудрости, наше бесценное культурное и историческое наследие, которое оставлено нам в дар предками, чтобы мы ценили человеческую жизнь как высшее благо, данное нам Творцом, а вместе с ней и водную стихию, так как для всего живого эти два понятия неразделимы.

Примечания

1. Максимов, С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. – Кемерово, 1991.
2. Энциклопедия мистических терминов. – М., 1998.
3. Энциклопедия символов, знаков и эмблем. – М., 2006.
4. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург, 2001.
5. Капица, Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуал. – М., 2000.
6. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург, 2001.
7. Афанасьев, А.Н. Живая вода и вещёе слово. – М., 1988.
8. Власова, М. Русские суеверия. – СПб., 2000.

МАССОВЫЙ ПРАЗДНИК КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.П. Курбатов

Массовая коммуникация – одна из основных социальных систем, существующая для информирования общества в целом и отдельных его групп. Человек, по словам Аристотеля, по природе своей есть животное общественное. А раз так, то он не может существовать без информации и общения. В этом заключается весь смысл его жизни. Ибо информация побуждает человека к деятельности, заставляя его творить, искать и совершенствоваться.

Все, что входит в человеческую деятельность, есть человеческое или общечеловеческое, – писал Н.П. Огарев. Под это название, по его мнению, подходят явления и совершенно общественные, и отношения лица к лицу, и лица к природе и необходимости. «Мысль и чувство – совершенно общечеловеческие явления и совершенно общественные, потому что человек не в стаде немислим; даже грустное чувство, возбуждаемое отшельничеством, основано на оторванности от стада. Отличительно человеческое – это сознание» [1].

Мы не будем рассматривать эволюцию человечества от стадности к обществу и всю историю средств массовой коммуникации. В данном случае нас интересуют следующие задачи:

- рассмотреть массовую коммуникацию как художественную систему, определив ее системообразующий фактор;
- показать информационные возможности массового праздника;
- посредством сравнительного сопоставления показать, что массовый праздник может выступать как художественная система массовой коммуникации.

Исторически сложилась система человеческого существования – *природа – человек – общество – деятельность – научное знание (истина) – нравственность – культура*, все составляющие которой связаны глубокими всепроникающими взаимозависимостями. В общую систему связей надо добавить действия и явления, обозначаемые понятием *коммуникация* (от лат. *communicatio* – сообщая). Под общее обозначение попадают следующие сущности: связь, общение и сообщение, информация и средства информации, единичные и множественные соединения (контакты). Коммуникация как средство информации и общения появилась и развивалась вместе с человеком

К концу XX века благодаря развитию научно-технического прогресса в человеческом обществе

складывается система массовой коммуникации, которая вбирает в себя новейшие технические возможности распространения информации на практически неограниченную аудиторию, что позволяет ей стать реальной силой, влияющей на формирование всей системы духовных ценностей и потребностей человечества. Следует признать, что система массовой коммуникации становится доминирующим фактором современной культуры.

Понятие культуры весьма многозначно и отражает широчайший спектр человеческих представлений о ней. В наиболее общем плане культура понимается как совокупность результатов деятельности людей, создавших систему традиционных для человечества ценностей как материального, так и духовного характера.

Культура возникает тогда, когда человек осуществляет предметную, технически-инструментальную деятельность по отношению к природе и организационно-коммуникативную, духовно-нравственную и воспитательную деятельность по отношению к обществу и к самому человеку. Как отмечал М. Мамардашвили, наука является культурой в той мере, в какой в ее содержании, во-первых, выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источником этого знания, а во-вторых, проявлено умение воспроизводить это во времени и пространстве. Отметим, что мысль эта касается научной деятельности, но философ неоднократно экстраполировал ее и на другие области деяний человека. Далее, указанное мастерство воспроизведения достигнутых знаний и их источников предполагает определенную социальную память и определенную систему кодирования [2].

Эту систему кодирования, воспроизводства и трансляции умений и знаний, основанную на знаковой природе, мыслитель называл культурой в науке, или наукой в смысле, качестве культуры. Развивая эту мысль, он относил к культуре единый срез, который проходит через все сферы человеческой деятельности (художественную, нравственную, политическую, экономическую, правовую и т. д.). Формальным, типологическим признаком этого общего слоя является определенный предметно-знаковый механизм. Но ведь именно коммуникация должна воплощать в те или иные материальные носители достигнутое человеком знание универсума с помощью ряда своих средств, выработанных

человеком норм, правил и знаков. Коммуникация – это и начало деятельности, и ее инструмент, и ее апофеоз. Это тот срез деятельности, который призван являться культурой, чтобы деятельность, как и сам человек, были бы бессмертны. Как вытекает далее из рассуждений М. Мамардашвили, это общее в различных сферах человеческой деятельности, чтобы быть культурой, должно осуществляться не просто для поддержания и воспроизводства бытия. Необходимо при этом стремление к истине, добру и красоте в этом бытии. В противном случае коммуникация – это просто техническое средство связи, существующее как физическая реальность.

С точки зрения культурологии, действия различаются структурно на упорядочивающие, обрабатывающие и добывающие, а по сфере применения на материальные, материально-духовные и духовные.

Разумеется, мы не хотим абсолютизировать коммуникацию как культуру лишь в том понимании, что первая является второй лишь при наличии поиска и разработки глубоких смыслов и вечных истин. В коммуникации, как в любом художественном тексте, есть высокие и низкие жанры. Ю. Лотман в работе «Внутри мыслящих миров» дает их классификацию, объединив по принципу смежности: сакральные/профанические, официально-государственные/индивидуально-бытовые, научные, т. е. тяготеющие к выражению на метаязыках/художественные (тяготеющие к выражению на языках искусств) и т. д.

Но в *ценностной* перспективе он выделяет ряды совершенно иного состава. «Каждая культура неизбежно включает дихотомию текстов высокой и низкой ценности. Крайним проявлением ее будет противопоставление того, что спасает, тому, что губит» [3].

Во второй части данной работы Ю. Лотман пишет, что классические литературные тексты всегда сводили мир эксцессов и аномалий, который окружал человека, к норме и устройству. Фиксация однократных и случайных событий, преступлений и бедствий – всего того, что мыслилось как нарушение некоторого исконного порядка, всегда представляла историческое зерно сюжетного повествования. Не случайно элементарная основа художественно-повествовательных жанров называется «новелла», то есть «новость», и имеет анекдотическую основу. Поскольку микрокосм внутреннего мира человека и макрокосм окружающей его Вселенной отождествляются, любое повествование о внешних событиях может восприниматься как имеющее интимно-личное отношение к любому из аудитории. Миф всегда говорит о конкретном человеке. «Новость», анекдот повествуют о другом. Первое организует мир слушателя, читателя, зрителя, второе – добавляет

интересные подробности к его знанию этого мира, вовлекает в него, проявляет его истинные смыслы.

В качестве выводов этого краткого введения в систему основных категорий и понятий, а также некоторых путей методов и путей исследования массовой коммуникации, дадим ее основные, на наш взгляд, определения:

- МК – это деятельность по добыванию, упорядочению, обработке и передаче информации.

- МК – это деятельность по добыванию (открытию, изобретению) новых смыслов, приближающих человека к постижению истинного и нравственного знания.

- МК – это способ художественного общения государства (власти) с обществом.

- МК – это право, посредством определенной информации, направлять деятельность общества в «нужном направлении» (реклама в торговле, профориентация в подготовке необходимых специалистов, демография для увеличения населения и т. д. и т. п.).

- МК – это самостоятельная система, являющаяся подсистемой культуры, способная выступать самостоятельной системой.

О том, что массовая коммуникация является системой написано достаточно много, (труды Ю.М. Лотмана, Г.Г. Почепцова, М.С. Кагана и многих других).

Основным общепризнанным свойством, когда объект, превращается в систему, является **системообразующий фактор**. В МК таким фактором является **информация** в любом ее виде: *вербальная, невербальная, графическая, визуальная и синтетическая*. Именно информация, во всех ее видах и проявлениях осуществляет функционирование массовой коммуникации как системы. И то, что система массовой коммуникации входит как подсистема в общую систему культуры, тоже бесспорно.

Коммуникация возникла и развивалась вместе с человеком. Она использовала первые виды искусства для своих целей, с течением времени отпочковавшись в самостоятельную социальную систему, имеющую свою структуры и подсистемы. Таким образом, в основе информационного процесса лежит праискусство. Причем следует обратить особое внимание на то, что для передачи первой информации применялись элементы, используемые в массовом празднике (жесты, мимика, танец, грим). Значит мы можем предположить, что основой коммуникационной системы, как и массового праздника, является искусство, и это делает обе системы художественными. То, что искусство и информация возникли практически одновременно и развивались параллельно, не вызывает сомнения. Достаточно посмотреть работы М.С Кагана, А. Авдеева, Б. Асеева, М. Бахтина, Ю. Лотмана и других.

Изучая труды названных и многих других отечественных ученых по проблемам создания сообщений и текстов, запечатления их в том или ином духовном или материальном виде и передачи определенным способом современникам или потомкам, можно выделить два историко-концептуальных подхода к определению самого понятия «теория массовой коммуникации».

Первый, наиболее широкий, простирает возможности исследования массовой коммуникации до периода первобытного общества, через изучение процессов общения древних людей и племен друг с другом, особенностей средств этого общения, приемов и знаков передачи трудовых, сакрально-обрядовых, бытовых и культурных текстов. По мере накопления человеком социально-культурного опыта усложнялись орудия труда, и вместе с тем упрощались способы общения друг с другом, племени и общности людей с другими племенами и общностями. А это означает, что упрощались и приобретали все большую массовость способы и знаковые системы коммуникативных процессов. В хозяйственной, экономической деятельности развивалась коммуникация, дававшая импульсы новым видам деятельности и коммуникации. Как пишет Н.С. Булгаков, «христианство знает свободу в хозяйстве, но не обещает свободы от хозяйства и через хозяйство» [4]. Он приводит выдержку из «Дневника» Ф.М. Достоевского: «Если бы все знания свалились на человечество в виде подарка, что бы тогда случилось с людьми?» <...> «Люди вдруг увидели бы, что жизни уже больше нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба».

Подобное суждение есть и у Н.Ф. Федорова, только касается оно уже непосредственно искусства, то есть художественной коммуникации. Он писал в «Статьях об искусстве», что молитва и молитвенное (вертикальное) положение были первым актом искусства. Назначение человека – быть существом свободным. Происходит возвышение человека над природой. Но как только человек, осознав свое величие, начинает производить «устрашающие или чувственно-привлекающие действия» (заметим, что это и является коммуникацией, коммуникативными действиями, о чем пойдет речь далее), человек падает вновь. «Если начало искусства было божественное, а в настоящее время искусство стало индустриально-милитарным, т. е. скотским и зверским, то возникает вопрос: как снова дать искусству такое направление, которое соответствовало бы его божественному началу? Что нужно противопоставить индустриально-милитарной выставке произведений соблазна и орудий истребления?» [5]. Это было сказано в начале XX века. В начале XXI века индустрия культуры и

искусства, средств массовой коммуникации стала еще более изощреннее в отношении воздействия на человека по части его соблазна и устрашения, а поставленные вопросы остаются открытыми.

Как и у Н. Федорова, исследование процессов устной, письменной, печатной и разного рода другой технической (фото-, кино-, радио, телекоммуникации) информации обращено у ряда отечественных и западных мыслителей к самим началам человечества и социального знания о человеке и мире. Русские философы В. Вернадский, П. Флоренский, М. Бахтин, Л. Выготский, Ю. Лотман не разделяли человечество на массовое и немассовое. Так же как человек вошел в мир бесшумно (онтогенез), так и массовость человечества не заявляла единовременно о своей массовости (филогенез). Концептуально две позиции на массовую коммуникацию расходятся как раз в пункте «массовость». Когда коммуникация действительно стала массовой? Тогда ли, когда проводились первобытные священнодействия, сакральные ритуалы, когда расходился по рукам первый гуттенберговский том священных текстов, или когда запрыгали на экране картинка прибытия поезда, а в наушниках запищала морзянка?

Теория массовой коммуникации в том смысле, в каком ее понимали западные теоретики, столкнувшиеся с феноменом наращивания общений посредством технических средств коммуникации является лишь развитием взглядов как названных русских, так и западных ученых – Г. Лебон, Г. Тард, Х. Ортега-и-Гассет, А. Моль, С. Московичи, А. Менегетти и др. Водораздел («массораздел») прошел, на наш взгляд, в плоскости такого понятия, как публика. Даже деление воспринимающих сообщения социумов на «элиту» и «толпу» зависит от этого понятия, введенного в эпоху начала интенсивного развития технических средств коммуникации (рубеж XIX–XX вв.) Г. Тардом. Любая эволюция, по его мнению, происходит благодаря чередованию двух процессов – творческого изобретения и массового подражания. Г. Тард конкретизировал то, что Г. Лебон понимал под выражением «рассеянная толпа». На основании объективной дифференциации социума под постоянным, систематическим и усиливающимся воздействием новых видов коммуникации, а также политических процессов, направленных на либерализацию, он обозначил новое социальное образование – публику. Ее составили новые «срезы» социума, объединяемые общими источниками информации. В его теории толпа и публика – «два крайних полюса социальной эволюции» [6]. Заслугой Г. Тарда явилось выдвижение гипотезы о том, что между характером передачи информации и способом общественного устройства существует прямая зависимость. Каждому типу коммуникации соответствует некоторый тип социума. Более

того, тип коммуникации является определяющим фактором в развитии общества. Надо отметить, что канадский ученый М. Маклюэн, пожалуй, самый яркий представитель второго подхода к проблеме массовой коммуникации, высказал подобные идеи полвека спустя.

Если изобретение печати послужило массовому расширению коммуникации в диахроническом (вертикальном, историческом) процессе, то изобретение других технических средств дало толчок массовости коммуникации, как в диахроническом, так и в синхроническом (горизонтальном, относительно одновременном) процессе. Последнее проявилось особенно интенсивно и ярко. Рассмотрим позиции ряда других исследователей по вопросу состава понятия «массовая коммуникация» и теории МК. П. Лазарсфельд и Р. Мертон рассматривают МК в контексте организуемого ими социального действия и провоцируемых массовых вкусов. Если обобщить их суждения о МК и ее основных функциях, можно сделать вывод, что массовая коммуникация представляет собой поток коммуникативных действий с целью (помимо чисто информационных, просветительских целей) присвоения статуса общественным проблемам, личностям, организациям и общественным движениям, укрепления социальных норм, наркотизации социума.

«То, что массовая коммуникация повышает уровень информированности широких слоев населения, является бесспорным. Вместе с тем, возрастающий поток сообщений массовой коммуникации может непреднамеренно преобразовывать энергию людей от активного участия к пассивному знанию» [7].

Истинной, лично освоеной социальностью считает коммуникацию немецкий философ

Ю. Хабермас. Но таковой она становится не сразу, а лишь по мере того, как начинает обеспечивать людям возможность совершенно свободного и беспристрастного обсуждения высших ценностей. Последние исторически изменяются и поэтому требуют постоянного спора о себе. Исходя из этого, у Ю. Хабермаса сама теория познания предстает как коммуникативный процесс, как коммуникация [8]. Немецкий ученый развил собственную концепцию на основе ряда положений своего предшественника в немецкой философии – К. Ясперса, утверждавшего, что истина – это коммуникация, и, стало быть, истинная коммуникация – это коммуникация по поводу искания истины.

Американский социолог Чарльз Кули имел в виду под коммуникацией механизм, с помощью которого осуществляются и развиваются все многообразные человеческие взаимоотношения, символы, заключенные в разуме, а также средства для передачи их в пространстве и сохранения во времени. Как видим, от понимания коммуникации в широком смысле общения как такового авторы все чаще переходят к определениям, основанным на технических возможностях этого общения.

В прикладных моделях коммуникации, то есть моделях, которые в середине XX века были призваны объяснить процессы в резко развившихся технических системах, отслеживаются составляющие коммуникативной цепочки с целью прогнозирования новых эффективных коммуникативных действий (термин Ю. Хабермаса). Основными прикладными моделями коммуникации явились модель Клода Шеннона (математическая) и Норберта Винера (кибернетическая).

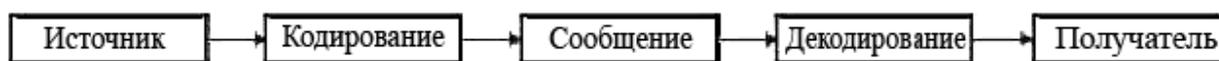
Схема коммуникации по Клоду Шеннону:

Шеннон выделял три уровня коммуникации: технический, семантический, а также уровень эффективности. Технические проблемы коммуникации связывались им с точностью передачи информации от отправителя к получателю. Семантические проблемы – с интерпретацией сообщения получателем в сопоставлении с изначальным значе-

нием. Проблема эффективности говорит о результатах изменения поведения в связи с переданным сообщением.

Сегодня стандартная модель массовой коммуникации, принятая большинством исследователей, состоит из следующих элементов:

Данная модель является системой массовой коммуникации, а также ее структурой. Самым ценным в данной системе является то, что она очень похожа на систему массового праздника, где тоже присутствует источник информации, ее кодирование и получатель.

Существует три основных средства массовой коммуникации, которые сложились в процессе ее исторического развития и которые в свою очередь делятся на 3 вида: визуальную (невербальную), слуховую – аудио (вербальную) коммуникацию и синтетическую – объединение первого и второго.

Визуальные (невербальные) средства коммуникация – передача информации посредством невербальных средств общения (жестов, мимики, телодвижений, цвета, пространственной среды и т. д.). Визуальный облик задается временем и господствующими в этот период тенденциями.

Вербальные средства коммуникации.

К ним относятся письменная и устная речь, слушание и чтение. Устная и письменная речь участвуют в производстве текста (процесс передачи информации), а слушание и чтение – в восприятии текста, заложенной в нем информации.

Одним из основных средств передачи информации является речь. В речи реализуется и через нее посредством высказываний выполняет свою коммуникативную функцию язык. К основным *функциям языка* в процессе коммуникации относятся: коммуникативная (функция обмена информацией); конструктивная (формулирование мыслей); апеллятивная (воздействие на адресата); эмотивная (непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию); фатическая (обмен ритуальными (этикетными) формулами); метаязыковая (функция толкования, используется при необходимости проверить, пользуются ли собеседники одним и тем же кодом).

Функцию, которую выполняет язык в процессе коммуникации, определяет вид высказывания и отбор слов. В зависимости от целей, преследуемых участниками коммуникации, выделяют следующие типы высказываний: сообщение, мнение, суждение, рекомендация, совет, критическое замечание, комплимент, предложение, вывод, резюме, вопрос, ответ.

Речь делится на внешнюю и внутреннюю. Внутренняя речь понимается как общение человека с самим собой. Но такое общение не является коммуникацией, так как не происходит обмена информацией. Внешняя речь включает в себя диалог, монолог, устную и письменную речь. Проблема диалога является основной для изучения процесса коммуникации. Диалог – вид речи, характеризую-

щийся зависимостью от обстановки разговора, обусловленностью предыдущими высказываниями. Выделяют следующие виды диалога: *информативный* (процесс передачи информации); *манипулятивный* (скрытое управление собеседником). Речевыми средствами манипуляции являются: эмоциональное воздействие, использование общественных норм и представлений, лингвистическая подмена информации; *полемический*; *фатический* (поддержание контакта).

В процессе коммуникации могут возникнуть барьеры:

1. *Логический барьер* – возникает у партнеров с неодинаковым видом мышления. В зависимости от того, какие виды и формы мышления преобладают в интеллекте каждого партнера, они общаются на уровне понимания или непонимания.

2. *Стилистический барьер* – несоответствие формы представления информации ее содержанию. Возникает при неправильной организации сообщения. Сообщение должно быть построено: от внимания к интересу; от интереса к основным положениям; от основных положений к возражениям и вопросам, ответам, выводам, резюмированию.

3. *Семантический (смысловой) барьер* – возникает при несоответствии лингвистического словаря со смысловой информацией, а также из-за различий в речевом поведении представителей разных культур.

4. *Фонетический барьер* – препятствия, создаваемые особенностями речи говорящего (дикция, интонация, логические ударения и т. д.). Надо говорить четко, внятно, достаточно громко.

Синтетические средства коммуникации. Объединение и одновременное использования первых и вторых средств коммуникации.

Виды коммуникации: устная и письменная речь с применением мимики и жеста. Организация пространства для невербальной коммуникации, но с использованием вербальной в кульминационные моменты.

Одним из основателей социологического направления теории массовой коммуникации является Гарольд Лассауэлл. В его работах (как и в трудах Н. Винера) информационные связи исследуются как неотъемлемые атрибуты жизненной материи. Однако общественные структуры обладают своими специфическими качествами, которые порождаются необходимостью сохранения социальных институтов, духовных ценностей и их идеологического обеспечения. Исходя из этого, Г. Лассауэлл выделял три основные функции социально-коммуникативных процессов:

- контроль за средой;
- корреляция всех компонентов общества для его сохранения и развития;
- передача социального наследия другим поколениям. По его мнению, в демократических обществах рациональные выборы ценностей зависят от просвещенности, которая в свою очередь зависит от коммуникаций, но особенно от равноценности внимания к ним среди лидеров, экспертов и массы рядовых людей.

Сегодня функции массовой коммуникации расширились и функционируют в социальной сфере в следующих значениях:

- социальной ориентировки;
- социальной идентификации;
- контакта с другими людьми;
- самоутверждения;
- утилитарная;
- эмоциональной разрядки.

От функций массовой коммуникации перейдем к ее типам. Володина Л.В. в учебном пособии «Деловое общение и основы теории коммуникации» предлагает следующие типы и особенности *личностной, межличностной, массовой и специализированной коммуникаций*. «Межличностная коммуникация осуществляется в тех видах общения, которые предполагают прагматические цели и конструктивность решений, а также готовность каждого партнера к адекватному поведению» [9]. Далее автор ссылается на пять видов коммуникации А.П. Панфиловой, которые приводятся в книге «Деловая коммуникация в профессиональной деятельности»: *познавательную, убеждающую, экспрессивную, суггестивную, ритуальную* [10]. Для каждого из них характерны свои цели и ожидаемый результат, условия организации, а также коммуникативные формы и средства.

Познавательная коммуникация – расширить информационный фонд партнера, передать необходимую информацию, прокомментировать инновационные сведения.

Убеждающая коммуникация – вызвать у партнера определенные чувства и сформировать ценностные ориентации и установки; убедить в правомерности стратегий взаимодействия; сделать своим единомышленником.

Экспрессивная коммуникация – сформировать психоэмоциональный настрой, передать чувства, переживания, побудить к необходимому действию.

Суггестивная коммуникация – оказать внушающее воздействие для изменения мотивации, ценностных ориентаций и установок, поведения и отношения.

Ритуальная коммуникация – закрепить и поддерживать конвенциальные отношения; сохранять ритуальные традиции фирмы и создавать новые.

Перечисленные виды коммуникации позволяют определить специфику, грамотно использовать жанр, коммуникативные средства и технологии, получить планируемый результат, более эффективно подготовиться к той или иной коммуникативной деятельности, разработать сценарии вербального и невербального поведения в конкретной ситуации общения и учесть особенности партнера по общению. Возможно, в деловой коммуникации все перечисленное выше и будет являться типами коммуникации, но в социальной и культурной сферах данные типы выступают в качестве функций массовой коммуникации.

Основным различием системы межличностных отношений и массовой коммуникации является то, что в рамках межличностной коммуникации устанавливается непосредственный контакт между индивидами с помощью межличностных средств общения, в то время как в массовой коммуникации обмен информацией опосредуется техническими средствами коммуникации.

Среди различных типов коммуникаций, помимо личностной, межличностной, массовой и специализированной (деловой, профессиональной, политической и т. д.), особого внимания заслуживают визуальная, мифологическая и перформансная коммуникации [11], которые также применяются в массовом празднике.

Исходя из всего вышесказанного приведем сравнительную таблицу, в которой сопоставим массовую коммуникацию и массовый праздник как идентичные системы:

Структура системы	Массовая коммуникация	Массовый праздник
Источник	Фиксация реального события и превращение его в факт. Для широкого использования	Документальный факт реальности, положенный в основу сценария, разбитого на несколько площадок
Кодирование	В зависимости от источника передачи информации. Отбор знаков для ее передачи	Выбор изобразительно-выразительных средств для каждой площадки

Структура системы	Массовая коммуникация	Массовый праздник
Сообщение	Выбор формы передачи информации	Соединение систем составляющих образ в единую систему
Декодирование	Восприятие и расшифровка информации. Определение значимости и ценности	Восприятие и соотнесение с собственным опытом, знанием, ситуацией
Функции	Социально ориентированные	Практически все функции; коммуникативные, социальные, культурные
Получатель	Индивидуум или определенное общество	Все присутствующие на празднике

Таким образом, массовый праздник выступает как художественная модель массовой коммуникации, а в отдельных случаях может подменять ее собой.

Рассмотрим более подробно, как происходит процесс коммуникации при контакте зрителя в массовом празднике. Как известно, праздник обладает собственным «языком», с помощью которого он как бы «разговаривает» со зрителем. Единицей этого языка является знак как слово в речи человека. Попробуем уточнить основные «языки» режиссера в последовательности их восприятия зрителем в момент существования и жизнедеятельности праздника:

1. Язык освещения (интенсивность, динамика изменения освещения, цветовая гамма);
2. Язык сценографии (архитектура сценической площадки, декоративно-художественное оформление, цветовая гамма, материал);
3. Язык предметно-вещевого мира праздника (реквизит, соответствующий оформлению и несущий определенную смысловую нагрузку);
4. Язык костюма актеров (фасон, материал, цвет, сменяемость);
5. Язык вербального общения актеров (начинает действовать с момента появления актеров на публике);
6. Язык невербального общения актеров (жест, поза, мимика);
7. Язык мизансцен (актеры располагаются на площадках в определенной зависимости и местонахождении друг от друга);

8. Язык музыки и шумов;

9. Язык темпо-ритмичной жизни праздника от площадки к лошадке (от медленного к быстрому, повтор мизансцен, лейтмотив);

10. Язык атмосфер (настроение каждого действия, акта, сцены, точнее каждой мизансцены на каждой площадке).

Следует обратить внимание на то, что все каналы информации могут «работать» в перечисленной очередности или взаимодополнять друг друга, что и происходит в момент коммуникации, а могут находиться в определенном противоречии.

В момент действия в празднике, или в момент коммуникации, зритель активизируется, и с ним происходят следующие процессы:

1. Зритель осознает себя зрителем (момент вхождения в зону праздника – настройка к восприятию информации).
2. Зритель активизирует внимание (момент появления актеров на площадке).
3. Зритель осознает знаковый мир каждой площадки и всего праздника в целом, в единой художественной целостности.
4. Зритель переносит предлагаемые обстоятельства персонажа на себя и сопереживает ему.
5. Зритель осознает себя как личность.

Благодаря этим процессам зритель получает всю информацию, которую запланировал режиссер для передачи.

Все вышесказанное еще раз подчеркивает, что массовый праздник выступает как художественная коммуникационная система.

Примечания

1. Огарев, Н.П. Заметки и наброски // Избранные социально-политические и философские произведения: в 2 т. – М.: 1956. – Т. 2. – С. 42–44.
2. Мамардашвили, М.К. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М., 1982. – С. 42.

3. Лотман, Ю. Семиосфера. – СПб., 2000. – С. 219.
4. Булгаков, Н.С. Героизм и подвижничество. – М., 1992. – С. 220.
5. Федоров, Н.Ф. Сочинения. – М., 1982. – С. 562.
6. Тард, Г. Публика и толпа // Психология толпы. – М., 1998. – С. 227.
7. Лазарфельд, П. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. – М., 2000. – С. 144–145.
8. Хабермас, Ю. Современная западная теоретическая социология. – М., 1992. – Вып. 1.
9. Володина, Л.В., Карпухина, О.К. Деловое общение и основы теории коммуникации. – СПб., 2002. – С. 56.
10. Панфилова, А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. – СПб., 2005.
11. Володина, Л.В., Карпухина, О.К. Указ. соч. – С. 57.

Философия и искусство

ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИИ В ПОЛЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В 50–80 ГГ. XX В.*

В.И. Красиков

Общее пространство интеллектуального внимания в 50–80 гг. XX в. в СССР можно «разлиновать» в виде 4 позиций: одной «сильной», но стремительно теряющей свое влияние в 80-х, и трех «слабых», напротив, набирающих силу к концу советского периода. Позиция советской марксистской философии, где и происходили основные события в развитии отечественного философского знания, обеспечивалась мощнейшими ресурсами советского государства [1]. Марксизм-ленинизм был официальной идеологией коммунистической партии и правительства, обязательным предметом в вузах и при подготовке кандидатских диссертаций, обеспечивался преподавательским корпусом, имевшим существенные бонусы в сравнении с остальными вузовскими работниками, а кадры высшего уровня (кандидаты наук и особенно доктора) даже включались в знаменитую «номенклатуру». Невероятные для сегодняшних дней тиражи философских журналов и книг, выход на публику через средства массовой информации и общесоюзную систему агитации и пропаганды делали эту позицию господствующей, практически единственной, родственной традиционной церкви, создающей «естественное мировоззрение», воспринимаемой органичной самому строю бытия. Именно сюда устремлялись многие молодые умы, стремящиеся и к созданию своей высокой интеллектуальной репутации, и к улучшению лучшего в мире строя через его осмысление. Понятно, что оба эти устремления имманентны молодым. События, происходившие в марксистско-ленинской философии, оказывались в центре внимания формирующегося профессионального сообщества советских философов (обществоведов).

Другие мыслители, принадлежавшие к остальным трем позициям, позиционировались и позиционируются до сих пор как интеллектуальные деятели религии, идеологии, художественного творчества, культуры – но не как философы, хотя и никто

не отказывает им в основательной философичности, однако так же – как ученым-естественникам либо литераторам. С одной стороны, это следствие основательной укорененности представления о тождественности современной философии – марксистской философии, с сопутствующим цензурным и административным «огораживанием» печатного слова. С другой, – отсутствие немарксистского философского словаря русских терминов и нежелание оппозиционных интеллектуалов говорить на птичьем языке идеологических шаманов. Эти позиции можно квалифицировать как слабые в силу либо преследований, либо отсутствия поддержки со стороны государственных структур. Они имели очень ограниченные ресурсы влияния и распространения в самой стране (не на озабоченном правами человека Западе): «кухонные сообщества» интеллигенции, единиц тайных меценатов из властвующих, некоторые церковные структуры. Вследствие их слабости они имели тенденцию к взаимной терпимости, сотрудничеству, заключению временных союзов. Речь идет о следующих мировоззренческих позициях [2].

Национализм, отмечает Эпштейн, как общественно-литературное явление, появился в начале 1970-х гг. и разрабатывался писателями, критиками, историками и учеными. Его идейными источниками были концепции славянофилов XIX в., **евразийцев** 20-х гг. XX в., а также теории западных консерваторов (Р. Генон). Сферой его конституирования были литература, критика, исторические исследования. В дополнение следует сказать, что здесь мы могли видеть не только великорусский (державный) национализм, но и просыпающийся национализм наиболее активизирующихся в конструировании своей особой идентичности народов СССР (казахов, кавказских народов и пр.). Здесь ставились и по-своему решались такие общеполитические вопросы, как отношения между культурой и нацией,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009–2010 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

коллективной ответственностью и виновностью, биологической энергией и моральными паттернами этнических групп.

Другой значимый тренд того времени – *религиозная философия*. Некоторое религиозное оживление начинается еще в 1950-е гг., и с самого начала можно говорить об особом настрое синтетичности в религиозных поисках. В это время Д. Андреев пишет свою знаменитую «Розу мира», пытаясь объединить религиозную мудрость Востока и Запада как путь создания некой будущей «интер-религии». Тогда же и начинается экспансия восточных религиозных идей. Ю.Н. Рерих приехал в СССР и последние два года своей жизни прожил в Москве (1957–1960), создав здесь школу изучения философии и религии Востока, в частности Тибета [3]. В 1970–80 гг. наиболее видной фигурой в православной философии был отец А. Мень, разработавший в своем семитомном труде («В поиске Пути, Истины и жизни») «философию духовного восхождения», которая ведет человечество от язычества к христианскому откровению богочеловечества [4].

Важное явление в советской интеллектуальной жизни 1960–80-х гг. – конституирование отечественной *культурологии* как фактически новой дисциплины, де-юре, как образовательной дисциплины, появившейся лишь после краха коммунизма. Именно здесь в сфере, в меньшей степени подвластной влиянию марксистского официоза, появился ряд мыслителей мирового уровня [5]. М. Бахтин – наиболее влиятельный на Западе отечественный мыслитель, А.Ф. Лосев, Вл. Библиер и С. Аверинцев.

Вернемся собственно к философии, которая развивалась в 1950–80 гг. в рамках марксистских установок и где происходили ключевые события и судьбоносные дискуссии. Возникает резонный вопрос: где было это «где»? Кто и почему остался в истории советской философии на первых, вторых и третьих ролях? Вполне понятно, что сами градации от первого до третьего условны и зависят от предпочитаемого субъектом оценок. История философии свидетельствует и о случайностях, и об явных несправедливостях, о забытых, «открываемых», «создаваемых» и «переоткрываемых» философах [6].

Интеллектуальные репутации создаются при жизни и могут выглядеть очень внушительными, особенно если они опираются на мощные административно-организационные (высокие посты в академических, образовательных структурах либо контроль над инфоресурсами) и символические ресурсы (авторитет традиции). Вместе с тем, первые устойчивые оценки «значительности» появляются лишь 2–3 поколения спустя, а признаваемые в международном масштабе – и того позднее. Тем не менее, мы уже находимся у черты отстоя-

ния (два поколения), когда возможно появление первых историко-философских оценок событий 1950–80 годов и первых приблизительных прикидок в отношении последних 15 лет.

Пространство внимания – феномен неоднозначный, особенно в таких эзотеричных и автономных областях общественной жизни, как философия. В отличие от потребительских товаров, где многое решает агрессивная реклама, массовость и доступность, в интеллектуальном «производстве» эти факторы не являются решающими. Мы знаем, сколько книг и какими многотысячными тиражами издавали в СССР тех философов, которые считались самыми успешными в той системе, равно как известны и другие философы, не имевшие практически никаких информационных возможностей, но бывшие реальными властителями дум интеллигентной публики того времени. В этой связи также возникает определенная историко-философская несправедливость в ущерб «тихому профессионализму» – пространство внимания в жизни гуманитарного сообщества «стягивается» почти всегда в область острых дискуссий, противостояний, желательных, хотя бы косвенно, – с властью предрержащими, область бурных страстей, высокого эмоционального накала и этического пафоса. Борьба привлекает людей, сообщает им идеалистический настрой, что невозможно ни при корыстном верноподданничестве казенной идеологии, ни, при методическом рационализме профессиональной науки.

Соответственно, прежде чем говорить о последовательностях в развитии советской философии 50–80 гг., следует сказать о трех существовавших тогда «измерениях» или «аспектах», каждый из которых имел свои внутренние закономерности изменений.

Первое измерение – идеологизированное, ортодоксально-охранительное, представлявшее официальную философию, тесно смыкающуюся с партийно-государственным аппаратом, идеологическими службами. Это гранды советской философии, академики и редакторы центральных теоретических журналов («Вопросы философии», «Коммунист», «Партийная жизнь»): Митин М.Б. (1901–1987), Константинов Ф.В. (1901–1991), Федосеев П.Н. (1908–1990), Ильичев Л.Ф. (1906–1990) и др., контролировавшие вплоть до середины 80-х гг. «большую» кадровую политику в философских структурах. Эти люди и их окружение обосновывали «ленинский этап в марксистской философии», писали классические по своей казенности учебники «Основ марксистской философии» и громили буржуазную философию и ревизионистов.

Другое измерение – профессионалы-марксисты, чья приверженность идеям Маркса носила бескорыстно-убежденный, конструктивно-мето-

дологический характер. Я лично знал и знаю многих таких людей, всю жизнь посвятивших разработке каких-либо относительно частных вопросов в области онтологии, гносеологии или социальной философии. Это своего рода «конкретные специалисты» или же «практики», использующие, по терминологии Т. Куна, парадигму для решения своих «головоломок» (нерешенных частных проблем). В применении же к нашей идеологизированной парадигме, они опирались более на вполне научно-философские тексты Маркса и Энгельса (конечно, с известными оговорками), чем на ежегодно меняющиеся агитки постановлений пленумов и съездов КПСС. Скорее, это аполитичные либо осторожные, трезво-рассудочные люди, часто даже «изоляты», т. е. не склонные участвовать в философской коммуникации именно по соображениям «невмешательства». Последней позиции наиболее умело удавалось придерживаться философам, занимающимся либо малоидеологизированными проблемами философии науки и техники, либо, напротив, до предела ритуализованной «критикой буржуазной философии» – когда после всеми понятных дежурных фраз о «загнивании» следовало детальное, со вкусом излагаемое содержание учения очередного «загнивающего», со всеми филигранными нюансами и рефлексивными утонченностями, просто непонятными для «философов первого измерения». Не всем, однако, так везло, есть области философского знания, прямо относящиеся к изучению общества, в советской философии – теория исторического материализма, где существовал столь же суровый идеологический контроль, как и в святая святых – научном коммунизме. Так, в 1975 году был разгромлен отдел исторического материализма ИФ РАН, его ключевые деятели (В.Ж. Келли, Е.Г. Плимак) были обвинены в «подрыве основ» на обсуждении их книги в Академии общественных наук по проблемам марксистской концепции общественно-экономических формаций [7].

Все же пространство внимания отечественного философского сообщества было сфокусировано в третьем, дискуссионном измерении, создаваемом деятельностью некоторых философов, которым суждено было стать первостепенными фигурами (по значимости и влиянию на дальнейшее развитие советской философии). Это можно даже определить не только по каким-то вкусовым пристрастиям, но и по вполне объективным показателям: количеству ссылок и упоминаний в литературе, освобожденной от цензуры (т. е. с 90 годов), исследовательских работ – у нас и за рубежом, по количеству влиятельных современников, объявляющих себя их учениками или последователями. Основные виды неформальной институционализации, которые объединяли, конституировали складывающиеся направления

в советской философии: спецсеминар, кружок, группа, и, наконец, наиболее претенциозное, трудноопределимое и субъективистское название – «школа» [8]. Итак, какова динамика расщепления «сильной» марксистской позиции в советской философии в ее дискуссионно-творческом направлении?

Основные активные фигуранты процесса расщепления оказались в одно время практически в одном месте (философский факультет МГУ, ИФ РАН). Они были молоды, энергичны, честолюбивы и охвачены альтруистическим пафосом этического идеализма (служение идеалам свободы, борьбы с отчуждением, глубокое обновление марксизма и т. п.) Уже в 1950-е гг., как вспоминают очевидцы и участники тех событий, начались первичные групповые консолидации и дискуссии между этими людьми, ставшими впоследствии культовыми фигурами советской философии. Вместе с тем, арена философского факультета, даже МГУ, не могла стать стартовой площадкой для начала размежевания позиций – слишком небольшая аудитория интеллектуалов. Лишь заручившись поддержкой либо нейтралитетом лиц, контролировавших философские СМИ и издательства, можно было бы сделать местные споры на философском факультете всесоюзной философской дискуссией.

Местные споры на философском факультете МГУ в 1950-е гг. о соотношении формальной и диалектической логики, о путях создания новой «содержательно-генетической логики», похоже, таковыми бы и оставались, если бы не два существенных обстоятельства, связанных со смягчением режима (хрущевская «оттепель»). Во-первых, начались идеологические преследования молодых философов, тотчас сделавшие их известными сначала московской публике, создавшие им интеллектуальную репутацию диссидентов в области мысли, но, вместе с тем, не закончившиеся, как ранее, лагерями. Во-вторых, идеологическое и философское руководство, решилось, очевидно, не ограничиваясь лишь негативом преследований, попытаться найти, как тогда говорили, «коллективным разумом», некое позитивное решение поставленных молодыми философами проблем – но в более широком контексте и с привлечением большинства сообщества. Вероятно, это было первое издание «гласности». Если ранее дискуссии были синонимом «чисток», как, к примеру, дискуссии 30-х между «диалектиками» и «механицистами», или же так называемая дискуссия (погром) по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии» (1947), то начиная с 1960-х, они все же стали внутрицеховым профессиональным делом и началась собственно живая творческая философия. Рецидивы вмешательства партийных цензоров и «оргвыводов» были, но уже стали влиять несравненно мень-

ше: пострадать, быть «несгибаемым мучеником», предметом восхищенных взоров молодежи – одно, стать лагерной пылью – другое.

Все началось «по меньшей мере с изданной в 1963 году книги Б.М. Кедрова [9], в которой онтологизация советской философии порицалась как сталинский пережиток», соответственно, «проблема соотношения диалектики, логики и теории познания стала предметом дискуссии... Эта проблема связана с «Философскими тетрадами» Ленина, в которых замечалось, что в марксовом «Капитале» «применена к одной науке логика, диалектика и теория познания (не надо 3 слов: это одно и то же) материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшее сие ценное вперед» [10].

Итак, соотношение диалектики, логики и теории познания было проблематизовано, к решению подключились многие философы, однако тон задали те, кто уже почти десятилетие поднапорел в подобных же спорах на философском факультете МГУ. Именно их имена стали обозначать как минимум три позиции в понимании соотношения логики и теории познания, которые инициировали последовательности учеников и новых дискуссий.

Наиболее известной и влиятельной стала позиция Э.В. Ильенкова: «философия есть логика и теория познания марксизма, а ее предмет – мышление» [11]. Он занимал, таким образом, радикальную, можно сказать, гегельянскую позицию тождества бытия и мышления – диалектика, логика и теория познания полностью совпадают. Ильенков, судя по всему, был последовательным марксистом, глубоко знавшим не только основное концептуальное содержание собственно классического марксизма, но и историю «вызревания» его основных ингредиентов у Спинозы, Фейербаха и Гегеля. Его несомненное достижение – придание современному марксизму категориальной строгости, рефлексивной глубины и творческой проблематизации. Именно это сделало его знаменем, сакральным символом для философской молодежи 70–80 гг., ставшей, в свою очередь, в настоящее время у кормила отечественной философии [12]. Этому, вероятно, способствовало и то, что Ильенков долгое время оставался в центре внимания сообщества, став, в отличие от других участников дискуссии 60-х гг., еще и активным деятелем последующей, еще более известной и философски более глубокой дискуссии 70-х гг. по проблеме идеального.

Альтернативная позиция была представлена А.А. Зиновьевым и Г.П. Щедровицким. Это очень разные люди и философы, однако в рассматриваемое время они были едины в том, что логика и теория познания существенно отличны друг от друга, имея свое автономное целесообразное содержание. Зиновьев, судя по его легендарной диссидентской

политической биографии, парадоксальным произведениям и высказываемым точкам зрения, все же вряд ли подходил на роль какой-либо определенной «школы» [13]. Одно представляется бесспорным: его проблематизирующее, глубоко эмоциональное влияние на всех участников философских событий 1950–60-х гг. и интенсификация им отечественных исследований в формальной и математической логике, стимуляция творчества таких видных философов-логиков, как В.А. Смирнов, Д.П. Горский, В.С. Тюттин и др. [14].

Иное дело Г.П. Щедровицкий, сумевший создать, удержать и в течение трех десятилетий развивать четкую оригинальную позицию, объединившую вокруг себя целое сообщество верных учеников и последователей, продолжающих его дело и по сей день, которую условно можно назвать «методологизмом» (на его «онтологической» стадии развития). Представляется, что лишь Щедровицкий остался по-настоящему на всю жизнь верен идеалу философской молодежи МГУ 50-х – созданию «содержательно-генетической логики». Логика – это эмпирическая наука, а мышление – исторический процесс и мыслительная деятельность (взятые в виде объективированных знаковых средств и продуктов), которые подлежат моделированию и теоретическому описанию [15]. Отмечают, правда, (М.А. Розов, В.М. Розин), что эволюция «сообщества Щедровицкого» пошло во многом по «сектантскому» пути со своей замкнуто-автономной культурой, проблематикой и языком.

«Методологизм» Зиновьева-Щедровицкого инициировал также и такие важные направления развития в отечественной философии, как деятельностный подход в исследовании мышления (В.А. Лефевр, О.И. Генисаретский, В.А. Розин) и системные исследования (Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский, И.В. Блауберг, Д.В. Гвишиани, В.И. Кремянский, В.П. Кузьмин) [16].

Наконец, еще одна позиция, направленная и против онтологизма мышления, и против его эмпиристской трактовки, бывшая в то время маргинальной и соответственно не получившая ни какого-то звучного резонанса, ни учеников и последователей, представлена «трансцендентализмом» М.К. Мамардашвили. Исходя из картезианско-кантианского понимания, он полагал, что невозможна позитивная теория сознания, как ее себе представляют гегельянцы (система общих, по сути умозрительных, категорий мышления) или же эмпирики (система тех же общих категорий, выявляемых эмпирически, деятельностно-практически, на деле также умозрительно). В силу своей интенциональной природы мышление не может быть «схвачено» в категориях «предмета» или «вещи» [17]. Позже он, правда, создал свою оригинальную концепцию истори-

ческого развития философской рефлексии [18] – прецедент немарксистского философствования в марксистской стране. Он служил своего рода центром притяжения молодых философов, которых не удовлетворяла марксистская философия и ее проблематика, которые тянулись в современным формам трансцендентальной философии: феноменологии и экзистенциализму. Как известно, этот философ «сократического стиля» «был великий мастер импровизации и мудрой философской беседы» и неохотно писал [19]. Может именно это, плюс его философско-аналитический интерес к художественному творчеству (лекции по М. Прусту), и повлияло на складывание его высокой интеллектуальной репутации «западного русского философа» или самородного философа, как типаж, не встречавшийся в то время в академической философской среде.

Другая знаменитая дискуссия, которая, похоже, окончательно сформировала самодостаточное, связанное осознанными общими интересами, опытом борьбы и компромиссов, сообщество групп профессионалов-философов, развернулась в конце 1970-х и продолжалась до середины 80-х гг. И вновь, как и в 60-е гг., здесь выявились три позиции, актуализировавшие в советской философии классические подходы к сознанию: объективистский (Платон), субъективистский (субъективный идеализм) и марксистский [20]. В отличие от дискуссии 60-х, сама формулировка проблемы которой была изначально гегельянско-марксистской (тождество или единство диалектики, логики и теории познания), дискуссия об идеальном представляла собой актуализацию одной из стержневых и фундаментальных историко-философских проблем и (при всем известном марксистском «политесе» участников) привлечение классических и немарксистских по сути аргументов. Это – свидетельство складывания уже многомерного философского сообщества с широким диапазоном немарксистских интенций дальнейшего развития. Это также переходная форма от неестественного, тоталитаристского, моноидеистического (по типу церкви) философского (!) сообщества – к нормализованному, т. е. плюралистическому, полицентричному сообществу, где позиция в высокозначимой дискуссии есть одновременно характерное направление со своей оригинальной парадигмой, а не вариация, аспект одной.

Наибольшее впечатление на сообщество произвела концепция идеального Э.В. Ильенкова. Немарксистские подходы все еще воспринимались, по умолчанию, как, может и полезно-интересные, но односторонние – такова была суггестивная сила профессиональной марксистской социализации большинства сообщества советских философов

(другой просто не было, за исключением хитрых молчунов из подразделения «критики современной буржуазной философии»).

Проект творческого развития марксистского тезиса о практической природе человеческого сознания представлялся интригующим и перспективным, к тому же на челе философа уже лежала романтическая печать и диссидента, и одновременно маститого академического философа, чьи заслуги неохотно, но признаются властью [21].

Деятельностная концепция идеального является примером утонченного, рефлексивного марксизма, эволюционировавшего в сторону современных прагматистских концепций сознания. Идеальное – это «схемы практики» (алгоритмы, операции, стереотипы) или особый, сигнальный компонент («форма» деятельности) самой реальной материальной деятельности людей. Подобные схемы переносят информацию о родовых (общих) свойствах извне – в сознание, формируя субъективный образ общего. Ильенков попытался последовательно провести принцип материализма и дедуцировать свойство идеальности (невещественности) из определенной стороны материальной практики, описать именно диалектику трансформации. Само будущее идеальное уже присутствует отчасти как «форма» в объективной социальной реальности, являясь неким согласованием, как природных свойств вещей, входящих во взаимодействие с нами, так и наших существенных антропологических особенностей (потребности, установки). Тем самым он сделал значительный вклад в вековечный поиск объяснений того, каким чудесным образом, посредством каких трансформаций, идеальное содержание нашей черепной коробки довольно-таки верно воспроизводит внешнее состояние дел, что позволяет нам эффективно пользоваться природными силами.

Объективистская интерпретация идеального была представлена в дискуссии М.А. Лифшицем. Общее, прообраз идеального, существует в самих вещах материального мира. В отличие от классических античных объективно-идеалистических интерпретаций Платона и Аристотеля, здесь идеальное – некий определенный единичный материальный предмет, представитель какого-либо отдельного класса вещей. У классиков античности общее как бы «вторгается», придает форму материи – либо через изначально заданную ось подражания мира вещей миру идей, либо через божественную интервенцию формы (от формы всех форм, в конечном счете). С точки зрения же Лифшица, реальность организована в виде множества множеств, каждое из которых содержит целый класс схожих объектов, объединенных вокруг некоего

образца, паттерна класса («идеи», сказал бы Платон). В природе существуют совершенные и несовершенные вещи, относящиеся к одному и тому же классу (множеству) – какой-то элемент множества объективно вбирает в себя главные характеристики самого множества в большей степени, чем его другие элементы. Это совершенный предмет – хороший репрезентант всего множества. Имея дело с ним, человек способен сразу схватить «общее», т. е. характерный «рисунок» свойств стоящего за этим эталоном класса вещей [22].

Сильная сторона этой позиции, как и всего объективного идеализма, – утверждение о реальной объективной подоплеке наших общих образов мира. Это не просто наши конструкции, составленные из черточек-отвлечений от реально-единичных вещей, – нет есть именно *единичные денотаты* общего (идеи Платона, Бог религий, совершенные предметы Лосева-Лифшица). Судьба подобной концепции была однако незавидной – как бы ни клялись ее сторонники в материальности совершенных предметов, слишком очевидной была ее метафорически-идеалистическая подоплека (ну как реально найти подобные гипотетические «совершенные предметь»?). Она просто не могла привлечь серьезного внимания реалистов и прагматиков марксистского закала. Ее уважали за изящество и классицизм, но не более того. По-настоящему противостояла позиции Ильенкова другая концепция, причудливым образом соединявшая в себе субъективный идеализм картезианства с элементами кантианской концепции активизма сознания.

Третья позиция, а по значимости влияния на умы – вторая после ильенковской, была разработана *Дубровским Д.И.* Идеальное существует только в голове отдельного человека, и в нем нет абсолютно ничего вещественного – ни извне (ни

вещественного содержания, ни «формы» того внешнего объекта, целостный образ которого переживается человеком), ни изнутри – идеальное не есть «материя» внутрителесных физиологических процессов. Как и полагал Декарт, дух есть абсолютная противоположность материи и «живет» в теле – как «квартиросъемщик» (в телесном автомате). Но что же это такое в отношении информации, поступающей нам от органов чувств?

Идеальное – это то, что делает из общей, поступившей извне информации мозг, вернее, как говорил Дубровский, «мозговой нейродинамический процесс определенного типа». А он ее так препарировывает, что делает (формирует) из него общий образ мира. И, похоже, довольно успешно. Суть «препарирования»: отвлечение от вторичного в пользу «сущностного» и экстраполяция «сущности» на класс объектов. Таким образом, формирование идеального – процесс в границах только самого мышления и должен быть исследуем как процессы конституирования личностного значения. Позиция Дубровского хотя и позиционировалась самим автором как последовательно-материалистическая, на деле оформилась, скорее, в феноменологическую. Дубровскому явно симпатизировала «гносеологическая» часть сообщества, которой смертельно надоели гегельянско-марксистские заклинания, «магические формулы» о тождестве, взаимообращивании материального и идеального и которая благожелательно восприняла «трансцендентальную чистоту» идеального у Дубровского. Однако (и в том ирония дискуссии в моноидейном философском сообществе), феноменологом Дубровский стал, скорее, случайно, под давлением аргументов прогнаторствующих позиций и не смог, соответственно, дать внятную позитивную теорию, какова была в то время у Ильенкова.

Примечания

1. Это не означает умаления значимости фигур интеллектуальной оппозиции, ставших впоследствии фокусами общественного внимания (Сахаров, Солженицын, Гумилев, Мень, Шафаревич и др.) Нахождение в интеллектуальном подполье все же существенно ограничивало возможности их влияния на основные читательские массы СССР. Их практически не знали за пределами обеих столиц и некоторых крупных региональных центров, да и там они были известны в основном среди интеллигенции.
2. См.: Эпштейн М. Феникс русской философии http://www.emory.edu/INTELNET/ar_phoenix_philosophy.html Модель Эпштейна выглядит убедительной, тем более, что он сам принадлежал к числу активных участников московской «подпольной» интеллектуальной жизни 70-80-х гг. Автор указывает, правда, 7 позиций, однако, я полагаю, что «неорационализм» следует причислить к сильной, мегапозиции «советской марксистской философии», которая, как мы увидим, находилась постоянного внутреннего брожения и расщеплений, как всякая «сильная» позиция. Позиция «персоналистской философии» вряд ли может быть таковой называться в качестве именно «философии». Относимые сюда литераторы-диссиденты (Яков Друзкин, Лидия Гинзбург, А. Битов, А. Сахаров и др.), скорее, выражали традицию либерализма в борьбе с режимом. Позиция «постструктурализма» или «концептуализма», выражаемая в философских произведениях (В. Подорога, М. Рыклин и др.), четко оформляется и становится известной читающей публике лишь все же в 90-е.
3. Малинова, М.А. Рерих Юрий Николаевич // *Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды.* – М., 2002. – С. 816.
4. Мень, Александр // *Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды.* – М., 2002. – С. 622.

5. Основоположники практически оставили эту сферу без внимания, полагая ее третьестепенным отголоском влияния гораздо более значимых экономических и политико-правовых форм. Проблемы художественного творчества, прекрасного, мифа и карнавала, символов и религии полагались достаточно далекими от мирских идеологических и политических нужд и людей, занимавшихся этими вопросами, обычно оставляли в покое. Более того, подобная сфера была даже своего рода «дальним краем» интеллектуальной жизни и сюда «ссылали» некоторых неумных идеалистов, типа А.Ф. Лосева: античный символизм как ссылка для «диалектического идеалиста».
6. Наиболее яркие примеры «переоткрытых» философов в Новое время – Спиноза и Юм. Кьеркегор был «создан» – объявлен экзистенциалистами своим предтечей.
7. Пустарнаков, В.Ф. История института философии РАН в субъективном восприятии // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 33; Философия в России: версии и реалии // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 6.
8. Спецсеминар Ильенкова, Э.В., куда входили В.А. Лекторский, Г.С. Батищев, Л.Н. Науменко, В.М. Межуев. См.: Митрохин, Л.Н. «Докладная записка–74» // Вопросы философии. – 1997. – № 8. – С. 49; Сначала Московский логический кружок 1952–1954 гг.: А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили – Новейший философский словарь. – Минск, 1998. – С. 392. Московский методологический кружок, с конца 50-х – 80-е гг. – Г.П. Щедровицкий, И.С. Ладенко, Н.Г. Алексеев, В.А. Костеловский, Б.В. Сазонов. См. Розин, В.М. Рожденный мыслить. Эволюция взглядов и особенности взглядов Г.П. Щедровицкого // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 144–156; Например, так называемая «группа БСЮ» (Блауберг-Садовский-Юдин), разрабатывавшая теорию систем с конца 60 гг.; Во многих случаях этот термин «школа» используется в малообязывающем метафорическом применении, напр.: «школа диалектической логики» или «школы в философии науки» 60–80 гг. (в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Новосибирске, Ростове-на-Дону) – См.: Степин, В.С. Деятельностная концепция знания (дискуссии с Игорем Алексеевым) // Вопросы философии. – 1991. – № 8. Потому время от времени появляются статьи с характерными заголовками, типа: Мареева, Е.В. Существует ли «школа Ильенкова»? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 66–76. В 80-х – начале 90-х гг. В.С. Библер прямо назвал свое объединение «школой диалога культур» – См.: Ахутин, А.В. Все еще только начинается... Памяти В.С. Библера. Антинекролог // Вопросы философии. – 2001. – № 6.
9. Б.М. Кедров, как, к примеру, П.В. Копнин или А.П. Шептулин, представляют собой, в отличие от уже упоминавшихся Митина, Константинова, Федосеева и иже с ними, тип профессионалов, умевших найти компромисс с властями, сделавшими успешные карьеры в официальных философских структурах. Большая личная одаренность делала их пронизательными в отношении опознавания новых философских идей и сочувствующими диссидентам – их носителям. Будучи сами талантливыми во всем людьми, в отличие от диссидентов, и в политике компромисса – они были настоящими «ангелами-хранителями»: и людей, и новых идей.
10. Ойттинен, В. Апории идеального в диалектической концепции Эвальда Ильенкова // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 94–95.
11. Науменко, Л.К. Эвальд Ильенков и мировая философия // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 135.
12. Указывают на то, что они – последователи, ученики, единомышленники Ильенкова и В.А. Лекторский, и Г.С. Батищев, и В.М. Межуев, и А.В. Бузгалин и мн. др.
13. Хотя ему и приписывают «школу», состоящую из совершенно разных по взглядам, да и по философским занятиям, людей – таких как Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили и Б.А. Грушин. См. Александр Зиновьев: мыслитель и человек (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2007. – № 4. – С. 36.
14. Степин, В.С., Лекторский, В.А. Институту философии РАН 70 лет // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 19–20.
15. Розин, В.М. Эволюция взглядов и особенности философии Г.П. Щедровицкого // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 144–156.
16. Блауберг, И.В. Из истории системных исследований в СССР: попытка ситуационного анализа // Вопросы философии. – 1991. – № 8.
17. Новейший философский словарь. – Минск, 1998. – С. 392.
18. Порождающие структуры рефлексии, или три фундаментальные абстракции, введенные Платоном, Декартом и Марксом: абстракция «рациональной структуры вещей» (рефлексивный дубль трансцендирования), абстракция «операционального сознания» и абстракция «практики». См.: Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. – 1990. – № 10.
19. Сенокосов, Ю.П. Мамардашвили Мераб Константинович // П.В. Алексеев. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 2002. – С. 597.
20. Любутин, К.Н., Пивоваров, Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. – С. 240–250.
21. Гносеологический скандал на философском факультете МГУ в 1953, конфликт с руководством редакции «Философская энциклопедия» в 60-х. Вместе с тем, в 1965 году ему была присуждена академическая премия им. Н.Г. Чернышевского. См.: Новохатько А.Г. Ильенков Эвальд Васильевич // П.В. Алексеев. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 2002. – С. 378. Статья по «Идеальному» в «Философской энциклопедии» стала одной из ярких, культовых и проблемных работ 60–70 гг.
22. Концепция, конечно, очень антропоморфна, вернее, может быть, биоморфна: все-таки именно живое организовано по классам (видам), имеющих некий общий организующий паттерн (код ДНК) и соответствующую программу развития. Когда мы экстраполируем то же самое на мир неживой природы, говоря о его «классах» предметов, то здесь все приобретает метафорический и субъективный характер: «классы» масштабируются нами – малоотносительно ко многим уровням (микро-, макро-, мега-) и возможным измерениям вселенной.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ САМОСТИ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

О.И. Жукова

Сегодня с полным основанием можно говорить о том, что современный социум утратил устойчивые социальные общности, которые сплетали единую социальную ткань, позволяя самости человека обретать аутентичную себе систему социальных координат. Самость оказалась включенной во множество социальных групп. При этом отождествления себя ни с одной из них до конца не происходит. Вращаясь во множестве разнопорядковых реальностей, извлекая из них определенный для себя опыт, самость человека, тем не менее, не идентифицирует себя ни с одной из них. Подобное неустойчивое положение самости, ее образа, как в собственных глазах, так и в глазах других, стало естественным и даже привычным явлением.

Дело не только в том, что самость лишилась определенных гарантий данной устойчивости в социокультурной реальности. В истории всегда были периоды, которые воспринимались, описывались как катастрофические, распадающиеся, деструктивные. Но они не понимались и не анализировались в качестве «кризиса идентичности». Безусловно, это явление имеет свои объективные причины, на которые обращает внимание теоретическая мысль и где попытки осознания данной тенденции предпринимаются в разных исследовательских программах.

Проблема идентичности одна из преобладающих в современном гуманитарном знании. Термин этот прочно вошел в дискурсивные практики интеллектуального сообщества. Философы и психологи практически соединили понятия самосознания и идентичности, культурологи рассматривают культурную и субкультуральную идентичность, политологи – мультикультуральность и национальную идентичность. Понятие «идентичность» прилагается к индивидам, культурам, субкультурам, этносам, нациям. В литературе имеется достаточно много типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми основополагающими считаются этнические, расовые, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями индивидов. Такая широта и частота использования данного понятия, конечно, не является случайной, а выражает объективно существующие процессы, происходящие в социокультурной реальности.

Несмотря на то, что в литературе отмечается достаточно разнопорядковое осмысление данного феномена, связанное с междисциплинарным характером его изучения и серьезно разнящееся в зависимости от предмета исследования (о чем достаточно убедительно писал В.С. Малахов в статье «Неудобства с идентичностью»), на сегодняшний день сложилось определенное понимание идентичности, позволяющее фиксировать его существенные характеристики.

Термин идентичность (от лат. корня *idem* – то же самое) обозначает прежде всего (что обычно фиксируется в словарях) структуру вещей, которые остаются теми же самими, сохраняющими свою сущность при всех трансформациях. Также идентичность обозначает единичное бытие человека и потому рассматривается как «категория социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых «тождественных самих себе» целостностей» [1]. Итак, идентичность означает тождественность, совпадение, точное соответствие. Здесь необходимо учитывать, что нас интересует не широкий спектр видения данного феномена, где речь идет об установлении тождества однозначного соответствия по отношению к разным объектам, а применение этого соответствия по отношению к самости человека. Отсюда, в контексте исследования, проблема идентичности будет нами рассматриваться как то, что позиционирует самость в качестве индивидуальной неповторимости и то, что позволяет ей оставаться самой собой.

Идентичность самости не означает ее тождественности с другими. Здесь, в первую очередь, речь заходит об идентичности, тождественности самости по отношению к самой себе, и в этом заключается ее простое обозначение. Но очевидно, что данная простота весьма обманчива, так как «тождественность самости самой себе» – одна из сложнейших и мучительных проблем ее развития, где сами параметры, координаты данной тождественности не даны самости в качестве непреложных и однозначных. Данная тождественность всегда ищется и корректируется сквозь призму опыта ее взросления и становления в качестве зрелой, целостной самости, где немаловажную роль играют ее духовные способности, одной из которых является способность к постоянной открытости в постижении нового.

Данная тождественность может связываться с антиномичностью идентичности, где можно опре-

делить точку соприкосновения между двумя противоречивыми представлениями идентичности. Здесь, с одной стороны, как показывает П. Рикер, идентичность выступает как тождественность (лат. *idem*), с другой, – проявляет себя как самость (лат. *ipse*). В первом случае речь идет об одинаковости, самоидентичности, которая находит свое отражение в генетической, биологической основе индивида, воплощенной в его характере. Во втором случае речь идет о самости и ее изменении, происходящим с тем, что не меняется. В этом плане можно говорить о том, что самость есть единство устойчивости и изменчивости. Даже сама фиксация такого различия между этими двумя вариантами идентичности проявляется в таких терминах, которые одновременно являются и дескриптивными, и символическими: характер и сдержанное слово. Под характером здесь имеется в виду «совокупность отличительных признаков, позволяющих повторно идентифицировать человеческого индивида как самоидентичного. Благодаря дескриптивным чертам характер вбирает в себя количественную и качественную идентичность, непрерывное постоянство, постоянство во времени. Именно так он эмблематическим образом обозначает тождественность личности» [2].

Итак, понятие «идентичность самости» обозначает непротиворечивый, личностно принимаемый образ себя во всем спектре самых разнообразных взаимоотношений с окружающей реальностью, где самость поддерживает, открывает саму себя через диалектику своей самостоятельности и многочисленных зависимостей. Идентичность самости – это, прежде всего изменчивость при неизменной устойчивости. Идентичность не есть некое неизменное свойство, присущее самости изначально, а то, что формируется, закрепляется, или, наоборот, преобразовывается, трансформируется в процессе взаимоотношений с окружающей реальностью. В структуре идентичности самости выделяют индивидуальный и социальный компонент. Если индивидуальный компонент характеризует самость в качестве неповторимой, уникальной сущности, то социальный означает, что самость в состоянии поддерживать свою идентичность лишь в постоянной корректировке с нормами и ожиданиями той среды, в которой она находится. Безусловно, эти два компонента не существуют друг без друга, так как представления самости о себе самой во многом определяются социальными параметрами, в которые она инкорпорирована. Но при этом собственные нормы самости могут не совпадать или даже идти в разрез с социальными предписаниями, что и приводит к кризису идентичности, особенно, если самость вынуждена принимать данные нормы под

давлением социума. В идеале предполагается, что самость формируется в результате установления гармоничного баланса между своей индивидуальной и социальной идентичностью.

Проблема идентичности приобрела свое актуальное звучание с наступлением современной эпохи. До этого в обществе (которое можно обозначить как традиционное или доиндустриальное) идентичность индивида определялась принадлежностью определенному социальному слою, которую невозможно было изменить по его желанию. Поэтому проблема самоидентичности принципиально не могла возникнуть в качестве основополагающей в данной социальной реальности. В традиционном обществе идентичность представляла высоко профилированную (П. Бергер, Н. Лукман), т. е. полностью представляющей ту объективную реальность, в которой она находилась. Фактически каждый человек был тем, за кого его принимали.

В современных обществах подобные взаимоотношения принципиально меняются: межличностные отношения обретают независимость от связей родства, от клановых традиционных определений. Возникает полифоничная самость, которая пытается воспринимать себя в качестве целостности своей индивидуальной жизни. Для нее в качестве главной становится проблема самоопределения, самоидентичности, осмысливающей себя в терминах автобиографии. В этом плане можно говорить о том, что автобиография является своеобразным структурирующим ядром самоидентичности. Ее наличие подразумевает возможность самостью выстраивать целостную, планируемую логику своего жизненного проекта. Такой проект не может быть успешно реализован, если самость не полагает в качестве естественного возможности выбора нескольких вариантов жизненного пути. Признание данной вариативности означает, что самость должна сознательно осуществить выбор своей жизненной программы, «выбирая» которую, она в конечном счете формирует себя, свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностными императивами.

По мере усложнения мира социума – вступления обществ в стадию постиндустриального развития – (и здесь неважно как данное общество будет обозначаться: «постиндустриальным», «информационным», «обществом риска», «обществом постмодерна» и т. д.) идентичность самости начинает приобретать множественный характер. Все это приводит к сложной проблеме, с которой она сталкивается. Самость человека начинает ощущать себя совокупностью самых разных ролей, которые ей приходится исполнять и в которых присутству-

ет лишь самая минимальная часть ее целостности. Причем ей приходится постоянно держать под контролем взаимодействие между собой этих ролей, не позволяя им вмешиваться в исполнение друг друга, поскольку каждая из них имеет свой собственный контекст и может быть совершенно неуместна и неприемлема в другом. Таким образом, самость нигде не чувствует себя аутентично в полной мере, у нее нет однозначного образа себя, который выступал бы для нее как естественный и очевидный. Наличие множества идентичностей приводит самость к определенному замешательству, которое обозначается как кризис идентичности.

Если исходить из социально-онтологических оснований кризиса идентичности, то они заключаются в размывании свойственных классическому обществу Модерна привычных, устойчивых социальных образований, текучести социальных структур постиндустриального общества. Не случайно постсовременность обозначается как «текущая», «мягкая», «бархатная», в которой устойчивые социальные классы, прослойки (объединенные общностью социальных интересов) уступают место случайным, возможным при определенных условиях объединениям, скрепленным лишь условностью социального символа.

Появление терминов «неокочевничество», «номадическая идентичность», сравнивающих жизнь современного человека с образом жизни кочевников, как раз и отражают размывание устойчивых социальных структур. Когда в свое время А. Тоффлер говорил о кочевничестве, то он под ним подразумевал самоощущения людей, вынужденных мигрировать, менять место жительства, работы и сопутствующие этому состояния потерянности, депрессии, которые они испытывали. Сегодня неокочевничество скорее выражает не трудную жизненную ситуацию, а наоборот, ее нормальность. Оно отражает обычный образ многих людей, воспринимаемый ими как вполне естественный. Номадизация характеризуется как такое положение человека, при котором он не в состоянии, хотя бы в общих чертах, определить свое будущее. И в этом плане его жизнь, как и жизнь кочевника, не связывается с долгосрочными программами и осознанными целями. Все это приводит к тому, что, с одной стороны, самость привыкает полагаться только на саму себя и исходить из своей самодостаточности и самореализации (отсюда рост индивидуализации), с другой, – у нее возрастает чувство внутренней несогласованности, разорванности собственного «я», потерянности самоидентичности.

Собственно понятия «идентичность», «кризис идентичности» прочно вошли в философский, пси-

хологический, социологический словарь, с середины XX столетия и приобрели междисциплинарный характер после публикаций работ Э. Эриксона. Следует при этом заметить, что сам эго-психолог не считал себя первооткрывателем и называл среди основных предшественников данной позиции У. Джеймса, З. Фрейда, А. Фрейд и др. Впервые термин «кризис идентичности» был употреблен во время Второй мировой войны в процессе лечения ветеранов. Работавшие с ними психологи, обнаружили, что многие из них, пройдя экстремально тяжелые условия войны, потеряли тождество своей самости и чувство непрерывности, взаимосвязанности времени. Позже подобные нарушения были зафиксированы у молодых людей, раздираемых внутренними глубинными противоречиями. Но реакция на подобный кризис у молодых людей, проявляющаяся в состояниях либо агрессии, либо депрессии, носит временный характер и не влечет за собой необратимые, деструктивные процессы в развитии самости. Все это позволило развести патологический «кризис идентичности» от возрастного кризиса как неотъемлемого атрибута жизни любого человека. Отсюда изменилось отношение к пониманию самого термина «кризис». Он перестал ассоциироваться с неизбежной катастрофой, деструктивностью, а стал пониматься как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, – роста или собственно деградации.

Кризис идентичности – это конфликт между сложившимися устойчивыми структурами идентичности самости и соответствующим способом вписывания ее в окружающую реальность. Проявляться кризис может в состояниях близости, неотчетливости временных перспектив, выбора негативной идентичности, наложения и смешения ролей. В этом контексте особенно важным для понимания процессов, происходящих с самостью, представляет негативная идентичность, которая диктуется необходимостью найти самости свою нишу и защититься от чрезмерно высоких требований предъявляемыми актуализированными вышестоящими авторитетами. Подобный выбор негативной идентичности представляет собой попытку овладеть ситуацией, для того чтобы таким своеобразным способом согласовать различные элементы идентичности, взаимоподавляющие друг друга. Негативная идентичность исходит из таких идентификаций и ролей, которые на критических стадиях развития представляются и осознаются самостью как наиболее нежелательные или опасные, но и в то же время наиболее реальные.

Кризис, переживаемый самостью, как правило, приводит к фрустрации, депрессии, агрессивности, многочисленным внутренним конфликтам, но, тем не менее, его следует рассматривать как неизбежный и логичный этап на пути развития самости к становлению и обретению себя в качестве целостной идентичности. В конечном итоге здесь важно, чтобы кризис самости не приводил к замене самоуважения ненавистью к себе. Именно в таком контексте рассматривает кризис идентичности В. Хесле, чьи идеи для нас являются близкими в понимании проблем, с которыми сталкивается самость.

Хесле рассматривает кризис идентичности как отвержение самости со стороны «я». Кризис идентичности, в котором «я» отвергает свою самость, не может быть совершенно явным, открытым, очевидным. Человек, не любящий, презирующий свою самость, ищет разные способы обмана, бегства от самого себя. Это связано с весьма серьезными, мучительными страданиями, через которые ему приходится проходить и которые могут быть преодолены только путем продолжительных усилий. Здесь можно назвать разные причины проявления кризиса идентичности (от психосоматических до социальных). Так, например, одной из них может быть причина, коренящаяся в физических метаморфозах тела и нежелании мириться с этими изменениями; другая – может вызываться потерей памяти, так как в значительной степени самость формируется прошлым и некоторые моменты прошлого «я» хочет забыть, т. е. забыть свою самость. Последнее приводит к кризису идентичности. Также источником кризиса может быть и отказ признавать временность, мимолетность своей самости, следствием чего вполне может быть панический страх смерти. Неверные, искаженные образы собственной самости (чрезмерное преувеличение своих достоинств или наоборот недооценивание, принижение себя) приводят к кризису идентичности. Но самый серьезный и безысходный кризис идентичности в основном вызывается убеждением в отсутствии вообще ка-

ких-либо нравственных норм. Безысходность этого кризиса в том, что из него практически нет выхода, так как само понятие «кризис» предполагает нормативные коннотации, которые человек отклоняет. В данном случае отвержение, неприятие различия между правильным и неправильным, ошибкой и истиной снимает саму постановку вопроса о кризисе, что и порождает его безвыходность.

Несмотря на весьма серьезную опасность, которую с собой несет каждый кризис идентичности, тем не менее, его нельзя оценивать только в негативных характеристиках. Именно важность кризиса заключается в том, что благодаря ему происходит развитие самости человека и социальных институтов (когда речь заходит о кризисе коллективной идентичности). В результате кризиса происходит частичное отторжение своей прежней идентичности и начинает формироваться новая самость, которая приобретает более сложное содержание

Итак, кризис идентичности, несмотря на весь драматизм его прохождения, выступает нормой становления самости. И его следует понимать как желание самости осознать себя в качестве единой целостности, как умение преодолевать разорванность, противоречивость своих образов и гармонично их соединять. Кризис идентичности позволяет самости понять принцип собственного становления. Сущность его заключается в умении самости признавать скрытую, но, тем не менее, логичную закономерность своего прошлого, принимать себя в системе пространственно-временных координат этого прошлого, а значит примириться с ним, даже если оно отвергается по причине смены ценностных ориентиров. Даже обостренное осознание ошибочных действий, которые самость не должна была совершать, предполагает не восприятия их в качестве абсолютной неисправимости, а как условие возможного личностного прогресса. В этом контексте, прогресс совершенно был бы не мыслим, если самость с самого начала своего жизненного пути уже им бы обладала.

Примечания

1. Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – С. 379.
2. Рикер, П. Я – сам как другой / П. Рикер; пер с фр. – М., 2008. – С. 148–149.

ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ПОТРЕБНОСТИ

И.Ф. Петров

Переживаемое время является одним из таких, когда личность становится предметом повышенного научного и социального внимания.

Современная философская, общественно-политическая и другая литература, связанная с социальной тематикой, не обходится без понятия «личность». Но употребляется оно в различном смысле, поскольку в настоящее время пока нет согласия относительно того, что должно составлять содержание этого понятия. Речь идет не только о самом понимании личности, ее природы, безусловно, неодинаковом у различных авторов ввиду общественно-исторического разнообразия тех социальных коллективов, позиций которых придерживаются психологи, социологи, философы, занимающиеся проблемой личности, но и о далеко не идентичных подходах к тому, что же именно надо включить в понятие личности [1]. Все это обуславливает необходимость если не детального анализа разработанности существующей теории личности, то хотя бы простого перечисления широкого круга проблем, над которыми работают ученые. Так, изучаются:

- общие философские и социологические аспекты проблемы личности – Ананьев В.Г., Ануфриев Е.А., Буева Л.П., Каган М.С., Кон И.С., Корнеев М.Я., Кряжев П.Е., Леонтьев А.Н., Мысливченко А.Г., Мясникова Л.А., Резвицкий И.И., Смирнов Г.Л. и др.;

- природа человека, фазы и факторы ее исторического изменения – Абульханова А.К., Батенин С.С., Буева Л.П., Григорьян Б.Т., Ковалев А.М., Ковалев С.М. и др.;

- становление личности как особый процесс, совершающийся в период социализации человеческого индивида, – Андреев Г.М., Курган И.Г., Рыбалко Е.Ф., Согомонов Ю.В. и др.;

- совокупность и взаимодействие факторов, формирующих личность, – Ануфриев Е.А., Афанасьев В.Г., Минюшин Ф.И. и др.;

- проблемы общественной активности личности – Арефьева Г.Е., Волков Ю.Е., Васин Э.Л., Замошкин Ю. А., Коган Л.Н., Лармин О.В., Мордкович В.Г., Мялкин А. В., Рожко К.Г., Селиванов Ф.А., Сохань Л.В., Смирнов В.А., Спасибенко С.Г., Сулимов Е.Ф. и др.;

- проблемы социальной ответственности личности – Афанасьев В.Г., Глезерман Г.Е., Медведев В.А., Семенов В.С. и др.;

- нравственные аспекты личности – Архангельский Л.М., Бакштановский В.И., Боровский М.И., Василенко В.А., Головкин С.Ф., Гусей-

нов А.А., Дробницкий О.Г., Зотов-Матвеев Н.Д., Ельчанинов В.А., Ефимов В.Т., Крутова О.Н., Медянцева М.П., Миловидова А.С., Немира К.Л., Соколов В.М., Соловьев Э.И., Старчевский Э.М., Татаренко И.И., Харчев А.Г., Целикова О.В., Шварцман К.А. и др.;

- личность в трудовом коллективе – Бляхман Л.С., Иванов В.Н., Князев Б.В., Манешин В.С., Подмасков В.Г., Омаров А.М., Слюсарянский М.А., Файнбург З.И., Фриш А.С. и др.;

- потребности личности, их формирование и развитие, различные аспекты этого процесса – Алексеев Н.И., Атаманчук Г.В., Байкова В.Г., Батищев Г.С., Бокарев Н.Н., Дмитриев А.В., Жилин Л.Н., Журавлев Г.Т., Здравомыслов А.Г., Ильенков Э.В., Кон И.С., Кулагина А.С., Левыкин И.Т., Осипенко П.С., Поздняков П.В., Руткевич М.Н., Уледов А.К., Ядов В.А. и др.;

- типология личности, внутриличностные механизмы самоконтроля, самоуправления и самовоспитания – Корнеев М.Я., Михайлов Н.Н., Ручка А.А., Смирнов Г.Л., Шульга Н.А. и др.;

- специфика деятельности системы воспитания личности, ее отдельных элементов – Богданов С.М., Болотов С.А., Буслов К.П., Грядунова Л.И., Дьяков А.П., Зборовский Л.М., Лавриненко Н.И., Левченко Е.В., Минкина Н.А., Мороз Н.С., Фокина А.П., Харитонова С.Н., Цветаева М.Ф., Шевцов В.С., Яковлев Б.С. и др.;

- проблемы гармонического развития личности – Архангельский Л.М., Буева Л.П., Батенин С.С., Давидович В.Е., Демин М.В., Добрынин В.Г., Зеленый Л.А., Каган М.С., Сабиров Х.С., Фролов Х.Ф., Харчев А.Г., Шинкарук В.И. и др.

Различные стороны теории личности проанализированы в достаточной мере зарубежными авторами – А. Адлер, А. Маслоу, Ж. Ньюттен, Г. Олпорт, Ж. Политцер, К. Роджерс, Г. Салливан, Л. Сэв, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Шпрингер, К. Юнг и др.

Затронутые вопросы прорабатывались также и русскими мыслителями второй половины XIX в. – первой половины XX в. (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, П.А. Флоренский, В.А. Эрн, Н.А. Лосский и др.).

В развитие этих исследовательских направлений вносят свой вклад все фундаментальные науки – философия, социология, психология, экономика и др. Важен вклад также этики, эстетики,

правоведения, разрабатывающих свои аспекты в теории личности. Сложившаяся ранее дифференциация между науками в изучении личности сегодня в известной мере начинает преодолеваться за счет обобщающего подхода, в котором уже трудно усмотреть «дисциплинарную принадлежность» авторов. Это свидетельствует о появлении интеграционных тенденций в развитии теории личности, выраженных во многих диссертационных исследованиях и монографических работах.

Перечень исследователей и направлений, по которым анализируются проблемы личности, можно было бы продолжить. Несомненно, обществоведы достигли больших успехов в создании фундаментальной теории личности, в анализе факторов, влияющих на ее формирование. Однако это не значит, что теория и практика не нуждаются в дальнейшем исследовании этих вопросов. Обилие литературы породило разнообразие определений понятия «личность», множество подходов к ее анализу. Всестороннее и критическое обсуждение их является отдельной и специальной задачей. Выполнение ее требует усилий многих исследователей.

Говоря о личности, обычно употребляют такие обозначения, как «человек», «индивид», «индивидуальность» и др. Если в обычном бытовом языке не придают особого значения различию смыслов используемых в данном случае слов, и последние функционируют, как правило, равнозначно, то в научном языке дело обстоит иначе. Тут серьезное значение имеет определенность смысла употребляемых слов. В данном случае мы будем употреблять перечисленные выше термины в качестве основных, поэтому рассмотрим, каково же их содержание.

Человек. Как известно, человек является высшей ступенью живых организмов на Земле, субъектом общественно-исторической деятельности и культуры [2]. Д. Бейли и Т. Седдон конкретизируют: «Человек принадлежит к группе животных, которых называют приматами» [3]. Вопрос о природе (сущности) человека, его происхождении, назначении и месте в мире – одна из основных проблем в истории философии. Актуальна она и для нас, в частности, прежде всего тем, что для раскрытия содержания понятия «личность», его надо определить сущность человека как социального существа, так как известно, что личности существуют только в человеческом обществе.

Достаточно подробно вопрос об эволюции представлений о природе человека рассмотрен С.С. Батениным: «По Платону – это «душа», по Сократу – мудрость как внешнее проявление активности человека, стоики склонялись к «разумному сообществу». В средневековье – природа человека сосредоточена в абстрактном мировом духе. Все эти представления являются толкованием од-

ного и того же основания – человек есть разумное существо, и это определяет всю его специфику. Подытожил это направление Р. Декарт, давший формулу: мыслю, следовательно, существую. Поскольку мышление есть якобы единственное средство самовыражения субстанции человеческой специфики, то в учении Декарта о природе человека происходит акцентирование на самосознание человека, его волю. Эта мысль была замечена И. Кантом, И. Фихте, Г. Гегелем. Данные философы утверждали, что субъективным принципом человеческих поступков является сам человек как самоцель, в то же время это объективный принцип движения социальной жизни» [4]. К. Маркс, проанализировав эту мысль, сделал вывод о том, что внутренний мир человека, его субъективная реальность есть не изначально данная самость, а выражение и отражение положения в мире, характера отношения человека к миру.

Хорошо известно: чтобы понять, что представляет собой человек определенной эпохи, каковы его характерные особенности, объяснить, почему у него складывается такой, а не иной социальный облик, нужно исходить из системы общественных отношений данного общества. Ведь общественные отношения в немалой степени обуславливают и биофизиологические, и, в еще большей степени, психические, и иные особенности человека.

Сегодня, когда налицо успехи генной инженерии, в частности открытие закономерностей передачи наследственной информации, возникли новые вопросы. Например, каково соотношение биологического и социального в человеке, то есть, что наследуется человеком, а что приобретается прижизненно. Проанализировав эту проблему, Ф.И. Минюшев выделяет две тенденции в современной зарубежной философии: первая – возрождаются попытки перенесения на социальные явления биологических законов, объяснения общественных форм жизни человека с точки зрения биологической приспособленности к среде; вторая – наблюдается стремление установления примата биологического над социальным в человеке в виде новых вариантов социалдарвинизма, евгенизма, фрейдизма – Х.Я. Айзенк, А.Р. Дженсен, Р.И. Херстейн и др.

Отвергая натуралистические и идеалистические концепции человека, многие философы объясняют его природную и социальную сущность, исходя из принципа диалектико-материалистического монизма. Исходным моментом является трактовка человека как продукта и субъекта общественно-трудовой деятельности. Человек – это живая система, представляющая единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного. Он включен в природную связь явлений и подчиняется биологическим (биофизическим, биохимическим, физио-

логическим) закономерностям. Человек накапливает в себе все, что приобрело человечество в течение веков. Это происходит благодаря приобщению к культурным традициям, благодаря механизму биологической наследственности. Так, ребенок наследует запас генетической информации через специфически человеческое строение тела, структуру мозга, нервной системы, задатки. Но природные (анатомо-физиологические) задатки реализуются лишь в условиях социального образа жизни в процессе общения ребенка со взрослыми. Проявление закономерностей жизни человека (биологических) носит социально обусловленный характер. Человеческая жизнь детерминирована единой системой условий, в которую входят как биологические, так и социальные элементы [5]. Таким образом, человек есть существо биосоциальное и индивидуальное, так как, с одной стороны, он обладает общественной сущностью, с другой – носителем этой сущности является личность.

Если человек – понятие родовое, выражающее общие черты, свойственные человеческому роду, то индивидуумом в человеческом мире часто называют отдельного человека. Термин впервые был использован Цицероном и в первоначальном переводе с греческого обозначал «атом», в дальнейшем стал обозначать единичное «в отличие от совокупности, массы», а также «отдельное живое существо, особь, отдельного человека в отличие от коллектива, социальной группы, общества в целом (в этом смысле противопоставление индивида и общества образует исходный пункт различных концепций индивидуализма)» [6]. Отдельный человек, по словам К. Маркса, «есть некоторый особенный индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное индивидуальное общественное существо» [7].

Таким образом, понятие «индивид» мы употребляем тогда, «когда нам надо обозначить человека как экземпляр человеческого рода или когда он фигурирует в качестве члена того или иного коллектива. Это понятие является абстракцией, включающей только именно данный момент при отвлечении от особенностей, свойств и структуры человека. Понятие индивида является своеобразным идеализированным объектом социальных и биологических наук, аналогичным таковому идеализированному объекту геометрии, как точка. Когда же нам надо раскрыть содержание, свойства, структуру того или иного человека, мы употребляем другие понятия, к числу которых относятся личность и организм» [8].

Понятие «личность» неразрывно связано с понятием «индивидуальность». Оно обозначает осознание человеком неповторимого своеобразия самого себя с точки зрения его внутреннего

мира. Сама идея индивидуальности в философии античности была связана с разработками Левкиппом и Демокритом понятия атома или индивида. С эпохи Возрождения произошло акцентирование индивидуальности отдельного человека в противоположность традиционным общественным связям и установлениям, которые становятся исходной точкой новоевропейского индивидуализма. В XVII веке понятие «индивидуальность» получает развитие у Г. Лейбница в его учении о монадах как о множестве замкнутых в себе специфических субстанций бытия. Понятие монады как одушевленной жизненной индивидуальности используется И. Гете. Внимание к индивидуальному характерно также для миросозерцания романтизма и позднее для восходящей к нему по своим духовным истокам философии жизни.

Индивидуальность не внешнее отличие, а самоотличие человека от внешнего мира, самосознание. Индивидуальность человека – это целостное, синтетическое, но вместе с тем дифференцированное явление, которое имеет как биогенетические, психофизиологические, так и социальные признаки. Этой точки зрения придерживаются в частности, И.С. Кон, В.Г. Ананьев, Е.М. Шорохова и др. Она находит свое выражение «в природных задатках и психических свойствах человека – в особенностях памяти, воображения, темперамента, характера и во всем многообразии человеческого облика и его жизнедеятельности. Индивидуальную окраску имеет и все содержание сознания: взгляды, суждения, мнения, которые даже при общности их у разных людей всегда содержат в себе нечто «с в о ё» (выделено нами – И. П.). Индивидуализированы потребности и запросы каждого отдельного человека, и на все, что данный человек делает, он накладывает свою индивидуальную печать» [9]. Остается только добавить, что в разных науках понятие «индивидуальность» получает разный смысл в зависимости от той или иной его конкретизации.

Собственная сущность человека, его индивидуальность лежит за пределами его биологического, психофизиологического существования, она состоит в его духовности и социальности, в возможности человека быть личностью. Личность – это общежитейский и научный термин, обозначающий в одном случае человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо, в широком смысле слова), в другом – устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности. Несмотря на то, что эти два понятия – лицо как целостность человека (*persona*) и личность как его социальный и психологический облик (*personalitas*) – терминологически различимы, они употребляются иногда как синонимы [10].

Но понятие «личность» в отличие от понятия «индивид» является системно-структурным. Об этом, в частности, свидетельствует изменение смысла слова в ходе истории. «Есть что-то ироническое в том, что термин «личность» (personality) стал обозначать спонтанные тенденции, характеризующие того или иного индивида. В древнегреческом языке слово «persona» означало маску, используемую актером для того, чтобы скрыть свою индивидуальность. Она представляла роль, исполняемую по ходу пьесы. Но сейчас понятие «личность» относится к тому, что скрывается за маской, к тому, что человек стал бы делать, если бы открылись благоприятные возможности. Однако до тех пор, пока такие возможности не возникают, каждый человек продолжает носить маску респектабельности – что бы это ни означало с точки зрения его эталонной группы» [11]. Комментируя приведенное высказывание Т. Шибутани, В.Ф. Сержантов справедливо отмечает, что личность не есть нечто лежащее на поверхности или, по крайней мере, не только внешнее проявление индивида. Она также не является проявлением индивида в том или ином частном отношении. Напротив, она есть некоторая тотальная характеристика индивида, включающая все его существенные свойства. Реальность личности многослойна, во всяком случае, можно говорить о двух уровнях личностной динамики. Это, с одной стороны, то, что является «маской респектабельности», и с другой, – то, что скрывается за ней. Наконец, из этого замечания следует вывод, что проявление личности, ее свойства мыслятся как социально детерминированные феномены. По крайней мере, то, что выступает в качестве «маски», всецело обусловлено первичным коллективом, так называемой эталонной группой [12].

Философская проблема личности – это вопрос о том, какое место занимает человек в мире и «чем человек может стать, то есть может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь» [13]. Разные религиозно-философские системы, изучая личность, выделяют разные стороны этой проблемы. «Если в античной философии личность выступала преимущественно как отношение, – отмечает И.С. Кон, – то в христианстве она понимается как особая сущность, «индивидуальная субстанция» рационального характера (Боэций), синоним нематериальной души. В философии нового времени, начиная с Декарта, распространяется дуалистическое понимание личности, на первый план выдвигается проблема самосознания как отношения человека к самому себе; понятие «личность» практически сливается с понятием «Я», тождество личности усматривается в ее сознании. По Канту, человек становится личнос-

тью благодаря самосознанию, которое отличает его от животных и позволяет ему свободно подчинять свое «Я» нравственному закону» [14].

Становление личности есть особый процесс, совершающийся в период социализации человеческого индивида. Но итогом процесса социализации не всегда, не во все исторические времена и не при всех условиях был такой продукт, как личность [15]. Что же касается филогенеза личности, то он как специфически социальное качество человеческого индивида, по мнению ряда исследователей античности (А. Адкинс, Ж.-П. Вернан, Л. Жернэ, А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи, В.Н. Ярхо и др.), появляется на сравнительно поздней ступени его исторической эволюции. По их мнению, в раннегреческий период личностный статус индивида еще не сформировался [16].

Социализация – не просто сумма внешних влияний, регулирующих проявление имманентных индивиду биопсихологических импульсов и влечений, а формирующий личность целостный процесс [17]. «Процесс социализации преобразует человеческого индивида всесторонне. По крайней мере, все или почти все в нем, вплоть до физиологических параметров, определенным образом модифицируется под влиянием процесса социализации. Соответственно все черты, свойства социализированного индивида социально значимы, но не все личностны. Не исключается ситуация, когда у социализированного индивида отсутствуют личностные черты, свойства. Это не препятствует тому, что такой индивид реализует себя как член (определенного) общества и выполняет комплекс общественно необходимых функций. Так обстояло дело в доклассовом обществе (в условиях первобытной общины). Периоду нерасчлененности общественного сознания (на формы), его синкретичности соответствует единообразие общественного бытия людей, их социальная однородность. В этот период отсутствует основа для появления того своеобразия в бытии и сознании социализированного индивида, которое делает возможными процессы, формирующие личность. Переход от первобытнообщинного строя к эпохе классовых формаций знаменует утрату человеком его примитивной целостности и (как бы взамен потери!) обретение личности» [18].

Несмотря на частое использование понятия «социализация», оно не имеет однозначного толкования и в одних случаях сближается с понятием «воспитание», в других – с «формированием» личности. Сопоставляя и обобщая различные точки зрения по этому вопросу, в интересах анализа поставленной проблемы в дальнейшем ограничим круг наших рассуждений пределами двухфакторного подхода к формированию личности (наследственность и среда) и ее культурных потребностей, не за-

быв при этом и об активности самой личности как социального существа. В этой связи правомерна такая постановка вопроса: «Что есть появившийся на свет человек?» Является ли он в этот мир существом, включающим в себя биологическое и социальное одновременно, рождается биологическим, а затем становится социальным, а может, изначально он или социален, или биосоциален? В научной литературе каждый из перечисленных подходов имеет своих сторонников и последователей, все они достаточно подробно проанализированы в работе К.А. Абульхановой [19]. Мы же хотим добавить, что в различных концепциях социализации, принятых за рубежом, на одном полюсе стоят авторы, рассматривающие человека как биологическое существо, которое лишь приспособливает врожденные формы поведения, инстинкты и т. п. к условиям существования в обществе (фрейдизм), на другом – те, кто видит в личности пассивный продукт социальных влияний [20]. Что касается отечественной философии, то такого рода примером полярных точек зрения во взглядах на соотношение природы и культуры, роли биологической наследственности и культурно-исторической преемственности в развитии личности могут служить высказывания Д.К. Беляева и Н.П. Дубинина. Так, Д.К. Беляев утверждает, что «все люди уже при рождении потенциально ... разнокачественны как в смысле своих физических свойств, так и в плане психических способностей, в том числе своей одаренности и своего поведения. <...> [Разнокачественность людей] не относится к категориям межрасовой, межклассовой, межсоциальной разнокачественности» [21]. Н.П. Дубинин же считает, что все нормальные люди способны к неограниченному духовному развитию, основанием для этого служит универсальность возможностей мозга и тела человека. Что касается психики человека, то она в его генах не заложена [22].

Проанализировав точки зрения по этому вопросу, можно сказать, что социализация – процесс формирования целостной личности. Взаимодействие биологического, социального и индивидуального в формировании личности является сложным видом диалектического единства этих начал. Биологическое в человеке представляет собой естественную, природную предпосылку развития духовного мира личности. Каждый человек способен к всестороннему развитию ввиду неспециализированности его мозга и тела, уникальности его генетической программы. В свете проблемы формирования личности можно говорить, что каждому человеку свойственна природой заданная уникальная интеграция задатков и что социальная жизнь должна, не повреждая эту первоначально согласованную систему задатков, побуждать индивида к развитию их в способности посредством общественно зна-

чимой деятельности [23]. Иными словами, без активности человека (как существа общественного и живого организма) никакие задатки не могут сформироваться в способности. А без сформированного деятельного (и ответственного) отношения индивида к своей личности не может быть полного раскрытия сущностных сил личности.

А что такое сущностные (социальные) силы личности? Прежде чем перейти к раскрытию этого вопроса, хотелось бы обратить внимание, что речь пойдет о социальном аспекте проблемы. У разных индивидов социальные силы, выступая продуктом общественного развития, бесконечно модифицируются сообразно с их неповторимыми индивидуальными качествами и рожают индивидуальную свободу в творческом развитии и удовлетворении культурных потребностей, делают возможной саму культуру. Те общественные отношения, которые господствуют в данную эпоху, или способствуют развитию сущностных сил личности, или тормозят их развитие, отчуждая их, превращая во враждебную для человека силу. А поскольку общественные отношения изменяются, то и сущностные силы имеют конкретно-исторический характер [24]. По мнению Л.Ф. Ильичева, К. Маркс считал, что действительностью человеческой сущности является человеческая история, в которой эта сущность реализуется и развивается, поэтому сущностные (социальные) силы нельзя рассматривать в статике. Они характеризуют процесс развития человека [25].

К. Маркс рассматривал социальные силы как действительную общественную связь людей [26]. «Являясь индивидуальными в смысле принадлежности тому или иному индивиду, они всегда общественны по своему содержанию, – отмечает Л.Н. Коган. – Только в общении появляются те или иные потребности, и между поколениями и внутри каждого из них происходит передача социального опыта, навыков, знаний, умений. Другими словами, условием развития сущностных сил каждого является взаимообмен сущностными силами между людьми.

Только в обществе, в процессе общественного материального и духовного производства и обмена сущностными силами между людьми осуществляется становление и развитие личности, ее «возвышение» до принятых обществом образцов той или иной социальной деятельности» [27]. В этой связи правомерно привести точку зрения В.А. Козлова, который считает, что «сущностные силы человека должны предметиться не только и не столько в природном субстрате, но и в другом человеке, который является конечным, истинным объектом деятельности» [28].

В настоящее время пока еще нет согласия относительно того, что должно составлять содержание понятия «сущностные (социальные) силы личности» (см., например, работы Х.Ф. Сабирова, Н.И. Шаталовой и др.). Приведем здесь разделяемую нами точку зрения Л.Н. Когана. Сущностные силы есть «мера присвоения социальным субъектом общественных отношений, раскрывающаяся в его практически-преобразующей деятельности, мера его социальной активности. Сущностные силы, с одной стороны, характеризуют возможности социального субъекта в реализации того или иного вида деятельности, с другой стороны, их развитие в общей форме характеризует развитие самого социального субъекта, меру присвоения им общественных отношений» [29].

Исходя из общеизвестного тезиса К. Маркса о сущности человека как совокупности общественных отношений, следует, что система личности включает в себя две подсистемы – биологическую и социальную. Практически аналогичные подсистемы или аспекты в системе личности выделяются В.Ф. Сержантовым (1 – психологический базис и 2 – социальный статус и социогенные черты) [30] и Я. Щепанским. По мнению последнего, личность есть «интеграль[ая] целостность биогенных, психогенных и социогенных элементов» [31].

Возьмем в качестве отправных элементов вышеупомянутых подсистем личности (биологическая и социальная) элементы, описанные Я. Щепанским, так как предложенный им подход, по своей сути, есть монистический синтез различных аспектов природы человека (более подробно об этом см.: [32]) Так, к биопсихологической подсистеме относятся особенности нервной системы, система желез, процессы обмена веществ, побуждения (голод, жажда, половой импульс), половые различия, анатомические особенности, процессы созревания и развития организма; темперамент, дарования, склонности, характер (по Н. Левитову) [33].

К социальной подсистеме относятся: идеал личности, характерный для данной культуры (культурный идеал личности); социальные роли, выполняемые в различных коллективах; субъективное «я».

По Н. Левитову, социальные элементы личности – это «комплекс устойчивых свойств индивида, влияющих на его поведение, вырастающих на основе биологических и психологических свойств и вытекающих из влияния культуры и структуры общностей, в которых индивид был воспитан и в которых он участвует» [34]. Так как общественные отношения изменяются, то меняются и социальные типы людей, следовательно, появляются и исчезают и их индивидуальные воплощения. Та-

ким образом, при анализе структуры личности, в частности ее социальной подсистемы, необходимо исходить из условий эпохи, социальной структуры данной общественно-экономической формации.

Если для одних философов при определении сущности человека и человеческой личности человек выступает как продукт общественных отношений, то для других – как некоторая самостоятельная субстанция, из себя возникающая. В разных теориях это положение по-разному трактуется. Оно связывается с проблемами самосознания, самооценки, оценки своего внешнего образа и др. Но самосознание не есть лишь знание о себе. По А.Н. Леонтьеву, оно является не только системой приобретенных знаний. Осознанию себя «свойственно внутреннее движение, отражающее движение самой реальной жизни субъекта, которую оно опосредствует» [35]. При этом А.Н. Леонтьев, ссылаясь на К. Маркса, подчеркивает, что «родовое существо означает у Маркса не биологический вид *Homo sapiens*, а человеческое общество» [36], напоминает его знаменитое положение, что человек смотрит, как в зеркало, в другого человека, и лишь относясь к нему как к себе подобному, он начинает относиться и к себе как к человеку [37].

В зарубежной философии существуют теории, которые сводят всю жизнедеятельность человека к проявлениям его физической, биологической природы. Такие теории игнорируют человеческую историю и законы развития общества. Представители подобных концепций ведут речь о «собственном инстинкте», «инстинкте эгоизма» и т. д. Одной из самых распространенных теорий, которая и по сей день оказывает влияние на теорию личности, является фрейдизм и его разновидность – неофрейдизм. Различные стороны теории З. Фрейда достаточно подробно проанализированы в работах Ф.В. Бассина, Б.В. Зейгарника, К.Б. Клемана, Ж. Лакана, Б.Е. Рожнова, Л. Сэва и др.

В конструкции личности З. Фрейда содержится предположение о сложности, многоплановости структуры поведения человека. И, тем не менее все эти компоненты в основном подчинены биологическим аспектам. Так, например, в его структуре личности существуют три основных компонента: Оно (Ид), Я (Эго) и Сверх-я (Супер-эго). Ид является той ареной, где властвуют вытесненные бессознательные инстинкты, а с другой – подчиняется принципу удовольствия. Эго, с одной стороны, следует бессознательным инстинктам, а с другой – подчиняется нормативам и требованиям реальности. Супер-эго – это совокупность моральных устоев общества, выполняет роль «цензора». Таким образом, по мнению Б.В. Зейгарника, Эго находится в конфликте, ибо требования Ид и Супер-эго несовместимы. Исходя из этого Эго (Я) постоянно прибегает

к защитным механизмам: вытеснению, сублимации (само вытеснение совершается неосознанно). Для осуществления разнообразных функций форм деятельности Фрейд выделил систему специфических механизмов (сублимация, проекция, перенос, вытеснение, регрессия и т. д.). Организм рассматривается им как сложная энергетическая система, управляемая законом сохранения энергии. Поэтому если либидо (З. Фрейд выделил две потребности, которые определяют психическую деятельность человека – либидозную и агрессивную) остановлено в одном из своих проявлений, оно должно неизбежно произвести какие-то другие эффекты. Супер-эго обеспечивает социальную преэминентность этих эффектов, но если это ему не удастся, конфликт между Ид и Супер-эго приобретает обостренный характер и нормальное функционирование системы нарушается, заблокированное либидо находит свое выражение в симптомах болезни, невроза [38].

Есть и другие теории, например, концепция «реформированного», «реконструированного» психоанализа (упомянутый выше неофрейдизм), которые хотя и обращаются к социальному фактору, но определяющей основой сознания и поведения человека считают предрасположения, коренящиеся в его психике в виде влечений.

Представителем рассматриваемой концепции служит Э. Фромм. Его учение является, если так можно выразиться, наиболее социализированным учением неофрейдизма. По Фромму, мысли, чувства, поступки личности нужно рассматривать как дремлющие в ней тенденции, которые ждут удобного случая для своего выражения [39]. Несмотря на то, что Фромм рассматривает социальный фактор, показывая, как экономическая и политическая деятельность обостряет состояние человеческой отчужденности, он остается верен положению о первичности психических сил. «Анализ Фроммом личности, – справедливо считает С.К. Рощин, – и общественных отношений, внешне носящий исторический характер, на самом деле основан на подмене факторов, имеющих первостепенное значение в человеческой истории, факторами совсем иного уровня» [40]. Такие явления, как подчинение другим, стремление к власти, пассивное согласие с социальными нормами, стремление к разрушению, объясняются им действием особых психических сил, которые имеют свои корни в «родовой травме» человека (когда тот, выделившись из животного мира, осознал свою отдаленность от окружающей среды). То есть Фромм, впрочем, как и другие неофрейдисты, подменяет социальные явления психологическими (психологический редукционизм). На самом же деле суть не в извечно заданных психических предрасположениях, а, как известно, в том, что люди есть продукты об-

стоятельств, исторически меняющихся социальных условий и изменяются с изменением первых.

Всеобщим признаком человека является социальная деятельность, выделяющая его из остального мира. О личности мы судим по тому, насколько она как общественная система способствует или препятствует проявлению человеческого в процессе деятельности, является результатом и средством самореализации, обеспечивает свободу творчества. «Когда характеризуют человека, то, в первую очередь, говорят о его деятельности – что он делает и как он делает» [41]. Известно, что любой вид целенаправленной человеческой деятельности при условии ее превращения в самостоятельность, то есть деятельность, свободную от внешнего принуждения, может стать ареной раскрытия и реализации ее сущностных сил. В деятельности и через нее индивид включается в общественные отношения, которые складываются в ходе практики. «Исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей» [42].

Основные моменты теории деятельности достаточно подробно исследованы в отечественной литературе – Б.А. Воронович, М.В. Демин, М.С. Каган, А.Н. Леонтьев, А.Н. Маргулис, Э.С. Маркарян, А.П. Огурцов, Ю.К. Плетников, К.Г. Рожко, В.В. Фофанов, Э.Г. Юдин и др. Тем не менее остается не решенным вопрос о соотношении понятий «деятельность» и «активность». Самой распространенной точкой зрения является подведение человеческой деятельности под понятие активности – Л.П. Буева, М.В. Демин, М.С. Каган, Э.С. Маркарян, А.В. Маргулис) и движения (С.Ф. Анисимов, Б.А. Воронович, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, В.М. Мунипов. Подробный анализ различных точек зрения сделан в работах М.В. Демина и К.Г. Рожко. Так, К.Г. Рожко отмечает варианты понимания деятельности: через взаимодействие и отношение ее определяет С.Л. Рубинштейн; адаптивно-адаптирующие (приспособительно-приспосабливающие) действия – Э.С. Маркарян, М.С. Кветной, Б.А. Воронович и Ю.К. Плетников; через функции общественной системы – Л.П. Буева; способ бытия людей – Э.Л. Акопов, В.А. Хотякова.

Из всех отмеченных подходов к определению деятельности наиболее оптимальной является точка зрения М.С. Кагана. Он считает, что человеческая деятельность «может быть определена как активность субъекта, ... а сам человек должен рассматриваться как субъект деятельности» [43]. По М.С. Кагану, все основные виды деятельности – преобразовательная, познавательная, ценностно-ориентационная имеют по четыре группы разновидностей, определяемых характером или субстратом объекта:

- деятельность, направленная на природный предмет;
- деятельность, направленная на социальный предмет (социальный институт, учреждение, отношение и т. п.);
- деятельность, направленная на другого человека;
- деятельность, направленная на самого субъекта (например, самопознание и самоизменение) [44].

Классифицировав приведенные выше разновидности человеческой деятельности по признаку непосредственного участия в социальных отношениях, можно заметить, что первый и последний виды деятельности могут протекать без непосредственных контактов с другими людьми, хотя и зависят от результатов их деятельности, а деятельность, направленная на «социальный предмет» или на другого человека, всегда находится в рамках контактов людей друг с другом [45].

Всякие действия индивида, связанные прямо или опосредованно с жизнью и действиями других людей, являются социальными действиями независимо от того, какой характер и какое направление они имеют. В.И. Сперанский выделяет следующие признаки, отличающие социальные действия от всех других (элементарных) действий личности:

- социальное действие всегда прямо или опосредованно проявляется как взаимоотношения с другими людьми (отдельными индивидами или человеческой общностью);
- социальное действие – это свободное действие, не детерминируемое жестко внешними обстоятельствами;
- социальное действие – это осознанное действие; осуществляя его, индивид предполагает его последствия, понимает – хотя и не всегда в полной мере – свою возможную ответственность [46].

Человек – активно действующий социальный субъект, изменяющий условия своей жизнедеятельности, существо не только социально деятельное, но и социально мыслящее.

Но вернемся к структуре личности. Проблема структуры личности активно разрабатывается в специальной литературе, в том числе отечественной В.Г. Ананьев, Н.Н. Михайлов, Г.Л. Смирнов и др.

По Г.Л. Смирнову, личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает. Последнее же вытекает в том числе из потребностей личности. Они оказывают влияние на поведение личности, на ее отношение к своему положению в обществе, к своей роли в нем, а следовательно, в зависимости от этого налицо разные социальные типы личности.

Чтобы представить социальную структуру личности, необходимо проанализировать, по край-

ней мере, три основных элемента взаимодействия личности с обществом:

- положение личности в системе общественных отношений, прежде всего производственных отношений, т. е. ее принадлежность к определенной социальной группе;
- реальные формы жизнедеятельности человека (совокупность выполняемых социальных ролей), связанный с ними уровень знаний, умений, способностей;
- систему потребностей (материальных и духовных), интересов (общественных и личных), взглядов, убеждений, идеалов, выступающих в качестве мотивов индивидуального поведения, т. е. направленность личности [47].

Таким образом, социальная структура личности складывается из трех основных элементов: места человека в системе общественных отношений; социальных ролей; потребностей.

В структуре личности они играют важную роль, так как выступают главной побудительной силой ее поведения, источником активности, основанием всей сложной системы мотивации, составляющей ядро личности. Не только усвоение и использование информации преломляется через потребности и интересы, справедливо отмечает Л.П. Буева, но и сам ее выбор, принятие решения осуществляются под направляющим влиянием потребностей и интересов действующих субъектов. А поскольку в процессе общественной деятельности выступают различные и даже противоположные по своим потребностям и интересам субъекты, то и реальное поведение и деятельность личности, направленность и эффективность этой деятельности представляют сложное взаимодействие взаимно корректирующих воздействий [48].

Во взаимодействии субъектов между собой складываются определенные отношения – прежде всего, экономические и семейные. Они являются социальными формами, в которых осуществляются потребности личности, ее жизнедеятельность и производство. А так как потребности личности развиваются, это обуславливает развитие производства и общественных отношений. «Таким образом, уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди, – связь, которая принимает все новые формы, а следовательно, представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей» [49]. Итак, в основании социальной жизни личности лежит исторически развивающаяся материальная связь людей.

Обусловленность развития личности характером ее потребностей объясняется содержанием и функциональной ролью потребностей в их диалектическом взаимодействии с производством, так как потребности выступают необходимостью воспроизводства материальных и духовных условий жизни личности, обеспечивающих ее нормальное функционирование. «На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних» [50]. Таким образом, потребности выражают социальную природу личности, отражая исторический уровень развития производительных сил.

Потребности показывают и положение личности в социально-экономической системе, так как условия, жизнедеятельность различных участников общественного производства неодинаковы. А отсюда и различие потребностей личностей. Состояние и структура потребностей отражают определенный уровень развития личности, а их объективный характер обусловлен производительными силами и производственными отношениями общества. Поэтому, потребности – это продукт не сознания, а развивающегося общественного производства. Но потребности не просто пассивно отражают развитие производства, они характеризуют и саму личность. «Уровень и структура потребностей... оказываются отражением уровня и разнообразия способностей человека, от которых прямо зависит эффективность производственной деятельности, самым непосредственным образом они отражают соответствующую ступень социального прогресса личности» [51]. В этом смысле К. Маркс специально подчеркивал, какое значение имеет богатство человеческих потребностей, а следовательно, и какой-нибудь новый способ производства и какой-нибудь новый предмет производства: новое проявление человеческой сущностной силы и новое обогащение человеческого существа [52].

В.Ф. Сержантов обращает внимание на сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» исходные предпосылки общественной жизни человека. Так, человек обладает определенной телесной организацией и обусловленными ею потребностями. Его потребности, будучи морфофизиологически обусловленными функциями, существенно отличны от потребностей всех иных живых существ. Они уже не адекватны окружающей среде, так как в ней не содержится всего того, что потребно человеку в том виде, в каком он может ассимилировать, следовательно, его потребности не могут быть удовлетворены обычным зоологическим способом и предполагают

приспособление тех или иных факторов и условий среды к его целям, определяемым потребностями. Затем, удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям. Затем, удовлетворение потребностей, осуществление человеком своей собственной жизни не может совершаться индивидуально – оно возможно только во взаимодействии индивидов между собой. И, наконец, непрерывность рода человеческого предполагает необходимость его продолжения [53].

Таким образом, можно говорить о том, что жизнь человека регламентирована его потребностями. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)» [54].

Потребности – сложные структуры, обусловленные внешним и внутренним, объективным и субъективным. Соотношение между указанными сторонами потребностей (объективной обусловленностью и «осознанием») очень часто бывает противоречивым. Так, изменение социального статуса личности не предполагает автоматического изменения сознания. Это происходит не сразу (тут возможны как отставание от изменений бытия, так и опережение). В качестве примера можно взять сегодняшнюю социально-экономическую ситуацию. Быстрый переход человека из одной социально-экономической группы, как правило, экономической в другую не предполагает автоматического переворота в его духовном мире. К несчастью, привычные формы его отношения к себе, окружающим, обществу – образ мыслей, ценности, идеалы, потребности и т. д. **еще долго сохранятся** или вовсе не изменятся. «Эти факторы как бы присеивают информацию о различных сторонах жизни человека, побуждают индивидов осуществлять поиск условий, наиболее адекватных их потребностям, ценностям, строить свой образ жизни по старым нормам и параметрам <...>. Прежние формы восприятия и оценки действительности, сложившиеся потребности и мотивы известное время сохраняются и при переходе человека к новым формам деятельности» [55].

Изменение социального бытия личности ведет к изменению содержания ее потребностей, так же как и изменение экономического строя общества, в свою очередь, ведет к изменению содержания общественных интересов и потребностей, а следовательно, влияет на изменение личных потребностей. Исходя из этого, к членам общества предъявляются новые требования, которые отвечают новым целям и задачам развития общества, изменяется система и содержание деятельности,

образ жизни и мыслей людей, то есть речь идет о детерминации потребностей личности ее реальным положением или социальной обусловленности.

Со времени возникновения социальной дифференциации общества индивид находится в составе определенной группы и взаимоотношение потребностей личности и общества преломляется через отношения потребностей социальной группы, в которую входит личность.

Общественные потребности имеют разнообразные структуры, которые преломляются в потребностях личности. Многообразность потребностей предполагает их классификацию не по какому-то одному, а по многим критериям. Применение каждого критерия дает соответствующую систему потребностей. Например, по природе происхождения потребности разделяются на материальные и духовные; по объекту потребления – на производственные и личные; по субъекту потребления – на общие и индивидуальные; по форме реализации – на общесоциальные и специфически экономические; по сфере проявления – на экономические, политические, идеологические, нравственные; по форме движения – на реальные и платежеспособные и др. Следует отметить, что каждый из названных элементов в рамках своей системы может быть представлен в более детальном виде (например, реальные потребности могут быть подразделены на абсолютные и действительные). Специфически же экономические потребности развертываются в огромную систему экономических форм, характеризующих удовлетворение потребностей в данной социально-экономической системе.

Индивидуальные потребности выступают также в многообразных формах. Наиболее общая их классификация, связанная с природой происхождения, представляет потребности личности как материальные и духовные. Но они выступают и как личные и производственные; характеризуются в абсолютном выражении, но приобретают и форму платежеспособных потребностей (спроса); предполагая в своем удовлетворении определенный объем и структуру материальных благ и услуг, потребности личности «набрасывают» на себя определенные экономические формы (формы распределения по труду, общественные фонды потребления) и др. [56].

Потребности личности отражают ее индивидуальное своеобразие. Такое их понимание преодолевает известный недостаток, который был присущ представителям «уравнительного коммунизма», заключавшийся в игнорировании этого своеобразие потребности личности. Так, Г. Бабеф полагал, что «потребность одного человека в точности совпадает с потребностью другого человека, и если

нет какого-либо извращения сердца или ума, то все сводится к небольшой разнице в ту или в другую сторону, столь небольшой, что можно считать всех на одном уровне» [57].

Категории «потребность» и «необходимость» связаны между собой. К. Маркс писал: «Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нем потребность» [58]. Таким образом, можно говорить, что потребность – это необходимость. Но не всякая необходимость есть потребность, а только практическая необходимость, так как «она неразрывно связана с деятельностью, благодаря которой та или иная абстрактная необходимость материализуется, обретает плоть и кровь. Возникая в процессе деятельности, потребность вместе с тем становится непосредственным стимулом последней. В качестве такового абстрактная необходимость либо вообще не может выступать, либо роль ее ограничена. Важно также и то, что потребность является не внешней, а внутренней необходимостью для той или иной личности. Поэтому ее объекты имеют для личности ценность сами по себе, а не выступают средством реализации других потребностей» [59]. Следовательно, потребности личности являются самоцелью и стимулом ее жизнедеятельности. Точности ради следует сказать, что о потребности личности можно вести речь только тогда, когда две необходимости (объективная и субъективная) совпадают. «Из определения потребности как активно-деятельного состояния субъекта логически следует и ее определение как практического, деятельного осуществления необходимости... двоякого рода: с одной стороны, необходимости удовлетворения субъектом своих потребностей как важнейшего условия воспроизведения своей жизни, с другой – практически реализуется объективная необходимость, содержащаяся в предмете деятельности, в его свойствах и закономерностях» [60].

Как уже отмечалось, потребности личности многообразны и подразделяются по разным критериям. В зарубежной психологии и социологии широко распространена теория мотивации А. Маслоу. Он один из первых попытался выстроить систему потребностей личности, в основе которой был положен принцип иерархии, в результате чего потребности личности предстали в виде пятиступенчатой лестницы: физиологические потребности; потребность в безопасности и благополучии; потребность в любви; потребность в уважении; потребность в самореализации.

По А. Маслоу, потребности каждой новой ступени становятся насущными только после того, как удовлетворены предыдущие. На наш взгляд, интересна попытка А. Маслоу подразделить потребности человека на врожденные (первичные) и социаль-

ные (приобретенные) и представить возвышение потребностей как процесс замены первичных потребностей высшими, пока, наконец, ведущим мотивом для личности не становится самореализация. Однако человек для А. Маслоу всего лишь биопсихологическое существо, наделенное набором изначально присущих потребностей, а социальная среда в лучшем случае может оживить, видоизменить или указать новые способы удовлетворения этих потребностей.

Существует множество попыток усовершенствовать систему А. Маслоу, однако, как правило, они сводятся к стремлению найти различные фундаментальные потребности (доминанты). Примером такого рода может служить классификация потребностей личности К. Альдерфера: потребность в существовании; потребность во взаимоотношении (общении); потребность в росте. Альдерфер показал более сложную зависимость низших и высших потребностей человека, однако и он, как и Маслоу, исходил из того, что любая потребность является врожденной, а сам человек есть продукт биологической, а не социальной эволюции [61].

Многие философы придерживаются иных взглядов: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [62]. Это значит, что и «сущностные человеческие потребности порождены обществом, складываются в обществе, формируются им. Исторически определенная совокупность общественных отношений неизбежно проецируется и на потребности человека в этом обществе. Но не просто проецируется. Сама сущность человека не может проявляться иначе, как через совокупность его материальных и духовных потребностей, ибо через потребности (и в первую очередь через потребности!) проявляется деятельное отношение человека к окружающему его природному и социальному миру» [63].

Потребности в еде, жилище, в продлении своего рода и т. п. объективны по отношению к сознанию, так как никто не волен не иметь этих потребностей. Для их удовлетворения нужны объекты внешней природы. Перечисленные потребности, как правило, называются материальными, иногда их еще называют биологическими из-за того, что они общи нам с остальными животными.

Наличие у человека особых, отсутствующих у животных, потребностей является его специфическим отличием. К ним относятся, например, потребность в деятельности, потребность в общении и др., они вырабатываются в течение индивидуальной жизни человека и не имеют интенсивного, наследуемого характера. Духовные потребности порож-

даются индивидуальными условиями социальной жизни, в то время как материальные потребности передаются по наследству, а социальные условия человека подвергают их различной модификации.

Необходимость удовлетворения потребностей заставляет человека действовать. «Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» [64]. Но деятельность, изменившая человека, сама становится потребностью, заставляя его функционировать в определенном направлении.

Духовные потребности имеют значительные отличия от потребностей материальных. Духовные потребности – это, прежде всего, определенные устойчивые системы, сложившиеся в течение индивидуальной жизни человека, они имеют социально-исторический характер и определяются условиями и объектами удовлетворения этих потребностей. Вместе с тем духовные и материальные потребности имеют общие признаки, проявляющиеся в их интегративном характере, в материальной связи с объективным миром (объективация) и в их мотивационном значении.

Выделим три существенные черты потребностей человека: интеграция, объективация и мотивационная роль [65]. Две последние характеризуют потребности как способы взаимосвязи индивида с внешним миром, а первая представляет собой указание на системную роль всякой потребности, на внутреннее, субстанциональное основание того или иного вектора его жизнедеятельности, который приобретает признаки потребности. Духовные потребности, так же как и материальные, являются проявлением жизни человека. Всякое удовлетворение духовной потребности выражается в функциональных сдвигах, затрагивающих весь организм человека. Отсюда удовлетворение или неудовлетворение духовных (и материальных) потребностей отражается на человеке. А изменение структуры духовных потребностей человека связано с серьезной перестройкой внутреннего мира, часто сопряженной с настоящими трудностями и порой с болезненными проявлениями.

Потребности (как материальные, так и духовные) являются связями человека с объективной действительностью, с внешним миром, ни одна из потребностей не может быть удовлетворена без реального взаимодействия индивида с миром вещей и людей.

Духовные и материальные потребности в процессе объективации могут тесно «срастаться», обра-

зую одну потребность, имеющую своим предметом один объект. Напр., половая любовь и основывающийся на ней брак, где сексуальное влечение и родительский инстинкт оказываются инстинктивной основой, которая индивидуально видоизменяется устремлениями, духовными потребностями; отношение к одежде, которое является не только материальной потребностью, но и духовной, эстетической и др. Следует отметить, что многие потребности человека обладают таким сложным характером.

Потребности являются детерминантами, стимулами, побуждающими к деятельности (т. е. имеют мотивационное значение), которая развертывается не только ради материальных, но и вокруг духовных потребностей человека и направлена на удовлетворение обоих видов потребностей. Это обстоятельство, как известно, важно для монистического представления о человеке, так как, во-первых, рассматривая основные духовные устремления человека как его потребности, в главном тождественные материальным, и оценивая их как детерминанты человеческого поведения и деятельности, можно охватить единой концепцией все личностные факторы бытия человека. Во-вторых, определяющая роль потребностей дает возможность понять, как через механизм развития потребностей осуществляется развитие личности человека в ее онтогенезе и в ходе социально-исторического процесса [66].

Рассмотренные черты потребностей человека выражают тождество духовных и материальных потребностей, «ибо и те и другие суть физиологические функции целостного организма. Но духовные потребности являются высшими отправлениями человека, специфически человеческими тенденциями его жизнедеятельности, поэтому развитие человека не может сводиться к удовлетворению и совершенствованию только материальных потребностей, оно предполагает образование,

удовлетворение и совершенствование духовных потребностей» [67].

И в заключение хотелось бы отметить, что по своей природе потребности обращены не в прошлое, а в будущее. В них помимо усвоения прошлого опыта субъектов программируются будущие образцы жизнедеятельности, побуждающие личность создавать новые явления жизни. Отсюда в потребностях выявляется не только детерминирующая роль внешних и внутренних условий, но и творческая роль сознания, деятельности человека [68]. Это относится как к материальным, так и к духовным потребностям, детерминирующим поведение личности и стимулирующим ее активность. Никакая структура личных потребностей не существует как стабильная система, так как личность постоянно развивается (изменяется), она динамична и находится во взаимодействии с окружающей средой.

Личность выступает противоречивым единством внутреннего и внешнего, то есть духовного и среды ее жизни, как биологической, так и социальной. Индивидуальное выступает в ней как превращенная форма социального и внеличного, в том числе биологического. В процессе своего превращения индивидуальное приобретает новое качество – духовность, субъектом которой отныне является. Духовность представляется основанием индивидуальности, проявляющейся в ее свободе и творческой устремленности. Духовность, рождая свободу и творчество, воплощается в культурных потребностях и в культуре в целом. Следовательно, культурная потребность осуществляется как противоречивое единство внутреннего и внешнего, духовного и материального (социального, биологического, конкретно-внеличного). Личность не может мыслиться вне контекста ее культурных потребностей.

Примечания

1. Сержантов, В.Ф. Философские проблемы биологии человека. – М., 1974. – С. 56.
2. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 769.
3. Бейли, Д., Седдон, Т. Доисторический мир. – М., 1995. – С. 146.
4. Батенин, С.С. Человек в его истории. – Л., 1976. – С. 139.
5. Спиркин, А.Г. Человек // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 770.
6. Философский энциклопедический словарь. – С. 206.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. – Т. 20. – С. 119.
8. Сержантов, В.Ф. Указ. соч. – С. 54.
9. Основы марксистско-ленинской философии. – М., 1981. – С. 370.
10. Кон, И.С. Личность // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 314.
11. Пшибугани, Т. Социальная психология. – М., 1979. – С. 263.
12. Сержантов, В.Ф. Указ. соч. – С. 56.
13. Грамши, А. Избр. произв.: в 3 т. – М., 1959. – Т. 3. – С. 43.
14. Кон, И.С. Личность... – С. 314.
15. Зотов, Н.Д. Личность как субъект нравственной активности: природа и становление. – Томск, 1984. – С. 76.

16. Кон, И.С. Открытие «Я». – М., 1987. – С. 145–168.
17. Кон, И.С. Социализация // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 629.
18. Зотов, Н.Д. Указ. соч. – С. 77–78.
19. Абульханова, К.А. Диалектика природного и общественного как методологический принцип наук о человеке // Биологическое и социальное в развитии человека. – М., 1977. – С. 115–131.
20. Кон, И.С. Личность... – С. 629.
21. Диалектика в науках о природе и человеке: в 4 кн. – М., 1983. – Кн. 4. – С. 118–119.
22. Дубинин, Н.П. Наследование биологическое и социальное. – М., 1980. – С. 63–64.
23. Минюшев, Ф.И. Феномен социалистической личности. – М., 1984. – С. 17–18.
24. Коган, Л.Н. Цель и смысл жизни человека. – М., 1984. – С. 18.
25. Ильичев, Л.Ф. Философия и научный прогресс. – М., 1977. – С. 179.
26. Маркс, К., Энгельс, Ф. Диалектика природы... – С. 246.
27. Коган, Л.Н. Указ. соч. – С. 18.
28. Козлов, В.А. О категориях «деятельность», «труд» и «производство» как отражении сущности социального движения // Вестник МГУ, 1975. – № 5. – С. 27.
29. Коган, Л.Н. Указ. соч. – С. 20.
30. Сержантов, В.Ф. Указ. соч. – С. 58.
31. Щепанский, Я. Указ. соч. – С. 62.
32. Сержантов, В.Ф. Указ. соч. – С. 56–57.
33. Lewitow, N. *Zagodnienia psychologii ocodowosc* (цит. по: Я. Щепанский *Элементарные понятия социологии.* – С. 67).
34. Lewitow, N. Указ. соч. – С. 69.
35. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – С. 227.
36. Леонтьев, А.Н. Указ. соч. – С. 230.
37. Маркс, К., Энгельс, Ф. Капитал. Абсолютная и относительная прибавочная стоимость // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 62.
38. Здравомыслов, А.Г. Проблема интереса в социологической теории. – М., 1981. – С. 7–8.
39. Fromm, E. *Escape from Freedom*. 1949. – P. 180.
40. Роцин, С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. – М., 1980. – С. 80.
41. Демин, М.В. Природа деятельности. – М., 1984. – С. 3.
42. Ленин, В.И. Экономическое содержание народничества // Полн. собр. соч. – М., – Т. 29. – С. 427.
43. Каган, М.С. Человеческая деятельность. – М., 1974. – С. 43.
44. Там же. – С. 46–53.
45. Социально-экономические основы формирования нового человека. – М., 1985. – С. 53.
46. Там же. – С. 46–58.
47. Сержантов, В.Ф. Указ. соч. – С. 62.
48. Социализм и личность. – М., 1979. – С. 57.
49. Маркс, К., Энгельс, Ф. Тезисы о Фейербахе // Полн. собр. соч. – Т. 3. – С. 28–29.
50. Маркс, К., Энгельс, Ф. Капитал... – С. 520.
51. Радаев, В.В. Целенаправленное формирование материальных и духовных потребностей личности // Социально-экономические основы формирования нового человека. – М., 1985. – С. 23.
52. Маркс, К., Энгельс, Ф. Роль труда... – С. 128.
53. Сержантов, В.Ф. Указ. соч. – С. 125–126.
54. Маркс, К., Энгельс, Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека... – С. 493.
55. Социализм и личность. – С. 58.
56. Социально-экономические основы... – С. 27–28.
57. Бабеф, Г. Соч.: в 4 т. – М., 1975. – Т. 1. – С. 71.
58. Маркс, К., Энгельс, Ф. Полн. собр. соч. – М., 1955–1981. – Т. 3. – С. 35.
59. Архангельский, Л.М., Иванчук, Н.В. Формирование потребностей социалистической личности // Социализм и личность. – М., 1979. – С. 78–79.
60. Батенин, С.С. Указ. соч. – С. 67.
61. Чудинова, И.М. Теоретические основы проблемы потребностей личности. – Красноярск, 1989.
62. Маркс, К., Энгельс, Ф. Тезисы... – С. 3.
63. Михайлов, Н.Н. Социализм и разумные потребности личности. – М., 1982. – С. 22.
64. Маркс, К., Энгельс, Ф. Капитал... – С. 63.
65. Сержантов, В.Ф. Указ. соч. – С. 56.
66. Там же. – С. 132–135.
67. Там же. – С. 134.
68. Смирнов, Г.Л. Советский человек: Формирование социалистического типа личности. – М., 1980. – С. 58.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАРТИНЫ МИРА КУЛЬТУРЫ

О.Г. Басалаева

Совершенно очевидно, что новое столетие – это время нового состояния культуры, время становления новой культурной картины информационного инновационного общества. В конце XX – начале XXI вв. стало очевидным, что социум втягивается в новую фазу развития, одной из характеристик которой становится всеобщая инновизация, отсюда и возникновение нового термина – «инновационное общество». В теоретическом дискурсе термин «инновационное общество» возник в начале 90-х годов. Английские ученые А. Амин и К. Роббинс обосновали положение о том, что современная индустриальная система, основывающаяся на новациях, является «новым выражением локальной и глобальной динамики» [1]. В этот же период формируется особая область междисциплинарного знания, связанная в первую очередь с внедренческой практикой различного рода технических и технологических новшеств в фирмах и организациях – инноватика. В свете инновационной парадигмы, с учетом информационного подхода, возможно, признать правомерным рассмотрение вопроса о соотношении культурной картины мира и информационной картины мира, как традиционной и инновационной картин, соответственно. Такое соотношение возможно, поскольку культурная картина мира представляет отражение реальности через призму культурных представлений человека. Эти представления формируются на основе информации, полученной человеком с помощью органов чувств и прошедшей через его сознание как коллективное, так и индивидуальное. Культурная картина мира как традиционный тип картины характеризуется преобладанием традиций над новацией; превалированием традиционных форм социализации, институциализации и легитимации. Культура без традиции существовать не может. Во-первых, потому, что именно традиция передает из поколения в поколение основные программы социокультурной деятельности, а, во-вторых, именно традиция формирует менталитет, нравы, обычаи, художественные предпочтения народов, создавая тем самым их национальные культуры. Доминирование традиционных базовых элементов в культурной картине мира позволяет рассматривать её как традиционную.

Традиция как наиболее устойчивая, базовая, форма, сохраняющаяся во времени и передающаяся от поколения поколению, является ключевым

звеном, ядром любой устойчивой, сложившейся культуры, а ядро культуры это и есть картина мира культуры. Информационная картина мира как инновационный тип картины характеризуется разрывом преемственности поколений; конфликтом поколений, связанным с овладением информационно-коммуникативных технологий; доминирующими современными механизмами социализации и поэтому рассматривается как инновационная. Описанные типы картин в условиях информационного общества почти не встречаются в «чистом» виде. Любая культура демонстрирует нам динамику социокультурных перемен, в которых, соединяясь с традицией, новации порождают новые культурные образования. Не является здесь исключением и культурная картина мира на информационной основе.

Культура никогда не ограничивается традиционными рамками. Она открыта для внешних влияний и принимает их. Такими внешними нетрадиционными формами можно обозначить новации или инновации. Новация (лат. *novatio* – обновление и изменение) – это новое, незнакомое и несвойственное данной традиции или культуре. Инновация – это модифицированная (измененная, обновленная), знакомая или узнаваемая форма.

В культурологии термин «инновация» используется при исследовании процессов изменений в культуре, выступая как антоним термину «традиция». Как полагает известный культуролог, крупный исследователь проблемы соотношения традиций и инноваций Э.С. Маркарян, адаптация способствует сохранению и развитию общества, поскольку работает по принципу «обратной связи» [2]. Процесс инновизации определяется им в качестве «культурных мутаций», возникающих в ответ на «вызовы» окружающей социокультурной и природной среды. «Если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются культурной традицией...» [3].

Сущность социокультурной инновации понимается культурологом Т.А. Мазаевой как фундаментальный механизм социальной и культурной динамики [4]. При этом нужно иметь в виду, что «парадигма исследования инновационных процессов сформировалась в сфере междисциплинарных исследований, связанных с определением внедренческой политики фирм, организационной перестройки различных систем производства и управления

на основе принципов инновационного менеджмента, позиционного анализа нововведений и т. д.» [5]. Эта «технократически ориентированная инноватика, – подчеркивает автор, – исходит из классического для новоевропейской культуры представления о человеке как субъекте принятия решений на основе рационального подсчета приобретений и потерь. В инноватике, вышедшей из экономических прикладных исследований о конкурентной стратегии фирм в условиях «гонки за новизной» (товара, услуг, потребности и т. д.), незримой тенью присутствует предприниматель, активный и абстрактный, лишенный этнических черт, субъект рыночного хозяйствования со своей специфической системой ценностей и целерационального действия» [6].

Как верно отмечает Т.А. Мазаева, традиция – это не только ограничивающий, но и «катализирующий» момент процессов социокультурного обновления [7]. В свете сказанного понятно, насколько важно использовать инновационный потенциал традиций. В умении принимать и усваивать инновации действительно состоит жизнеспособность традиций.

Таким образом, конец XX – начало XXI вв. можно рассматривать как время новаций во всех областях жизни, зачастую здесь даже господствует новация ради новации, распространяются попытки полностью отвергнуть традицию как нечто косное, тормозящее культурное развитие. Во многих случаях оно привело к невосполнимым потерям в культурной сфере, даже разрушению ее материальных памятников. Нельзя забывать, что быть свободным от традиции в культуре невозможно. Отказ от традиции связан с опасностью утраты отработанного за века равновесия между традицией и новацией.

Традиции и новации – это две стороны культурного развития, где «любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция. В самом деле, ни одна традиционная черта не присуща любому обществу искони, она имеет свое начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией» [8].

В процессе синтеза культурной и информационной картин мира традиции и инновации выступают как взаимодополняющие составляющие. Объединение систем информационной техники и культуры в антропотехнические комплексы придает новый вид и функции динамике техносферы, трансформируя тем самым культурную картину мира. В этом про-

цессе стирается противопоставление обоих начал и возникает новое состояние культурной картины в целом, означающее ее качественное преобразование при сохранении предшествующего достояния. Основной характеристикой вписывания информационной техники и технологий в культурную картину стали информатизации и компьютеризации. **Отечественными исследователями особо подчеркивается взаимосвязь между техническими и мировоззренческими новациями.** По мнению А.Д. Урсула, «информатизация представляет собой интеллектуально-гуманистическую перестройку всей жизнедеятельности человека и общества на основе все более полного использования информации как ресурса развития с помощью средств информатики, новых информационных технологий (НИТ) с целью созидания информационного общества и дальнейшего становления ноосферы» [9]. Он считает компьютеризацию одной из элементарных закономерностей информатизации общества, которая «связывается с процессом создания, производства и внедрения ЭВМ и микропроцессоров, что приводит к перестройке основы человеческой деятельности в различных предметных областях» [10]. «Под информатизацией, – пишет В.С. Толстой, – понимается развитие и широкомасштабное применение методов и средств получения, преобразования, хранения и распространения информации, обеспечивающих систематизацию и формирование новых знаний и их использование обществом в целях его дальнейшего совершенствования и развития» [11]. «В российской научной традиции, – пишет Г.В. Белов, – в понятие информатизации вкладывается более широкий внетехнический контекст, тогда как термин «компьютеризация» целиком относится к области вычислительной техники... Информатизацию принято связывать не столько с количественными показателями компьютеризации, сколько с целым рядом качественных изменений в обществе, которые играют причинную роль в стимулировании компьютеризации, а не наоборот, т. е. общественная потребность принимается как первичная по отношению к удовлетворяющим ее техническим инновациям» [12].

С нашей точки зрения, идеи информационного подхода реализуются в мире культуры, связанного сетью телекоммуникаций, т. е. Интернетом. Здесь необходимо заметить, что основные технические и технологические вопросы формирования глобального информационного пространства, в принципе, уже решены. Центр тяжести перемещается в иную плоскость – социально-культурную сферу. Таким образом, синтез традиций и инноваций включает-

ся в существенном изменении системы культуры в процессе исторической динамики технологий. Эти изменения радикально меняют и культурную картину мира. «Вот мы видим компьютеры, великолепную технику. Это предметы. Вещи, – пишет М. Мамардашвили. – Но беда в том, что мы не видим мира, который за ним стоит» [13]. Увидеть то, что стоит за компьютером, за любым техническим артефактом, дано только человеку, как социальному существу. В этом и заключается синтез культурной и информационной картин мира. Разработка информационной картины мира призвана, наглядно, представить всеобщую связь и взаимообусловленность явлений, происходящих в культуре в процессе развития и освоения информационной техники и технологий, включая сетевую. **В современном мире процессы информатизации и компьютеризации стали характеристикой вписывания информационной техники и технологий в традиционную культурную картину мира.** «Современная информационная техника все в большей степени используется не только в творческой работе художников, скульпторов, архитекторов и композиторов, но и в процессе приобщения публики к произведениям искусства. Благодаря этому становятся общедоступными многие художественные шедевры. Характерными примерами в этом отношении являются управление оркестром компьютеров при помощи «дирижерской палочки» – инфракрасным излучателем, присутствующая от автомобиля до дома музыка и многие другие факты современной художественной культуры» [14].

Современная информационная технология дает возможность людям более эффективно связываться между собой на больших расстояниях. Она делает доступным для человека огромный мир художественных артефактов

Воздействие современной компьютерной технологии на искусство идет в двух направлениях. С одной стороны, эта технология используется в творческой работе художников и скульпторов, артистов и композиторов. С другой, – современные информационные средства делают высокую культуру общедоступной через **Web-сайты в сети Интернет.**

У человека, который начинает воспринимать мир через Интернет, возникает новая картина ми-

ра. В этой ситуации изменяется даже традиционное представление о знаковых системах. М. Кастельс пишет, что «новая коммуникационная система, все больше говорящая на универсальном цифровом языке, одновременно интегрирует в глобальном масштабе производство и распространение слов, звуков и изображений в нашей культуре и приспособливает их к персональным вкусам и настроениям индивидов» [15]. Ближайшими перспективами развития Интернет являются не быстрый рост этой сети и проникновение ее в разные сферы нашей жизни, но принципиальные изменения самой нашей жизни под влиянием Интернета. То есть самые важные изменения Интернета произойдут вне самой сети. Обеспечивая мгновенную связь с любым регионом мира, позволяя вступать в контакт с удаленными базами данных, с десятками людей, система Интернет объединила мир в единое целое, обеспечила глобализацию культуры, сделала ее достояния доступными практически для десятков миллионов зрителей.

Современная техника находит самое разнообразное применение в мире культуры: в одних случаях она используется для творческого производства культурных ценностей, в других – для их потребления, в-третьих, для культурного общения и т. д. Учет этой специфики – важнейшее условие усвоения и использования всего богатого арсенала культуры.

Инновационное в картине мира культуры не может быть ничем иным, как синтезом, сплавом нововведения и традиции, где сами процессы социокультурных изменений, связанные с распространением, модификацией, принятием или отрицанием новых способов поведения и действия, по своей сути являются инновационными процессами.

Итак, диалектическое противоречие традиции и инновации проявляется в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Их трудно дифференцировать, поскольку инновация зачастую дает начало традиции, а ни одна традиция не является традицией изначально, она возникает новационным образом. Именно мир норм, идей и символов, а не простая «материальность» социального бытия человека, определяет и коррелирует современную культурную и информационную картины мира.

Примечания

1. Amin, A. and Robbins, K. These are not marshallian times // Innovation Networks: Stratial Perspectives. – London, 1991. – P. 105.
2. Маркарян, Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская Этнография. – 1981. – № 2. – С. 87.
3. Маркарян, Э.С. Культурная традиция и дифференциация ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур. – Ереван, 1978. – С. 86.

4. Мазаева, Т.А. Инновационная динамика в этнокультурной среде: автореф. на соиск. уч. степ. докт. филос. наук. – Ростов н/Д, 2007.
5. Там же. – С. 15.
6. Там же. – С. 16.
7. Там же. – С. 17.
8. Арутюнов, С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 160.
9. Урсул, А.Д. Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития. – М., 1993. – С. 100.
10. Урсул, А.Д. На пути к устойчивому развитию цивилизации: информационные факторы // Информационное общество. – 1997. – № 2–3. – С. 98.
11. Толстой, В.С. Социальные условия информатизации// Социальные проблемы информатизации общества. – М., 1988. – С. 11–23.
12. Белов, Г.В. Социальные парадигмы информационного общества и проблемы информационного права // Проблемы информатизации. – 1999. – № 1. – С. 20–27.
13. Мамардашвили, М. Эстетика мышления. – М., – 2000. – С. 298.
14. Негодаев, И.А. Информатизация культуры. – Ростов н/Д, 2002. – С. 84.
15. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., – 2000. – С. 26.

Образование. Культура. История

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КУЛЬТУРЫ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2008 ГОДУ В СВЕТЕ ПРИОРИТЕТНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА»

Л.Т. Зауэрвайн

В Кузбассе на протяжении ряда лет реализуется региональный проект «Культура», в который администрацией Кемеровской области вложены немалые интеллектуальные и материальные средства. Как показывает опыт его реализации, возникает потребность в совершенствовании системы социального управления данным проектом. Это явилось одним из важнейших направлений в деятельности Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области в 2008 году.

В настоящее время уровень потребностей населения страны в культурных ценностях значительно возрос, одновременно с этим сфера культуры оказалась под противоречивым воздействием глобализации мировых общественных отношений. Поэтому в области культуры возник **ряд сложных проблем**: сохранение единого национально-культурного пространства; защита его от низкопробной продукции; обеспечение качества предоставляемых населению услуг в сфере культуры. Эти проблемы невозможно решить без целенаправленного совершенствования системы социального управления учреждениями культуры. Оптимальная система управления необходима для решения следующих **задач**: обеспечение всестороннего участия граждан в культурной жизни страны; развитие институтов гражданского общества; сохранение культурно-исторического наследия и обеспечение его доступности для всех социальных групп.

В целом совершенствование системы управления учреждениями культуры обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, осуществляемым переходом на новые принципы организации административно-территориального управления государством, который обуславливает изменение форм организации деятельности учреждений культуры; во-вторых, тенденцией на развитие устойчивых отношений между учреждениями культуры и потребителями их продукта; в-третьих, необходимостью адаптации учреждений культуры к рыночным условиям.

Деятельность учреждений культуры ориентирована на изучение и адаптацию к внешней среде как необходимое условие предоставления потребителю востребованного культурного продукта (услуги) с целью повышения эффективности функционирования (рентабельности).

В рамках действия Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» продолжается реорганизация сети муниципальных учреждений культуры, которая в настоящее время составляет **2332** учреждения, в том числе **737** общедоступных библиотек, **782** клуба, **278** киноустановок, **44** учреждений музейного типа, **12** кинотеатров, **4** парка культуры и отдыха, **7** профессиональных театров, Государственную филармонию, **5** учебных заведений среднего профессионального образования, **129** учреждений дополнительного образования детей, в которых учатся около **31** тыс. учащихся.

Обратим внимание на такие важнейшие направления деятельности Департамента, которые постоянно находятся в центре внимания в связи с реализацией регионального проекта «Культура»: развитие материально-технической базы учреждений культуры, модернизация образования в области культуры и искусства, работа театрално-зрелищных учреждений и профессиональных творческих союзов Кузбасса, народное творчество, основные направления национальной политики в Кемеровской области. Иные виды деятельности Департамента останутся вне поля зрения, но не потому, что они менее важны или им уделяется недостаточное внимание, а в силу характера настоящего издания.

Развитие материально-технической базы учреждений культуры. На содержание учреждений культуры в 2008 году было направлено **3292,96** млн. руб., в том числе на модернизацию материально-технической базы, капитальный ремонт и реконструкцию – 806,2 млн. рублей. Значительная часть средств была направлена

на проведение ремонтных работ, строительство и реконструкцию зданий.

Программа капитального строительства ведущих учреждений культуры включала:

- реконструкцию Кемеровского музыкального театра Кузбасса им. А. Боброва – 27,4 млн. руб.;
- капитальный ремонт Кемеровского областного драмтеатра им. Луначарского – 3,4 млн. руб.;
- реконструкцию Кемеровской областной филармонии – 17,3 млн. руб.;
- строительство библиотеки в пгт. Крапивинский – 3,2 млн. руб.;
- реконструкцию Новокузнецкого Театра драмы – 105,366 млн. руб.

В бюджете области на 2008 г. было заложено на капитальный ремонт областных учреждений культуры и искусства **55638,4** тыс. рублей. Фактически оплачено **55371,4** тыс. рублей. На балансе Департамента находится **24** областных учреждения, из них 15 расположены в отдельно стоящих зданиях, 9 – в зданиях жилищного хозяйства или иного назначения. Значительная часть средств направлена на обновление оборудования и обеспечение безопасности в учреждениях культуры, много внимания уделялось проведению ремонтных работ, строительству и реконструкции зданий. Практически во всех учреждениях культуры области проведены текущие и капитальные ремонты, подготовка зданий к отопительному сезону:

Филармония – капитальный ремонт кровли гаража с учетом современных технологий и бытовых помещений в основном здании.

Музыкальный театр Кузбасса им. Боброва – приступили к капитальному ремонту кровли и внутренних помещений мастерских.

ГУК «Новокузнецкий драмтеатр» – заменили деревянные оконные блоки на стеклопакеты, современные изделия из ПВХ.

ГУК «Областной театр кукол им. Гайдара» – ремонт электросистемы в здании театра.

ГУК «Областная научная библиотека им. В.Ф. Федорова» – капитальный ремонт системы водоснабжения, канализации в пристройки и благоустройство прилегающей территории.

ГУК «Областная библиотека для детей и юношества» – капитальный ремонт кровли и замена деревянных оконных блоков на стеклопакеты, современные изделия из ПВХ.

ГУК «Кемеровский областной центр народного творчества и досуга» – капитальный ремонт системы электроснабжения и отопления с заменой оборудования теплового узла.

ГОУ СПО «Кемеровское музыкальное училище» – ремонтно-отделочные, электромонтажные

работы спортивного зала, фасада, противопожарная обработка чердачного помещения, ремонт оборудования теплового узла, системы отопления, замена оконных заполнений на стеклопакеты, монтаж системы охранно-пожарной сигнализации.

ГОУ СПО «Новокузнецкое училище искусств» – ремонтно-отделочные работы актового зала, замена деревянных оконных блоков на стеклопакеты, современные изделия из ПВХ.

ГОУ СПО «Кемеровское училище культуры» – в стадии завершения ремонтно-отделочные работы фойе, коридоров и монтаж системы вентиляции.

ГОУ СПО «Кемеровское художественное училище» – противопожарная пропитка чердака, замена деревянных оконных блоков на стеклопакеты, современные изделия из ПВХ, ремонт учебных и бытовых помещений.

ГУК «Кемеровский краеведческий музей» – замена деревянных оконных блоков на стеклопакеты, современные изделия из ПВХ, ремонт кабинетов и бытовых помещений.

Музей ИЗО – капитальный ремонт по усилению междуэтажных перекрытий, фасада, крыльца.

Томская писаница – выполнены ремонтно-реставрационные работы зданий-экспозиций, монтаж систем видеонаблюдения, монтаж наружной системы электроосвещения

Киновидеоцентр – в настоящее время в стадии завершения капитальный ремонт основного здания.

Большое внимание уделялось развитию материально-технической базы на территориях области. Всего по отрасли из муниципального бюджета **на капитальный ремонт и реконструкцию учреждений: за 2008 г. при плане 376264,65** тыс. рублей освоение составило **326319,25** тыс. рублей.

После капитального ремонта сдано в эксплуатацию здание Прокопьевского городского краеведческого музея. Во вновь построенном здании справил новоселье краеведческий музей в Крапивинском районе; в новом здании начала работать центральная городская библиотека г. Тайга. При финансовой поддержке Администрации г. Прокопьевска и ЗАО «ГРАСС», полностью сменился интерьер ДК «Ясная Поляна», все кабинеты отремонтированы и оснащены новой мебелью. В Кемерово сданы в эксплуатацию после капитального ремонта 7 помещений в общеобразовательных школах, на площадях которых будут размещены своеобразные филиалы детских школ искусств. В д. Талая Юргинского района после капитального ремонта открыта Детская школа искусств. В рамках празднования 155-летия поселка Подобас (г. Мыски) состоялось открытие Дома культуры. В поселке Ки-

линск Таштагольского района после капитального ремонта открыт сельский клуб. В Таштагольском районе были капитально отремонтированы городская музыкальная школа, поселковый клуб и продолжен ремонт центральной городской библиотеки. В декабре в селе Большая Талда Прокопьевского района заложен первый камень в основание нового Дома культуры. Строительство будет вестись за счет средств районного бюджета.

Проводилась модернизация оборудования учреждений отрасли: приобреталась аппаратура, музыкальные инструменты, бытовая и оргтехника, мебель, обновлялись сценические костюмы творческих коллективов, оснащались и украшались залы, сцены, концертные площадки. Компьютерный парк в 2008 году пополнился на **479** единиц, к сети Интернет подключено **44** учреждения, приобретено **290** музыкальных инструментов, **606** единиц светозвукового оборудования.

По распоряжению Коллегии АКО было выделено для приобретения компьютерной техники 38 музеям области и 37 централизованным библиотечным системам **2,27** млн. рублей, для оборудования сцены областной филармонии – **1,2** млн. рублей. Более **1,22** млн. рублей на техническое оснащение областных учреждений культуры направлено из средств Фонда развития культуры и искусства.

В целях **обеспечения безопасности посетителей, персонала и основных ресурсов**, кнопки тревожного вызова установлены в 38, а системы АПС – в 129 учреждениях культуры. Из резервного фонда направлено 3,8 млн. руб. на обеспечение безопасности посетителей и экспозиций музея-заповедника «Томская Писаница».

В целях расширения концертной деятельности профессиональных и народных коллективов, укрепления материально-технической базы муниципальных учреждений культуры и искусства, организации выездов творческих коллективов для участия в областных мероприятиях и мероприятиях, проводимых в отдаленных сельских районах, в 2008 году **приобретено 27 единиц транспортных средств** стоимостью **12,8** млн. рублей, из них:

- в рамках среднесрочной региональной целевой программы «Оптимизация развития транспорта и связи в Кемеровской области на 2008–2011 годы» – 5 единиц транспорта (стоимостью 4,5 млн. рублей);

- в рамках приоритетного регионального национального проекта «Культура» – 22 единицы транспорта (8,3 млн. рублей).

Постоянное внимание уделялось программе «Жильё» об этом свидетельствует приведенная ниже динамика.

Обеспечение безопасности посетителей в учреждениях культуры и искусства области.

В 2008 году одной из главных задач, стоящей перед отраслью культуры, было обеспечение безопасности граждан в учреждениях культуры. На выполнение антитеррористических мероприятий для областных учреждений культуры и искусства выделено 0,5 млн. рублей, благодаря чему смонтированы стационарные арочные металлодетекторы, установлены камеры видеонаблюдения, системы громкоговорящей связи и оповещения граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Учреждения были обеспечены первичными средствами пожаротушения в полном объеме, укомплектованы веревочными лестницами и натяжными спасательными полотнами, автоматической пожарной сигнализацией.

По результатам проверки по противопожарной безопасности, проведенной совместно с противопожарной службой МЧС России по Кемеровской области, во всех учреждениях культуры и искусства:

- назначены ответственные за безопасность,
- организовано круглосуточное дежурство с телефонной связью с органами Госпожнадзора и правоохранительными органами,
- проведены инструктажи по правилам противопожарной безопасности со всеми работниками и практические занятия по действиям работников культуры и искусства по эвакуации людей в случае пожара.

Все эти мероприятия дают возможность обезопасить граждан, посещающих учреждения культуры и искусства, от непредвиденных чрезвычайных ситуаций.

Модернизация образования в области культуры и искусства.

В Кемеровской области **контингент учащихся** детских школ искусств составил **30987**. Несмотря на увеличение контингента за три последних года, остается проблема набора абитуриентов в учреждения среднего профессионального образования.

Год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Сумма ссуд и субсидий, тыс. руб.	5017	5017	14409	28411	37543	27728	23208
Количество предоставленных квартир	40	40	39	69	63	84	68

**Итоги приема абитуриентов Государственные образовательные учреждения
среднего профессионального образования в 2008 году**

	ГОУ СПО	Всего подано заявлений	Зачислено на 1 курс	Наибольший конкурс (отделения)
11.	Кемеровский музыкальный колледж	53	52	«Хоровое дирижирование» – 1,5 чел. на место
22.	Новокузнецкое училище искусств	78	76	«Живопись» – 1,5 чел. на место
33.	Прокопьевское музыкальное училище	41	40	«Инструменты народного оркестра» – 1,8 чел. на место
44.	Кемеровский колледж культуры и искусств	174	133	«Музыкальное искусство эстрады» – 4,2 чел. на место «Хореографическое творчество» – 3,1 чел. на место
55.	Кемеровское областное художественное училище	71	40	«Дизайн» – 3,2 чел. на место «Живопись» – 2,2 чел. на место
	Всего:	417	341	

Вопрос подготовки молодых специалистов актуален сегодня еще и потому, что процент преподавателей со стажем до **3 лет** составляет **16,3 %** от общего числа. А количество преподавателей предпенсионного и пенсионного возраста – **30 %**.

Всего в школах искусств Кемеровской области работает **2679** преподавателей, из них высшую квалификационную категорию имеют **22 %**, первую – **38 %**, вторую – **29 %**. Несмотря на ежегодный рост количества преподавателей (+ 40 в сравнении с прошлым годом), по-прежнему остается большое количество вакансий. Так, например, в июне в школах было **80** вакансий. В основном это преподаватели по классу фортепиано, гитары, теоретических дисциплин, художники и хореографы. Появилась потребность в преподавателях эстрадного вокала, театральных дисциплин. Наибольшее количество вакансий в городах Кемерово (15), Осинники (10), Топки (7), Гурьевск (6).

Поднять престиж преподавательской и творческой деятельности призваны **областные конкурсы** – «Лучшая школа искусств» и «Лучший преподаватель художественного образования», которые проходят в рамках национального проекта «Культура». В их финал вышли шесть городских и две районные школы. Среди городских школ победителем стала детская музыкальная школа № 22 г. Мариинска (директор Михайлова М.Н.), а среди районных – художественная школа № 14 п. Тисуль (директор Мальцева Р.И.).

Лауреатами областного конкурса «Лучший преподаватель художественного образования 2008» стали: Конорева Г. Л., преподаватель детской художественной школы № 2 г. Новокузнецк (1-е место); Бочкарева О.С., преподаватель детской музыкаль-

ной школы № 12 г. Ленинск-Кузнецкий (2-е место); Бабина Ю.А., преподаватель детской школы искусств № 19 г. Кемерово (3-е место).

Проведение процедуры **аттестации и аккредитации школ** Кузбассобнадзора выявило отсутствие у преподавателей и руководителей школ документов о повышении квалификации в течение каждых пяти лет и необходимого процентного соотношения преподавателей с высшей квалификационной категорией.

Для решения этой проблемы в 2007–2008 учебном году были организованы **курсы повышения квалификации**. Их прошли **74** руководителя учебных заведений. На курсах большое внимание уделяется не только программам развития, вопросам нормативно-правовой базы, кадров, менеджмента в образовательных учреждениях, современных пиар-технологий, но также психолого-педагогическим циклам. Чтобы охватить обучением как можно больше преподавателей, учебно-методический центр проводил **выездные курсы** на базе Новокузнецкого училища искусств и Прокопьевского музыкального училища, которые позволяют преподавателям юга Кузбасса пройти повышение квалификации, не выезжая в Кемерово.

Всего в 2007–2008 учебном году в учебно-методическом центре работников культуры и искусства прошли обучение около **600** преподавателей хореографии, сольфеджио, баяна, фортепиано, гитары.

Учреждениями среднего профессионального образования в 2008 году были созданы новые **методические разработки**. Преподавателями Кемеровского областного колледжа культуры и искусств разработано **43** названия методических матери-

лов. Распоряжением Президента РФ заместителю директора колледжа А.В. Палилею по результатам Всероссийского конкурса присужден **президентский грант** за осуществление проекта «Сохранение культурно-национальной самобытности коренных народов Сибири (телеутов, шорцев)». В рамках этого проекта изданы учебно-методические пособия: «Традиции шорского национального танца в творческой деятельности балетмейстеров», «Традиции телеутского национального танца в творческой деятельности балетмейстеров».

Преподавателями Новокузнецкого училища искусств подготовлено более **30** методических разработок. Все материалы активно используются в учебном процессе и практической деятельности.

Губернаторский культурный центр «**Юные дарования Кузбасса**» занимает ведущие позиции в структуре художественного образования Кемеровской области. В 2008 году **150** одаренных детей Кемеровской области получали Губернаторскую стипендию «Юные дарования Кузбасса».

На 150 стипендиатских мест было представлено **234** претендента. Стипендию получали дети из **21** территории Кемеровской области. Претендентов на стипендию представили **7** районов и **14** городов Кузбасса. По количественным показателям лидиру-

ют г. Кемерово – **68** стипендиатов, Прокопьевск – **19** стипендиатов, Новокузнецк – **14**.

В номинациях «вокал», «баян-аккордеон», «домра, балалайка, гитара» отбор кандидатов проходит на основании международных и всероссийских побед. Этот факт свидетельствует о росте качества образовательного процесса и уровне квалификации преподавателей, воспитывающих будущую творческую элиту Кузбасса.

Последние 5 лет наблюдается тенденция доминирования количества юных дарований по специальности «вокал». В целом за **16** лет количество стипендиатов-вокалистов увеличилось с **3** человек до **41**. Этот процесс напрямую связан с активным развитием вокальной школы в Кузбассе, результативной работой педагогов-вокалистов в образовательных учреждениях начального и среднего звена.

Обратный процесс – уменьшение количества стипендиатов по специальности «скрипка-виолончель», «духовые инструменты» – свидетельствует о низком качественном уровне подготовки детей. Ситуация дошла до критического уровня. Сегодня можно говорить, что в ближайшие годы ряды музыкантов Губернаторского симфонического оркестра и других академических коллективов трудно будет пополнить молодыми специалистами.

Количество стипендиатов 2007-2008 уч.года
по номинациям

Для решения этой проблемы необходимо объединить усилия Кемеровской государственной областной филармонии и образовательных учреждений культуры и искусства. Эта программа должна повысить интерес юных музыкантов к оркестровым инструментам, вовлечь их в процесс оркестрового и сольного исполнительства, повысить престиж профессии в глазах общественности и родителей начинающих музыкантов, – как это сделали Кемеровский музыкальный колледж и Новосибирская консерватория в совместном проекте – **II областной олимпиаде «Краски музыки»** по предметам музыкально-теоретического цикла.

В 2007–2008 учебном году продолжена работа в рамках всероссийских программ по поддержке одаренных детей и молодежи.

5 стипендиатов – Гордиенко Т., Захаров С., Родионов М., Дузенко А. и Сустретова Н. были представлены к награждению премией Национального проекта «Образование». Каждый получил Диплом и денежную премию в размере **30 тысяч рублей**. **11 стипендиатов** стали победителями Общероссийского конкурса «Молодые дарования России», который проходил под эгидой Федерального агентства по культуре и кинематографии.

Работа театрально-зрелищных учреждений и профессиональных творческих союзов Кемеровской области. В 2008 году деятельность театрально-зрелищных учреждений культуры и творческих союзов Кузбасса развивалась в рамках реализации приоритетного регионального проекта «Культура». В условиях изменения законодательной базы и статуса театрально-зрелищных учреждений особое внимание уделялось укреплению престижа кузбасского театрального искусства, как в регионе, так и на федеральном уровне.

В отчетном году **театрально-зрелищными учреждениями области** было показано **2705** спектаклей, из них **29** премьер – профессиональными театрами и **11** – Государственной филармонией Кузбасса. Их посетило более **581** тысячи человек. Осуществлялась работа по достижению доступности культурных услуг для жителей сёл и малых городов Кемеровской области. Только на селе театрально-зрелищными учреждениями Кузбасса были показаны **152** спектакля.

Серьёзным стимулом к творческому росту для любого театрального коллектива становится участие в различных фестивалях и профессиональных конкурсах. В 2008 году театрально-зрелищные учреждения Кузбасса сделали большой шаг в этом направлении. На волне интереса к молодёжным театрам в июне в Кузбассе был организован и с успехом проведён Первый межрегиональный театральный фестиваль спектаклей для детей и подростков «**Сибирский кот**», в котором приняли участие все театры области, филармония и Кеме-

ровский муниципальный театр для детей и молодёжи. Финансовую и организационную поддержку осуществили Администрация Кемеровской области и Администрация г. Кемерово. Фестиваль, учреждённый Ассоциацией театров Сибири, осуществляющих деятельность для детей и юношества, и межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение», проходил под патронатом Губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева и при поддержке Союза театральных деятелей РФ. Большой театральный праздник с географией от Омска до Хабаровска объединил **22** театра из **13** городов России. С 1 по 5 июня было показано **20** спектаклей и **4** культурных программы. Спектакли фестиваля увидели более **8** тысяч детей со всей области, в большинстве своём – воспитанники домов-интернатов и опекаемые дети.

В октябре 2008 года Кемеровский областной театр драмы им. А.В. Луначарского по приглашению художественного руководителя Государственного Академического Малого театра Ю.М. Соломина участвовал в **VIII Всероссийском фестивале драматических театров «Островский в доме Островского»**. Спектакль «Банкрот», поставленный А. Ермолиным, получил по итогам фестиваля Диплом «За сохранение лучших традиций русского классического театрального искусства».

В рамках проведения Дня работника культуры прошел ежегодный областной конкурс на присуждение театральной премии «**Триумф**». Его лауреатами стали: артист Кемеровского областного театра драмы имени А.В. Луначарского А.Г. Измайлов (**I степени**), артистка Новокузнецкого областного драматического театра Л.В. Адаменко (**II степени**) и солист-вокалист Музыкального театра Кузбасса имени А.К. Боброва, заслуженный артист России В.Г. Штыпс (**III степени**).

Одним из ярких событий в культурной жизни Кузбасса стали **обменные гастроли** Кемеровского областного театра драмы им. А.В. Луначарского и Новосибирского Академического театра «Глобус», Кемеровского театра кукол им. А. Гайдара и Омского государственного театра «Арлекин», Новокузнецкого театра кукол «Сказ» и Хакасского национального театра кукол «Сказка».

Знаменательными событиями в культурной жизни области стали **бенефисы** ведущего артиста Прокопьевского драматического театра **Ю. Тёмирбаева** и актрисы Кемеровского областного театра драмы им. А.В. Луначарского заслуженной артистки России **Л. Копыловой**, **творческий вечер** заслуженного работника культуры РФ, композитора и дирижера Музыкального театра Кузбасса им. А. Боброва **В.Я. Хвилько**, посвященный его 60-летию, а также гастрольный марафон «**КуклоМагия**» с участием двух профессиональных кукольных театров Кузбасса.

Кемеровский областной театр драмы им. А.В. Луначарского в отчетном году показал **291** спектакль, из них **5** премьер. Спектакли увидели **82** тысячи человек. Премьерными были постановки: «**Васса Железнова**» (режиссер О. Пермяков) – к бенефису Л. Копыловой, «**Белоснежка и семь гномов**», – спектакль поставлен силами студентов КемГУКИ при материальном и организационном содействии администрации театра.

Коллектив театра активно участвовал в фестивальном движении. На театральном фестивале «**Сибирский кот**» показан спектакль в постановке Д. Вихрецкого «Щелкунчик». На VII Межрегиональном театральном фестивале «**Сибирский транзит**» в Барнауле на суд зрителя был представлен спектакль «Три сестры» в постановке Д. Петруня (г. Москва), который получил **гран-при** за лучшую сценографию, Д. Петрунь был отмечен специальным призом жюри фестиваля «За режиссуру», а актёр И. Крылов удостоился **приза** «За лучшую роль второго плана».

Музыкальный театр Кузбасса им. А. Боброва, в здании которого ведутся ремонтные работы, показал **211** спектаклей, из них **2** премьерных: водевиль «За тремя зайцами, или Уроки любви» и сказку «Суворовский солдат на выдумки богат». На спектаклях побывало около **60** тысяч человек. Театр с гастролями побывал в Томске, Горно-Алтайске, Бийске и Междуреченске, показав **36** спектаклей для взрослых и детей. Серьезную работу коллектив театра провел по подготовке и проведению большого концерта «Ловите счастья миг златой!», в программу которого вошли шлягеры оперной и опереточной классики. Гвоздем программы стал третий акт оперы Дж. Верди «Травиата», впервые прозвучавший в исполнении оркестра театра и артистов, среди которых дебютировали студенты хореографического отделения КемГУКИ.

Кемеровский областной театр кукол им. А. Гайдара дал **527** спектаклей, их них **5** премьер. Постановки увидело около **46** тысяч человек. В мае состоялось торжественное закрытие проекта «**Путешествие в страну кукол**». Дети из детских садов и школ города посещали спектакли, участвовали в конкурсах на лучший театральный рисунок, театральную азбуку, своими руками изготавливали театральные куклы, участвовали в экскурсиях по театру.

За отчётный год театр кукол стал участником нескольких крупных фестивалей. На I межрегиональном театральном фестивале «Сибирский кот» звания «Лучший спектакль фестиваля» удостоился «Пер Гюнт» – пластическая сюита для актеров с куклами в постановке Д. Вихрецкого. Эта же постановка заслужила оvation зрителя на V Белорусском международном фестивале театров кукол, проходившем в г. Минске. Также театр принял ак-

тивное участие в Фестивале живых кукол, проходившем в рамках Санкт-Петербургского карнавала, областном фестивале любительских театров кукол «Откройся, занавес волшебный» и пятом Интернет-фестивале «Театральная паутина», где зрители **80** стран мира смогли посмотреть спектакль «Пер Гюнт».

Новокузнецкий театр кукол «Сказ» представил **6** премьерных спектаклей, в числе которых «Три царицы» в постановке Ю. Самойлова, приуроченный к 65-летию Кемеровской области, а также «Прекрасная Элиз» (рыцарская сага по мотивам английских сказок), поставленная Ю. Фридманом (г. Москва). Всего за год на **472** спектаклях «Сказа» побывало **45800** человек. В рамках региональной целевой программы «Культура Кузбасса» театр провел мероприятия по проекту «Молодые родители и ребёнок – в театр всей семьёй». В 2008 году театр кукол «Сказ» получил высшую награду – золотой сертификат на Международном театральном фестивале «**HighFestb**» (г. Ереван, Армения) и в качестве почётного гостя побывал на **X Всемирном фестивале детских театров в Москве**, показав спектакль «Петрушка, Марфушка, Цыган Мора и другие».

Знаменательным событием в культурной жизни Кузбасса стало приглашение в состав жюри XII Международного театрального фестиваля «**Mobarak**» в Иране главного режиссёра театра, заслуженного артиста России Самойлова Ю.А., где он был единственным представителем России.

Новокузнецкий драматический театр, несмотря на активный процесс ремонтных работ внутри здания, продолжал свою творческую деятельность, показывая спектакли на разных сценических площадках города. За год **28** тысяч зрителей посмотрели **254** спектакля, в том числе **6** премьер. Спектакль «**Кляксы**» по рассказам А.П. Чехова в постановке народного артиста России Ю. Смирнова стал большим событием в театральной жизни Новокузнецка. Молодой режиссёр из Санкт-Петербурга Т. Захарова поставила редкий для сцены трагифарс «**Балаганчик**» А. Блока, который высоко оценила А. Лаврова, московский театральный критик, главный редактор столичного журнала «Страстной бульвар, 10». Московский режиссёр А. Кизилев поставил детский спектакль «**Мыррёнок**» по современной сказке В. Афонина.

Были разработаны и успешно действуют **просветительские проекты**: «Наше творчество – культуре Кузбасса», «Театр – школьникам Запсиба», «Театр – детям и юношеству», «Театральные встречи». Ко Дню пожилого человека, Дню матери, для Совета ветеранов войны и труда даны **благотворительные спектакли**. В июне Новокузнецкий драматический театр на фестивале «Сибирский кот» показал спектакль «Маленькая метель» по мотивам саамских сказок. **Гастрольная деятельность**

театра проходила в малых городах Кузбасса: Киселевске, Осинниках, Мысках, Таштаголе, а также в Кемерово. Впервые после долгого перерыва кемеровский зритель смог посмотреть сразу три премьерных спектакля Новокузнецкого драматического театра: «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского, «Кляксы» А.П. Чехова, «Гарнир по-французски» М. Камолетти.

Прокопьевский драматический театр вниманию публики представил **289** спектаклей, на которых побывало **69** тысяч человек. В театральном сезоне зрители смогли увидеть **6** премьер, среди них «Папа в паутине» по пьесе Рэя Куни в постановке Е. Зайда – к бенефису Почетного работника культуры Кузбасса Ю. Темирбаева, а также концерты и творческие встречи с творческими коллективами из Москвы, Санкт-Петербурга, Тольятти и др. В малых городах и селах Кузбасса прошли **39** спектаклей, которые посетило более **8** тыс. зрителей. В театре были учреждены две новых премии: имени артиста театра П.И. Федченко (лучшая мужская роль) и имени заслуженной артистки РФ А.Н. Хлебниковой (лучшая женская роль).

В 2008 году Прокопьевский драматический театр участвовал в 4-х **Всероссийских и Международных театральных фестивалях**. Дипломантом **I Межрегионального театрального фестиваля** спектаклей для детей и подростков «Сибирский кот» стал спектакль **«Веселый Роджер»**. Спектакль по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в постановке О. Ольшанской (г. Санкт-Петербург) и художника К. Мартынова **получил диплом** за «Лучшую мужскую роль» (В. Гардер) на **VII Фестивале театров малых городов России** в Лысьве, диплом «За лучшую сценографию» – на **X Международном театральном фестивале «Камерата»**, а также был **удостоен** специального приза жюри прессы «Самому культурному спектаклю фестиваля». Приз «Лучший актерский ансамбль» получил спектакль **«Оркестр «Титаник»** в постановке молодого режиссера А. Безьязыкова и художника А. Мохова на **IV Международном театральном фестивале «Ученики Мастера»**.

Государственная филармония Кузбасса порадовала зрителей выступлениями своих творческих коллективов. На их ярких концертах побывало около **250500** человек.

Было продолжено **сотрудничество** с органами управления культуры и образования Кемеровской области в рамках программ: «Филармония для всей семьи», «В филармонию круглый год», «Для талантливых детей и их заботливых родителей». На **гастроли** по городам области и за её пределы выезжали **ведущие творческие коллективы** Кемеровской областной государственной филармонии: Губернаторский симфонический оркестр Кузбасса (художественный руководитель и главный

дирижер, лауреат международных конкурсов Тао Линь), Губернаторский Камерный хор Кузбасса (художественный руководитель и главный дирижер, заслуженный деятель искусств РФ Ольга Шабалина), Театр танца «Сибирский калейдоскоп» (художественный руководитель заслуженный артист России Виктор Селивёрстов), оркестр русских народных инструментов (художественный руководитель и главный дирижер Александр Щиколков).

В 2008 году был завершён **«Сезон органа»**. В органном зале с концертами выступили заслуженный артист России Александр Титов, лауреат международных конкурсов Тарас Багинец (Украина), заслуженный артист РФ Даниэль Зарецкий (Санкт-Петербург) и лауреат международных конкурсов Хартмурт Ромайер.

На сцене филармонии кузбассовцы увидели **величайших мастеров мирового уровня** – лауреатов международных конкурсов, заслуженных и народных артистов России, исполнителей из Франции, США, Германии и других стран. Среди них были: Хор Турецкого, Фрэнк Колон с «Дикими шаманами» из США, «Свирипые Монголь» из Франции, Звёзды русского балета во главе с Н. Цискаридзе, «Виртуозы Москвы» В. Спивакова, Всероссийский музыкальный проект «Поколение звёзд», Русский национальный балетный театр Владимира Моисеева, который привёз два великих балета – «Дон Кихот» и «Спящая красавица». Блистательная супружеская пара из Франции альт-саксофонист Жюльен Пети и Беатрис Рейбель (виолончель) приехала с проектом «Голос пустыни» на библейскую тему, в котором музыка и театр соединились с новым видом искусства – рисунком на песке.

Литературный театр «Слово» выпустил в отчётном году **5** премьерных спектаклей и поставил цикл духовных программ: «Лето Господне», «Благодать есть свет», «Благодарите Бога за всё...», «Все святые в земле русской просиявшие». Также совместно с театром танца «Сибирский калейдоскоп», оркестром русских народных инструментов и детским театром танца «Золотой ключик» были поставлены **3** музыкально-хореографических постановки.

В 2008 году в Кузбассе действовало **7** творческих Союзов: Кемеровское отделение Союза театральных деятелей РФ, Кемеровское отделение Союза писателей России, Кемеровское отделение Союза российских писателей, Союза писателей юга Кузбасса, Кемеровская организация Союза художников России, Новокузнецкая организация Союза художников России, Кемеровская региональная общественная творческая организация Союза композиторов РФ. Эти творческие организации объединяют в своих рядах актеров, профессиональных художников, композиторов и литераторов, живущих активной и плодотворной жизнью. Также

в Кемерово и Новокузнецке работают Дом актера, Дом художника, Дом литераторов и Дом творческих союзов.

Писательская организация Кузбасса одна из крупнейших в Сибири, в своих рядах она объединяет более **80** профессиональных литераторов, которые вносят достойный вклад в копилку литературного наследия края. Уже несколько десятков лет они несут слово добра, надежды и веры своим читателям.

Поддержка профессиональных литераторов и молодых начинающих авторов является одним из приоритетных направлений культурной политики Кузбасса. В рамках региональной целевой программы «Культура Кузбасса» финансируется издание книг, журналов, оказывается помощь в публикациях в центральных журналах и антологиях. Так, только на издательскую деятельность в 2008 году из средств областного бюджета было выделено **1 млн. 300 тыс. рублей**. **Изданы** шесть номеров журнала «Огни Кузбасса», четыре номера газеты «Культура Кузбасса», **финансовую поддержку** получили молодежный журнал «После 12» и альманах «Красная горка». **Изданы книги** С. Донбая, Б. Бурмистрова, В. Мазаева, З. Естамоновой, Т. Рубцовой, Л. Скорик, Т. Страховой, Д. Мурзина, Н. Ничика, В. Иванова, В. Шумилова, Т. Тудегешевой, сборник стихов «Самоцветы». Знаковым событием года стал выход в свет Антологии русской сибирской поэзии XX века, куда вошли лучшие поэтические произведения сибирского края. Книга получила высокую оценку на проходившем в декабре 2008 года в Москве Пленуме Союза писателей России.

Были проведены **крупные культурные акции**, среди них:

- **III Фестиваль актуальной сибирской литературы** «Ледокол», в котором приняли участие молодые поэты, лауреаты и финалисты межрегиональных и российских литературных конкурсов из Кемерово, Новосибирска, Томска, Красноярска и других городов России;

- межрегиональный поэтический праздник «Весна в Притомье»;

- литературные праздники – «Чивилихинские», «Киселевские» и «Федоровские» чтения;

- прошли мероприятия, посвященные 90-летию со дня рождения В.Д. Федорова, выдающегося русского поэта, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР. 12 сентября в Марьевке, на его родине, прошли юбилейные **Федоровские чтения**, куда собрались отдать дань памяти литераторы из Сибирских регионов. На празднике областными наградами и денежными премиями были награждены 40 человек, среди них руководители литературных студий, поэты и прозаики, приглашенные на праздник гости.

В Кемеровской областной научной библиотеке, которая носит имя В.Д. Федорова, совместно с Союзом писателей Кузбасса проведены: литературная гостиная «На Родине моей...», поэтический марафон, фотовыставка «Марьевские просторы», представление сборника «День поэзии» и Антологии сибирской поэзии, куда вошли стихи поэта.

Писатели Кузбасса ежегодно проводят творческие встречи с различными категориями населения, в том числе с детьми и молодежью, привлекая их к творчеству. Только за прошедший год проведено **140** таких мероприятий с учащимися школ, интернатов, детских домов. Состоялись вечера, посвященные творчеству кузбасских писателей и поэтов В. Мазаева, Л. Скорик, Ю. Лавряшиной С. Павлова, А. Зубарева, Д. Хоботнева, Т. Ильдимировой, В. Угрюмова и др. Сегодня практически в каждом городе, районе работают поэтические клубы и литературные студии, где секретами мастерства с юными начинающими поэтами делятся профессионалы. Для начинающих поэтов проводятся литературные курсы «Радуга творчества», «Состязание поэтов», литературные фестивали, презентации новых публикаций, авторские вечера и мастер-классы.

В знак признательности за большую просветительскую работу по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения, в качестве подарка от Губернатора писателям выделено **25** персональных подписок на 2-е полугодие 2008 г. и 1-е полугодие 2009 г. на литературно-художественный журнал «Наш современник».

В январе 2008 года в г. Кемерово состоялись праздничные мероприятия, посвященные 50-летию со дня образования Кемеровской областной организации Всероссийской творческой общественной организации **Союз художников России**. В честь юбилея в Администрации Кемеровской области состоялся **Губернаторский прием**, на котором областными наградами поощрены **86** художников, открылись выставки в Кемеровском областном музее изобразительных искусств: «О тех, кого помню и люблю» (встреча с вдовами художников) и «Фотография на память», в Кемеровском областном Доме художников – **юбилейная художественная выставка**, на которой представлено более **150** произведений членов союза художников. Выставки посетили более 5000 человек.

В рамках региональной целевой программы «Культура Кузбасса» художники принимали участие в **X межрегиональной художественной выставке «Сибирь»** в Новосибирске. На ней были представлены работы художников Алтая, Бурятии, Иркутской, Новосибирской, Омской и Томской областей, Красноярского края, республик Тыва и Хакассия, а также произведения 68 кузбасских профессиональных художников. 30 из них получили дипломы лауреатов и медали.

В 2008 году на территории Кемеровской области было проведено **60** выставок с участием кемеровских и новокузнецких художников. Кузбасовцы побывали на **областных художественных выставках**, посвященных 65-летию Кемеровской области, 90-летию города Кемерово, «Семья художника», юбилейной художественной выставке заслуженных художников России И.И. Филичева, В.Е. Сотникова, В.П. Кравчука, персональной выставке А.С. Чернова, Н.П. Мигулина, и др. Издано три каталога художников.

Кемеровская областная организация ВОО «Союз художников России» проводит активную социальную политику, занимаясь художественным воспитанием детей и молодежи на всех уровнях – от детских художественных школ и изостудий до высших учебных заведений, поддерживает художников-ветеранов, участвует во всех крупных городских и областных мероприятиях, представляет Кузбасс на всероссийских и региональных выставках.

29 февраля 2008 года управлением Федеральной регистрационной службы по Кемеровской области зарегистрирован **Союз композиторов Кузбасса** – Кемеровская региональная общественная творческая организация, председатель Союза, заслуженный работник культуры РФ, доцент Кемеровского государственного университета культуры и искусств В. Пипекин. В правление Союза вошли композиторы, работающие в разных городах Кузбасса: В. Крайнев, А. Феденев (Кемерово), А. Александров, М. Маслов (Новокузнецк), И. Друзгов (Ленинск-Кузнецкий). Союз композиторов Кузбасса уже активно включился в творческую жизнь области. С его участием был проведен **областной конкурс «Песни земли кузнецкой»**, посвященный 65-летию образования Кемеровской области и 90-летию г. Кемерово, концерты-презентации композиторов области.

Одним из приоритетных направлений культурной политики Кузбасса является **поддержка творческих работников** культуры и искусства области. С января 2008 года **95** членов всероссийских творческих союзов писателей, художников, театральных деятелей, находящихся на пенсии, либо оказавшихся в трудной жизненной ситуации, получали ежемесячные **губернаторские пособия** в размере **3000** рублей. **12** человек, входящих в состав творческих Союзов, получили разовую материальную помощь на лечение в размере от **15** тысяч до **30** тысяч рублей. Отдельным художникам компенсируются затраты за пользование коммунальными услугами творческих мастерских, а также по согласованию с администрациями муниципальных образований предоставляются льготы на оплату коммунальных услуг.

Проведение областных конкурсов – это еще одна акция в поддержку профессиональных твор-

ческих союзов. Это **именные премии**, учрежденные в области литературы и искусства в честь талантливых земляков, которые присуждаются самым достойным кузбасским деятелям культуры и ежегодные премии: в области литературы «Образ», изобразительного искусства – «Вдохновение», театрального искусства – «Триумф» с премиальным фондом более **250** тысяч рублей.

Народное творчество. Кемеровский областной центр народного творчества и досуга в 2008 году продолжил работу в рамках реализации регионального проекта «Культура» по следующим **приоритетным направлениям**:

- пропаганда среди молодежи семейных ценностей, содействие реализации творческих способностей и гармоничному развитию личности, воспитание гражданского становления молодежи;
- реализация областных и всероссийских культурных проектов и программ в сфере художественного творчества и любительского искусства;
- сохранение и восстановление традиционной народной культуры Кузбасса;
- работа по методическому обеспечению процессов сохранения и развития народного художественного творчества (семинары, мастер-классы, выставки, смотры-конкурсы и др.).

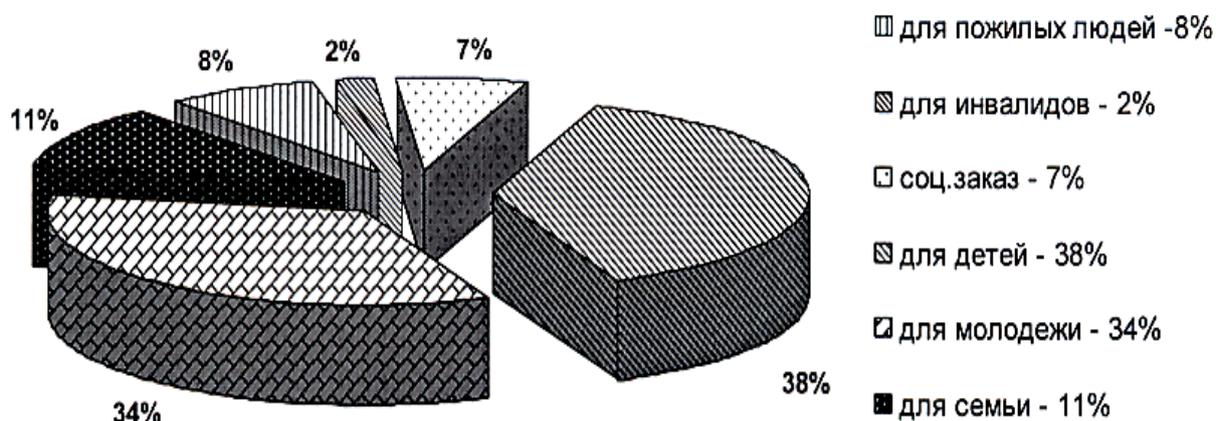
Основными задачами культурно-досуговых учреждений были:

- приобщение жителей области к искусству;
- развитие творческих способностей населения;
- организация досуга детей и взрослых;
- просветительская деятельность с целью воспитания духовно и физически здоровых граждан.

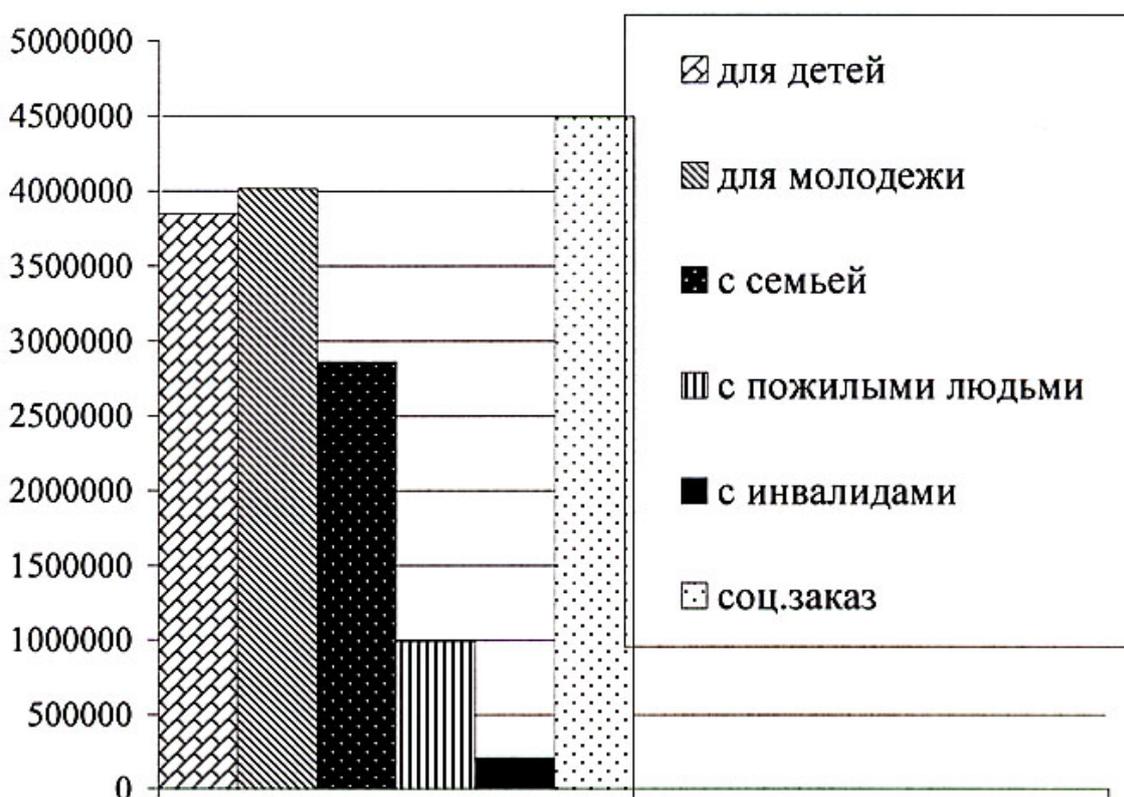
В 2008 году клубные учреждения области провели **149585** мероприятий, из них **58611** на платной основе, их посетило **7697893** человека. Число участников клубных формирований составило **136643** человек, что на 4,5 млн. больше, чем в 2007 г. Удельный вес охвата населения, участвующего в культурно-досуговых мероприятиях, проводимых клубными формированиями, составил **686,5**.

В клубных учреждениях Кузбасса действовало **9230 клубных формирований** с количеством участников **136643** человека, функционировало **4413 коллективов** самодетельного народного творчества, из них наиболее популярными являлись коллективы: хореографические – 945, театральные – 447, фольклорные – 291, ИЗО – 159, народные промыслы – 58, ОРНИ – 32, духовых инструментов – 28. Также в клубных учреждениях работало **4601** детское формирование с количеством участников – **67586**, действовало **303** коллектива художественной самодетельности со званиями «народный» и «образцовый».

Культурно-досуговые мероприятия
(% состав по разделам работы)

Число посетителей культурно-досуговых мероприятий

2008 год был объявлен в России **Годом Семьи**, поэтому все культурно-развлекательные мероприятия были связаны с **организацией семейного досуга** и основная работа клубных учреждений Кузбасса направлена на повышение социального статуса семьи в современном обществе, сохранение и приумножение традиций семейного творчества.

В Кемеровской области прошли такие **мероприятия**, как: межрегиональный фестиваль-конкурс семейного творчества «Семья и Творчество», выставка декоративно-прикладного мастерства «Секреты домашнего уюта», конкурс родословных «Круг молодых семей», конкурс «Молодая семья Междуреченска», **всекузбасский фестиваль-**

конкурс семейного творчества «Счастья вашему дому», в котором приняли участие 28 творческих семей Кузбасса. А также были открыты **зоны семейного отдыха** – сквер «Единый Кузбасс», Аллея молодоженов (г. Полысаево).

Большой **популярностью** у кузбассовцев пользовались вечера, дни семейного отдыха, конкурсно-игровые программы, концерты, семейные клубы «Папа, мама, я» (г. Новокузнецк), «Рандеву», женский клуб «Успех» (г. Белово), «Семь-я» (Прокопьевский район) и т. д. Непростая социально-экономическая ситуация вернула некогда популярную форму клубной работы – «Круглый стол», когда на встречу с семьями приглашаются сотрудники различных организаций (представители женсоветов, специалисты по делам семьи и молодежи и т. д.), сообща решаются вопросы и проблемы.

В целом Год Семьи по области прошел успешно. Были разработаны и проведены новые формы работы с семьями всех категорий и возрастов, выросло число проводимых мероприятий для данной категории посетителей клубных учреждений.

Важным направлением в деятельности клубных учреждений Кузбасса была **работа с детьми и подростками**. За отчетный год в учреждениях культуры области прошло **56685** мероприятий для детей, вырос спектр платных услуг в сфере досуга, в том числе и количество платных мероприятий для детей. За 2008 год в области проведено **17091** платное мероприятие, что на **2425** больше, чем в предыдущем году, а посетителей этих акций стало больше на **593113** человека.

Среди проводимых мероприятий наибольшей популярностью пользовались познавательно-развлекательные, игровые программы, конкурсы, театрализованные представления. Во многих учреждениях культуры городов и районов области в течение года проводились **фестивали и конкурсы детского творчества**: традиционный конкурс детских хореографических коллективов на призы Администрации Кемеровской области и редакции газеты «Труд», ежегодный конкурс детского творчества «Зажги свою звезду» в Тисульском районе, конкурс эстрадной детской песни «Радость», победители которого продолжили борьбу за призовое место на Всероссийском конкурсе в Москве, фестивали детского творчества – на гранд Главы «Надежды Тисуля», «Радуга талантов» в Ленинск-Кузнецком районе, детский фестиваль-конкурс художественной самодеятельности «Звёздная радуга» в п.г.т. Краснобродский, второй областной детский фестиваль национальных культур «Родники Кузбасса» и другие.

Прошли **новые конкурсы**: в Киселёвске был дан старт детскому городскому конкурсу эстрад-

ной песни «Созвездие талантов», в Мысках стартовали два новых городских конкурса: «Шалунья» (для самых маленьких жительниц города в возрасте 5–7 лет) и «Айдас Олагаш» (для мальчиков коренного населения от 7 до 10 лет). Их целью было: организация культурно-досуговой деятельности, выявление и поддержка творчески одарённых детей, воспитание художественного и эстетического вкуса, повышение исполнительского мастерства участников.

В **День защиты детей** на главной площади города Гурьевска, состоялся **гала-концерт** областного конкурса детского творчества «Подари улыбку миру», в котором приняло участие более **500** детей нашей области.

Работники культуры области принимали активное участие в организации **летнего отдыха детей и подростков**. Работа осуществлялась в тесном взаимодействии с комитетами по делам детей и молодёжи, с центрами дополнительного образования, с детскими Домами и Центрами творчества, спортивными организациями, образовательными учреждениями, подростковыми детскими клубами. Это дало положительный эффект, например, в Белове было проведено **538** мероприятий, а Прокопьевском районе – **543**.

Еще одним направлением в деятельности работников клубных учреждений области была **работа с молодежью**. Популярными формами организации досуга молодежи были клубы по интересам, любительские объединения, семейные клубы, кружки художественного и технического творчества, дискотеки, молодежные кафе-клубы, спортивные секции. Большим интересом у молодежи пользовались мероприятия, посвященные **65-летию Кемеровской области и 90-летию города Кемерово**. Так, в клубных учреждениях г. Кемерово в 2008 году прошло **752** мероприятия по организации молодежного досуга, что на **55** больше, чем в 2007 году. Посещение составило **290546** чел. В Новокузнецке количество мероприятий, проведенных в прошедшем году, в сравнении с 2007 г. увеличилось на **150**, что привело к увеличению числа посетителей этих мероприятий на **1269060** человек.

В целом за отчетный период в городах области наблюдался прирост, как количества мероприятий, так и числа его посетителей. Анализ деятельности клубных учреждений области по работе с молодежью показал, что количество мероприятий, проведенных в 2008 году, составило **49780**. Количество посетителей на мероприятиях в 2008 году увеличилось на **1210902** чел. (2007 г. – **2805202** чел.).

Основные направления национальной политики. В целях эффективного решения основных задач в сфере национальной политики Кемеровской

области – таких, как: развитие социальной инфраструктуры в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Кемеровской области; повышение уровня их образования; сохранение мира и стабильности в регионе, создание условий для сохранения и развития национальных языков, укрепления межнационального культурного сотрудничества – в Кузбассе действует утвержденная Постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области среднесрочная региональная целевая программа «Социально-экономическое развитие наций и народностей в Кемеровской области на 2008–2011 годы». Департамент также включен в федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2008 г.». Благодаря этим программам, в 2008 году закончено строительство водопровода в п. Телеут г. Белова. На эти цели в 2005–2008 годах было выделено: из средств областного бюджета 11465 тыс. рублей, из федерального – 18700 тыс. рублей. Построены двухквартирный дом в п. Ключевой и одноквартирный дом в п. Чулеш Таштагольского района для семей молодых специалистов на сумму 1,5 млн. рублей. Приобретены медикаменты и медицинское оборудование для фельдшерско-акушерских пунктов в местах компактного проживания коренных малочисленных народов на сумму 150 тыс. рублей из средств региональной программы, а также техника для жизнеобеспечения отдаленных поселков Таштагольского района на 700 тыс. рублей из областного бюджета. Проведены этнологические экспертизы на сумму 350 тыс. рублей. На поддержку деятельности национальных центров культуры и общественных организаций (культура, спорт, детское творчество, массовые мероприятия и т. д.) было выделено 3,8 млн. рублей.

В рамках деятельности по развитию **международных, межнациональных и межрегиональных связей** Департаментом культуры и национальной политики в 2008 году было **организовано** и проведено:

- участие музея Таштагольского района на выставке-ярмарке ВВЦ в г. Москве;
- курсы повышения руководителей творческих коллективов коренных малочисленных народов в Школе традиционной национальной культуры;
- участие Кемеровской региональной общественной организации «Центр татарской культуры «Дуслык» в работе Всемирного Форума татарской молодежи в городе Казань;
- участие фольклорного коллектива Кемеровской региональной национальной культурной общественной организации «Славянское вече»

во Всероссийском Конкурсе-фестивале «Кремлевские звездочки» в г. Москве;

- участие Кемеровской областной общественной организации Армянская община «Урарту» в молодежном форуме «Мы – россияне» и фестивале-конкурсе «Мелодии единства» в городах Красноярск, Москва;

- участие преподавателей КузГПА в Конгрессе народов России «Судьбы культур и языков народов России» в г. Ярославле;

- участие членов молодежных организаций национально-культурной немецкой автономии Кемеровской области в Общероссийском молодежном форуме «Мы – россияне» – школе молодого лидера в г. Ижевске;

- участие руководителя Кемеровской общественной организации Таджикский культурный центр «Авиценна» в работе круглого стола, проводимого общероссийской общественной организацией Союз таджикстанцев России в г. Москве;

- участие члена шорской писательской организации Т.В. Тудегешевой в работе Всемирного Русского народного Собора «Духовная сила слова – основа единства народов», организованного Союзом писателей России в г. Москве;

Продолжена **работа по сохранению родного языка и традиций и обычаев народов**, проживающих в Кузбассе.

С этой целью в 2008 г. **изданы**: книга для чтения «Традиции питания коренных малочисленных народов Кемеровской области»; учебное пособие по самостоятельному изучению телеутского языка; книга «Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А. Чудоякова»; книга для детей «Народные сказки»; вышел в свет первый номер журнала «Кузбасс – регион согласия».

Для детей из числа коренных малочисленных народов области продолжила свою деятельность летняя **языковая деревня «Каратаг»** в Таштагольском районе. Работали **воскресные школы по факультативному изучению телеутского, шорского языков** в с. Беково г. Белово и Таштагольском районе.

Состоялась международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию со дня рождения профессора А. Чудоякова **«Историко-культурное взаимодействие народов Сибири»**. В ней приняли участие деятели науки и культуры из Томска, Тувы, Якутии. Была создана научно-педагогическая рабочая группа по разработке модели школы с этнопедагогическим и инновационно-языковыми (шорским и телеутским) компонентами.

Одним из приоритетных направлений в работе Департамента является **содействие в сохранении и развитии самобытной национальной культу-**

ры народов, проживающих в области. С этой целью **ежегодно проходят** традиционные национальные праздники, в которых участвуют более **1500** тыс. человек: татарский «Сабантуй», шорский «Пайрам», телеутский «День Святого Николы», славянский «Троица», еврейские «Песах» и «Пурим», Губернаторская ёлка «Хоровод дружбы», районные Дни шорской и телеутской культуры, спартакиады коренных малочисленных народов, творческие встречи шорских поэтов и писателей, членов Союза писателей России в г. Осинники, посвященные памяти Степана Торбокова.

Ярким событием в череде праздничных национальных мероприятий стал **фестиваль национальных культур «Мы живем семьей единой»**, который впервые прошел в три этапа и охватил все города и районы области, привлек более **1000** участников, в числе которых были национальные творческие коллективы, общественные национальные объединения и отдельные солисты. Среди участников были многочисленные диаспоры армян, цыган, казахов и азербайджанцев. Фестиваль способствовал развитию толерантности межнациональных отношений, повышению эффективности работы национальных объединений, развитию и сохранению национальных традиций, взаимообогащению культур.

Активную работу проводил **Координационный Совет** национальных общественных объединений. Члены Президиума Координационного Со-

вета являются активными участниками областных благотворительных акций, общественного Совета при ГУВД Кемеровской области, ведут активную поддержку вновь создаваемым организациям соотечественников. При его участии был организован и проведен Второй **детский фестиваль национальных культур «Родники Кузбасса»**, в котором приняли участие более **200** талантливых ребят от 7 до 18 лет разной национальности.

Для более эффективного достижения целей, поставленных в области национальной политики в 2009–2010 г.г., будет **продолжена работа** по включению ряда мероприятий в соглашения, заключаемые между АКО и собственниками предприятий, осуществляющих хозяйственную деятельность в местах компактного проживания коренных малочисленных народов, а также будут решаться следующие **задачи**:

- открытие новых центров традиционной национальной культуры, создание национальных мастерских по развитию народных промыслов;
- строительство школы-интерната с дошкольным образовательным учреждением в п. Ортон г. Междуреченска;
- продолжение этнологических экспертиз в местах компактного проживания коренных народов;
- увеличение обеспеченности мест компактного проживания коренных народов высококвалифицированными специалистами.

РАЗРАБОТКА ОПТИМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ю.В. Клецов

В Концепции действий на рынке труда на 2008–2010 годы, одобренной распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2008 г. № 1193-р, отмечается, что несоответствие структуры отечественного профессионального образования, смещённой в пользу высшей школы, актуальным и перспективным потребностям рынка труда привело к нехватке квалифицированных кадров по ряду профессий и специальностей. Концепцией предусматривается сбалансировать структуру профессионального образования и профессионально-квалификационную структуру спроса на рабочую силу путём реализации ряда мер, включая пересмотр направлений и уровней профессиональной подготовки рабочих кадров и специалистов с учётом прогноза спроса и предложения на рынке труда.

Поскольку главным заказчиком для системы профессионального образования в нашей стране до сих пор остаётся государство, постольку именно институт государственного образовательного заказа может и должен стать эффективным инструментом регулирования на рынках труда и образовательных услуг. В связи с этим особую актуальность и значимость приобретает задача разработки оптимальной с точки зрения интересов государства и хозяйствующих субъектов структуры государственного заказа системе профессионального образования (далее – госзаказ).

В течение последнего десятилетия проблемы, связанные с моделированием экономических процессов, совершенствованием научно-методического обеспечения мониторинга и прогнозирования ситуации на рынках труда и образовательных услуг, формированием на этой основе научно обоснованного госзаказа, широко и активно обсуждались российскими учёными. Решению этих проблем посвящены работы С.Ю. Алашеева, Г.А. Алёхиной, Л.С. Бабыниной, Г.А. Балыхина, И.Е. Быстрова, В.Н. Васильева, В.А. Гуртова, Е.М. Ильина, В.А. Колемаева, Т.Г. Кутейницыной, А.Е. Лапина, А.Г. Мезенцева, О.М. Писаревой, Е.А. Питухина, Ю.М. Плотинского, Н.Ю. Посталюк, В.Н. Сулицкого, А.Е. Суринова, Д.С. Чернейко и др. В Кузбассе данная проблематика разрабатывается Е.А. Бакановым, О.А. Бияковым, Е.В. Буйной, В.Ф. Григорьевой, Н.К. Михайловой, М.Д. Поварич и И.П. Поваричем, Е.Г. Умновой, В.А. Шабашевым и др.

Проведённый нами анализ существующих моделей формирования госзаказа [1] позволяет сде-

лать вывод о том, что в них реализованы различные, не всегда согласующиеся друг с другом подходы к решению связанных с этим задач. В силу этого возникает необходимость разработки базирующегося на единой концептуальной основе научно-методического обеспечения для выявления и регулирования взаимосвязей в системе «экономика – рынок труда – профессиональное образование». Не ставя под сомнение актуальность и значимость задачи построения адекватной математической модели для прогнозирования потребностей экономики в квалифицированных кадрах, всё же отметим, что «перевод этих... взаимосвязей в количественные параметры и характеристики» [2] возможен лишь на основе и в результате их детального анализа – прежде всего, с позиций системно-структурного подхода.

В связи со сказанным выше обращают на себя внимание фрагментарность и общая несбалансированность сложившейся на сегодня в нашей стране структуры профессионального образования, которые обусловлены преобладанием в ней локальных взаимосвязей над системными и иерархическими над функциональными [3]. Как показывает практика, этих взаимосвязей недостаточно для формирования сбалансированного госзаказа, а преимущественная ориентация на них при разработке соответствующих методик и механизмов ведёт к превращению госзаказа *системе профессионального образования* в госзаказ *для самой этой системы* или даже *для отдельных её уровней (звеньев)*. Это, разумеется, не означает, что указанные взаимосвязи не следует учитывать и использовать при формировании госзаказа. Речь идёт лишь о том, чтобы дополнить и скорректировать их путём согласования с интересами субъектов-резидентов экономики и производственными (в том числе профессионально-трудовыми) отношениями, складывающимися за рамками собственно образовательной системы. Для этого необходимо, прежде всего, соотнести друг с другом объекты и принципы классификации в системе профессионального образования и в сфере экономики, а также выявить прямые и опосредствованные взаимосвязи между ними, позволяющие сформировать оптимальную профессионально-квалификационную структуру госзаказа.

В настоящей статье под оптимальной структурой госзаказа, в соответствии с принятым нами ранее определением [4], понимается установленная государственным заданием совокупность контроль-

ных цифр приёма граждан на обучение по направлениям подготовки, специальностям и профессиям высшего, среднего, начального профессионального образования (далее – ВПО, СПО, НПО соответственно) за счёт средств федерального бюджета или бюджета субъекта РФ, сбалансированная по видам экономической деятельности и видам занятий (трудовой деятельности) со сложившейся профессионально-квалификационной структурой экономически активного населения, рабочих мест и спроса на рабочую силу. В связи с этим определением необходимо дать ряд пояснений.

Важнейшее значение для выявления и описания взаимосвязей в системе «экономика – рынок труда – профессиональное образование», а также для их адекватного отражения в структуре госзаказа имеют Общероссийские классификаторы видов экономической деятельности ОК 029-2001 и ОК 029-2007 (далее – ОКВЭД). Это обусловлено тем, что в условиях реструктуризации, диверсификации и кластеризации отраслей экономики главным квалифицирующим признаком хозяйствующих субъектов становится не их отраслевая принадлежность (подведомственность), форма собственности и/или организационно-правовая форма, а фактически осуществляемая ими экономическая деятельность.

Объектами классификации в ОКВЭД являются виды экономической деятельности, системати-

зированные по признакам, которые характеризуют процесс (технологию) и продукт производства, используемые ресурсы и др. В то же время в ОКВЭД, в соответствии с международной практикой, не учитываются такие признаки, как форма собственности, организационно-правовая форма и ведомственная подчинённость хозяйствующих субъектов, а также не делается различий между внутренней и внешней торговлей, рыночными и нерыночными, коммерческими и некоммерческими видами экономической деятельности. Принимая во внимание сказанное, мы будем использовать понятие «вид экономической деятельности» (далее – ВЭД) в значении основного отличительного признака субъектов-резидентов экономики, который обеспечивает их идентификацию по сфере общественного производства и области производственной специализации, типу технологического процесса, номенклатуре выпускаемой продукции и т. п.

ОКВЭД включает перечень классификационных группировок ВЭД и их описания. В число указанных группировок входят 17 разделов, 16 подразделов, 60 классов, 224 подкласса, 496 группы и 733 подгруппы (таблица 1). Таким образом, в ОКВЭД реализована шестиуровневая иерархическая классификация объектов. В приложения к ОКВЭД включены описания ВЭД, раскрывающие содержание соответствующих группировок и/или дающие отсылки к другим группировкам.

Таблица 1

Распределение группировок ВЭД в ОКВЭД*

Код и наименование раздела	Количество				
	подразделов	классов	подклассов	групп	подгрупп
А Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	–	2	7	14	34
В Рыболовство, рыбоводство	–	1	2	2	5
С Добыча полезных ископаемых	2	5	13	16	28
D Обрабатывающие производства	14	23	104	234	269
E Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	–	2	4	4	14
F Строительство	–	1	5	17	24
G Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	–	3	19	77	168
H Гостиницы и рестораны	–	1	5	9	5
I Транспорт и связь	–	5	14	21	50
J Финансовая деятельность	–	3	5	12	36
K Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	–	5	23	37	55

Код и наименование раздела	Количество				
	подразделов	классов	подклассов	групп	подгрупп
L Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	–	1	3	10	16
M Образование	–	1	4	6	13
N Здравоохранение и предоставление социальных услуг	–	1	2	7	8
O Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	–	4	12	28	8
P Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	–	1	1	1	–
Q Деятельность экстерриториальных организаций	–	1	1	1	–
Всего:	16	60	224	496	733

* Согласно ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1)

При использовании ОКВЭД для классификации деятельности, выполняемой за вознаграждение или на договорной основе, следует рассматривать эту деятельность как деятельность хозяйствующих субъектов, производящих ту же продукцию или оказывающих услуги за собственный счёт. При этом выделяются два основных типа их деятельности:

- выполнение работ по документации заказчика, когда подрядчик представляет субподрядчику всю техническую документацию, необходимую для производства заказанной продукции;

- выполнение работ по заказу, когда субподрядчик подвергает определённой обработке объект, поставляемый подрядчиком (к таким объектам может относиться сырьё, подвергнутые механической обработке детали машин и т. д.).

Когда хозяйствующие субъекты играют существенную роль в проектировании и разработке продукции (обеспечивают исполнителя необходимой для производства технической, технологической и/или конструкторской документацией; передают исполнителю «ноу-хау», патенты и т. п. или иным образом фактически стимулируют производство принципиально новой для него продукции), а также принимают на себя риск, связанный с производством (являются собственниками сырья и материалов, из которых производится продукция; передают исполнителю в аренду или в лизинг на время выполнения заказа необходимое оборудование, технологические приспособления и т. д.), и когда объём производства данной продукции в течение года составляет не менее 50 % продукции этого вида на предприятии в целом, тогда их деятельность классифицируется так, как если бы эта продукция производилась ими самостоятельно.

Экономически активное население (ЭАН) образует часть населения в возрасте от 15 до 72 лет, представленная совокупностью занятых (в том числе частично занятых) и безработных. К занятым относятся лица:

- работающие по трудовому договору, в том числе выполняющие работу за вознаграждение на условиях полного либо неполного рабочего времени, а также имеющие иную оплачиваемую работу или службу (включая сезонные и временные работы), кроме участвующих в общественных работах;

- зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей или осуществляющие иную приносящую доход деятельность (как с привлечением, так и без привлечения наёмных работников);

- занятые в подсобных промыслах и реализующие продукцию по договорам;

- выполняющие работы по договорам гражданско-правового характера, предметом которых является выполнение работ или оказание услуг (в том числе по договорам, заключённым с индивидуальными предпринимателями, и авторским договорам), а также являющиеся членами производственных кооперативов (артелей) или выполняющие работы без оплаты на семейном предприятии;

- избранные, назначенные или утверждённые на оплачиваемую должность;

- проходящие военную или альтернативную гражданскую службу, а также службу в органах внутренних дел и государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы;

- проходящие очный курс обучения в общеобразовательных учреждениях, учреждениях ВПО, СПО, НПО и других образовательных учреждениях

(включая обучение по направлению органа государственной службы занятости населения);

– временно отсутствующие на рабочем месте в связи с нетрудоспособностью, отпуском, переподготовкой (повышением квалификации), вызванной забастовкой приостановкой производства, призывом на военные сборы, привлечением к мероприятиям, связанным с подготовкой к военной (альтернативной гражданской) службе, исполнением других государственных обязанностей или иными уважительными причинами;

– являющиеся учредителями или участниками организаций, за исключением учредителей или участников общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов, объединений юридических лиц (ассоциаций и союзов), которые не имеют имущественных прав в отношении этих организаций;

– работающие менее установленной нормы рабочего времени, в том числе работающие в режиме неполного рабочего дня или неполной рабочей недели либо находящиеся во временном отпуске по инициативе нанимателя (вынужденно частично занятые работники).

В порядке дополнения поясним, что наряду с ЭАН выделяют экономически неактивное население (ЭНН), профессионально-квалификационный состав которого мы считаем возможным не принимать во внимание ввиду его относительно небольшой численности и незначительного влияния на положение дел в экономике и конъюнктуру на рынке труда. ЭНН образует часть населения в возрасте от 15 до 72 лет, представленную лицами, не входящими в состав занятых или безработных. К данной категории относятся:

– учащиеся (студенты, слушатели, аспиранты, адъюнкты, ординаторы, докторанты) очной (дневной) формы обучения;

– не работающие и не занятые поиском работы пенсионеры (включая лиц, получающих пенсии по инвалидности или потере кормильца);

– лица, занятые ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми и (или) больными родственниками;

– лица, исчерпавшие все возможности получения работы и прекратившие её поиск, но которые могут и готовы работать;

– лица, занятые поиском работы, но не готовые приступить к ней немедленно (учащиеся и студенты, ищущие работу для трудоустройства по окончании учебного заведения или по истечении определённого периода времени, и др.);

– лица, у которых нет необходимости работать независимо от размера и источника дохода (лица вне рабочей силы).

Говоря о профессионально-квалификационной структуре рабочих мест, мы подразумеваем как рабочие места для рынка труда, так и вакантные рабочие места. Под рабочим местом для рынка труда понимается любое занятое работником рабочее место (вакантные рабочие места в число таких мест не включаются). Вакантным считается любое не занятое работником рабочее место. Количество таких мест определяется численностью работников, требующихся данному предприятию (организации) при условии обеспечения их полной занятости. В действующей в РФ системе государственного статистического наблюдения в качестве вакантных рабочих мест учитываются любые незаполненные позиции в штатном расписании организаций независимо от того, ведут ли последние поиск на рынке труда и нужны ли им вообще дополнительные работники. При этом организации имеют возможность как увеличивать, так и сокращать количество вакантных рабочих мест. В установленных в РФ формах государственной статистической отчётности вакантные рабочие места, намеченные к сокращению или введению в течение ближайшего квартала, указываются отдельно.

В связи с указанием на профессионально-квалификационную структуру спроса на рабочую силу следует пояснить, что под «рабочей силой» в данном случае мы понимаем особую разновидность товара (специфический предмет купли-продажи), который обращается на рынке труда и представляет собой субъективную способность человека к труду, представленную совокупностью присущих ему физических, психологических, интеллектуальных и др. качеств, которые могут быть применены в процессе общественного производства.

Руководствуясь принятыми нами теоретико-методологическими принципами, полагаем, что необходимым условием формирования оптимальной структуры госзаказа и, вместе с тем, первым шагом в этом направлении является приведение взаимосвязей между установленными в РФ образовательными уровнями, или цензами (НПО, СПО, ВПО) в соответствие с основными уровнями квалификации работников, выделяемыми в Общероссийском классификаторе занятий (далее – ОКЗ).

ОКЗ разработан в соответствии с Государственной программой перехода РФ на принятую в международной практике систему учёта и статистики исходя из требований развития рыночной экономики и представляет собой систематизированный перечень видов трудовой деятельности (занятий), позволяющий достигнуть единообразия их наименований и обеспечить возможность проведения статистических сравнений, учёта и анализа в интересах осуществления рациональной политики занятости. Систематизация видов трудовой

деятельности (далее – ВТД), принятая в ОКЗ, в основном соответствует Международной стандартной классификации занятий (МСКЗ) и имеет иерархическую четырёхуровневую структуру.

В ОКЗ отмечается, что он предназначен для решения широкого круга задач, касающихся регулирования социально-трудовых отношений, а также связанных с оценкой состояния и динамики изменений структуры рабочей силы, анализом и прогнозом показателей в сфере занятости и профессионального образования, а его классификационной единицей определён «вид трудовой деятельности (занятие), основу которого составляет квалификация (профессиональное мастерство) и профессиональная специализация». При этом поясняется, что в отличие от профессии, подразумевающей обязательную профессиональную подготовку, под занятием понимают любой вид деятельности, в том числе не требующий специальной подготовки, приносящий заработок или доход. Объектами классификации в ОКЗ являются однородные (с точки зрения содержания соответствующих работ) укрупнённые группировки профессий рабочих и должностей служащих.

ОКЗ включает 9 укрупнённых групп, подразделяющихся на подгруппы, составные группы и базовые группы:

- 1) руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий;
- 2) специалисты высшего уровня квалификации;
- 3) специалисты среднего уровня квалификации;
- 4) служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учётом и обслуживанием;
- 5) работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности;
- 6) квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства;
- 7) квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр;
- 8) операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики;
- 9) неквалифицированные рабочие.

В качестве классификационных признаков для определения общности (сходства) работ и соответствующей группировки ВТД в ОКЗ приняты: содержание трудовых функций (выполняемых работ), предметы и орудия труда, масштаб и сложность руководства, конечные результаты трудовой

деятельности и др., определяющие квалификацию и специализацию работников.

Критерием квалификации в ОКЗ определён уровень образования (профессиональной подготовки) и опыт (стаж) практической работы, которые в совокупности образуют необходимые предпосылки для выполнения работы определённой сложности. Указанный критерий применяется для идентификации всех ВТД и формирования укрупнённых групп, за исключением группы 1 «Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий».

В ОКЗ выделены четыре уровня квалификации. Первый уровень соответствует основному общему и/или среднему (полному) общему образованию, второй – НПО, третий – СПО, четвёртый – ВПО и послевузовскому профессиональному образованию. В связи с этим в ОКЗ отмечается, что при классификации конкретного ВТД учитывают, что определённый уровень квалификации может быть достигнут не только профессиональным образованием или специальной подготовкой, но и (достаточно часто) опытом практической работы. Однако для ВТД, требующих высокого уровня квалификации, образование и специальная подготовка имеют решающее значение.

Подгруппы ВТД в ОКЗ сформированы на основе критерия профессиональной специализации. На основании этого критерия определяют тип необходимых знаний, умений и навыков, требуемых для выполнения обязанностей и трудовых функций по определённым ВТД, который используют в качестве основы при определении видов деятельности, производственных процессов, обрабатываемых сырья и материалов, результатов труда и т. п. Согласно ОКЗ, критерий профессиональной специализации характеризуется сферой приложения труда. В одном случае это тип необходимых знаний, в другом – используемые инструменты, применяемые материалы или вид производимого продукта (оказываемых услуг). По данному критерию образованы также составные группы. Для отнесения ВТД к базовым группам наряду с этим критерием, применяют и другие (в зависимости от специфики конкретной группы ВТД). На каждом последующем уровне ВТД сгруппированы с учётом более глубокой специализации.

Если занятие охватывает широкий круг профессиональных функций, то его классификацию осуществляют с использованием принципа приоритетности. Так, в случаях, когда функции работника связаны с различными стадиями процесса производства и распределения товаров и услуг, приоритет отдают производственным функциям (при условии, что такие функции, как продажа, транспор-

тное обслуживание, управление производственным процессом и т. п. не доминируют). Если для выполнения профессиональных функций необходимы подготовка различного уровня и практический опыт, то ВТД классифицируют в соответствии с теми функциями, реализация которых требует более высокого уровня квалификации.

С учётом всего сказанного выше нами были построены матрицы сопряжения укрупнённых группировок ОКВЭД и ОКЗ на уровне укрупнённых групп и подгрупп занятий по уровню квалификации и образовательному цензу, а также базовые матрицы распределения направлений подготовки и специальностей ВПО, специальностей СПО и профессий НПО по группировкам ОКВЭД (относительно установленных ОКЗ групп занятий) [5]. Это позволило более точно определить место и роль каждого из рассматриваемых уровней профессионального образования (НПО, СПО, ВПО) в системе профессионально-квалификационных характеристик и их классификационных признаков, а также выявить и наглядно представить наиболее общие взаимосвязи между ними [6].

При построении указанных выше матриц мы постарались в максимальной степени учесть специфику классифицируемых объектов и выявленных между ними взаимосвязей, а также интересы государства и хозяйствующих субъектов (работодателей) – главным образом, сведя к минимуму дублирование указанных объектов и взаимосвязей

как на уровне группировок ОКВЭД и ОКЗ, так и на уровне отдельно взятых укрупнённых групп специальностей (направлений подготовки, профессий) по образованию и установленных государством образовательных цензов (ВПО, СПО, НПО). Как представляется, указанные матрицы могут быть использованы не только при формировании или корректировке госзаказа, но и при разработке и проведении экспертизы национальных профессиональных стандартов (национальной рамки квалификаций), а также при осуществлении мониторинга и подготовке прогнозов ситуации на рынках труда и образовательных услуг.

В качестве примера рассмотрим предложенные нами принципы и алгоритм формирования оптимальной структуры госзаказа применительно к подготовке квалифицированных кадров для хозяйствующих субъектов, классифицируемых в разделе «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД.

За основу нами были приняты 2 укрупнённые группы специальностей (направлений подготовки, профессий) по образованию (далее – УГСП), объединяющие наиболее значимые для кадрового обеспечения соответствующих ВЭД и ВТД направления подготовки, специальности и профессии ВПО, СПО, НПО, – 110000 «Сельское и рыбное хозяйство», 250000 «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов» (Таблица 2).

Таблица 2

Состав УГСП 110000 «Сельское и рыбное хозяйство», 250000 «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов» с распределением по уровням образования

Коды направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию		
ВПО	СПО	НПО
УГСП 110000 «Сельское и рыбное хозяйство»		
110100, 110101, 110102, 110200, 110201, 110202, 110203, 110204, 110300, 110301, 110302, 110303, 110304, 110305, 110400, 110401, 110500, 110501, 110900, 110901, 111000, 111001, 111200, 111201, 111300	110201, 110301, 110302, 110305, 110401, 110601, 110701, 110801, 110902, 110903, 111001, 111201	110205, 110206, 110307, 110308, 110309, 110310, 110311, 110402, 110403, 110602, 110702, 110703, 110904, 110905, 111002, 111102, 111103, 111202
УГСП 250000 «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов»		
250100, 250201, 250203, 250300, 250401, 250403	250202, 250203, 250402, 250403, 250405	250204, 250205, 250301, 250302, 250303, 250304, 250305, 250306, 250307, 250308, 250309, 250310, 250311
Итого по 2 УГСП:		
11 направлений, 20 специальностей	17 специальностей	31 профессия

Из 25 направлений подготовки и специальностей ВПО, входящих в состав УГСП «Сельское и рыбное хозяйство», в базовую матрицу нами были включены только 8 (Таблица 3), поскольку в описании группировок раздела «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД поясняется, что в них не входят деятельность учёных-агрономов в области сельского хозяйства, ремонт сельскохозяйственной техники и предоставление ветеринарных услуг. В матрицу не были включены:

– направления 110100 «Агрохимия и агропочвоведение», 110200 «Агрономия», 110500 «Ветеринарно-санитарная экспертиза», 111200 «Ветеринария»;

– специальности 110101 «Агрохимия и агропочвоведение», 110102 «Агроэкология», 110201 «Агрономия», 110202 «Плодоовощеводство и виноградарство», 110203 «Защита растений», 110204 «Селекция и генетика сельскохозяйственных культур», 110304 «Технология обслуживания и ремонта машин в агропромышленном комплексе», 110501 «Ветеринарно-санитарная экспертиза», 111201 «Ветеринария».

Указанные выше направления и специальности, а также направления и специальности 110900 «Водные биоресурсы и аквакультура», 110901 «Водные биоресурсы и аквакультура», 111000 «Рыболовство», 111001 «Промышленное рыболовство» классифицированы нами в других разделах ОКВЭД («Рыболовство, рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг»).

Из 6 направлений подготовки и специальностей ВПО, входящих в УГСП «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов», в базовую матрицу нами включены 4 (Таблица 3). В соответствии с описанием раздела «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД, в матрицу не включены специальности 250203 «Садово-парковое и ландшафтное строительство» (классифицирована в разделах «Строительство», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг») и 250403 «Технология деревообработки» (классифицирована в разделе «Обрабатывающие производства»).

Из 17 специальностей СПО, входящих в УГСП «Сельское и рыбное хозяйство» и «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов», в базовую матрицу нами включены 10 (Таблица 3). В соответствии с описанием раздела «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД, в матрицу не включены следующие специальности:

– 110801 «Кинология» (классифицирована в разделе «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг»);

– 110902 «Ихтиология и рыбоводство», 110903 «Обработка водных биоресурсов», 111001 «Промышленное рыболовство» (классифицированы в разделе «Рыболовство, рыбоводство»);

– 111201 «Ветеринария» (классифицирована в разделе «Здравоохранение и предоставление социальных услуг»);

– 250403 «Технология деревообработки», 250405 «Технология комплексной переработки древесины» (классифицированы в разделе «Обрабатывающие производства»).

В то же время, мы сочли целесообразным включить в базовую матрицу специальности СПО 110201 «Агрономия» и 250203 «Садово-парковое и ландшафтное строительство», принимая во внимание их отличие от одноимённых специальностей ВПО в части присваиваемых квалификаций (в СПО – «агроном, старший агроном», «техник»; в ВПО – «учёный агроном», «инженер») и с учётом специфики соответствующих группировок ОКЗ. При этом обе эти специальности, как и в случае с ВПО, дополнительно классифицированы нами в других разделах ОКВЭД – «Строительство» (250203), «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (110201, 250203), «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» (250203).

Из 18 профессий НПО, входящих в УГСП «Сельское и рыбное хозяйство», в базовую матрицу нами включены 13 (Таблица 3). В соответствии с описанием раздела «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД, в матрицу не включены следующие профессии:

– 110403 «Берейтор-наездник лошадей» (классифицирована в разделах «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», «Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства»);

– 110904 «Рыбовод», 110905 «Обработчик рыбы и морепродуктов», 111002 «Рыбак прибрежного лова» (классифицированы в разделах «Рыболовство, рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Гостиницы и рестораны», «Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства»);

– 111202 «Ветеринарный фельдшер» (классифицирована в разделе «Здравоохранение и предоставление социальных услуг»).

Следует отметить, что как и в случае с двумя указанными выше специальностями СПО, мы включили в базовую матрицу ряд профессий НПО, не вполне согласующихся с описанием раздела «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД, но, тем не менее, востребованных хозяйствующими субъектами с учётом характера присваиваемых квалификаций и специфики соответствующих группировок ОКЗ. К числу таких профессий относятся: 110309 «Электромонтёр по ремонту и

обслуживанию электрооборудования в сельскохозяйственном производстве», 110310 «Мастер по техническому обслуживанию и ремонту машинно-тракторного парка», 110311 «Заготовитель продуктов и сырья», 111102 «Хозяйка (хозяйин) усадьбы», 111103 «Управляющий сельской усадьбой». В то же время, указанные профессии, в соответствии с описанием группировок ОКВЭД, дополнительно классифицированы нами в разделах «Обрабатывающие производства» (110309, 110310), «Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства» (110311, 111102, 111103).

Из 13 профессий НПО, входящих в УГСП «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов», в базовую матрицу нами включены только 2 (Таблица 3). В соответствии с описанием раздела «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД, в матрицу не включены следующие профессии: 250301 «Оператор автоматических и полуавтоматических линий по изготовлению спичек», 250302 «Оператор оборудования в производстве спичек», 250303 «Контролёр полуфабрикатов и изделий из древесины», 250304 «Мастер столярного и мебельного производства», 250305 «Обойщик мебели», 250306 «Оператор линий и установок в деревообработке», 250307 «Станочник-обработчик», 250308 «Станочник деревообрабатывающих станков», 250309 «Контролёр целлюлозно-бумажного производства», 250310 «Машинист машин по производству бумаги и картона», 250311 «Сушильщик в бумажном производстве». Все эти профессии классифицированы нами в других разделах ОКВЭД («Обрабатывающие производства», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставле-

ние услуг»). При этом, как и в случае с родственной специальностью СПО (250203), мы сочли целесообразным включить в состав базовой матрицы профессию 250205 «Мастер садово-паркового и ландшафтного строительства», принимая во внимание востребованность хозяйствующими субъектами присваиваемых по ней квалификаций («садовник», «рабочий зелёного хозяйства», «цветовод») и специфики соответствующих группировок ОКЗ.

С учётом всего сказанного выше, из 79 направлений подготовки, специальностей и профессий ВПО, СПО и НПО, входящих в УГСП «Сельское и рыбное хозяйство» и «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов», в базовую матрицу нами были включены 37, что составляет менее половины (47,8 %) от их общего количества. Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии надлежащего согласования действующих перечней направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию с ОКВЭД и ОКЗ. Как следствие, некоторые направления подготовки, специальности и профессии по образованию, востребованные хозяйствующими субъектами, деятельность которых классифицирована в разделе «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД и в соответствующих группировках ОКЗ, оказались за рамками обеих указанных выше УГСП. С учётом этого обстоятельства в базовую матрицу нами были включены дополнительно специальность ВПО 150405 «Машины и оборудование лесного комплекса» и профессии НПО 150415 «Машинист лесозаготовительных и трелёвочных машин», 150416 «Слесарь по ремонту лесозаготовительного оборудования» (Таблица 3).

Таблица 3

Базовая матрица госзаказа на подготовку квалифицированных кадров с ВПО, СПО и НПО для хозяйствующих субъектов, классифицируемых в разделе «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД

Коды направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию		
ВПО	СПО	НПО
УГСП 110000 «Сельское и рыбное хозяйство»		
110300, 110301, 110302, 110303, 110305, 110400, 110401, 111300	110201, 110301, 110302, 110305, 110401, 110601, 110701	110205, 110206, 110307, 110308, 110309, 110310, 110311, 110402, 110602, 110702, 110703, 111102, 111103
УГСП 150000 «Металлургия, машиностроение и материалобработка»		
150405	–	150415, 150416
УГСП 250000 «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов»		
250100, 250201, 250300, 250401	250202, 250203, 250402	250204, 250205
Итого по 3 УГСП:		
5 направлений, 8 специальностей	10 специальностей	17 профессий

Таким образом, в базовую матрицу госзаказа для хозяйствующих субъектов, классифицируемых в разделе «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» ОКВЭД, нами включены следующие направления и специальности ВПО:

– 110300 «Агроинженерия», 110301 «Механизация сельского хозяйства», 110302 «Электрификация и автоматизация сельского хозяйства», 110303 «Механизация переработки сельскохозяйственной продукции», 110305 «Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции», 110400 «Зоотехния», 110401 «Зоотехния», 111300 «Садоводство»;

– 150405 «Машины и оборудование лесного комплекса»;

– 250100 «Лесное дело», 250201 «Лесное хозяйство», 250300 «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств», 250401 «Лесоинженерное дело».

Уровень СПО в составе указанной выше базовой матрицы представлен следующими специальностями:

– 110201 «Агрономия», 110301 «Механизация сельского хозяйства», 110302 «Электрификация и автоматизация сельского хозяйства», 110305 «Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции», 110401 «Зоотехния», 110601 «Пчеловодство», 110701 «Охотоведение и звероводство»;

– 250202 «Лесное и лесопарковое хозяйство», 250203 «Садово-парковое и ландшафтное строительство», 250402 «Технология лесозаготовок».

Из профессий НПО в состав матрицы нами включены следующие:

– 110205 «Мастер растениеводства», 110206 «Овощевод защищённого грунта», 110307 «Мастер сельскохозяйственного производства», 110308 «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства», 110309 «Электромонтёр по ремонту и обслуживанию электрооборудования в сельскохозяйственном производстве», 110310 «Мастер по техническому обслуживанию и ремонту машинно-тракторного парка», 110311 «Заготовитель продуктов и сырья», 110402 «Мастер животноводства», 110602 «Пчеловод», 110702 «Оленевод-механизатор», 110703 «Охотник промысловый», 111102 «Хозяйка (хозяйин) усадьбы», 111103 «Управляющий сельской усадьбой»;

– 150415 «Машинист лесозаготовительных и трелёвочных машин», 150416 «Слесарь по ремонту лесозаготовительного оборудования»;

– 250204 «Мастер по лесному хозяйству», 250205 «Мастер садово-паркового и ландшафтного строительства».

При этом сложилось следующее распределение в составе базовой матрицы указанных выше направлений подготовки, специальностей и профессий на уровне основных направлений ВПО, СПО, НПО (Таблица 4):

Таблица 4

Распределение в составе базовой матрицы направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию на уровне основных направлений ВПО, СПО, НПО

Коды и наименования основных направлений ВПО, СПО, НПО	Коды направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию		
	ВПО	СПО	НПО
УГСП 110000 «Сельское и рыбное хозяйство»			
110200 Агрономия	–	110201	110205, 110206
110300 Агроинженерия	110300, 110301, 110302, 110303, 110305	110301, 110302, 110305	110307, 110308, 110309, 110310, 110311
110400 Зоотехния	110400, 110401	110401	110402
110600 Пчеловодство	–	110601	110602
110700 Охотоведение и звероводство	–	110701	110702, 110703
111100 Организация фермерского хозяйства	–	–	111102, 111103
111300 Садоводство	111300	–	–

Коды и наименования основных направлений ВПО, СПО, НПО	Коды направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию		
	ВПО	СПО	НПО
УГСП 150000 «Металлургия, машиностроение и материалобработка»			
150400 Технологические машины и оборудование	150405	–	150415, 150416
УГСП 250000 «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов»			
250100 Лесное дело	250100	–	–
250200 Лесное хозяйство и ландшафтное строительство	250201	250202, 250203	250204, 250205
250300 Технология и оборудование лесо-заготовительных и деревообрабатывающих производств	250300	–	–
250400 Технология лесозаготовительных и деревоперерабатывающих производств	250401	250402	–

Как видно из приведённых выше таблиц (Таблицы 2, 3, 4), соотношение количества включённых в базовую матрицу направлений подготовки, специальностей и профессий ВПО, СПО, НПО (1,0 : 0,8 : 1,3) существенно отличается от соотношения, представленного в действующих перечнях направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию (1,0 : 0,5 : 1,0). Таким образом, предложенная нами базовая матрица позволяет оптимизировать сложившуюся в Кузбассе и стране в целом структуру профессионального образования, характеризующуюся смещением спектра реализуемых направлений подготовки в пользу высшей школы. В целях оптимизации этой структуры представляется желательным при формировании госзаказа предусмотреть ограничение большинства включаемых в его состав направлений подготовки ВПО рамками бакалавриата (за исключением 5 разделов ОКВЭД – «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение», «Образование», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг», «Деятельность экстерриториальных организаций»). Думается, что в условиях реструктуризации отраслей экономики, выведения непрофильных активов, роста нагрузки на бюджеты всех уровней и связанных с этим бюджетных ограничений, неблагоприятной демографической ситуации и сокращения трудовых ресурсов включение в госзаказ направлений подготовки ВПО в объёме магистратуры должно обеспечиваться лишь относительно следующих группировок ОКВЭД:

- 72.2 «Разработка программного обеспечения и консультирование в этой области», 72.4 «Деятельность по созданию и использованию баз данных и информационных ресурсов», 72.6 «Прочая деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий»;
- 73.1 «Научные исследования и разработки в области естественных и технических наук», 73.2 «Научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук»;
- 74.2 «Деятельность в области архитектуры; инженерно-техническое проектирование; геологоразведочные и геофизические работы; геодезическая и картографическая деятельность; деятельность в области стандартизации и метрологии; деятельность в области гидрометеорологии и смежных с ней областях; виды деятельности, связанные с решением технических задач, не включённые в другие группировки», 74.3 «Технические испытания, исследования и сертификация»;
- 75.1 «Государственное управление общего и социально-экономического характера», 75.2 «Предоставление государством услуг обществу в целом»;
- 80.3 «Высшее профессиональное образование»;
- 85.1 «Деятельность в области здравоохранения», 85.2 «Ветеринарная деятельность»;
- 99.0 «Деятельность экстерриториальных организаций».

По аналогии с представленной выше базовой матрицей (Таблица 3) строятся базовые матрицы госзаказа на подготовку квалифицированных кад-

ров для хозяйствующих субъектов, классифицируемых в других разделах ОКВЭД. Любую такую матрицу можно представить и на более глубоком структурном уровне – вплоть до отдельно взятых ВЭД, ВТД, профессий, должностей или квалификационных категорий, установленных действующими общероссийскими квалификационными справочниками и классификаторами. Эти матрицы могут быть использованы, помимо прочего, при разработке инновационных (в том числе сопряжённых и интегрированных) профессиональных образовательных программ, а также в целях выделения полифункциональных («общеотраслевых») направлений подго-

товки, специальности и профессии по образованию, классифицируемых в нескольких группировках ОКВЭД (ОКЗ), и определении их квалификационных характеристик. Совокупность таких матриц и образует предлагаемую нами модель оптимальной структуры госзаказа.

Думается, что реализация представленной нами модели формирования государственного заказа системе профессионального образования будет способствовать преодолению диспропорций в развитии областных рынков труда и образовательных услуг.

Примечания

1. Руднева, Е. Л., Панина, Т. С., Клецов, Ю. В. Формирование государственного заказа региональной системе профессионального образования. – Кемерово, 2009. – С. 21–43.
2. Васильев, В. Н., Гуртов, В. А., Питухин, Е. А. Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации. – М., 2007. – С. 13.
3. Руднева, Е. Л., Панина, Т. С., Клецов, Ю. В. Указ. соч. – С. 83–84.
4. Там же. – С. 109–110.
5. Там же. – С. 160–164, 176–197.
6. Заметим, что выявить и описать такие взаимосвязи можно и на более глубоком структурном уровне – вплоть до отдельно взятых видов экономической деятельности (ВЭД) и видов трудовой деятельности (ВТД), а также профессий, специальностей, должностей и квалификационных категорий, установленных действующими Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих (ЕКСД), Единым тарифно-квалификационным справочником работ и профессий рабочих (ЕТКС), Квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих (КСД), Общероссийским классификатором профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94 (ОКПДТР).

ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Н.Д. Фирер

Характеристикой современного этапа развития науки является нарастающая разобщенность гуманитарного и естественнонаучного знания. Особенно ярко эта тенденция проявилась в сфере вузовского технического образования. Принцип сепарированности учебных дисциплин, их предельная концентрация и подчеркнутое разделение на гуманитарные, естественнонаучные, или технические приводит к разобщенности внутренне единого знания, к расколу между гуманитарной и естественнонаучной культурами [1]. Об опасности такого раскола предупреждал Ч.П. Сноу. Он отмечает, что «духовный мир западной интеллигенции все явственнее поляризуется, все явственнее раскалывается на противоположные части... на одном полюсе художественная интеллигенция... на другом ученые... Их разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодежи – даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, непонимание»[2].

Отсюда вытекает необходимость включения в содержание вузовского технического образования не только узкоспециальных научных знаний, но и знаний о культуре как целостного развивающегося явления, как системы накопленных знаний, социального опыта, культурных достижений и как деятельности, направленной на получение знаний, овладение опытом и достижениями культуры. Развиваясь во взаимосвязи, культура и образование обеспечат творческое взаимодействие нравственных, художественных и интеллектуальных качеств личности. Высокий профессионализм – это еще не гарантия высокой продуктивной деятельности. Ведь на становление, нравственное развитие, деятельность подготовленного специалиста влияют его культурные приобретения.

Задача совершенствования образования в техническом вузе сводится к тому, чтобы наполнить его таким содержанием, которое бы в равной мере способствовало развитию рационального и эмоционального стилей мышления. Это означает, что содержание вузовского образования не следует ограничивать только точными науками, в него должны войти и социокультурные знания, а также опыт творческой деятельности, материалы, способствующие формированию интеллектуально-нравственной и культурно-образованной личности. Учебно-познавательный процесс при этом строится по схеме: противоречие – разрешение – новое противоречие [3]. Представление знаний в соответствии с данной схемой дает возможность перенести акцент с информационного обучения на методологическое,

осуществлять переход от трансляции готового знания к формированию творческого мышления и способностей студентов.

Формой обучения, помогающей развивать творческие способности студентов и самостоятельность мышления, может стать диалоговая, основанная на отношениях творчества, обмене творческой деятельностью. Прежде всего, это формулировка противоречий при изучении соответствующего учебного материала, их разрешение, раскрытие механизма возникновения новых противоречий на базе новых знаний.

Данный подход позволяет достичь оптимального единства процессов «усвоения знаний» и развития «способностей мыслить». Мышление начинается там, где сознание студента сталкивается с противоречием, появляется стремление студента увидеть противоречие и самостоятельно искать и находить средства его разрешения [4].

Основная задача преподавателя культурологии состоит не столько в передаче информации, сколько в приобщении студентов к объективным противоречиям развития научного знания и способам их разрешения.

Перспективы повышения качества подготовки специалистов технического вуза связываются, в частности, с внедрением семинарских занятий проблемного характера, на которых процесс познания студентов приближается к поисковой, исследовательской деятельности. С их помощью обеспечивается достижение трех основных целей: усвоение студентами теоретических знаний; развитие теоретического мышления; формирование познавательного интереса к содержанию учебного предмета.

Активизации самостоятельной работы студентов над учебной и дополнительной литературой и побуждению их таким образом к более глубокому осмыслению и обогащению знаний по изучаемой теме способствуют семинары-диспуты по культурологии.

Готовясь к семинару-диспуту, студенты углубленно изучают материалы учебных пособий, ищут ответы на поставленные вопросы в дополнительной литературе, вырабатывая собственную точку зрения. Это различие в мнениях и суждениях студентов по изучаемым темам и служит основой их всестороннего обсуждения на семинаре-диспуте, побуждая их к дискуссии и более обстоятельному осмыслению и усвоению основных выводов и обобщений.

Так, напр., семинар-диспут на тему «Культура. Цивилизация. Природа» ставит целью – усвоение студентами тесной связи и принципиального различия категорий культуры, цивилизации и природы, отражающих разные стороны отношения человека к действительности, и предполагает наличие в аудитории двух «лагерей», оппонировавших друг другу. Первый – отстаивает точки зрения О. Шпенглера, Н. Бердяева, резко противопоставлявшие культуру и цивилизацию. Вторым – точки зрения А. Тойнби, считавшего, что культура и цивилизация могут и должны взаимодополнять друг друга; Э. Тайлора, отождествлявшего культуру с цивилизацией; М. Вебера, рассматривавшего цивилизацию в качестве особого социокультурного феномена, ограниченного определенными пространственными рамками, основу которого составляет религия. Затем, благодаря изученной дополнительной литературе (обеспечить ее – задача преподавателя), студенты выясняют, что исторически соотношение между природой и цивилизацией постоянно меняется в пользу цивилизации, так как природа сама по себе остается практически неизменной, а цивилизация прогрессирует очень быстро, в результате чего повышается степень физического комфорта человека. Однако чем дальше, тем больше человек обрастал «артефактами», которые сильно теснили природу и умаляли ее место в системе культуры. И наконец настал момент, когда человечество усомнилось в благах цивилизации и впервые задало вопрос о ценностном соотношении природы и цивилизации. Именно тогда это соотношение стало собственно культурологической проблемой.

Впервые это произошло, очевидно, в Европе конца XVIII – начала XIX веков, первоначально в связи с эпохой Просвещения, а затем – романтизма. Так, во Франции второй половины XVIII века ясно обнаружилось противостояние поборников цивилизации и идеологов «природы» и «естественного человека». В качестве первых выступили «энциклопедисты» – Дидро, Д. Аламбер, Бюффон, Гельвеций... Изданная ими «Энциклопедия, или объяснительный словарь наук, искусств и ремесел» являлась апологией достижений цивилизации и первостепенное внимание уделяла процессам производства, ремеслам, прикладной науке и индустрии. В качестве оппонента выступал прежде всего Руссо, первым осмысливший отрицательные последствия цивилизации и сознательно противопоставивший им концепцию «естественного», ориентированного на природу и не испорченного цивилизацией человека. В одной из своих первых философских работ «Рассуждение и науках и искусствах» Руссо дал резко отрицательный ответ о том, содействовало ли развитие науки и искусства улучшению нравов. В дальнейшем свою критику цивилизации и

апологию природы Руссо развил в таких работах, как «Эмил, или о воспитании», «Исповедь», а также в художественных произведениях, важнейшее из которых – роман «Юлия, или новая Элоиза» [5].

Эпоха романтизма подхватила и расширила проблематику противопоставления природы и цивилизации. В частности, русский романтизм дает очень много выразительных примеров этому. Поэма А. Пушкина «Цыганы» акцентирует внимание на самом существенном признаке цивилизации – постоянно возрастающей урбанизации жизни, и не случайно Алеко бежит из «неволи душных городов» в свободные степи. В творчестве М. Лермонтова этот мотив еще более усиливается противопоставлением его лирического героя, органично связанного с природой, холодной и бездушной толпе цивилизованных людей («Как часто, пестрою толпою окружен...», «Нет, я не Байрон; я другой...», «Когда волнуется желтеющая нива...»).

Итак, в конце XVIII – начале XIX веков проблема соотношения культуры и цивилизации стала собственно культурологической. Вопрос стоял так: цивилизация увеличивает сумму материального комфорта, но одновременно уменьшает сумму комфорта духовного, психологического. Так благо ли для человека достижения цивилизации или зло? И оправданы ли утраты важных культурных ценностей сомнительными приобретениями в области внешнего удобства жизни? Нередко отторженность от матери-природы означает одновременно и утрату некоторых культурных традиций национальной жизни, (например, в «Евгении Онегине» А. Пушкина равнодушие героя к русской природе противопоставлено глубокой укорененности в ней Татьяны, благодаря чему она предстает как «русская душою»), и утрату общечеловеческих, нравственных ориентиров (например, в таких произведениях Л. Толстого, как «Казаки», «Три смерти»). Чрезвычайно характерно в этом отношении начало толстовского романа «Воскресение», где противопоставление природы и цивилизации приобретает явно издевательскую окраску по отношению к последней: «Как ни старались люди... изуродовать ту землю...» [6].

Однако на рубеже XIX–XX веков и на протяжении первой половины XX века в оценке достижений цивилизации были и положительные тенденции. Это объясняется очередным и весьма мощным всплеском НТР, впечатляющими результатами в покорении природы.

Как же в свете сказанного расценивать роль цивилизации в системе культуры и ее влияние на эмоциональный комфорт человека? На эти и другие вопросы студенты будут давать аргументированные ответы.

Цивилизация внутренне противоречива, причем самое интересное, что ее пороки и недостатки являются продолжением ее достоинств, развитием положительных тенденций.

Студентам необходимо усвоить следующее: человечество должно отказаться от прежних установок на господство над природой, на безудержную ее эксплуатацию и безоглядное преобразование, ставших причиной опасных и губительных противоречий между природой и культурой. Природа – естественная среда обитания человека, а цивилизация – искусственная. Но без них невозможна жизнь людей, их физический и душевный комфорт. Поэтому в культуре важен некоторый паритет, оптимальное соотношение того и другого начал. В том случае, когда перевешивает природное начало, человек инстинктивно тянется к цивилизации, и наоборот – пресыщенный и даже, пожалуй, измученный «благами» цивилизации, он также инстинктивно обращается к природе, пытаясь восстановить «естественный», «здоровый» образ жизни, отдохнуть от напряжений и стрессов, «упроститься». Таким видится принципиальное соотношение природы и цивилизации в культуре [7].

В продолжение семинара-диспута студентам предлагаются следующие темы: «Противоречие между человеком и машиной как источник кризиса культуры», «Диалог культур как средство преодоления их кризиса».

Обширный материал для семинара-диспута представляют также темы: «Понятие элитарной и массовой культуры»; «Молодежная культура и контркультура» и другие на выбор преподавателя.

Семинар-диспут имеет особую цель – формирование оценочных суждений, утверждение мировоззренческих позиций студентов. В этом и состоит его подлинная суть. Он учит студентов сжато и выразительно излагать свои мысли, прибегать к доказательствам и в качестве аргументов использовать убедительный фактический материал. Семинары-диспуты позволяют сформировать у студентов «познавательную-ценностную ориентацию, с одной стороны, обеспечивающую свободный моральный выбор в любой ситуации, а с другой – умение отождествлять себя с другими, жить их интересами, то есть руководствоваться в своем поведении принципом справедливости» [8].

Примечания

1. Озерова, Н.И. Три кита здоровья института: академизм, системность, социальная ориентированность // Региональная составляющая федерального стандарта гуманитарного образования в инженерно-технических вузах. – СПб., 1999. – С. 68.
2. Сноу, Ч. Две культуры / Сб. публицистических работ. – М., 1973. – С.19.
3. Ростовцев, А. Н. Культурологический смысл содержания образования // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3. – С. 177.
4. Там же. – С. 178.
5. Есин, А.Б. Введение в культурологию: Основные понятия культурологии в систематическом изложении. – М., 1999. – С. 16.
6. Толстой, Л. Н. Воскресение. Собрание сочинений: в 22 т. – Т. 13. – М., 1983. – С. 7–8.
7. Есин, А.Б. Указ. соч. – С. 20.
8. Рубанцова, Т.А. Гуманизация современного образования. – Новосибирск, 2000. – С. 162.

ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
КАК БУДУЩИЙ ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ МИРЕ

Н.Т. Ултургашева

В условиях наступившего третьего этапа глобализации мировое сообщество вновь обращает внимание на миссию университетов в развитии этносов и их место в эпоху глобальных изменений, приводящих к стиранию экономических, политических и культурных границ между государствами. При этом университетам отводится роль главного механизма адаптации людей к новым условиям жизни на базе развития передовой науки и образовательных технологий. Изменения в общественной системе выявляют множество проблем, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности человека [1].

Вся европейская система высшего образования пришла в движение, названное «Болонским процессом». Идет поиск достижения больших степеней сравнимости и совместимости образовательных систем, инструментов и механизмов их корректной конвергенции. Вырабатываются единые подходы к обеспечению качества высшего образования, к разработке учебных материалов. Происходит известная унификация ступеней высшего образования, хотя философия болонских реформ строится на признании и сохранении национальных культурно-образовательных традиций. Вырабатывается общий язык, позволяющий описать, на что направлены учебные программы, – язык компетенций и результатов [2].

Для стран, подписавших Болонскую декларацию, эти процессы составляют если не суть, то очевидную существенную сторону преобразований систем высшего образования. Россия – в их числе.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р/1 утверждён перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, среди которых указаны: алтайцы (кумандинцы, тубалары), хакасы, тувинцы – тоджинцы, а также коренные народы Кузбасса: шорцы и телеуты. По данным переписи населения 2002 года, шорцев – 11890 человек, телеутов всего – 2500 человек [3].

Проблема сохранения традиционной культуры и национальных языков коренных народов Сибири связана, на наш взгляд, как отмечала в свое время советская наука, переходом к социализму, минуя капитализм. Основная беда переходного периода

заключалась в игнорировании исторического опыта данных народов, принявших участие в эксперименте со «скачком» в хозяйственной и культурной жизни. Вследствие этого были утрачены многие секреты скотоводства, традиционного уклада и быта, забыты тайны народной медицины, традиционные нормы этикета и т. п.

Насильственным образом, оборвав кровеносные сосуды преемственности духовной культуры, коренные народы Сибири потеряли, условно говоря, «линию самообороны», т. е. «защитный пояс» традиционной культуры (в терминологии хакасского ученого-философа Г.Г. Котожекова), адаптированный к жизненному укладу, окружающей среде. Оборвав эти нити, они оказались в духовном вакууме. Вместе с тем они сходу не смогли приобрести те духовные ценности, которые насильно насаждались рьяными идеологами. Эти народы не прошли ранние этапы капитализации. Следовательно, они, в отличие от русской части населения республик, не имеют достаточного опыта жизнедеятельности в рыночных условиях, опыта предпринимательской деятельности [4].

Абсолютное большинство коренных этносов Сибири находится вне процесса урбанизации, т. е. до сих пор проживает в сельской местности и в значительной степени сохраняет традиционные формы хозяйствования, а значит формы и жанры традиционной культуры. Между тем, их естественная среда обитания изменилась, а отсюда – неизбежный упадок традиционных занятий: скотоводства, охоты, промыслов, рыболовства и т. д.

В условиях, когда в республиках произошла ликвидация прежних хозяйственных структур (колхозов, совхозов) и на смену им не пришли иные, более эффективные формы хозяйствования, когда на законодательном и практическом уровне не были выработаны меры по защите населения от негативных факторов перехода к рынку, когда традиционные отрасли хозяйства не могли вписаться в сложные рыночные отношения, население вынуждено было самостоятельно выживать.

В национальных республиках резко сократился ввод в действие общеобразовательных школ, детских садов, детских музыкальных и художественных школ, школ искусств, учреждений до-

полнительного образования с работой различных художественных кружков, студий, центров и т. д. В сельских школах в национальных республиках традиционно не хватает учителей по родному и иностранным языкам, информатике, по дисциплинам музыкально-эстетического цикла. Крайне низкий уровень образования и культуры сказывается во всех областях жизнедеятельности.

Следует согласиться с тем, что, с одной стороны коренные народы Сибири приобщились к современной цивилизации, с другой, идея «скачка», если ее рассматривать с точки зрения прогресса культуры, не полностью себя оправдала.

Исторический процесс основан не только на сохранении связи прошлого, настоящего и будущего, но также и на том, чтобы прошлое продолжалось в будущем. При революционном же развитии истории происходит разрыв времен, приводящий к изменению темпов естественноисторического развития в сторону ускорения. Главное, начинают рваться связи между прошлым и будущим, что приводит к невосполнимым потерям традиционной культуры.

В настоящее время в абсолютном большинстве национальных школ в республиках Алтай, Хакасия, частично Тыва, Кемеровской области преподавание ведется на русском языке. Такое положение связано, прежде всего, с нехваткой учителей-преподавателей со знанием национальных языков, а также с законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятым 24 декабря 1958 года. В соответствии с этим Законом преподавание на родном языке в национальных школах разрешалось только в 1–3 классах, т. е. в подготовительном курсе к систематическому изучению наук. Понятно, что при таких условиях нельзя получить адекватное национальное образование и воспитание [5].

Во многих вузах Сибири – таких, как Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Республика Хакасия), Тывинский государственный университет (республика Тыва), Горно-Алтайский государственный университет (Республика Алтай), Кузбасская государственная педагогическая академия (г. Новокузнецк) на специализированных кафедрах шорского языка и литературы, хакасского языка и литературы, тывинского языка и литературы, алтайского языка и литературы предпринимаются попытки введения спецкурсов, например: «Народные праздники Хакасии», «Героические сказания и их исполнители», «Национальные музыкальные инструменты», «Основы драматургии» для учителей, в том числе и для учителей начальных классов в национальных школах. Такое

желание понятно, так как самое большое количество начальных школ имеется в местах проживания коренных этносов, именно в них сохраняются островки национальной культуры, диалектов, песенных и инструментальных жанров, национальных костюмов, народных промыслов и ремесел и т. д. Проблема заключается в отсутствии квалифицированных специалистов этнокультурологической, этномузыковедческой квалификации.

В данных условиях усиливается процесс регионализации высшей школы как важнейшей социально-культурной структуры региона. В этой связи каждый вуз должен иметь собственную образовательную концепцию, чтобы успешно выступать на региональном рынке труда. Так, например, Кемеровский государственный университет культуры и искусств сможет рассчитывать на востребованность более широкого и разнообразного круга научных, образовательных, творческих и просветительских услуг населению Кузбасса и сопредельных территорий – Красноярского края, Республик Хакасия, Тывы, Алтай.

В настоящее время необходимо для коренных народов Сибири создать центр инноваций профессионального образования. Система образования как любое социальное явление существует в контексте современной поликультурной и полиэтнической среды. Недооценивать данный факт – значит сознательно обрекать человеческое общество на межэтнические конфликты, которые имеют место уже сегодня.

«Одним из шагов к нейтрализации межэтнической напряженности может стать линия на воспитание толерантности у подрастающего поколения и молодежи, вне зависимости от этнической принадлежности, – подчеркивает профессор, доктор педагогических наук, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств Е.Л. Кудрина. – Однако при воспитании толерантности не следует забывать и об ее оборотной стороне. А именно: по мнению ряда исследователей, подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности не только не создает предпосылок к преодолению «межэтнических граней», но, наоборот, «порождает» условия для их обострения...

В решении обозначенных проблем большое значение может иметь создание Института культуры и искусств коренных народов Сибири. Прежде всего, его организация будет способствовать укреплению и усилению позиций университета как центра межэтнической и межкультурной толерантности; развитию и поддержке культуры коренных народов, как уникального пласта современной цивилизации; а также возрождению, сохранению и творческому

развитию традиционной, многонациональной культуры народов России в целом, пропаганде лучших образцов современного мирового искусства» [6].

По мнению ректора КемГУКИ Е.Л. Кудриной, в основу развития Института культуры и искусств коренных народов Сибири должны быть положены три основных приоритета: образовательный, научно-исследовательский и творческо-исполнительский. При формировании системы обучения и воспитания молодежи коренных малочисленных народов необходимо учитывать два аспекта: 1) их стремление сохранять и развивать материальную и духовную культуру своих предков и 2) подготовку кадров для развития национальной культуры и «устойчивого развития» своей малой Родины [7].

На наш взгляд, Институт культуры и искусств коренных народов Сибири должен осуществлять миссию по подготовке специалистов социально-культурной сферы в учреждениях образования и культуры в национальных республиках Сибири: Алтай, Хакасия, Тыва, Горная Шория, в районах компактного проживания тюркских этносов и этнических групп (в дошкольных образовательных учреждениях, школах, учреждениях дополнительного образования: кружках, студиях, детских школах искусств и других) со знанием тюркских языков – турецкого, алтайского, хакасского, телеутского, шорского, тувинского и др.

Институт должен иметь не менее 3-х кафедр, 2-х лабораторий и реализовывать образовательные программы по специальностям:

1) 071301 Народное художественное творчество: квалификация «Руководитель этнокультурного центра, преподаватель» с дополнительной специальностью: специалист по тюркским языкам;

2) 071301 Народное художественное творчество: квалификация «Художественный руководитель студии декоративно-прикладного творчества, преподаватель» с дополнительной специальностью: специалист по тюркским языкам;

3) 0033000 Тюркские языки с дополнительными специальностями: этнокультурология, художественный руководитель студии декоративно-прикладного творчества.

Институт культуры и искусств коренных народов Сибири в первую очередь призван решать задачи сохранения национально-культурных и культурно-исторических традиций, национальных языков коренных народов Сибири. Это связано с тем, что в настоящее время на территории России проживают более 200 народов и народностей. Логично предположение, что у каждого народа в России есть своя история, своя культура, свой язык, имеющие общие и отличительные черты.

Этнокультурное образование знание национальных языков в современном российском обществе, позволяет реализовывать стратегические направления государственной политики в этой сфере, намечает перспективы развития этнокультурного образования в единстве его целей, задач, содержания, принципов, организационных форм и условий развития.

Этнокультурное образование – это целенаправленный непрерывный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре в учреждениях дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования, а народная художественная культура является предметом современного этнохудожественного образования, которое рассматривается как важнейший компонент этнокультурного образования [8].

Этническая культура включает в себя совокупность духовных и материальных ценностей того или иного народа (этноса). В нее входят не только национальные образы мира, менталитет народа, его празднично-обрядовые и семейно-бытовые традиции, этнические стереотипы поведения в природной среде и социуме, но и народная художественная культура, которая представлена устным народным творчеством, народной музыкой, народными танцами, декоративно-прикладным творчеством, фольклорным театром и т. д. Издревле она неразрывно связана с народными календарными праздниками, с повседневной жизнью и народным воспитанием.

Этнохудожественная педагогика имеет глубокие исторические корни в этнопедагогике и народном художественном творчестве. Однако как отрасль педагогической науки она выделилась сравнительно недавно – около десяти – пятнадцати лет назад. Тогда в научный оборот было впервые введено понятие «этнохудожественное образование», появились концептуальные обоснования преемственной системы этнохудожественного образования, началась разработка программ, учебных пособий и учебников по народной художественной культуре для различных уровней данной системы (дошкольного, школьного, вузовского) [9].

На наш взгляд, изучение, сохранение и трансляция традиционной культуры коренных народов Сибири в культурно-образовательное пространство, исполнение жанров народного художественного творчества (народных песен, отрывков из героических сказаний, эпоса, обрядовой поэзии и т. д. на языке оригинала) этносов возможно с различных позиций:

1) разработка и внедрение концептуального обоснования преемственной системы этнохудожественного образования;

2) разработка программ, учебных пособий и учебников по традиционной художественной культуре для различных уровней образования в Институте культуры и искусств коренных народов Сибири.

Учет культурно-исторических, национально-культурных и духовно-нравственных традиций народов в их единстве с общечеловеческой культурой

поможет выявлению этнического потенциала содержания образования. Такой подход в определении содержания образования определяется культурологическим подходом, который предусматривает фундаментализацию содержания этнокультурного образования, глубину и широту общефилософских, общекультурных, психолого-педагогических и специальных знаний.

Примечания

1. Ултургашева, О.Г. Этнопедагогическая готовность учителя к работе в национальной школе. // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. – Томск, 2006. – № 59. – С. 24–25.
2. См.: Байденко, В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. – М., 2005.
3. Печенина, Н.М. Правовой статус коренных народов Кемеровской обл. – Кемерово, 2006. – С. 60.
4. Котожеков, Г.Г. Генезис национальной культуры. – Абакан, 1991. – С. 112.
5. Ултургашев, С.П. Институт Саяно-Алтайской тюркологии как образовательное и научное учреждение. Ежегодник ИСАТ № 1. – Абакан, 1997. – С. 3–9.
6. Кудрина, Е.Л. Вузы культуры и искусств в современном мире глобализации. Глобализация и пути сохранения традиционной культуры. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Кемерово, 2009. – С. 12.
7. Кудрина, Е.Л. Там же. – С. 13.
8. Шпикалов, Т.Я., Бакланова, Т.И., Ершова, Л.В. Концепция этнокультурного образования в Российской Федерации. – М., 2005.
9. Шпикалова, Т.Я., Бакланова, Т.И., Ершова, Л.В. Указ. соч. – С. 7.

К ИСТОРИИ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ В РОССИИ

М.В. Белозёрова, Л.Ф. Кузнецова

Школьный музей как одна из форм организации и подачи школьникам учебного материала предоставляет возможность для организации самостоятельной и творческой работы учащихся, а также позволяет использовать иллюстрационный материал по ряду разделов школьной программы.

Организация школьных музеев в СССР началась в 20–30-е гг. прошлого века, но массовая их организация относится к 1960–1980 гг., когда активизировалась краеведческая работа в школах. В этот же период появляются и исследования, посвященные рассмотрению методики краеведческой работы, обобщению опыта работы школьных музеев. В этих работах содержались и методические указания по ведению историко-краеведческой работы для учителей и учащихся в городских и сельских школах [1].

Нормативно-правовой базой для организации музеев послужил ряд постановлений. Так, Постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931 г.) и «Об учебных программах и режиме работы в начальной и средней школе» (1932 г.) ориентировали учебные заведения на необходимость введения в преподавание «принципа историзма». В связи с этим предъявлялись требования к повышению наглядности обучения, усилению роли краеведческого материала, использованию экскурсионных методов работы. На основе этих документов создавались первые школьные музеи, краеведческие уголки и т. п. В 1956 г. Центральная детская экскурсионно-туристская станция Министерства просвещения РСФСР разработала «Положение о Всесоюзной Экспедиции пионеров и школьников, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Одной из ее особенностей по сравнению с предшествующими нормативными документами был призыв к созданию школьных краеведческих уголков, кабинетов и музеев, которые должны были обеспечить сохранность собранных материалов и их использование в школьном учебном процессе [2]. В результате со второй половины 1950-х гг. началось массовое создание школьных музеев и увеличение их сети. Их создание стало одной из задач учебной и воспитательной деятельности как детского образовательного учреждения, так и школьного краеведения [3]. Установки на создание школьных музеев содержались и в Инструкции Министерства просвещения РСФСР и Министерства культуры РСФСР № 19-М

от 27.01.1961 г., где указывалось на необходимость выделения специальных помещений для организации краеведческих музеев в средних школах, школах-интернатах и краеведческих уголков в восьмилетних школах [4].

Большое значение для развития музеев в СССР, в том числе и школьных, имели два документа: Постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (май 1964 г.) и «Типовое положение о народном музее» (утверждено Министерством культуры СССР в феврале 1965 г.). Первое обратило внимание партийных организаций и органов культуры на развитие музейного дела. На основе второго создавались общественные (в селах, на предприятиях и т. д.), в том числе и школьные, музеи. Эти документы создали нормативную базу для развития историко-краеведческого движения на качественно новом уровне.

Таким образом, уже в середине 1960-х гг. и особенно в 1970–1980-е гг. школьные музеи и краеведческие уголки получили широкое распространение в СССР.

Рассматривая историю возникновения школьного музея как структуры, следует отметить, что первоначально в общеобразовательных школах создавались межпредметные кабинеты для хранения учебно-наглядных пособий по истории и природе родного края, которые собирались учащимися. Это различные гербарии, документы, вырезки из газет, таблицы и т. п. В дальнейшем межпредметные кабинеты стали сотрудничать с краеведческими музеями. Основная задача этого сотрудничества заключалась в развитии краеведческой работы школьников. Она решалась различными средствами: организацией поисковых экспедиций походов по местам боевой славы, участием школьников в археологических раскопках, созданием летописей трудовых коллективов, комсомольских и пионерских организаций, участием в формировании экспозиций и выставок, посвященных революционному движению и подвигу советских людей во время Великой Отечественной войны и т. д. Благодаря этой деятельности учителей и учащихся собирались личные вещи участников тех или иных событий, документы, т. е. составлялись и пополнялись коллекции, которые стали основой для школьных музеев.

В Сибири после революции музейное дело было развито слабо. Музейная сеть была представлена государственными музеями в таких крупных

городах, как Барнаул, Томск, Иркутск и некоторых других. 1920–1930-е гг. стали периодом «золотого десятилетия» краеведения, когда были созданы десятки местных музеев, появились и школьные. Основной тематикой было изучение революционного движения. Так, в иркутской школе «Новая жизнь» с момента освобождения города от белогвардейцев большое внимание уделялось изучению истории революционного движения в Сибири: ребята собирали документы о пребывании декабристов в их крае, о деятельности партизан. На основе собранного материала была оформлена школьная выставка, на базе которой проводились уроки изучения родного края. Вероятно, это был один из первых школьных музеев Сибири [5].

Организатором краеведческого движения в Западной Сибири в 1920-е гг. стало краевое общество изучения производительных сил Сибири, имевшее отделения в крупных городах. Например, в 1929 г. основано Щегловское отделение, результатом деятельности которого стало создание в Щегловске (в настоящее время – г. Кемерово) краеведческого музея. В формировании его фондов принимали участие и школьники, каждое лето совершавшие походы для изучения природных богатств Кузбасса. Для музея они провозили образцы полезных ископаемых, гербарные листы, кости доисторических животных. В свою очередь музей оказывал помощь в подготовке школьных краеведов – читались методические лекции, проводились консультации [6]. Н.Т. Мальцева приводит записи дневника, который велся во время краеведческого похода организованного сотрудником музея С. Никитиным в 1941 г., в котором, принимали участие учащиеся школы № 1. Среди них был будущий Герой Советского Союза Геннадий Красильников. Ребятами были собраны сведения по истории п. Кельбесс Кемеровского района. Из похода были привезены кости мамонта, найденные рабочими рудника [7].

Первые школьные музеи в Кемеровской области появились в 1950–1960-е гг. К ним, например, относится музей в г. Прокопьевске, созданный М.Е. Елькиным. Он был открыт в 1951 г. как школьный краеведческий уголок, через два года стал школьным музеем. Другой музей основан П.Н. Сосниным, учителем Ижморской школы, в 1955 г. Это был музей истории района. Следует отметить, что некоторые школьные музеи в дальнейшем становились государственными. Например, статус государственного получил в 1961 г. музей М.Е. Елькина, в 1987 г. музей – П.Н. Соснина. В настоящее время из 50 действующих в Кемеровской области государственных музеев большая часть возникла на базе общественных, в том числе школьных.

В 1960-е гг. в соответствии с принятыми в Центре нормативно-правовыми документами на региональном уровне рассматриваются вопросы, связанные с дальнейшим развитием краеведческого движения и созданием музеев. Так, в июне 1965 г. данный вопрос рассматривался на заседании бюро Кемеровского обкома КПСС. Городским музеям вменялось в обязанность оказывать помощь сельским школам и клубам в организации краеведческих уголков [8].

Усиление туристско-краеведческой работы по стране наблюдалось в периоды подготовки и проведения политически значимых мероприятий, юбилеев, праздников. Это можно проследить на примере Кемеровской области. Так, к 50-летию со дня присвоения имени Ленина пионерской и комсомольской организациям и 30-летию Победы более 120 тыс. школьников участвовало в поисковой работе по маршрутам экспедиции «Мое Отечество» [9]. В результате поисковой деятельности школьников накапливался большой опыт организации туристско-краеведческой работы. И уже к середине 1980-х гг., например, в Кемеровской области насчитывалось около 900 школьных музеев, краеведческих уголков (большую часть из них составляли так называемые, «Ленинские музеи»). Организационно-методическая работа со школьными музеями была возложена на Областную детскую экскурсионно-туристическую станцию (ОДЭТС) и созданный в 1980–1981 годах межведомственный совет.

В 1960–1980-е гг. сложились определенные функции школьного краеведения и школьных музеев, которые не потеряли своей актуальности вплоть до настоящего времени:

1) программное (учебное) краеведение как иллюстративный элемент преподавания учебных предметов,

2) внеклассное и внешкольное краеведение как воспитательный элемент внеурочной и досуговой деятельности преподавателей и учащихся [10].

Образовательно-воспитательная функция школьного музея проявляется во влиянии на детей в процессе их участия в различных направлениях музейной деятельности, когда ребенок получает более конкретные и образные представления по истории, культуре и природе своего края, учится понимать, что история «малой родины» связана с историей страны, становится активным создателем музея. Вследствие этого расширяются и конкретизируются знания и представления школьников, почерпнутые ими при изучении курсов истории, обществознания, географии, литературы. То есть происходит расширение и закрепление знаний учащихся, предусмотренных государственным обра-

зовательным стандартом. Следует отметить и то, что в ходе музейно-краеведческой работы дети знакомятся с основами ряда научных дисциплин (например, с основными понятиями и методиками генеалогии, археологии, источниковедения, этнографии, музееведения) в зависимости от профиля музея, а также с навыками исследовательской деятельности: осуществляют выбор темы, формулируют ее, знакомятся с историографическим и источниковедческим анализом, делают подбор источников, начинают составлять научно-справочный аппарат, пытаются сформулировать предложения, идеи, гипотезы, учатся делать выводы. Этим самым у школьников начинает формироваться аналитический подход к решению проблемы, умение ориентироваться в информационном потоке, находить взаимосвязь между частным и общим.

Реформы 1990-х гг., в том числе в образовании, во многом изменили ситуацию в структурном развитии школьных музеев. С одной стороны, осуществление реформы образования подняло статус школьного краеведения до одного из обязательных элементов методики и содержания обучения детей. Так, Закон РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10.07.1992 г. ввел понятие «Государственные образовательные стандарты», которые состоят из основных компонентов: федерального, определяющего обязательный минимум содержания основных образовательных программ, национально-регионального (местного) и компонента образовательного учреждения [11].

С другой стороны, резкое изменение социально-экономической и политической ситуации отразилось на развитии школьного музейного дела. В ходе кампании по деидеологизации и деполитизации учреждений образования были закрыты и в дальнейшем прекратили свою работу многие школьные музеи, в первую очередь, музеи, связанные с историей пионерских и комсомольских организаций, с именем В.И. Ленина и других деятелей революции, музеи интернациональной дружбы и т. п. Так, по данным Э.И. Архиповой, в г. Санкт-Петербурге сеть школьных музеев сократилась вдвое, исчезли музеи, связанные с именами О.Ф. Берггольц, Д.М. Карбышева, посвященные героям Волховского фронта, морякам легендарного крейсера «Аврора» и др. [12]. То есть в пылу реформирования работники образования и культуры зачастую даже не вникали ни в проблему возможности сохранения подлинных документов, находящихся на хранении в школьных музеях и являвшихся составными частями музейного и архивного фондов страны, ни в проблему сохранения имен людей, оставивших значительный вклад в историю и культуру России.

Кроме этого, следует отметить и тот удар, который был нанесен педагогам – руководителям краеведческих исследований учащихся и школьных музеев, так как были уничтожены плоды их многолетнего труда, поставлена под сомнение необходимость, целесообразность и общественная значимость их деятельности.

Некоторое оживление в деятельности школьных музеев в Российской Федерации наблюдалось во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг., это было связано с рядом политических, социальных и даже экономических факторов. К ним можно отнести рост национального самосознания, различные подходы к решению экономического и политического развития регионов, участие населения в общественно-политической жизни, а также формирование нормативно-правовой базы. В этой связи можно отметить два основных документа. Первый – *письмо Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 г. № 28-51-181/16 «О деятельности музеев образовательных учреждений»*. В нем Минобразование России рассматривает музеи образовательных учреждений как «...эффективное средство духовно-нравственного, патриотического и гражданского воспитания детей и молодежи...», так как в школьных музеях не только проводятся встречи с ветеранами войны и труда, Вооруженных Сил, организуются различные тематические выставки, уроки мужества, классные часы, вечера, дискуссии, но их базе могут успешно действовать многочисленные детские объединения по интересам: кружки, клубы, секции. Также школьный музей рассматривается как структура, вокруг которой может формироваться детский, учительский и родительский актив, создаваться органы самоуправления – совет музея, совет содействия или попечительский совет, секции, рабочие группы. Музеи образовательных учреждений также имеют большое значение для реализации регионального компонента в образовании [13]. Это же Письмо Минобразования содержало «Примерное Положение о музее образовательного учреждения (школьном музее)», которое определяло цели, задачи, функции школьных музеев.

Таким образом, к началу XXI столетия школьные музеи получили новый стимул для своего развития как центры нравственно-патриотического, гражданского воспитания подрастающего поколения, по формированию личностных ценностей. Перед музеями, педагогами и школьниками открывается широкое поле деятельности по изучению истории и природы родного края, культурных традиций народов, проживающих там, современных достижений. Совместный процесс деятельности

учителя и учащихся открывает большие возможности для реализации творческих проектов, исследовательских работ и поисковых заданий.

Возрастание интереса к национальной истории и краеведению привело к возрождению и увеличению количества школьных музеев в стране, тем более, что они имеют свою историю и традиции. В начале 2000-х гг. в РФ насчитывалось уже около 5000 школьных музеев, из которых исторических – 2060, военно-исторических – 1390, комплексных краеведческих – 1060 [14]. Однако следует учитывать, что приведенные данные касаются только паспортизированных музеев и не учитывают разнообразные формирования музейного типа – выставки, уголки, экспозиции.

Положительную динамику можно проследить и на региональном уровне. Так, в 2002 г. в образовательных учреждениях Кемеровской области действовало 237 музеев различных профилей: боевой и трудовой славы, литературные, краеведческие и др. В настоящее время число музеев достигает 400, из них 73 музея – в г. Кемерово, и прослеживается дальнейшая положительная динамика. Во многом это связано с выполнением государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и среднесрочной региональной целевой программой «Патриотическое воспитание граждан в Кемеровской области» на 2006–2010 годы». Для регулирования деятельности музеев образовательных учреждений Кемеровской области в 2008 г. Областным центром детского и юношеского туризма и экскурсий были разработаны нормативно-правовые документы, утвержденные Департаментом образования и науки Кемеров-

ской области, в которые вошли «Положение о паспортизации музеев образовательных учреждений Кемеровской области», «Типовое положение о музее образовательного учреждения Кемеровской области». Определенную роль в этом играет ставший традиционным областной смотр-конкурс музеев, в котором принимают участие победители городских и районных смотров-конкурсов. Например, в 2008 г. на конкурс был представлен 41 музей из 25 городов и районов Кемеровской области [15].

Таким образом, сегодня школьные музеи имеют больше самостоятельности: опираясь на собственные коллекции, местные памятники истории и культуры, документы, они являются инициаторами и организаторами исследовательской работы учащихся, самостоятельно определяют содержание и направленность своей деятельности, находят новые формы изучения родного края.

Однако существуют и определенные проблемы. Некоторые из школьных музеев поистине уникальны. Такими, например, являются музей летчика В.Мартемьянова в школе № 34, музей истории образования в школе № 16, музей закрытой шахты «Ягуновская» в школе № 50 и ряд других в Кемеровской области. В них собраны мемориальные вещи известных людей, награды, документы, фотографии, утрата которых будет невозможна. Исключить ее нельзя, поскольку все перечисленные музеи действуют на общественных началах и не несут юридической ответственности за музейные фонды. Это не предусмотрено и в региональных нормативно-правовых документах 2008 г. – «Типовом положении о музее образовательного учреждения Кемеровской области» и «Положении о паспортизации музеев образовательных учреждений Кемеровской области».

Примечания

1. См.: Крупейченко, И.П. Школьный краеведческий музей // Внеклассная работа по истории. – Л., 1957. – С. 187–192; Милонов, Н.П. Изучение истории в школе. – М., 1960; Коваленко, С.С. Внеклассная работа по истории. – М., 1963; Строев, К.Ф. Краеведение. – М., 1967; Кацюба, Д.В. Краеведение и воспитание учащихся. – М., 1965; Элькин, Г.Ю. Огризко, З.А. Школьные музеи. – М., 1972; Столетов, В.Н., Кашин, М.П. Школьные музеи. – М., 1977; Кудрина, Т.А. Музей и школа. – М., 1985 и др.
2. Туманов, В.Е. Школьный музей. – М., 2002. – С. 28.
3. Положение о III экспедиции пионеров и школьников 1960–1961 гг. по созданию школьных краеведческих музеев, посвященной 40-летию пионерской организации им. В.И.Ленина; Об организации школьных краеведческих уголков и музеев в плане IV экспедиции пионеров и школьников Ростовской области: Методическое письмо. – Ростов н/Д, 1964; Туманов, В.Е. Школьный музей. ... – С. 12.
4. Школьный краеведческий музей: Методические материалы. – Калинин, 1965. – С. 1.
5. Сейненский, А.Е. Музей воспитывает юных. – М., 1988. – С. 15–16.
6. Китова, Л.Ю. Из истории создания Кемеровского областного краеведческого музея // Разыскания. – Кемерово, 1993. – Вып. 5. – С. 13.
7. Кемеровский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Балибаловские чтения – Кемерово, 2003. – Вып.3. – С. 74–75.
8. Труевцева, О.Н. Общественные и муниципальные музеи Сибири: исторический опыт и современность. – Барнаул, 1998.

9. Горяева, О.А. История развития внутреннего туризма Кемеровской области в 1940-е – 1980-е гг. / Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – Кемерово, 2006.
10. Матрусов, И.С. Школьное краеведение и его современные задачи // Краеведческая работа в школе. – М., 1974. – Ч. 2. – С. 3.
11. Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании». – Ст. 7. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.gdezakon.ru/zakon/education/>
12. Архипова, Э.И. Школьные музеи Санкт-Петербурга: опыт, проблемы // Наследие и современность: Информационный сборник Института наследия. – Вып. 2. – С. 52.
13. Письмо Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 г. № 28-51-181/16 «О деятельности музеев образовательных учреждений» // <http://www.google.com/search>
14. Там же.
15. Корепанова, Н.В. Роль музея образовательного учреждения (школьного музея) в жизненном самоопределении обучающихся [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://r.kem-edu.ru/profsch2008/П09_Korepanova.pdf.

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ, НО ВЧЕРА...

В. П. Курбатов

Образование есть то, что остается после того, когда забывается все, чему нас учили.

Альберт Эйнштейн

На Руси учебные заведения именовались училищами. Слово школа вошло в обиход, начиная с XIV века. Уже в первой половине XI века нам известны дворцовая школа князя Владимира в Киеве и школа, основанная Ярославом Мудрым в Новгороде в 1030 году. Содержание образования, как и в учебных заведениях Запада, составляли восходящие к античности семь свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика (так называемый тривиум), арифметика, геометрия, музыка и астрономия (так называемый квадривиум). Особые школы существовали для обучения грамоте и иностранным языкам; в 1086 году в Киеве было открыто первое женское училище. По образцу киевской и новгородской при дворах русских князей открывались и другие школы – например, в Переяславле, Чернигове, Суздале школы создавались при монастырях.

Школы были не только учебными заведениями, но и центрами культуры, в них делались переводы древних и византийских авторов, переписывались рукописи.

Некоторые историки российского образования, и в числе их такой компетентный историк, как П.Н. Милюков, высказывали мнение (опираясь на факты, относящиеся к XV–XVI вв.), что в Древней Руси большинство населения было не только малообразованным, но и вообще безграмотным. Однако сохранились многочисленные свидетельства обратного. Например, открыты так называемые граффити (надписи, сделанные на стенах соборов и церквей; особенно известны граффити Новгородского и Киевского Софийских соборов), оставленные явно случайными прихожанами. И это еще одно доказательство того, что все новое – это хорошо забытое старое (речь идет о граффити, которое сегодня входит в моду). Найдены многочисленные берестяные грамоты XI–XIII вв., причем не только в Великом Новгороде, но и в других древнерусских городах; по их содержанию видно, что их авторами были люди самого различного социального положения, в том числе купцы, ремесленники, даже крестьяне, встречались и грамоты, написанные женщинами. Сохранилась даже грамота, служившая ребенку школьной тетрадкой. Есть и другие как прямые, так и косвенные свидетельства относительно широкого распространения грамотности в Древней Руси. Упа-

док культурной жизни Древней Руси в результате татаро-монгольского нашествия, как известно, в это время погибла большая часть древнерусских рукописей отразился и на образовании. Из светского оно стало почти исключительно духовным (монастырским). Именно православные монастыри сыграли в это время (XIII–XV вв.) роль хранителей и распространителей российского образования [1].

Абсолютно прав был Сократ, когда говорил: «Воспитание – дело трудное, и улучшение его условий – одна из священных обязанностей каждого человека, ибо нет ничего более важного, как образование самого себя и своих ближних». Но задача данной работы – не рассказать об истории образования в России, а с помощью архивных материалов посмотреть, как финансировалось образование в прошлом веке и как жили учителя. Мы не будем анализировать и сравнивать, что было и что стало. Мы просто приведем существующие архивные документы, с необходимым пояснением, а выводы пусть каждый делает самостоятельно.

В результате финансовых преобразований Петра I в 1710 году была создана Счетная или Казначейская контора, которая должна была следить за правильным поступлением налогов. Она просуществовала до 1742 года. Следующей ступенью в развитии финансовой системы России стал выход в 1775 году, в эпоху царствования Екатерины II, крупного правового акта «Учреждения для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г. Согласно данному документу, в каждой губернии создавались казенные палаты «для домостроительных дел и управления казенных доходов Императорского Величества» и определялись их основные функции: «1) Дабы доходы сполна и в настоящее время собраны были, 2) Дабы доходы, куда надлежит, доставлены были, 3) Дабы доходы в целости сохранены были» [2].

В 1822 г. в соответствии с Законом «О преобразовании Сибирских губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 г. была создана Томская губернская казенная палата [3]. В ее функции входили: осуществление финансовой политики царского правительства, проведение ревизий счетов и годовых отчетов, ведение учета прихода и расхода государственных сумм по губернии, проведение

периодических переписей населения. Казенные палаты находились в ведении Министерства финансов и руководили деятельностью уездных казначейств. Ликвидированы они были в 1919 г. в связи с окончательным установлением Советской власти.

К примеру, Казанская казенная палата подразделялась на экспедиции (отделения): 1-я ведала казенными фабриками, землями, лесами, хлебными запасными магазинами и пр.; 2-я – казенными и

частными зданиями; 3-я – соляными промыслами и пр.; 4-я – винными откупами и подрядами, рекрутскими наборами и пр.; 5-я осуществляла контроль за приходом и расходом денег; 6-я ведала казенными постройками, мостами, перевозами [4].

Подобное деление сохранилось во всех существующих по России казенных палатах.

Обратимся к документам, показывающим деятельность данных палат:

Томская Казенная Палата
Января 9 дня 1903 г.

Мариинскому Казначейству

Препровождая при сем расходное расписание по смете Министерства Народного Просвещения на 1903 год на сумму 3025 рублей 35 копеек, Казенная Палата предписывает Казначейству открыть по своим книгам кредиты поименованные в расписании и производить расходы согласно указаниям в том же расписании [5].

**РАСХОДНОЕ РАСПИСАНИЕ ТОМСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ ПО СМЕТЕ
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА 1903 г.
НА МАРИИНСКОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО**

На содержание личного состава (по статье № 1) – 1965 рублей 90 копеек (назначение: жалованье помесечно, столовая, выдавать вперед за неделю, квартирные по требованиям).

Учебные пособия и пособия в помощь (по статье № 2) – 630 руб. 75 коп.

Ученикам. Хозяйственные и другие Расходы производить

Расходы. По мере надобности.

Содержание приходских Начальных училищ.

Мариинского женского (параграф 9 статья № 1) 120 рублей. Жалованье, Столовая, квартирные. Выплачивать помесечно.

2 Мариинскому городскому училищу (статья № 1) 308 рублей 70 копеек.

Всего на 1903 год 3025 рублей 35 копеек [6].

Томская Казенная палата

Мариинскому казначейству

Февраль 6 дня 1903 г.

По отделению 3.

Палата предписывает Казначейству открыть в распоряжении Заведывающего Мариинским двух-классным городским училищем кредит по параграфу 9 ст. 1. (жалованье, столовые, квартирные) сметы Министерства Народного Просвещения 1903 года в 1320 рублей. И в распоряжение Заведывающей Мариинским женским приходским училищем по тому же сметному подразделению на 1320 рублей.

Начальник отделения А. Васин [7].

«Проект открытия в Красноярске женского училища второго разряда», в котором экономически обосновывались статьи расходов и доходов училища. Расходы планировались следующие:

- 1) годовое жалованье начальнице училища при готовой квартире – 400 руб.
- 2) помощнице начальницы при готовой квартире жалованья – 200 руб.,
- 3) законоучителю – 200 рублей,
- 4) учителям русского языка, арифметики, истории и географии – по 250 рублей в год, учителю чистописания – 180 рублей,
- 5) на библиотеку – 75 рублей и на награды ученикам – 15 рублей,
- 6) на покупку материалов для рукоделия – 25 рублей,
- 7) жалованье делопроизводителю – 180 рублей,
- 8) ремонт дома, отопление и освещение его – 250 рублей,
- 9) канцелярские расходы и наем прислуги – 359 рублей.

Расходы исчислялись 2634 рублями, доходов предстояло иметь 3000 рублей, поэтому в «Проекте» указывалось: «За таковым положительным изысканием средств и определительным указанием источников к действительной возможности открытия в г. Красноярске женского училища второго разряда не предвидится никаких препятствий в материальном отношении и к дальнейшему существованию одного без всякой помощи от правительства. Скорее же всего и безошибочно можно предполагать и на дальнейшее увеличение материальных средств через новые частные пожертвования» [8].

Предполагаемые доходы заключались в том, что ученицы выполняли социальные заказы. «В Покровской мещанской богадельне – призреваемые и в женском Александро-Мариинском училище – ученицы шьют белье на 100 кроватей. Материал приобрела мещанская управа. Хотя материал закуплен далеко не весь, но уже 2800 р. израсходовано» [9].

Известный экономист Эдмонд Трей справедливо утверждал: «Если у больших европейских наций события между 1912 и 1950 годами будут протекать так же, как они развивались между 1900 и 1912 годами, то к середине настоящего века Россия станет выше всех в Европе, как в отношении политическом, так и в области финансово-экономической.

Вот несколько цифровых данных.

В 1894 году, в начале царствования Императора Николая II, в России насчитывалось 122 миллиона жителей. 20 лет спустя, накануне 1-й Мировой войны, народонаселение её увеличилось на 60 миллионов; таким образом, в Царской России народонаселение возрастало на 2.400.000 в год. Если бы не случилось революции в 1917 г., к 1959 году её население должно было бы достигнуть 275.000.000. Между тем, теперешнее население Советского Союза едва превышает 215.000.000, так что кровавый советский опыт обошёлся России не менее чем в 60.000.000 человеческих жизней.

В отличие от современных демократий, Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы с 1.410.000.000 рублей в 1897 году, без малейшего увеличения налогового бремени неуклонно росли, тогда как расходы государства оставались более или менее на одном и том же уровне, что и видно из нижеприведенной таблицы (в миллионах золотых рублей):

	1908	1909	1910	1911	1912
Обыкновенные доходы	2.418	2.526	2.781	2.952	3.104
Расходы	2.388	2.451	2.473	2.536	2.669
Превышение доходов над расходами	30	75	308	416	335

За последние 10 лет до Первой Мировой войны превышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2.400.000.000 рублей. Эта цифра представляется тем более внушительной, что в царствование Николая II были понижены железнодорожные тарифы и отменены выкупные платежи за земли, отошедшие в 1861 году к крестьянам от их бывших помещиков, а в 1914 году, с началом войны, и все виды питейных налогов.

В царствование Николая II законом 1896 года в России была введена золотая валюта, причём Государственному Банку было предоставлено выпускать 300.000.000 рублей кредитными билетами, не обеспеченными золотым запасом. Но правительство не только никогда не воспользовалось этим правом, но, наоборот, обеспечило бумажное обращение, золотой наличностью более чем на 100 %, а именно: к концу июля 1914 года кредитных билетов было в обращении на сумму 1.633.000.000 рублей, тогда как золотой запас в России равнялся 1.604.000.000 рублей, а в заграничных банках – 141.000.000 рублей. При Николае II золотой рубль был равен 2,67 золотых франкам или 51 американскому золотому центу.

В царствование императора Николая II народное образование достигло необыкновенного развития. Менее чем за 20 лет кредиты, ассигнованные Министерству Народного Просвещения, с 25,2 мил. рублей возросли до 161,2 мил. Сюда не входили бюджеты школ, черпавших свои кредиты из других источников (школы военные, технические), или содержавшиеся местными органами самоуправления (земствами, городами), кредиты которых на народное образование возросли с 70.000.000 р. в 1894 г. до 300.000.000 р. в 1913 г.

В начале 1913 г. общий бюджет народного просвещения в России достиг по тому времени колоссальной цифры – 1/2 миллиарда рублей золотом. Приводим цифры:

	1894	1914	% роста
Бюджет Мин. Нар. Просв., м. р.	25,2	161,2	628
Число учащихся в средних уч. завед., исключая частные и иноверческие (около 1 милл.)	224.179	733.367	227
В высших учебных заведениях	13.944	39.027	180
В низших учебных заведениях (кроме Ср. Азии)	3.275.362	6.416.247	96

Первоначальное обучение было бесплатное по закону, а с 1908 г. оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10.000 школ. В 1913 г. число их превысило 130.000. Если бы не вспыхнула революция, то обязательное первоначальное обучение было бы уже давно совершившимся фактом на всей территории Царской России. Впрочем, Россия и так почти достигла этого результата. Анкета, произведенная советами в 1920 г., установила, что 86 % молодёжи от 12 до 16 лет умели писать и читать. Несомненно, что они обучались грамоте при дореволюционном режиме.

По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX веке первое место в Европе, если не во всём мире.

Следует также отметить, что в то время как в демократиях, особенно в США и в Англии, плата за правоучение в высших учебных заведениях колебалась от 750 до 1.250 долл. в год, в Царской России студенты платили от 50 до 150 р. в год, т. е. от 25 до 75 долл. в год. При этом неимущие студенты очень часто освобождались от какой-либо платы за правоучение [10].

В 1897 году только 24 % населения старше 10 лет умело читать, в 1914 году этот показатель достиг 45 %. В 1914 году 73 % призывников уже умели читать. В июне 1908 года, в связи с введением всеобщего начального образования в России, Третья Государственная Дума ассигновала дополнительно еще 6,9 млн. рублей. Часть этих средств направлялась на постройку и оборудование училищ, часть – на выдачу училищам пособий, которые предназначались исключительно на содержание учителей. По планам Министерства народного просвещения, все дети дошкольного возраста должны были получить со временем бесплатное минимальное образование. Соответствующие планы разрабатывались и земствами. Министерство народного просвещения предоставляло земствам и городам кредиты на введение всеобщего обучения. К лету 1911 года сумма таких кредитов достигла 16,5 млн. рублей. Общие расходы только по Министерству народного просвещения повысились с 1907 по 1911 год более чем вдвое – с 45,9 до 97,6 млн. рублей. Кроме того, в 1911 году расходы на науку и просвещение по смете Святейшего Синода превысили 18 млн. рублей, а по смете других ведомств – ещё 27 млн. За это же время (1907–1911 гг.) расходы на высшее образование увеличились с 6,9 до 7,5 млн. рублей. Росли ассигнования на среднее образование: на гимназии, реальные и технические училища, учительские институты, семинарии и школы (с 13,8 до 17,1 млн. рублей за период 1907–1911 гг.). Максимальные средства выделялись на начальное образование. Если

в 1907 году на него расходовалось 9,7 млн. рублей, то в 1911 году – уже 39,7 млн. [11].

Обратимся к материалам, касающимся размера жалования учителей. В книге «Земство на перепутье» Н. Королева пишет: «Будем говорить об учителях начальных и низших школ. С начала XX века земства практически повсеместно стали сами выплачивать жалование учителям. Большинство из них получало 150–180 рублей в год и лишь немногие – 240–300 рублей» [12]. Но автор не уточняет, входят ли в эту сумму деньги, которые предназначались для оплаты квартиры и питания.

В составе низших учебных заведений Министерства Народного Просвещения заслуживают особого внимания начальные училища, на развитие коих ежегодно отпускаются из казны новые крупные кредиты. Размер ассигнований на начальное образование достиг по смете Министерства 1913 г. половины всей сметной суммы (70 млн. руб.), а вместе с ассигнованиями по смете Святейшего Синода того же года (20 млн. руб.) составляли общую сумму до 90 млн. руб. Повышение размера казенного пособия земствам, городам и сельским обществам с 390 руб. до 420 руб. на школьный комплект (50 учеников), считая в том числе жалование учителям в год не менее 360 руб. и законоучителям не менее 50 руб. (вместо прежних 30 руб.). Далее установлены 4 пятилетних прибавки из казны к основному окладу жалования преподающих в размере 60 руб. в год за каждое пятилетие [13].

Отметим, что профессиональный рабочий получал в то время ежемесячно около 2000 рублей. Чернорабочий – 600–700 рублей. Специалист-инженер – 20 000 рублей. Теперь вспомним наши зарплаты в 1985 году. Предел мечтаний хорошего дипломированного специалиста со степенью – 280–320 рублей, средняя зарплата – 120 рублей.

Цена основных продуктов в 1913 году в Сибири (в Томской губернии):

Мясо первый сорт – 9,38 рублей за пуд (16 кг). – 58–59 коп. кг.

Свинина первый сор – 8,22 рублей за пуд. 51–52 коп. кг.

Караси мороженные – 8,48 рублей за пуд. 53 коп. кг.

Куры первый сорт – 1,93 руб. за пару.

Хлеб ржаной – 3 копейки за фунт. (фунт равен 409, 5 грамма).

Яйцо – 30 копеек за десяток.

Теперь о перспективах России в оценках иностранных специалистов: «Если в России дела пойдут, как они шли между 1900 и 1913 годами, то к середине 20-столетия Россия будет доминировать в Европе в политическом, экономическом и финансовом отношении». Отдельный прогноз в отношении сельского хозяйства. Еще 25 лет

мира и землеустройств в направлении, предпринятом Столыпиным, и Россия делается другой страной [14].

По данным однодневной переписи 18.01.1911 г. насчитывалось 153360 учителей начальных школ; в 1913 г. учителей и работников среднетехнических учебных заведений – свыше 106 тыс. чел.; преподавателей средних учебных заведений в 1914 г. было свыше 34 тыс. чел. (20956 в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах, 3085 в коммерческих училищах, 3185 в частных учебных заведениях, 4700 преподавателей «других предметов» в средних школах министерства просвещения и коммерческих училищах, 1300 в духовных семинариях и 1100 в педагогических учебных заведениях) [15].

Преподаватели средней школы с высшим образованием зарабатывали от 900 до 2500 р. (со стажем 20 лет), без высшего образования – 750–1550 р. Пенсии их (после 20 лет стажа) составляли 1800 и 1100 р. соответственно. Учителя городских начальных школ получали в среднем (1911 г.) 528 р. (женщины – 447), сельских – 343 и 340 соответственно. В 1913 г. 70,9 % из них получали в год свыше 200 р. Есть также данные о зарплатах народных учителей: 180–300, 250–300, а иногда даже 48–60 р. в год [16].

Как видим, цифры, приведенные И.О. Крыловым и С.В. Волковым, отличаются, но оба ссылаются на архивные материалы. Утверждение последнего подтверждает И.В. Сучков: «Преподаватели средней школы с высшим образова-

нием зарабатывали от 900 до 2500 р., без высшего образования – 750–1550. Учителя городских начальных школ получали в среднем (1911 г.) 528 р., сельских – 343.» [16] **Ромашова В.И. в работе «Социальный облик учителя» пишет:** «Материальное положение учителя было довольно трудным, что оказывало существенное влияние на его социальный, духовный облик и кадровое обеспечение школ. При этом уровень заработной платы, как правило, зависел не от квалификации и стажа практической работы, а от того, к какому ведомству принадлежала школа. Более высокую заработную плату получали учителя министерских училищ. Она составляла 615 руб. в год, включая столовые (190 руб.) и квартирные (75руб.). В 1904 году она была увеличена на 20 % и составляла около 750 руб. Первый Всероссийский съезд городских учителей, проходивший в Петербурге в 1909 году, признал материальное положение учителей невозможным и потребовал увеличения заработной платы до 1200 рублей в год. В сельских министерских училищах оклад колебался от 300 до 500 рублей в год. Что касается земских школ, то не только в разных губерниях, но и в уездах одной губернии заработная плата была неодинаковой и колебалась от 200 до 360 рублей. В Новгородской губернии она составляла в 90-е годы в среднем 200 рублей» [17].

Данные цифры относятся к учителям Новгородской губернии. Мы не беремся судить, много это или мало, а просто приведем добавочную таблицу цен на продукты питания в 1913 году.

Категория	Товар	Ед. изм.	Цена: руб, коп
Бакалея	Гречневая крупа	фунт*	0,10
Бакалея	Желатин	фунт	1,04
Бакалея	Картофельная мука	фунт	0,12
Бакалея	Мука пшеничная	фунт	0,08
Бакалея	Рис	фунт	0,12
Бакалея	Сахар	фунт	0,12
Бакалея	Соль	фунт	0,02
Грибы	Грибы сушёные	фунт	1,12
Кондитерские изделия	Бисквит	фунт	0,60
Кондитерские изделия	Варенье	фунт	0,30
Кондитерские изделия	Цукаты	фунт	0,40
Молочные продукты	Густые сливки	бутылка**	0,40
Молочные продукты	Молоко	бутылка	0,08

НИИ ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Категория	Товар	Ед. изм.	Цена: руб, коп
Молочные продукты	Русское (топлёное) масло	фунт	0,40
Молочные продукты	Сливочное масло	фунт	0,56
Молочные продукты	Сметана	фунт	0,28
Молочные продукты	Творог	фунт	0,08
Мясо	Грудина	фунт	0,22
Мясо	Кострец	фунт	0,22
Мясо	Лопатка	фунт	0,20
Мясо	Огузок	фунт	0,22
Мясо	Почки	шт	0,30
Мясо	Тонкий край	фунт	0,23
Овощи	Горошек	фунт	0,60
Овощи	Картофель	десяток	0,05
Овощи	Кислая капуста	фунт	0,05
Овощи	Коренья	шт	0,01
Овощи	Луковица	шт.	0,01
Овощи	Морковь	шт.	0,01
Овощи	Огурец солёный	шт.	0,03
Овощи	Оливки	фунт	0,80
Овощи	Свежая капуста	фунт	0,05
Овощи	Свекла	шт.	0,02
Овощи	Томаты	фунт	0,20
Овощи	Цветная капуста	шт.	0,20
Овощи	Шпинат	фунт	0,20
Овощи	Щавель	фунт	0,10
Птица	Курица	шт.	0,70
Птица	Рябчик	шт.	0,40
Рыба	Севрюга	фунт	0,45
Рыба	Судак	фунт	0,25
Фрукты	Кишмиш	фунт	0,16
Фрукты	Лимон	шт.	0,05
Фрукты	Яблоки	шт.	0,03
Хлеб	Чёрствый хлеб	шт.	0,04
Ягоды	Клюква	фунт	0,08
Яйцо	Яйцо	шт.	0,03

* – русский фунт равен 409,5 грамма.

** – бутылка (полуштоф) равна 615 миллилитрам; винная бутылка – 769 мл. [18].

В заключение хотелось бы сказать следующее. Сегодня, по-разному можно трактовать и варьировать архивные материалы. Как жили учителя начала прошлого века, можно только предположить, сравнивая цифры финансирования образования, оплату учителей и цены на основные продукты. Дать утвердительный ответ на какой-либо вопрос может только человек, сам прошедший этот путь, нам остается только предполагать.

Единственное, о чем приходится жалеть современным учителям, о том, что не платят квартирные и на питание, хотя их зарплаты, по сравнению с зарплатами чиновников, практически нищенские, да и финансирование на образование оставляет желать лучшего. Но эта тема уже другой статьи.

Примечания

1. Леонтьев, А.А. История образования в России от Древней Руси до конца XX века // Ежедневник «Русский язык». 2001 г. – № 33.
2. История развития казначейской системы в России. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/p/fk/history.html>
3. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. (в дальнейшем ПСЗРИ-1). – Т. 38. – N29124.
4. История развития казначейской системы...
5. ГАКО. ОДФ – 22. оп 1. д 74. л. 2.
6. ГАКО. ОДФ – 23 оп. 1. д 131. л 4.
7. ГАКО. ОДФ – 22.оп 1. д 74. л 5.
8. Влияние губернаторской власти на развитие частной инициативы в области образования в 60–70-е годы. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://upr.1september.ru/2003/26/3.htm>
9. Ежедневная Газета Новости дня 26 (13) февраля 1904 г.
10. Бразоль, Б.Л. Царствование Императора Николая II 1894–1917 в цифрах и фактах 1958 / <http://www.russia-talk.com/brazol.htm>
11. Миронин, С. Экономика царской России. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.contr-tv.ru/print/2189/>
12. Королева, Н. Земство на перепутье. – М., 1995. – С. 15.
13. Крылов, И.О. Начальное, среднее общее и специальное образование Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/1913/1913_14.html
14. Рубин, В. Мифы и реальность эпохи социализма Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.biztimes.ru/print.php?artid=1559>
15. Волков, С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://swolkov.narod.ru/ins/01.htm>
16. Волков, С.В. Указ. соч.
17. Ромашова, В. И. Социальный облик учителя. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.admin.novsu.ac.ru/domino/zemstvo.nsf/pages/0405>
18. Широкополов, В. Цены и оклады: дореволюционная Россия. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://p-marketing.ru/publications/general-questions/social-dynamics/prices-salaries-before-wwi>

II. РЕЦЕНЗИИ

А.А. ОВЧАРОВ. ЛОГИКА. – ТОМСК: ИЗД-ВО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2009. – 124 с.

Профессором кафедры философии Кемеровского государственного университета, доктором философских наук Александром Андреевичем Овчаровым разработано пособие по логике». Оно предназначено для изучения логики, как в классическом университете, так и в других высших учебных заведениях. Пособие А.А. Овчарова обладает высоким репрезентативным уровнем отображения логической теории в учебном процессе.

Учебное пособие вводит учащихся в мир основных принципов и операций человеческого мышления, дает представление о законах логического мышления. Это важно, так как изучение логики как традиционной дисциплины гуманитарного и общеобразовательного цикла является важной составной частью любого профессионального обучения. Знания и навыки, приобретаемые студентами при изучении логики, позволяют более эффективно усваивать, анализировать и преобразовывать информацию, вырабатывать корректные определения и формулировки, следить за основательностью каких бы то ни было суждений, что, безусловно, является необходимым условием интеллектуальной деятельности не только в сфере выбранной специальности, но и в любой области жизни.

Данное учебное пособие способствует также развитию способностей к принятию компетентных решений, умению ориентироваться в фундаментальных вопросах, стимулирование философского видения и оценок исторических событий и фактов действительности, усвоения идеи единства мирового историко-культурного процесса при одновременном признании многообразия его форм.

Изучение логики вырабатывает формирование у студентов следующей системы знаний: о логической структуре языка и дискурсивной структуре мышления; о структуре понятия и основных операциях над ним; о правилах, обязательных для корректного обращения с понятиями как в обыденной жизни, так и в рамках научной и профессиональной деятельности; о знании логических характеристик высказываний; об основных видах умозаключений;

о правилах, определяющих их корректность и логических принципах повышения их истинности; об основных способах аргументации и правилах, определяющих ее корректность; об основных видах вопросов и условиях их правильности и продуктивности; о построении и оперировании гипотезами; о соотношении рационально-логического и внелогического (эмотивного, социокультурного) в процессе познания; о процессах, обеспечивающих развитие научного знания, о современном состоянии логики и рационально-логических практик, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения.

Конечно, курс логики не является простым и не может быть изучен в быстром режиме. Логика требует хорошей памяти, самодисциплинированности мышления и просто усидчивости. Увы, в ней нет «царской дороги» как и в евклидовой геометрии. Курсы логики различаются в том смысле разве что большим или меньшим объемом «гуманитарности» текста. Поэтому, на наш взгляд, автор справедливо счёл необходимым привлечь в качестве иллюстративного и демонстрационного материала графические и текстуальные фрагменты из интересного учебного пособия А.Л. Никифорова «Книга по логике». На наш взгляд, это позволит тому, кто обратился к содержанию данного учебного пособия отнестись к системным требованиям мышления не только с понимающим прилежанием, но и с ощущением приподнятого настроения.

Пособие включает в себя базовый тип рабочей программы по курсу логики, практикум, основной теоретический текст и лексикон и библиографию. В таком виде учебное издание по логике позволит учащимся и другим заинтересованным лицам плодотворно ознакомиться с содержанием логической теории и успешно подтвердить по ней свою квалификацию.

Позитивным аспектом пособия А.А. Овчарова является то, что оно представляет печатную адаптацию электронного учебно-методического комплекса «Логика», ранее подготовленного автором для Института дистанционного образования КемГУ.

Данное соединение виртуальности и реальности, безусловно, повысит качество прохождения логического курса студентами в учебном процессе и в самообразовании.

Учебное пособие профессора А.А. Овчарова устраняет сложившийся пробел в обеспечении студентов КемГУ собственным учебником по логике, адаптированным к экзаменационным требованиям по логике в Кемеровском госуниверситете, что существенно облегчает и конкретизирует подготовку студентов.

Дополнительным, но от этого не менее важным, является и то соображение, что пособие А.А. Овчарова по логике может найти применение не только в стенах классического университета, но и в других

вузах, а также в школах как города Кемерово, так и Кемеровской области в целом.

Поэтому, можно заключить, что рецензируемое учебное пособие «Логика. Учебное пособие», изданное д.ф.н., профессором А.А. Овчаровым соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта по высшему образованию, рабочим программам по логике для факультетов и филиалов классического университета. Оно отличается квалифицированным и понятным изложением учебного и теоретического материала, хорошим подбором задач и упражнений, а также характеризуется высоким уровнем дизайна. Вследствие этого можно дать высокую оценку учебному пособию профессора А.А. Овчарова.

*Доктор философских наук,
профессор И.Ф. Петров*

**Е.Л. РУДНЕВА, Т.С. ПАНИНА, Ю.В. КЛЕЦОВ. ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЗАКАЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. –
КЕМЕРОВО: ГОУ «КРИПО», 2009. – 200 с.**

Представленное издание посвящено исследованию сложившихся и разработке новых, перспективных подходов к решению задач, связанных с формированием государственного задания на подготовку квалифицированных рабочих и специалистов в учреждениях профессионального образования. Необходимость проведения таких исследований, востребованность их результатов педагогической наукой и современной образовательной практикой достаточно очевидны. Между тем обращает на себя внимание явно недостаточное количество крупных, обобщающих работ по данной тематике, базирующихся на целостной, внутренне непротиворечивой и надлежащим образом аргументированной теоретико-методологической основе. Указанная монография в известной мере восполняет этот пробел и, как думается, уже в силу этого заслуживает внимания со стороны учёных и специалистов-практиков.

Как отмечают авторы монографии, одним из факторов, препятствующих устойчивому экономическому росту, является несоответствие структуры российского профессионального образования потребностям рынка труда, которое ведёт к нехватке квалифицированных кадров по ряду востребованных работодателями профессий и специальностей. Для обеспечения модернизируемых и вновь создаваемых рабочих мест необходимыми кадровыми ресурсами следует, прежде всего, сбалансировать структуру профессионального образования с профессионально-квалификационной структурой спроса на рабочую силу. В связи с этим авторы подчёркивают, что поскольку главным заказчиком для системы профессионального образования в нашей стране до сих пор остаётся государство, постольку именно институт государственного образовательного заказа может и должен стать эффективным инструментом регулирования на рынках труда и образовательных услуг.

Опираясь на результаты анализа используемых методик и действующих механизмов формирования контрольных цифр приёма граждан на обучение в учреждения профессионального образования за счёт средств государственного бюджета, авторы приходят к выводу, что на сегодня в стране в целом сложился федеральный компонент института государственного задания на подготовку квалифи-

цированных кадров. Вместе с тем авторы отмечают, что в настоящее время основной акцент при определении указанных цифр переносится с федерального уровня на региональный, в связи с чем возникает необходимость совершенствования реализованных в субъектах РФ моделей формирования государственного образовательного заказа с учётом потребностей экономики, запросов работодателей, демографической ситуации и состояния системы профессионального образования.

В монографии рассмотрены действующие в некоторых российских регионах модели разработки и размещения государственного задания системе профессионального образования; проанализированы правовые и организационные основы, выявлены сильные и слабые стороны сложившегося в Кузбассе института областного образовательного заказа, а также предложен ряд мер, направленных на его совершенствование с учётом характера и динамики процессов, происходящих в региональной системе «экономика – рынок труда – профессиональное образование». Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает содержащееся в монографии положение о том, что в условиях кластерной диверсификации отраслей экономики региона главным квалифицирующим признаком хозяйствующих субъектов становится не их отраслевая принадлежность, а фактически осуществляемая ими экономическая деятельность. В связи с этим авторы выделяют 14 укрупнённых групп наиболее значимых для устойчивого развития Кемеровской области видов экономической деятельности, которые предлагается принять за основу при формировании областного образовательного заказа.

Обобщая результаты проведённого детального, глубокого анализа действующих перечней направлений подготовки, специальностей и профессий по образованию, авторы приходят к выводу о том, что установленных в рамках сложившейся структуры профессионального образования взаимосвязей недостаточно для формирования сбалансированного госзаказа ни в количественном, ни в качественном отношении. В связи с этим они предлагают дополнить и скорректировать эти взаимосвязи путём их соотношения и согласования с объектами и принципами классификации в сфере экономики.

В монографии представлена и аргументирована модель формирования оптимальной структуры государственного задания системе профессионального образования, сбалансированной с профессионально-квалификационной структурой экономически активного населения, рабочих мест и спроса на рабочую силу. Данная модель базируется на принципах построения действующих общероссийских классификаторов видов экономической деятельности и видов занятий (трудовой деятельности). Авторами разработаны базовые матрицы государственного задания на подготовку квалифицированных кадров, основанные на распределении укрупнённых групп направлений, специальностей и профессий высшего, среднего и начального профессионального образования по основным группировкам указанных классификаторов. Эти матрицы предлагается использовать не только при формировании контрольных цифр приёма на обучение, но и при разработке государственных образовательных и национальных профессиональных стандартов, а также при осуществлении мониторинга и подготовке (корректировке) прогнозов ситуации на рынках труда и образовательных услуг.

В целях повышения надёжности экономических и математических моделей и методик, используемых в настоящее время при осуществлении мониторинга и прогнозирования процессов в системе «экономика – рынок труда – образование», авторы предлагают включить в соответствующий статистический инструментарий такие показатели, как валовый и холостой оборот рабочей силы, валовый оборот рабочих мест, уровень сбалансированности рабочих мест и рабочей силы, общий спрос и эффективный спрос на рабочую силу, совокупный трудовой потенциал региона. Как полагают авторы, реализация данного предложения будет способствовать повышению эффективности регулирования на региональных рынках труда и образовательных услуг.

Представленная монография адресована руководителям учреждений профессионального образования и их заместителям, сотрудникам методических служб, специалистам, разрабатывающим модели управления развитием профессионального образования, а также научно-педагогическим и педагогическим работникам образовательных учреждений системы повышения квалификации, реализующих образовательные программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации по направлению «Менеджмент в образовании». Содержащиеся в ней положения и материалы могут быть использованы:

– при осуществлении мониторинга и подготовке прогнозов ситуации на рынках труда и образовательных услуг, а также при подготовке предложений в органы государственной власти и управления по совершенствованию механизмов регулирования в сферах образования и занятости;

– при разработке (корректировке) целевых региональных программ развития образования, программ развития городов и муниципальных образований, программ развития учреждений профессионального образования;

– при разработке инновационных образовательных программ (проектов) и материалов по научно-методическому и организационному сопровождению их реализации, а также при планировании и осуществлении собственной деятельности маркетинговыми службами в учреждениях профессионального образования;

– при проведении учебных занятий на курсах повышения квалификации (профессиональной переподготовки) для руководителей и педагогических работников учреждений профессионального образования, специалистов органов управления образованием и органов (учреждений) государственной службы занятости населения.

*Кандидат социологических наук
Л.Ю. Логунова*

НАШИ АВТОРЫ

БАЛАБАНОВ Павел Иванович – доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

БАСАЛАЕВА Оксана Геннадьевна – зам. директора по ОЗО Института информационно-библиотечных технологий КемГУКИ

БЕЛОЗЕРОВА Марина Витальевна – доктор исторических наук, директор Института толерантности КемГУКИ

БОРОДИНА Елена Михайловна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

ГРИГОРЬЯНЦ Татьяна Александровна – кандидат культурологии, профессор кафедры режиссуры театра и актерского мастерства Института искусств КемГУКИ

ДВУРЕЧЕНСКАЯ Анастасия Сергеевна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

ЖУКОВА Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии КемГУ

ЗАУЭРВАЙН Лариса Теодоровна – кандидат философских наук, начальник Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области

КИСЕЛЕВА Вероника Александровна – преподаватель кафедры режиссуры театра и актерского мастерства Института искусств КемГУКИ

КЛЕЦОВ Юрий Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела региональной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

КРАСИКОВ Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ

КРАСНОПЕРОВА Яна Николаевна – кандидат философских наук, ученый секретарь НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

КУЗНЕЦОВА Любовь Федоровна – старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея, заслуженный деятель культуры РФ

КУЛЕМЗИН Анатолий Михайлович – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой музееведения Института культуры КемГУКИ

КУРБАТОВ Владимир Петрович – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела региональной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

ЛАХНО Максим Александрович – Директор культурного центра Ленинского района г. Кемерова

ЛОГУНОВА Лариса Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин Социально-гуманитарного института КемГУКИ

МАРКОВ Виктор Иванович – доктор культурологии, профессор, проректор по науке КемГУКИ

МАРТЫНОВ Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, заслуженный деятель науки РФ

МОРОЗОВ Николай Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий инженер лаборатории Южной Сибири Института экологии человека КемНЦ СО РАН

ПЕТРОВ Игорь Фёдорович – доктор философских наук, профессор, зав. отделом региональной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

ПОЛОМОШНОВА Елена Николаевна – научный сотрудник музея истории костюма КемГУКИ

СИЗОВА Анна Анатольевна – студентка кафедры народного хорового пения Института культуры КемГУКИ

СТЕНЮШКИНА Татьяна Сергеевна – доцент кафедры народного хорового пения Института культуры КемГУКИ

НИИ ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

ТАШКЕНОВА Юлия Ивановна – старший научный сотрудник отдела традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

УЛТУРГАШЕВА Ирина Григорьевна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

УЛТУРГАШЕВА Надежда Торжувна – доктор культурологии, зав. отделом традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ

ФИЛИН Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Института культуры КемГУКИ

ФИРЕР Наталья Демьяновна – кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Лесосибирского педагогического института (филиала) КрасГУ (Лесосибирск)

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

Научные школы Кемеровского государственного университета культуры и искусств

<i>Балабанов П.И., Красноперова Я.Н.</i> От методологии проектирования к проектной методологии.....	3
<i>Григорьянц Т.А., Киселева В.А.</i> Сценическое движение в истории Кемеровского государственного университета культуры и искусств.....	13
<i>Марков В.И., Мартынов А.И., Кулемзин А.М.</i> Забота об историко-культурном наследии – признак современности.....	16
<i>Курбатов В.П., Красноперова Я.Н.</i> Музей XXI века.....	20

Культурология и краеведение

<i>Морозов Н.М.</i> О системности локальной цивилизации.....	28
<i>Красноперова Я.Н.</i> Рациональное и внерациональное в культурологических концепциях.....	33
<i>Филин Д.А.</i> Романизация и эллинизация на Западе и Востоке Римской империи.....	43
<i>Лахно М.А.</i> Системно-функциональные особенности театрализованных зрелищ.....	52
<i>Бородина Е.М.</i> Витальные обряды сибирского казачества.....	58
<i>Двуреченская А.С., Поломошнова Е.Н.</i> Культурная жизнь региона в средствах массовой информации (на материале газеты «Кузбасс» 2005–2007 гг.).....	62
<i>Ташкенова Ю.И.</i> Исторические аспекты изучения музыкального фольклора алтайцев.....	67
<i>Ултургашева И.Г.</i> К вопросу об устойчивости национальных традиций коренных народов Сибири в современных условиях.....	71
<i>Стенюшкина Т.С., Сизова А.А.</i> Символическое значение воды в мифологических народных представлениях.....	74
<i>Курбатов В.П.</i> Массовый праздник как художественная система массовой коммуникации.....	78

Философия и искусство

<i>Красиков В.И.</i> Основные позиции в поле интеллектуального внимания отечественного философствования в 50–80 гг. XX в.	86
<i>Жукова О.И.</i> Проблема идентичности самости человека в контексте современности.....	93
<i>Петров И.Ф.</i> Личность и ее потребности.....	97
<i>Басалаева О.Г.</i> Инновационные трансформации картины мира культуры.....	110

Образование, культура, история

<i>Зауэрвайн Л.Т.</i> Совершенствование системы социального управления учреждениями культуры Кемеровской области в 2008 г. в свете приоритетного регионального национального проекта «Культура».....	114
<i>Клецов Ю.В.</i> Разработка оптимальной структуры государственного заказа системе профессионального образования (методологический аспект).....	128
<i>Фирер Н.Д.</i> Гуманизация образования в техническом вузе.....	139
<i>Ултургашева Н.Т.</i> Институт культуры и искусств коренных народов Сибири Кемеровского государственного университета культуры и искусств как будущий центр подготовки специалистов социально-культурной сферы в современном глобализационном мире.....	142
<i>Белозёрова М.В., Кузнецова Л.Ф.</i> К истории школьных музеев в России.....	146
<i>Курбатов В.П.</i> Образование в России, но вчера.....	151

II. РЕЦЕНЗИИ

<i>Петров И.Ф.</i> А.А. Овчаров. Логика. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2009. – 124 с.	158
--	-----

<i>Логунова Л.Ю.</i> Е.Л. Руднева, Т.С. Панина, Ю.В. Клецов. Формирование государственного заказа региональной системе профессионального образования. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2009. – 200 с.	160
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	162
--------------------------	-----

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Научный журнал

Том 1(7)

Редактор *Т. В. Сафарова*
Дизайн обложки *М. А. Иноземцева*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 12.05.10. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 16,9. Тираж 500 экз. Заказ № 474.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kenguki.ru